აღმოსავლური ფილოსოფია

IV

გამომცემლობა „მეცნიერება"
თბილისი — 1976

სარედაქციო კოლეგია:

ვლადიმერ ახვლედიანი, თამაზ გამყრელიძე (მთავარი რედაქტორი), ალექსანდრე გვახარია, ჯემშიდ გიუნაშვილი (მდივანი), მაგალი თოდუა, დავით კობიძე, ალექსი ლეკიაშვილი, სიმონ ყაუხჩიშვილი, თეო ჩხეიძე, კონსტანტინე წერეთელი, სერგი ჯიქია.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Г. Ахвледиани, Т. В. Гамкрелидзе (главный редактор), А. А. Гвахария, Дж. Ш. Гиунашвили (секретарь), С. С. Джикия, С. Г. Каухчишвили, Д. И. Кобидзе, А. С. Лекишвили, М. А. Тодуа, К. Г. Церетели, Т. Д. Чхеидзе.

EDITORIAL BOARD

V. Akhvlediani, Th. Ckheidze, Th. Gamkrelidze (Editor-in-Chief) J. Giunashvili (Editorial Secretary), A. Gvakharia, S. Jikia, S. Kaukhchishvili, D. Kobidze, A. Lekiashvili, M. Todua, K. Tsereteli.

ეძღვნება
აკადემიკოს
გიორგი წერეთლის
ხსოვნას

Посвящается памяти
Академика
Георгия Васильевича Церетели

In Memoriam
Academician
GEORGE V. TSERETELI

(1904—1973)

4+8 (5)
4 (—11)+8 (—11) 09
ა 948

კრებულში მოთავსებულია გამოკვლევები აღმოსავლური ენებისა და აღმოსავლეთის ხალხთა ლიტერატურების შესახებ. მასში ქვეყნდება აგრეთვე ისტორიული ხასიათის აღმოსავლური დოკუმენტები და ნაწყვეტები სხვადასხვა ისტორიული წყაროებიდან, კომენტარებით.

კრებულში მონაწილეობას იღებენ ცნობილი საბჭოთა და უცხოელი აღმოსავლეთმცოდნეები.

კრებული ეძღვნება გამოჩენილი საბჭოთა აღმოსავლეთმცოდნის აკად. გ. წერეთლის ხსოვნას.

ა 70202
M 607 (03)—76 95—76

© გამომცემლობა „მეცნიერება", 1976

IV 1976

„აღმოსავლური ფილოლოგიის" წინამდებარე მე-4 ტომი უნდა მიძღვნოდა ჯამჩენილი აღმოსავლეთმცოდნის, აკადემიკოს გიორგი წერეთლის სამოცდა-ათი წლისთავს. მრავალრიცხოვანმა მოწაფეებმა, უახლოესმა თანამშრომლებმა და უცხოელმა კოლეგებმა ამ საიუბილეო „კრებულში" მონაწილეობა დიდ პატივად მიიჩნიეს გ. წერეთლისადმი ღრმა მოწიწებისა და მისი მეცნიერული ღვაწლის აღიარების გამო. მაგრამ, ყველასდა სამწუხაროდ, ეს „კრებული" აწ განსვენებული მეცნიერის ხსოვნას ეძღვნება. სახელოვანი მეცნიერი, ქართული აღმოსავლეთმცოდნეობის ფუძემდებელი, ფართოდ ცნობილი არაბისტი და ახბჭოთა სემიტოლოგიის ერთ-ერთი პირველი მესვეურთაგანი გიორგი ვასილის ძე წერეთელი 1973 წლის 9 სექტემბერს 69 წლის ასაკში გარდაიცვალა მძიმე და ხანმოკლე ავადმყოფობის შემდეგ. წავიდა ჩვენგან დიდი სწავლული და ადამიანი, რომელიც სამამულო მეცნიერებაში მუდამ ახალ გზებს ეძიებდა და კვალავდა.

გიორგი წერეთელი დაიბადა 1904 წელს, 21 ოქტომბერს, დაბა თიანეთში ცნობილი საზოგადო მოღვაწისა და ექიმის ვასილ წერეთლის ოჯახში. 1927 წ. იგი ამთავრებს თბილისის უნივერსიტეტის სიბრძნისმეტყველების ფაკულტეტის ლინგვისტურ განყოფილებას და საპროფესორო მოღვაწეობისათვის ემზადება. 1928 წ. იგი ირიცხება საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის ასპირანტად ლენინგრადში. ასპირანტურაში ყოფნისას სახელგანთქმულ მეცნიერთა, აკადემიკოსების ე. კრაჩკოვსკის, პ. კოკოვცოვისა და ვ. ბარტოლდის ხელმძღვანელობით გ. წერეთელი სპეციალიზდება ორიენტალისტიკის სხვადასხვა დარგში. 1932 წ. მას იწვევენ არაბული ენის დოცენტად ლენინგრადის ცოცხალ აღმოსავლურ ენათა სახელმწიფო ინსტიტუტში.

1933 წ. გ. წერეთელი ბრუნდება თბილისში, სადაც დიდი ენერგიით წარმართავს სამეცნიერო კადრების მომზადებას სემიტოლოგიის სხვადასხვა სფეროში. 1936 წ. იგი უკვე სათავეში უდგას ახლადჩამოყალიბებულ აღმოსავლურ განყოფილებას ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტში (ენიმკი). 1942 წ. მან ბრწყინვალედ დაიცვა სადოქტორო დისერტაცია და ამავე წელს პროფესორის წოდებაც მიენიჭა.

1944 წ. გ. წერეთელს ირჩევენ საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის წევრ-კორესპონდენტად, ხოლო 1946 წ. ნამდვილ წევრად. ამავე დროს იგი საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის წევრ-კორესპონდენტი ხდება. 1957—1967 წწ. იგი ხელმძღვანელობს ჩვენი აკადემიის საზოგადოებრივ მეცნიერებათა განყოფილებას, ხოლო 1967 წლიდან 1970 წლამდე ამავე აკადემიის ვიცე-პრეზიდენ-

ტია. სიცოცხლის უკანასკნელ დღემდე გ. წერეთელი საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის პრეზიდიუმის წევრი იყო.

1968 წ. გ. წერეთელს, უკვე მსოფლიო სახელის მქონე მეცნიერს, მეცნიერების წინაშე დიდი დამსახურებისათვის ირჩევენ საკავშირო აკადემიის ნამდვილ წევრად.

გ. წერეთლის, ვითარცა მეცნიერისა და მეცნიერების ორგანიზატორის, ნიჭი მთელის სისრულით 40-იანი წლების შემდგომ გამოვლინდა. მისი ინიციატივით დაარსდა თბილისის უნივერსიტეტის აღმოსავლეთმცოდნეობის ფაკულტეტი და საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის აღმოსავლეთმცოდნეობის ინსტიტუტი, რომელიც გ. წერეთლის ხელმძღვანელობით მსოფლიო ორიენტალისტიკის ერთ-ერთ მნიშვნელოვან ცენტრად იქცა.

გ. წერეთელი ხელმძღვანელობდა აგრეთვე მეცნიერებათა აკადემიის პრეზიდიუმთან შექმნილ „საქართველოს შესახებ არსებული უცხოური წყაროების კომისიას", რომელმაც რამდენიმე წლის მანძილზე გამოსაცემად მოამზადა არაბ, ირანელ, ბერძენ, სომეხ, რუს და დასავლეთევროპელ ავტორთა ასამდე ტომი. ამ ნაშრომთაგან უკვე გამოქვეყნებულია საფუძვლიანად კომენტირებული ოცდაათზე მეტი წიგნი. მისივე უშუალო და ქმედითი მონაწილეობით შეიქმნა „ვეფხისტყაოსნის აკადემიური ტექსტის დამდგენი კომისია". გ. წერეთელი იყო რვატომიანი „ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონის" მთავარი რედაქციის წევრი, „ქართული საბჭოთა ენციკლოპედიის" მთავარი სარედაქციო კოლეგიის წევრი.

განუზომლად ფართო იყო გ. წერეთლის სამეცნიერო ინტერესთა სფერო. იგი მოიცავდა არაბულ ენათმეცნიერებასა და ფოლკლორს, ებრაისტიკასა და არამეისტიკას, ახლო აღმოსავლეთის ძველ ენებსა და დამწერლობათა ისტორიას, ქართველურ ენათმეცნიერებას, ქართული და შედარებითი ლექსთწყობის საკითხებს, თეორიული ლინგვისტიკის პრობლემებს. თითოეულ ამ დარგში მან მნიშვნელოვანი წვლილი შეიტანა და მისმა შრომებმა ღირსეული ადგილი დაიკავეს ჩვენი ჰუმანიტარული მეცნიერების საგანძურში.

ორმოცი წლის მოღვაწეობის მანძილზე გ. წერეთელმა დაგვიტოვა ასზე მეტი ნაშრომი. მათ შორის განსაკუთრებით აღსანიშნავია გამოკვლევანი შუა აზიის მანამდე უცნობ არაბულ დიალექტებზე, — ერთ-ერთი მნიშვნელოვანი ფურცელი არაბისტიკის ისტორიაში. ამ დიალექტთა მონაცემები ფასდაუდებელი წყაროა არაბული შედარებითი დიალექტოლოგიისათვის. ამავე დროს ისინი შუქს ჰფენენ არაბული ენის ისტორიის კარდინალურ საკითხებს. უხვი ენობრივი მასალის ლინგვისტური ანალიზის საფუძველზე გ. წერეთელმა დაადგინა ორი დამოუკიდებელი არაბული დიალექტის არსებობის ფაქტი, — ბუხარულისა და კაშკადარიულის, რომელთაგან პირველი მესოპოტამიურ კილოს, ხოლო მეორე ბედუინების ენას უახლოვდება. მკვლევრის ღვაწლმა ამ დარგში საყოველთაო აღიარება ჰპოვა; მისმა დიალექტოლოგიურმა შტუდიებმა ამ მიმართულებით ახალი პერსპექტივები გადაუშალა არაბისტიკას.

გ. წერეთელს დიდი ღვაწლი მიუძღვის არაბული ენის კავკასიური ტრადიციების შესწავლის საქმეში. მან გამოსცა შაშილის წერილები შესანიშნავი ისტორიულ-ფილოლოგიური კომენტარებით.

არაბისტთა ეროვნული კადრების მომზადების მიზნით. გ. წერეთელმა შეადგინა „არაბული ქრესტომათია" (1949), სადაც საქართველოსა და კავკასიის შესახებ სხვა ტექსტებთან ერთად პირველად გამოქვეყნდა ნაწყვეტები მაკარი

ანტიოქიელის (XVII ს.) ავტოგრაფიდან და ალფარიკის (XII ს.) ისტორიული თხზულებიდან. „ქრესტომათიას" მოჰყვა პირველი „არაბულ-ქართული ლექსიკონი" (1951), ქართველ არაბისტთა სამაგიდო წიგნი. გ. წერეთელი უკანასკნელ ხანამდე მუშაობდა „კლასიკური არაბული ენის გრამატიკაზე", რომელიც ძირითადად უკვე დასრულებული ჰქონდა; ხელმძღვანელობდა არაბისტთა კოლექტივის მუშაობას არაბული ენის ერცელი ლექსიკონის შედგენაზე. ამ ლექსიკონში გათვალისწინებულია თითქმის ყველა მნიშვნელოვანი ძეგლი კლასიკური ხანისა. გ. წერეთელს მომზადებული ჰქონდა დასაბეჭდად მაკარი ანტიოქიელის მოგზაურობის წიგნი (არაბული ტექსტი და თარგმანი კომენტარებით), რომელსაც დიდი მნიშვნელობა აქვს საქართველოს გარკვეული პერიოდის ისტორიის შესწავლისათვის.

მეცნიერის ყურადღებას არ გამორჩენია არც არაბული ლიტერატურის სფერო. წლების მანძილზე კითხულობდა იგი უნივერსიტეტის აღმოსავლეთმცოდნეობის ფაკულტეტზე არაბული პოეზიის კურსს, რომელიც სტუდენტთათვის მუდამ შეუნელებელი ინტერესის საგანი იყო. დაძაბული მეცნიერული შრომის პირობებში გ. წერეთელი პოულობს დროს და თარგმნის ახალი არაბული ლიტერატურის გამოჩენილი წარმომადგენლის, ემინ რეიჰანის ლექსებს, რედაქტორობს მის მოწაფეთა მიერ ნათარგმნ „ათას ერთ ღამეს" (მის სიცოცხლეში გამოვიდა თარგმანის ორი ტომი).

სემიტოლოგიაში უმნიშვნელოვანეს მოვლენად ითვლება გ. წერეთლის მიერ წამოწყებული სამუშაო არმაზში აღმოჩენილი წარწერების ამოკითხვისა და კვლევის საქმეში. ამ დარგს მან მიუძღვნა ცნობილი გამოკვლევები „არმაზის ბილინგვა" (1941) და „არმაზული წარწერა მითრიდატე იბერიელის ხანისა" (1962).

გ. წერეთლის მიერ შესწავლილ არმაზის არამეულ წარწერებს განსაკუთრებული მნიშვნელობა აქვთ არა მხოლოდ როგორც ახალ წყაროს აღმოსავლურ-არამეული დამწერლობისა და მის განშტოებათა ისტორიის შესწავლისათვის, არამედ ისინი ნათელს ჰფენენ იბერიის კულტურულ-ისტორიულ პრობლემათა მთელ წყებას. ხსენებულ შრომებში ავტორმა ძველი საქართველოს სახელმწიფოებრივი წყობის საკვანძო პრობლემებთან ერთად ყურადღება მიაპყრო ქართული ანბანის წარმოშობის საკითხსაც. ეს გამოკვლევები, როგორც უკვე ითქვა, განსაკუთრებულ მნიშვნელობას იძენს სემიტური დაწერლობების ისტორიისთვის: არმაზში აღმოჩენილი არამეული წარწერების შესწავლისას გ. წერეთელმა დაადგინა ახალი, მანამდე უცნობი სახეობა არამეული დამწერლობისა, რომელიც მეცნიერებაში „არმაზის არამეულის" სახელწოდებით დამკვიდრდა და თავისი ადგილი ჰპოვა არამეულ წარწერათა შემდგომ გამოცემებსა და ალწერილობებში.

არანაკლებ ფასეულია ქართული კულტურის ისტორიისათვის გ. წერეთლის მონოგრაფია „უძველესი ქართული წარწერები პალესტინიდან" (1960), სადაც ავტორმა წარწერათა ზუსტი ფილოლოგიური ანალიზის წყალობით და ვრცელი საისტორიო მასალის საფუძველზე ცხადყო, რომ პალესტინის წარწერები აქამდე ცნობილ ყველა ქართულ ეპიგრაფიკულ ძეგლზე ძველია და ახ. წ.-ის V ს. პირველ ნახევარშია შექმნილი.

ამ პრობლემათა წრეს განეკუთვნება გ. წერეთლის გამოკვლევა „მცხეთის ბერძნული წარწერა ვესპასიანეს ხანისა" (1958), სადაც ავტორი, ბერძნული ტექსტის ზოგიერთი ადგილის ახლებური წაკითხვის საფუძველზე, იძლევა

სრულიად განსხვავებულ ინტერპრეტაციას მთელი წარწერისას. აქვე უნდა ვახსენოთ ირანული ეპირაფიკისა (შაპურ I და კარტირის პერსეპოლისური წარწერები) და ამავე ხანის მანიქეური დოკუმენტებისადმი (ფრაგმენტები ტურფანიდან) მიძღვნილი შრომები. ირანელ მანიქეველთა წიგნი ეხება დასავლეთისა და აღმოსავლეთის ქვეყნებში მანის მოწაფეთა მისიონერულ მოღვაწეობას მანიქეური სარწმუნოების გასავრცელებლად, ჯერ კიდევ მათი მოძღვრის სიცოცხლეში რომ ეწეოდნენ. ამ წიგნის ფრაგმენტებიდა არის შემორჩენილი პართულ, ფალაურ და სოღდურ ენებზე. ირანულენოვანი ტექსტების გ. წერეთლისეულმა ორიგინალურმა ინტერპრეტაციამ და მათში დადასტურებული საკუთარი სახელების ახლებურმა იდენტიფიკაციამ, რაც უკვე გაზიარებულია ისეთი მეცნიერების მიერ, როგორიცაა ვ. ჰენინგი (სწორედ ამ მასალების გამოსაცემელი), სრულიად უცნობი ფაქტები გამოავლინა ახ. წ. III ს. შუა წლების საქართველოს კულტურული ცხოვრებიდან. დადგენილ იქნა, რომ დაახლოებით 260 წ. იბერიაში მოსულა მანის მოწაფე მოძღვრის იდეების საქადაგებლად, „სასწაულნი მოუხდენია“ და მანიქეური თემი დაუარსებია. ეს ამბავი სმენია იბერიის მეფეს, ამაზასპს. ამავე ხანებში, როგორც კარტირი იუწყება პერსეპოლისის წარწერაში, იგი — მაგუპატი და ირანის ზოროასტრული სახელმწიფო ეკლესიის დამაარსებელი — უერთდება შაპურის მიერ დაგზავნილ დამსჯელ რაზმებს, ებრძვის ქრისტიანებს, მანიქეველებს, მწვალებლებს, წარმართებს და შაპურისადმი დაქვემდებარებულ ქვეყნებში, მათ შორის იბერიასა და სომხეთში, აარსებს ზოროასტრული რელიგიის კერებს.

ამრიგად, ეს ძეგლები აღგვიდგენენ იბერიის რელიგიური ცხოვრების სურათს ქვეყანაში ქრისტიანობის ოფიციალურ რელიგიად გამოცხადებამდე. ამ ნაშრომებში, რომელნიც ავლენენ მათი ავტორის სამაგალითო ისტორიულ-ფილოლოგიურ ერუდიციას, გ. წერეთელი წარმოგვიდგება არა მხოლოდ როგორც სემიტოლოგი და ქართველოლოგი, არამედ როგორც ჩინებული ირანისტი, რომელიც მოიხმობს მთელ რიგ ირანულ და სხვა ინდოევროპულ ენათა მონაცემებს საკუთრივ ირანისტიკის პრობლემათა გადასაწყვეტად.

სემიტური ფილოლოგიის სფეროში აგრეთვე ყურადღების ღირსია გ. წერეთლის მიერ გამოცემული ძველებრაული ეპიგრაფიკული ძეგლები, რომლებიც აღმოჩნდა საქართველოს ტერიტორიაზე. განსვენებული მეცნიერის ინტერესთა სფეროში შედიოდა აგრეთვე ქართველ ებრაელთა მეტყველება; აქაც მეტად საგულისხმოა მისი დაკვირვებები.

უკანასკნელ ხანებში გ. წერეთელი გატაცებით იკვლევდა ძველებრაულ ხელნაწერს, რომელიც საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ხელნაწერთა ინსტიტუტში ინახება და უაღრესი მნიშვნელობა აქვს ძველებრაული ტექსტების ვოკალიზაციის შესწავლისათვის. ეს უნიკალური ხელნაწერი ლაილაშში (ლეჩხუმი) აღმოჩნდა და პირობით „ლაილაშის ბიბლიის“ სახელით არის ცნობილი. ტექსტის პალეოგრაფიულმა ანალიზმა გ. წერეთელს ავარაუდებინა, რომ ხელნაწერი X ს. განეკუთვნება. კონსონანტური ტექსტის მხრივ თბილისის ხელნაწერი ერთ-ერთი საუკეთესოა დღესდღეობით ცნობილ ანალოგიურ ხელნაწერთა შორის, ხოლო ზოგ რამეში (მხედველობაშია, კერძოდ, ე. წ. „სტრიქონის შემვსები ნიშნები“) ფართოდცნობილ „ალეპოს კოდექსზეც“ უპირატესია. გ. წერეთლის ვარაუდით, ბიბლიის ებრაული ტექსტის მომავალი კრიტიკული

გამოცემისას თბილისის ხელნაწერი შეიძლება ერთ-ერთ ძირითად წყაროდ იქნეს გამოყენებული.

გ. წერეთელს დიდი წვლილი უდევს ძველი აღმოსავლეთის ენების შესწავლაში. მისი ნაშრომი „საქართველოს მუზეუმის ურარტული ძეგლები" (1939) ძველი დამწერლობის ენათა ძეგლების გამოცემის სამაგალითო ნიმუშია.

ურარტული ენის სტრუქტურის დეტალურმა შესწავლამ გ. წერეთელს შესაძლებლობა მისცა ახლებურად გაეშუქებინა ურარტული ენის ნომინალ და ზმნურ აფიქსთა ფუნქციები, მათი ურთიერთდამოკიდებულება და დაედგინა უღლებისა და ბრუნების სისტემა, რაც სრულიად განსხვავებული აღმოჩნდა მანამდე მიღებული თვალსაზრისისაგან. გაირკვა ურარტული ენის სტრუქტურულ-ტიპოლოგიური მსგავსება კავკასიურ ენებთან, თუმცა ამ ენათა შორის გენეტური კავშირის საკითხი ჯერ კიდევ ღიად რჩება. გ. წერეთლის გამოკვლევებმა ამ დარგში საფუძველი დაუდო სოლისებრი დამწერლობის ენათა შესწავლას საქართველოში.

მრავალმხრივი ინტერესებისა და ფართო დიაპაზონის მეცნიერი, გ. წერეთელი, უპირველეს ყოვლისა, შესანიშნავი ლინგვისტი იყო, რომლის თეორიული ხასიათის შრომები თანამედროვე ენათმეცნიერების მნიშვნელოვანი შენაძენია. აქ, პირველ რიგში, უნდა აღინიშნოს ალოგენეტურ ურთიერთობათა თეორია, რომელიც მან ამ რამდენიმე წლის წინათ განავითარა («О языковом родстве и языковых союзах», 1968). სემიტური და ქამიტური ენების შესწავლამ მკვლევარი მიიყვანა იმ დასკვნამდე, რომ ენათა შორის, გარდა თავდაპირველი ნათესაური კავშირისა, არსებობს აგრეთვე „შენათესაებით" გამოწვეული კავშირები, მის მიერ „ალოგენეტურად" წოდებული, რომელნიც წარმოიშობა არეალური ერთობის პირობებში არამონათესავე ენებს შორის. ამ თვალსაზრისით მან განიხილა სტრუქტურულ-ტიპოლოგიური მსგავსებანი ქართველურ და ინდოევროპულ ენებს შორის („სონანტებისა და აბლაუტის თეორიის შესახებ ქართველურ ენებში", 1965 წ.). გ. წერეთლის ნაშრომი ენობრივ კავშირთა პრობლემატიკისა და ალოგენეტურ ურთიერთობათა თეორიის შესახებ ახალი სიტყვაა თეორიულ ლინგვისტიკაში, ხოლო მის მიერ დამუშავებული სემიტურ ენათა იდენტიფიკაციისა და კლასიფიკაციის პრინციპები მნიშვნელოვანია არა მხოლოდ სემიტოლოგიისთვის, არამედ სტრუქტურულ-ტიპოლოგიური ლინგვისტიკისთვის საერთოდ.

ვეფხისტყაოსანს განსაკუთრებული ადგილი ეჭირა გ. წერეთლის მეცნიერულ შემოქმედებაში. განუზომელია მისი ღვაწლი პოემის კრიტიკული ტექსტის დადგენისა და გამოსაცემად მომზადების საქმეში. განსვენებული მეცნიერი, როგორც მომავალი გამოცემის მთავარი რედაქტორი, სამაგალითო გატაცებითა და მისთვის ჩვეული საფუძვლიანობით იკვლევდა პოემის ტექსტთან დაკავშირებულ მრავალფეროვან საკითხებს. ამ დარგში გამოქვეყნებულ შრომათაგან უაღრესად მნიშვნელოვანია მონოგრაფია „მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში" (1973), მისი უკანასკნელი დანატოვარი. ეს ნაშრომი არ შემოიფარგლება მხოლოდ რუსთველური ლექსის პოეტიკით, მასში განვითარებული შეხედულებანი თანაბრად ნაყოფიერია როგორც ქართული ლექსთწყობის, ისე შედარებითი ვერსიფიკაციის კვლევისათვის. გ. წერეთელმა ცხადყო, რომ რუსთველური შაირი რეგულირებული სილაბური ლექსია, რომელიც აგებულია აბსოლუტური პროპორციისა (4:4.8, მაღალი შაირი) და „ოქროს კვეთის" პროპორციის (5:3.8 ან 3:5.8, დაბალი შაირი) პრინციპზე. გაირკვა, რომ რუსთველური შაირისა და საერთოდ ქართული ლექსის ამგვარი სილაბური სტრუქტურა და-

მახასიათებელი ყოფილა საერთო-ქართველური ლექსისთვისაც; უფრო მეტიც, ქართველური ვერსიფიკაცია თავისი შინაგანი სტრუქტურით ინდოევროპულს ემთხვევა. როგორც ინდოევროპული შედარებით-ისტორიული მეტრიკის უკანასკნელმა გამოკვლევებმა ცხადყო, საერთო ინდოევროპული ლექსის სტრუქტურაც აბსოლუტური სიმეტრიის (4:4.8) პრინციპზე აიგებოდა.

ზსენებულ მონოგრაფიაში გ. წერეთლის მიერ გამოთქმული აზრები ახალ სტიმულს მისცემს ქართველური და ინდოევროპული მეტრიკის შედარებით-ისტორიულ კვლევას, შესაძლებელს გახდის მათი არქეტიპების რეკონსტრუქციას, რასაც განსაკუთრებული მნიშვნელობა ექნება შედარებით-ისტორიული ვერსიფიკაციისა და ტიპოლოგიური ლინგვისტიკისათვის.. ნიშანდობლივია, რომ სულ ახლახანს, აწ განსვენებული მეცნიერის ნაშრომთა გავლენით, მუშაობა წარიმართა ინდოევროპულ ლექსში „ოქროს კვეთზე" აგებული სტრუქტურის საძიებლად.

გ. წერეთლის მიერ წამოყენებული ორიგინალური თეორია ქართველური ლექსისა, რომლის სტრუქტურა ემთხვევა ინდო-ევროპული ლექსისას, ახალ პრობლემებს წამოჭრის პოეტიკის დარგში საზოგადოდ და განსაკუთრებით სხვადასხვა კულტურული არეალების ურთიერთმიმართების თვალსაზრისით.

ის ფაქტი, რომ ქართულ სილაბურ მეტრიკაში „ოქროს კვეთის" პროპორცია დადასტურდა, მნიშვნელოვანია მეთოდოლოგიური თვალსაზრისითაც, სახელდობრ, სხვადასხვა სახის ხელოვნებათა ტიპოლოგიური შესწავლის ასპექტით. ირკვევა, რომ „ოქროს კვეთის" პროპორცია გამოიყენება არა მხოლოდ „სივრცულ" ხელოვნებებში, როგორც ეს ტრადიციულ თეორიებში იყო მიჩნეული; ამგვარი შეფარდება არანაკლებ ღირებულია აგრეთვე „დროითს" ხელოვნებებშიც.

ჰრავალმხრივმა და ღრმა ერუდიციამ, მაღალი კლასის მეცნიერულმა ნაშრომებმა, ამავე დროს არაჩვეულებრივმა ორგანიზატორულმა უნარმა დამსახურებული ავტორიტეტი მოუპოვა გ. წერეთელს მსოფლიო მეცნიერებაში. მისი დიდი ღვაწლის აღიარების დასტური იყო, რომ იგი არჩეულ იქნა დიდი ბრიტანეთისა და ირლანდიის სამეფო სააზიო საზოგადოების საპატიო წევრად და აგრეთვე საპატიო წევრად პოლონეთის ორიენტალისტთა საზოგადოებისა.

აკადემიკოს გიორგი წერეთლის სიცოცხლე მოულოდნელად შეწყდა შემოქმედებით ძალთა აღმავლობის ხანაში, როცა მისი გონება ჯერ სავსე იყო ახალი, ფართო სამეცნიერო გეგმებით. მაგრამ ისიც, რაც განსვენებულმა მეცნიერმა შექმნა, მუდამ დარჩება საამაყოდ ქართულ მეცნიერებას.

სარედაქციო კოლეგია.

აღმოსავლური ფილოლოგია=ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS
IV 1976

Настоящий IV том «Восточной филологии» намечался первоначально как юбилейный «Сборник» к семидесятилетию со дня рождения крупнейшего советского ученого-востоковеда академика Георгия Васильевича Церетели. Его многочисленные ученики, ближайшие сотрудники и коллеги из разных стран изъявили желание участвовать в юбилейном «Сборнике» в знак глубочайшего уважения и признательности научных заслуг замечательного ученого. Но «Сборник» появляется, к величайшему нашему сожалению, уже в качестве издания, посвященного памяти академика Г. В. Церетели. Выдающийся ученый, основоположник грузинской востоковедческой школы, крупнейший арабист и глава советской школы семитологии Г. В. Церетели скончался 9 сентября 1973 года, в возрасте 69 лет после тяжелой непродолжительной болезни. Ушел из жизни большой ученый, прокладывавший новые пути в науке.

Г. В. Церетели родился 21 октября 1904 г. в г. Тианети, в Грузии, в семье известного общественного деятеля и врача. В 1927 г. Г. В. Церетели окончил лингвистическое отделение философского факультета Тбилисского государственного университета, после чего был оставлен для подготовки к профессорской деятельности, а в 1928 году был зачислен в аспирантуру АН СССР в Ленинграде. Будучи в аспирантуре, он специализировался в различных областях востоковедения под руководством выдающихся ученых, академиков И. Ю. Крачковского, П. К. Коковцова и В. В. Бартольда. В 1932 г. Г. В. Церетели был приглашен доцентом арабского языка в Ленинградский государственный институт живых восточных языков.

В 1933 г. Г. В. Церетели вернулся в Тбилиси, где развернул большую работу по воспитанию молодых научных кадров в различных отраслях семитологии. В 1936 г. он возглавил вновь организованный отдел востоковедения в Институте языка, истории и материальной культуры (ИЯИМК) Грузинского филиала АН СССР. В 1942 г. Г. В. Церетели блестяще защитил докторскую диссертацию, в том же году ему было присвоено звание профессора.

В 1944 г. Г. В. Церетели избирают членом-корреспондентом, а в 1946 г. действительным членом АН Грузинской ССР и членом-корреспондентом АН СССР. В 1957—1967 гг. он возглавлял отделение обще-

ственных наук АН Грузинской ССР, а с 1967 по 1970 г. был вице-президентом Академии Наук Республики. До последних дней своей жизни Г. В. Церетели состоял членом Президиума АН Грузинской ССР.

В 1968 г. за выдающиеся заслуги перед наукой, будучи уже ученым с мировым именем, Г. В. Церетели был избран действительным членом Академии наук СССР.

Талант Г. В. Церетели как ученого и организатора науки во всей своей полноте раскрылся с 40-х годов. Ему принадлежала инициатива создания факультета востоковедения Тбилисского государственного университета и Института востоковедения АН Грузинской ССР, превратившегося под его руководством в один из крупнейших центров мировой ориенталистики. Возглавлявшаяся Г. В. Церетели. Комиссия по иностранным источникам истории Грузии при Президиуме АН Грузинской ССР за несколько лет подготовила к изданию более 100 томов сведений арабских, иранских, греческих, армянских, русских и западноевропейских авторов о Грузии. Свыше 30 томов из этих работ уже опубликованы с пространными комментариями. При его деятельном участии была образована также Комиссия по установлению академического текста поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Г. В. Церетели был членом Главной редакции восьмитомного «Толкового словаря грузинского языка», членом главной редакционной коллегии Грузинской Советской Энциклопедии.

Поразительно широк круг научных интересов Г. В. Церетели. Они охватывали арабское языкознание и фольклор, гебраистику и арамеистику, древние языки Ближнего Востока, историю ближневосточных письменностей, картвельское языкознание, принципы грузинского и сравнительного стихосложения, проблемы теоретической лингвистики. В каждой из этих областей он создал выдающиеся труды, которые вошли в сокровищницу отечественной филологической науки.

За 40 лет научной деятельности Г. В. Церетели оставил нам свыше ста научных работ, среди которых особое место занимают исследования в области неизвестных до того арабских диалектов Средней Азии. Открытие и изучение среднеазиатских арабских диалектов — одна из ярких страниц в истории отечественной арабистики. Материалы этих диалектов — бесценный источник для сравнительной арабской диалектологии и решения ряда кардинальных проблем истории арабского языка. На основе лингвистического анализа большого языкового материала Г. В. Церетели установил факт существования двух самостоятельных арабских диалектов (бухарского и кашкадарьинского), особенно близких соответственно к месопотамскому наречию и языку бедуинов. Своими исследованиями среднеазиатских арабских диалектов Г. В. Церетели снискал всеобщее признание. Его диалектологические труды явились знаменательным событием в истории современной арабистики.

Г. В. Церетели провел большую работу по изучению арабских

языковых традиций на Кавказе. Им были изданы с превосходными историко-филологическими комментариями письма Шамиля.

С целью подготовки специалистов-арабистов Г. В. Церетели составил «Арабскую хрестоматию», в которую вошли тексты, относящиеся к Грузии и Кавказу, а также впервые опубликованные ученым отрывки из автографа Макария Антиохийского (XVII в.) и из истории сочинения ал-Фарики (XII в.). Вслед за этим вышел первый «Арабско-грузинский словарь» (1951 г.), имевший в свое время большое научное и практическое значение. Г. В. Церетели работал над «Грамматикой классического арабского языка», которая была им в основном закончена, руководил составлением большого арабско-грузинского словаря, учитывающего почти все важные памятники классического арабского языка. Г. В. Церетели подготовил к печати описание путешествия Макария Антиохийского, являющееся важным источником для истории России и Грузии.

Ученый много занимался вопросами арабской литературы. Его лекции по арабской поэзии неизменно вызывали огромный интерес. Перу Г. В. Церетели принадлежат и грузинские переводы арабских поэтов. Следует, в частности, назвать мастерски исполненный им перевод стихов Эмина Рейхани. Г. В. Церетели был редактором грузинского перевода «Тысячи и одной ночи», выполненного его учениками (при жизни ученого вышли два тома перевода).

Выдающимся событием в семитологии была предпринятая Г. В. Церетели расшифровка и исследование арамейских надписей, обнаруженных при археологических раскопках, недалеко от древней столицы Грузии — Мцхета. Им посвящены известные исследования «Армазская билингва» (1941) и «Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского» (1962).

Исследованные Г. В. Церетели армазские арамейские надписи имеют исключительное значение не только как новый источник для истории развития восточноарамейского письма и его ответвлений, но и для решения ряда важнейших культурно-исторических проблем древней Грузии. В указанных трудах автор разработал целый ряд узловых проблем истории государственного строя древней Иберии и вопросы происхождения грузинского алфавита. Эти работы приобретают исключительное значение и для истории семитской письменности: при изучении арамейских надписей, обнаруженных в Армази, Г. В. Церетели установил новый, до того неизвестный вид арамейского письма, вошедший в науку под названием «Армазского» и занявший свое место во всех последующих описаниях арамейской системы письма.

Не менее важной для истории грузинской культуры является монография Г. В. Церетели «Древнейшие грузинские надписи из Палестины» (1960), в которой автор, благодаря тонкому филологическому анализу надписей с привлечением обширной исторической литературы, сумел установить, что надписи из Палестины древнее всех извест-

ных до того грузинских эпиграфических памятников и датируются первой половиной пятого столетия н. э.

К этому же кругу проблем относится исследование Г. В. Церетели о греческой надписи эпохи Веспасиана (1958), в котором автор, дав новое толкование определенных мест греческого текста, предлагает совершенно новую интерпретацию всей надписи. Здесь же следует упомянуть работы ученого, посвященные иранским эпиграфическим памятникам (надписи Шапура I и Картира из Персеполиса) и манихейским документам этой же эпохи (фрагменты из Турфана). Иранские манихейцы имели миссионерскую книгу, в которой рассказывается о деятельности учеников Мани в странах Востока и Запада с целью распространения манихейской религии еще при жизни своего учителя. От этой книги сохранились фрагменты на средне-персидском, парфянском и согдийском языках. Оригинальная интерпретация текстов и новая идентификация встречающихся в них собственных имен, предложенная Г. В. Церетели и принятая такими учеными, как В. Хеннинг, который, кстати, сам является издателем этих материалов, позволили выявить новые факты из культурной истории Грузии середины III в. н. э. Было установлено, что около 260-го года в Иберию (Грузию) прибывает ученик Мани, который проповедует манихейскую религию, «совершает чудеса» и создает манихейскую общину. Об этом узнает иберийский царь Амазапс. Одновременно с этим, по свидетельству надписи Картира в Персеполисе, он, Картир, магупат и основатель зороастрийской государственной церкви в Иране, следуя за полчищами Шапура, насаждает зороастрийские институты и ведет борьбу против христиан, еретиков, манихейцев и язычников в странах, покоренных Шапуром, в том числе в Грузии и Армении.

Таким образом, эти памятники дают возможность восстановить историю борьбы разных религиозных течений в Грузии незадолго до официального принятия в стране христианства. В этих работах, представляющих блестящий образец тонкого историко-филологического анализа текста, Г. В. Церетели выступает не только как семитолог и картвелист, но и как отменный иранист, привлекающий данные целого ряда иранских и других индоевропейских языков для решения собственно иранистических проблем.

В области семитской филологии заслуживают также внимания изданные Г. В. Церетели еврейские эпиграфические памятники, обнаруженные на территории Грузии, и наблюдения над речью грузинских евреев. В последние годы Г. В. Церетели с увлечением занимался исследованием уникальной древнееврейской рукописи, хранящейся в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР и имеющей важное значение для изучения истории вокализации древнееврейских текстов. Рукопись происходит из деревни Лайлаши (северо-западная Грузия) и условно именуется «Лайлашской библией». Палеографический анализ текста дает основание предположить, что рукопись относится к X в. С точки зрения написания консонантного текста

Тбилисская рукопись является одной из лучших среди известных памятников аналогичного характера, а в некотором отношении (в частности, по части употребления т. н. «знаков, заполняющих строки») стоит даже выше, чем знаменитый кодекс из Алеппо. Г. В. Церетели полагает, что при будущем научно-критическом издании текста «Пятикнижья» Тбилисская рукопись может послужить одним из основных источников.

Г. В. Церетели внес крупный вклад и в изучение языков Древнего Востока. Его труд «Урартские памятники Музея Грузии» (1939 г.) является образцом издания эпиграфических памятников древнеписьменного языка. Он исследовал также отдельные вопросы структуры урартского языка. Детальное изучение структуры этого древнеписьменного языка позволило Г. В. Церетели по-новому осветить вопрос о функциях номинальных и вербальных аффиксов урартского языка и их взаимоотношений и выявить систему спряжения глагола и склонения имен, существенно отличную от принятой в урартоведческой литературе. Урартский язык в структурно-типологическом отношении оказался близким к кавказским, хотя генетические отношения этого языка все еще остаются невыясненными. Труды эти заложили основу изучения клинописных языков в Грузии.

При всей многогранности своей научной деятельности Г. В. Церетели прежде всего был замечательным лингвистом, обогатившим современное языкознание рядом работ теоретического характера. Тут следует прежде всего упомянуть выдвинутую им теорию аллогенетических отношений в связи с проблемами ареальной лингвистики (см. «О языковом родстве и языковых союзах», 1968). Многолетние исследования вопросов о взаимоотношениях семитских и хамитских языков привели ученого к допущению наряду с исконными родственными отношениями между языками и таких отношений приобретенного родства (или сродства), именуемых им аллогенетическими, которые могут возникнуть между изначально неродственными языками в условиях ареального единства. В этом же аспекте рассматривается им и целый ряд структурно-типологических сходств между картвельскими и индоевропейскими языками, проявляемых в их фонологической и морфонологической структуре (см. «О теории сонантов и аблаута в картвельских языках», 1965). Работы Г. В. Церетели по проблематике языковых союзов и теории аллогенетических отношений языков являются новым словом в теоретической лингвистике, а разработанные им оригинальные принципы идентификации и классификации семитских языков составляют существенный вклад в семитологию и структурно-типологическую лингвистику вообще.

Бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» всегда занимала особое место в научном творчестве Г. В. Церетели. Велики его заслуги в подготовке критического издания текста поэмы. Будучи главным редактором этого издания, покойный ученый с огром-

ным увлечением и со свойственной ему скрупулезностью исследовал самые различные вопросы, связанные с текстом поэмы. За последнее время он опубликовал ряд исследований, касающихся лексики и поэтики этого произведения. Из этих работ наиболее значимой является последняя монография Г. В. Церетели «Метр и рифма в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре» (1973), представляющая собой как бы научное завещание замечательного ученого. В ней автор излагает свои открытия в исследовании как поэтики Руставели, так и грузинского стихосложения вообще, имеющие существенное значение для разработки проблем сравнительного стиховедения. Г. В. Церетели устанавливает, что стих Руставели является регулированным силлабическим и строится на соотношении абсолютной симметрии — 4:4.8 и пропорции 'золотого сечения' — 3:5.8 или 5:3.8. Выясняется, что такая силлабическая структура стиха Руставели и вообще грузинского стиха, является спецификой стиха общекартвельского, чем картвельская версификационная структура совпадает со структурой общеиндоевропейского стиха, строящегося в основном, как показали последние исследования по сравнительно-исторической индоевропейской метрике, по принципу абсолютной симметрии — 4:4.8.

Мысли, высказанные Г. В. Церетели по поводу картвельской и индоевропейской версификационных структур могут послужить новым стимулом к дальнейшему изучению сравнительно-исторической картвельской и индоевропейской метрики и реконструкции древнейших типов стиха картвельского и индоевропейского, представляющих особый интерес для проблем сравнительного стиховедения и типологической лингвистики. Характерно, что в самое последнее время, уже под влиянием работ Г. В. Церетели, начались поиски древнеиндоевропейской версификационной структуры, построенной по пропорции 'золотого сечения' аналогично картвельской силлабической метрике. Выдвигаемая Г. В. Церетели оригинальная теория грузинского стиха, структура которого совпадает со структурой стиха индоевропейского, ставит новые проблемы в области сравнительной поэтики вообще и исторических взаимоотношений различных культурных ареалов.

Обнаружение Г. В. Церетели в картвельской силлабической метрике пропорции 'золотого сечения' существенно и в методологическом аспекте, в плане типологии различных видов искусств. Выясняется, что пропорция 'золотого сечения' приложима не только к пространственным искусствам, как это считалось в традиционной теории; такие соотношения не менее значимы и в приложении к искусствам временным.

За долгие годы преподавательской деятельности Г. В. Церетели воспитал немалое число востоковедов, успешно работающих в различных научных учреждениях страны. Всесторонняя и глубокая эрудиция, первоклассные научные труды, а также незаурядные организаторские способности создали ему заслуженный авторитет в мировой науке. Признанием выдающихся заслуг ученого явилось его избрание

почетным членом Королевского Азиатского Общества Великобритании и Ирландии, а также почетным членом Польского Общества Ориенталистов.

Жизнь Георгия Васильевича Церетели оборвалась неожиданно в момент наивысшего расцвета его творческих сил, когда он был еще полон новых обширных научных планов. Но и то, что он создал в науке, навечно останется ярким свидетельством достижений отечественной филологической мысли.

Редакционная коллегия

IV 1976

АКАДЕМИК Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ*

Имя выдающегося грузинского советского ученого Георгия Васильевича Церетели давно связано прочными узами с Отделением литературы и языка всесоюзной Академии наук. Об этом говорят известные всем даты: в 1946 году Георгий Васильевич Церетели был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1968 году он стал ее действительным членом. Можно сказать, что наиболее блестящий период творчества покойного ученого совпадает именно с его пребыванием в рядах нашей Академии, где его имя было всегда окружено искренним уважением даже среди его коллег, далеких от него по специальности и по своим научным интересам. Избрание Георгия Васильевича Церетели действительным членом Академии наук СССР по Отделению литературы и языка 21 ноября 1968 года было поэтому в глазах научной общественности глубокосправедливым актом научного признания. Я помню, в частности, в каких теплых, прочувствованных словах поддерживал в те дни выдвижение кандидатуры Георгия Васильевича Церетели на звание академика другой выдающийся ученый нашего времени — академик Виктор Владимирович Виноградов. Русская наука в лице одного из лучших своих представителей продемонстрировала свою подлинную любовь и неизменное уважение ко всему лучшему в культуре и науке грузинского народа, всех народов нашей земли. Это событие прочно останется в памяти моего поколения ученых, для которых Виноградов и Церетели явились как бы поколением отцов и корифеев в науке...

Всего неполных пять лет истекло с того знаменательного дня, когда незабвенный Георгий Васильевич Церетели был избран действительным членом нашего Отделения, и вот — его не стало. Надо ли говорить, что 9 сентября сего года Отделение литературы и языка Академии наук СССР понесло тяжелую, ничем не восполнимую утрату, ничуть не меньшую, чем понесли ее Грузия и грузинская наука.

Заслуги покойного огромны, они охватывают завидное множество разнообразных областей, в которые Георгий Васильевич Церетели про-

* Речь, произнесенная от имени ОЛЯ АН СССР на траурном митинге 12 сентября 1973 года в Тбилисском гос. университете.

никал со свойственной ему глубиной, остротой ума, эрудицией и трудолюбием. В наш век сильной специализации профессиональных знаний он высится перед нами как гармонически красивая, прямо-таки возрожденческая фигура человека и универсального ученого, сказавшего свое решающее слово и в сравнительном, и в описательном языкознании, и в версификации, и в текстологии, и в изучении истории родной страны.

Деятельность Церетели по своей международной культурной значимости давно перешагнула границы Грузии. Всесоюзный академик, друг арабской культуры, исследователь-новатор и открыватель неизведанного в истории родной Грузии — все это воплощал в себе один скромный, неизменно доброжелательный к людям, неповторимый человек. Когда я говорю о доброжелательности Георгия Васильевича Церетели к людям, я хочу этим сказать и то, что эту доброжелательность имел счастье испытать на себе лично, в те минуты немногословных контактов с покойным, которые были мне отпущены судьбой.

Русская и советская ориенталистика, востоковедение имеют замечательные традиции и знают немало громких имен. В их плеяде гордо звучит ныне и имя Георгия Васильевича Церетели.

Член-корреспондент АН СССР

О. Н. Трубачев.

აკად. გიორგი წერეთლის გამოქვეყნებული შრომები*
ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ АКАД. Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ
PUBLISHED WORKS OF GEORGE TSERETELI

1931

ხევსურული პოეტური ტექსტები, კრებ. „ხევსურული პოეზია", რედ. ა. შანიძე, თბ.
[Хевсурские поэтические тексты, Сб. «Хевсурская поэзия», под ред. А. Г. Шанидзе, Тб.]

1935

არაბული ქრესტომათია ლექსიკონითურთ, ტ. I, (ქრესტომათია), თბ., 78 გვ.
[Арабская хрестоматия со словарем, т. I, (Хрестоматия), Тб., 78 стр.]
Отзыв: И. Ю. Крачковский, Арабистика в СССР за 20 лет, Труды второй сессии ассоциации арабистов, М.-Л., 1937, стр. 17.
Письмо Шамиля из Калуги (Арабский текст с русским переводом и комментариями), Записки Института востоковедения АН СССР, т. V, Л., стр. 97—114.

1936

შამილის წერილი ბარონ ნიკოლაისადმი, საქ. სახ. მუზეუმის მოამბე, თბ., ტ. IX B, (1), გვ. 103—120.
[Письмо Шамиля барону Николаи, Вестник Музея Грузии, т. IX B. (I), Тб., стр. 103—120.]

1937

Вновь найденные письма Шамиля (арабские тексты с русским переводом и комментариями), Труды первой сессии ассоциации арабистов, М.-Л., стр. 95—112.
შუა აზიის არაბული დიალექტები (წინასწარი ანგარიში), ენიმკის მოამბე, ტ. I, გვ. 295—307.
[Предварительный отчет об арабских диалектах Средней Азии. Изв. Инст. ист., языка и материальной культуры АН Груз. ССР, I, Тб., стр. 295—307.]

* ბიბლიოგრაფია შეადგინა მ. ნელოსპასოვამ.

1938

„ნესტან-დარეჯანი“ შუა აზიის არაბულ ფოლკლორში, ენიმკის მოამბე, ტ. III, რუსთაველის კრებული, თბ., 1938, გვ. 1—12.
[„Нестан-Дареджан“ в среднеазиатском арабском фольклоре. Груз. ФАН ИЯИМК, т. III, Сб. Руставели, Тб., стр. 1—12.]
Отзывы: И. Ю. Крачковский, Арабистика и история народов СССР, Вестник АН СССР, V, (1938), стр. 56—57; J. Jedlička, K. Petraček, Die Semitologie in der Georgischen SSR, Acta Universitatis Carolinae. Philologia I. Orientalia Pragensia, I, Praha, 1960, p. 88.

1939

Изучение арабских диалектов Средней Азии (Арабская сказка из кишлака Джагары Акмалабадского района Узбекской ССР), Записки ИВАН СССР, т. VII, стр. 254—283.
Урартские памятники Музея Грузии, Тб., 79 стр., 32 л. табл. (Предисловие на груз., рус. и англ. языках).
Рецензии и отзывы: Историческая литература, № 3, 1940, стр. 15; И. И. Мещанинов, Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 107—116; J. Friedrich, Archiv für Orientforschung, XIII, 1940, 4—5, стр. 237—238.

1940

მცხეთის ახლადაღმოჩენილი ებრაული წარწერა, ენიმკის მოამბე, ტ. V, გვ. 419—426.
[Вновь найденная еврейская надпись из Мцхета. Известия ИЯИМК АН Груз. ССР, Тб., V, стр. 419—426.]

1941

Армазская „билингва. Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази, Тб., 72 стр. с иллюстр.
Отзывы и рецензии: Газ. «Заря Востока», апрель 21, № 94 (5631), стр. 2, 1942; Газ. «Комунисти», 16 февр. 1943; А. Г. Шанидзе, «Мнатоби», 9, 1942, стр. 135—145; А. А. Фрейман, Известия АН СССР, т. V, вып. 2, стр. 157 след.; В. И. Абаев, Сообщения АН Груз. ССР, т. V, № 8, 1944, стр. 821—829; V. Minorsky, JRAS, 1943, стр. 83; H. S. Nyberg, Eranos, Acta Philologica Suedana, XLIV, 1946, стр. 228—243; M. N. Tod, Journal of Roman Studies, XXXIII, 1943, стр. 82—86; H. W. Bailey, JRAS, 1943, стр. 1—4; R. N. Frey, Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld, Locust Valley, N. Y., 1952; D. Diringer, The Alphabet. A Key to the History of Mankind, 2nd ed., New York, 1953, стр. 260; B. M. Metzger, Journal of Near Eastern Studies, Chicago, vol. XV, N. Y. 1956, стр. 18—26; K. Grellot, Semitica, VII, Paris, 1958; W. Henning, Mitteliranisch, Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler, Vierter Band, Erster Abschnitt. Linguistik,

Leiden-Köln, 1958, стр. 38; F. A l t h e i m, Geschichte der Hunnen, B. I, Berlin, 1959, стр. 265; B. II, Berlin, 1960, стр. 178.

არმაზის ბილინგვა, თბ., 83 გვ. რეზიუმე ინგლისურ ენაზე.

[Армазская билингва (рез. на англ. яз.), Тб., 83 стр.]

რედაქტორი გ. წერეთელი. ფარსადან გორგიჯანიძე, ქართულ-არაბულ-სპარსული ლექსიკონი, გამოსცა ვ. ფუთურიძემ, თბ.

[Редактор Г. В. Церетели. Парсадан Горгиджанидзе, Грузинско-арабско-персидский словарь, издал В. С. Путуридзе, Тб.]

К характеристике языка среднеазиатских арабов, Труды второй сессии а ссоциации арабистов, М.-Л., Труды ИВАН, вып. XXXV, стр. 133—148.

Отзывы: И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Арабистика и история народов СССР, Вестник АН СССР, V, 1938, стр. 56—57; е г о ж е, Очерки по истории русской арабистики, М.-Л., 1950, стр. 238, 252—253; е г о ж е, Арабистика в СССР за 20 лет. Труды второй сессии ассоциации арабистов, М.-Л. 1937, стр. 29 след.

1943

Изучение Арабских документов из Северного Кавказа (на арабском языке), Ал-Балаг.

1944

დმანისის მონეტის გამო, ლიტერატურული ძიებანი, თბ., ტ. II, გვ. 167—172.

[По поводу дманисской монеты, Литературные разыскания, Тб., II, стр. 167—172.]

1945

ემინ რეჯანი. არაბეთის ცნობილი მწერალი, „მნათობი", № 6, გვ. 73—77.

[Эмин Рейхани (характеристика творчества), «Мнатоби», № 6, стр. 73—77.]

1947

სემიტური ენები და მათი მნიშვნელობა ქართული კულტურის ისტორიის შესწავლისათვის. თსუ სამეცნიერო სესიათა მოხსენებების კრებული № 1, თბ., გვ. 15—52.

[Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры, Сборник докладов научных сессий Тбил. гос. университета, Тб., I, стр. 15—52.]

Отзывы: И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Очерки по истории русской арабистики, М.-Л., 1950, стр. 263—264; е г о ж е, Семитология в университетах СССР, Вопросы языкознания, № 4, 1955, стр. 87.; J. J e d l i č k a, K. P e t r a č e k, Die Semitologie in der Georgischen SSR, Acta Universitatis Carolinae. Philologia I, Orientalia Pragensia, I, Praha, 1960, стр. 84.

ზმნის ზოგიერთი ძირითადი ფორმის წარმოებისათვის ბუხარის არაბულ დიალექტში, თსუ შრომები, XXX—XXXIb, თბ., გვ. 461—470.

[К образованию некоторых основных форм глагола в Бухарском арабс-

ком диалекте. Труды Тбил. гос. университета, т. XXX—XXXI, Тб., стр. 461—470.]

1948

Эпиграфические находки в Мцхета, древней столице Грузии, Вестник Древней Истории II (XXIV), стр. 50—57.

Отзывы и рецензии: F. Altheim, H. Junker, R. Stiehl, Inschriften aus Gruzinien, Annuaire de l'Institut de philologie et slaves, Bruxelles, Mélanges Henri Gregoire, IX, 1949, стр. 1—25; F. Altheim, Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, II, Halle, 1950, стр. 40—57; F. Altheim, R. Stiehl, Das erste Auftreten der Hunnen, Baden-Baden, 1953, стр. 56.

Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита, I, II, Эпиграфика Востока, II, М.-Л., стр. 90—101; III, стр. 59—71.

1949

საქართველოს ძველი ეთნო- და ტოპონიმიკის ზოგიერთი გაურკვეველი შემთხვევის გამო. საქართველოს სსრ. მეცნიერებათა აკადემიის მოამბე, ტ. X, № 6, გვ. 377—387.

[По поводу некоторых неразъясненных случаев древней этно- и топонимики Грузии. Сообщения АН Груз. ССР, т. X, № 6, стр. 377—387.]

არაბული ქრესტომათია, თბ., 108 გვ.

[Арабская хрестоматия, Тб., 108 стр.]

Отзыв: И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.-Л., 1950, стр. 214.

1951

არაბულ-ქართული ლექსიკონი, თბ., 1951, გვ. 303.

[Арабско-грузинский словарь, Тб., стр. 303.]

ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი (პროფ. არნ. ჩიქობავას საერთო რედაქციით), ტ. II, რედაქტორი — პროფ. გ. წერეთელი, თბ.

[Толковый словарь грузинского языка (под общей редакцией проф. А. С. Чикобава), т. II, редактор проф. Г. В. Церетели, Тб.]

1952

Грузинское письмо, БСЭ, т. 13, стр. 106—107.

Дамма, БСЭ, т. 13, стр. 330.

Иберийские языки, БСЭ, т. 17, стр. 250.

Изафет, БСЭ, т. 17, стр. 352.

Языковедческая работа в Советской Грузии, Вопросы Языкознания, № 2, М., стр. 138—151 (Соавторы: В. М. Беридзе, А. С. Чикобава).

არაბულ-ქართული წარწერა მაჩხანიდან (ნაშრომში: გ. ჩუბინაშვილი, VIII—IX სს. ქართულ ხუროთმოძღვრულ ძეგლთა ერთი რიგის დათარიღებისათვის, საქ. სსრ მეცნ. აკად. მოამბე, XIII, № 7, გვ. 444—447.

[Арабско-грузинская надпись из Мачхани (в работе: Г. Чубинашвили, К вопросу о рядовых памятниках грузинской архитектуры VIII—IX вв., Сообщения АН Груз. ССР, т. 13, № 7), стр. 444—447.]

1953

Карийский язык, карийское письмо, БСЭ, т. 20, стр. 201.
Квадратное письмо, БСЭ, т. 20, стр. 438.
Кесра, БСЭ, т. 20, стр. 567.
П. К. Коковцов, БСЭ, т. 21, стр. 562.
Коссейский язык, БСЭ, т. 23, стр. 119.
Ф. Е. Корш, БСЭ, т. 23, стр. 81.
Al-'arabiya fī l-ǧumhurīyat al-ǧurǧiyat, Ḥikma.
Рец. на кн. А. С. Чикобава, «Введение в языкознание», газ. «Заря Востока», 1953, № 24.
წინასიტყვაობა, რედაქცია: ა. ლეკიაშვილი, არაბული ზმნის ფორმათა პარადიგმები, თბ., 111 გვ.
[Предисловие, редакция книги А. С. Лекиашвили, Парадигмы глагольных форм литературного арабского языка, Тб. 111 стр.]

1954

К изучению языка среднеазиатских арабов (образцы речи кашкадарьинских арабов), Труды Инст. Языкознания АН Груз. ССР. (сер. вост. яз. I), Тб., стр. 251—271.
Лидийский язык, лидийское письмо, БСЭ, т. 25, стр. 113.
Ликийский язык, ликийское письмо, БСЭ, т. 25, стр. 123.
Мальтийский язык, БСЭ, т. 26, стр. 178.
Мандейский язык, мандейское письмо, БСЭ, т. 26, стр. 203.
Митанни, митаннийский язык, БСЭ, т. 27, стр. 598.
Арабские диалекты в Средней Азии, М., Изд-во АН СССР, 37 стр. (Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов).
Отзывы: H. Birkeland, Stress Patterns in Arabic, Avhandlinger utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1954.

1955

Ad-Dirāsat al-'arabīya fī-l-ǧumhurīyat al-ǧurǧīya, Aṭ-Ṭarīḳ, № 2. 2—4. Редакция и предисловие к I тому избранных сочинений акад. И. Ю. Крачковского, М. -Л., стр. 9—13 (совместно с В. И. Беляевым).

1956

Ad-Dirāsat al-'arabīya fī l-ittiḥād as-sūfyātī, Maǧallat almaǧma' al-'ilmī l-'arabī, Dimašḳ, XXXI, № 4.

Dirāsat ar-rawābiṭ bayna-š-ša'bayn al-'arabī wa l-ǧurǧī, al-Ǧadīd, 3.
Арабские диалекты Средней Азии, I. Бухарский арабский диалект, Тб., 343 стр.
Отзывы: K. Petraček, Archiv Orientální 25—1957, 4, стр. 690—691; D. Cohen, Journal Asiatique, 1957, стр. 221—223; M. Istvanovits, Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, tomus VII, fasc. 1—2, 1958.

1957

Редакция и предисловие к IV тому избранных произведений акад. И. Ю. Крачковского, М.-Л., стр. 3—8.

Состояние и задачи востоковедения в Грузинской ССР. Материалы первой Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте в 1957 (совместно с С. С. Джикия); см. также Труды Тбил. гос. университета, т. 73, Тб., 1959, стр. 1—16).

1958

О грузинском алфавите, журн. «Советский Союз», Рангун, № 5, (на бирманском языке).

წინასიტყვაობა და რედაქცია წიგნისა კ. წერეთელი, თანამედროვე ასურულის ქრესტომათია ლექსიკონითურთ, თბ. გვ. V—IX.

[Предисловие и редакция «Хрестоматии современного ассирийского языка со словарем» К. Г. Церетели, Тб., стр. V—IX.]

ბერძნული წარწერა ვესპასიანეს ხანისა მცხეთიდან, თბ., 20 გვ.

[Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета, Тб., 20 стр.]

1959

Русско-грузинский словарь, т. II, Тб., (редакция и подготовка к изданию).

1960

Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета, Вестник Древней Истории, № 2, стр. 124—133.

უძველესი ქართული წარწერები პალესტინიდან, თბ., 94 გვ.

[Древнейшие грузинские надписи из Палестины, Тб., 94 стр. (на груз., рус., англ. яз.).]

Отзывы и рецензии: А. Г. Шанидзе, Поездка в Иерусалим, Вестник АН СССР, 1961, 8, стр. 91; И. Мегрелидзе, «Мнатоби», 1960, № 12, стр. 183—186 (на груз. яз.); Dr. Ch. Wardi, Christian News from Israel, vol. XI; № 4, December, 1960, стр. 25—26; S. Segert, Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, Band 73, Heft 1, Neue Folge, Band 32, Berlin, 1961, стр. 126—127.

შოთა რუსთაველი ჯვრის მონასტერში (იერუსალიმში მივლინებული სამეცნიერო ექსპედიციის ანგარიში), „საბჭ. ხელოვნება", № 12, გვ. 3—7; „ახალგ. კომუნისტი", 22 ნოემბ.; „თბილისი", 22 ნოემბ. „საბჭ. აჭარა", 25 ნოემბ.; „საბჭ. ოსეთი", 25 ნოემბ.; „სახ. განათლება", 23 ნოემბ. (თანაავტორები: ი. აბაშიძე, ა. შანიძე).

[Шота Руставели в Иерусалимском крестном монастыре, «Заря Востока», 22 ноября, «Молодой сталинец», 22, XI (совместно с И. Абашидзе и А. Шанидзе); «Сабчота хеловнеба», № 12, стр. 37 (на груз. яз.); «Ахалгазрда комунисти», 22/XI (на груз. яз.); «Тбилиси», 22/XI (на груз. яз.); «Сабчота Ачара», 25/XI (на груз. яз.); «Сабчота Осети», 25/XI (на груз. яз.);

«Сахалхо ганатлеба», 23/XI (на груз. яз.) (совместно с И. Абашидзе и А. Шанидзе).]

1961

ხევსურული ტექსტები, „ქართული დიალექტოლოგია", თბ., გვ. 11 და შემდ.
[Хевсурские тексты. В сборнике «Грузинская диалектология», Тб., стр. 11 след.]

1962

ვეფხისტყაოსნის ტექსტის მეცნიერული გამოცემისათვის, „მნათობი", № 2, გვ. 125—138.
[К научному изданию текста «Барсовой шкуры», «Мнатоби», 2, стр. 125—138.]
Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского, Труды XXV Международного конгресса востоковедов, М., стр. 374 и след.

1964

ქართული ბალავარიანის უცნობი პოეტური ვერსია, თსუ შრომები, ტ. 108, აღმოსავლეთმცოდნეობის სერია, IV, გვ. 45—56.
[Неизвестная поэтическая версия грузинского «Балавариани», Труды ТГУ, т. 108, (серия востоковедения), IV, стр. 45—56.]
Из истории польского востоковедения, «Мацне», т. 6, стр. 156—160, (совместно с С. С. Джикия).
Ta'rīḫ al-adabi-l-ǧughrāfī-l- 'arabī, li Ignātiyūs Kraškovskī. at-Tahrīr wa-l-Muḳaddama, al-Ḳāhira.

1965

სონანტებისა და აბლაუტის თეორიის გამო ქართველურ ენებში (წიგნში — თ. გამყრელიძე, გ. მაჭავარიანი, სონანტთა სისტემა და აბლაუტი ქართველურ ენებში, თბ.), გვ. 09—029.
О теории сонантов и аблаута в картвельских языках (в кн. Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тб.), стр. 031—051.

1966

ვეფხისტყაოსნის კრიტიკულ-მეცნიერული ტექსტის გამოცემისათვის, სტენოგრაფიული ანგარიში საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის საერთო კრების საიუბილეო სესიისა, მიძღვნილი შ. რუსთაველის დაბადების 800 წლისთავისადმი, 28 სექტემბერი, „მაცნე", № 5, გვ. 189—194.
[К научно-критическому изданию текста Вепхисткаосани — Стенографический отчет Юбилейной сессии общего собрания АН Груз. ССР, посвященной 800-летию со дня рождения Ш. Руставели, «Мацне», № 5, стр. 189—194.]
„ვეფხისტყაოსანი" — ტექსტის გამოსაცემად მომზადება, რედაქცია და კომენტარები ს. ცაიშვილთან და გ. კარტოზიასთან ერთად, თბ.

[«Вепхисткаосани» — Подготовка текста, редакция и комментарии, Тб. (совместно с С. Цаишвили и Г. Картозия).]

მთავარი რედაქცია (ი. აბაშიძე, ალ. ბარამიძე, პ. ინგოროყვა, ა. შანიძე, გ. წერეთელი) შოთა რუსთაველის „ვეფხისტყაოსნის“ საიუბილეო გამოცემისა, თბ.

[Главная редакция (И. Абашидзе, А. Барамидзе, П. Ингороква, А. Шанидзе, Г. Церетели) юбилейного издания «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели, Тб.]

1967

„ვეფხისტყაოსნის“ „სევდისა მუფარახი“, ა. შანიძისადმი მიძღვნილი საიუბილეო კრებული „ორიონი“, თბ., გვ. 318—326.

[«Sevdisa muparaxi» в «Вепхисткаосани», «Орион». Сборник, посвященный 80-летию А. Г. Шанидзе, Тб., стр. 318—326.]

The Problem of the Identification of Semitic Languages, Moscow.

ათას ერთი ღამის გამო. წიგნში „ათას ერთი ღამე“, თბ., 1967, გვ. 5—16.

[По поводу Тысячи и одной ночи, в кн. «Тысяча и одна ночь», Тб., стр. 5—16.]

Waṭīḳatāni .'an ḥayāt Dāwūd bāšā, Yusūf 'Izz ed-Dīn. Dāwūd bāšā wa nihāyat al-mamālik fī-l'Irāḳ, Baghdad.

1968

შაპურის წარწერის 'I'nn TR'',თსუ გორგი ახვლედიანს, საიუბილეო კრებული, მიძღვნილი დაბადების 80 წლისთავისადმი, თბ. გვ. 327—337.

['I'nn TR'' надписи Шапура, Тбилисский университет Г. С. Ахведиани, Тб., стр. 327—337.]

კრიტიკულ-მეცნიერული ტექსტი შოთა რუსთაველის „ვეფხისტყაოსნის“ შესავალი სტროფებისა, თბ., გვ. 1—15.

[Научно-критический текст вступительных строф «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, Тб., стр. 1—15.]

О языковом родстве и языковых союзах, «Вопросы Языкознания», № 3, стр. 3—18.

1969

Редакция и предисловие к каталогу арабских, тюркских и персидских рукописей Инст. рукописей им. К. С. Кекелидзе Акад. Наук Груз. ССР, Тб.

მოსეს ხუთი წიგნის თბილისური ებრაული ხელნაწერი „აღმოსავლური ფილოლოგია“, I, თბ., გვ. 21—38.

[О Тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия, «Восточная филология», I, Тб., стр. 21—38.]

Рец. на кн. Г. А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, «Восточная филология», I, Тб., стр. 252—254.

1970

The influence of the Tajik language on the vocalism of Central Asian Arabic dialects, BSOAS, vol. XXXIII, Part 1, London, p. 167 sq.

The Verbal Particle m/mi in Bukhara Arabic, Folia Orientalia, t. XII, Kraków, p. 291 sq.

Zur Frage der Beziehungen zwischen den semitischen und hamitischen Sprachen, Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, Band XVI, Heft 2, Berlin. S. 271 f.

سرسخن ' ویس و رامین از فخرالدین اسعد گرگانی تصحیح ماگالی تودوا ' الکساندر گواخاریا تهران ۱۳۴۹ ص سیزده—پانزده

1972

ბალახში და ბადახში ვეფხისტყაოსანში, „აღმოსავლური ფილოლოგია", II, თბ., გვ. 35—40.

[Balaxši и badaxši в Вепхисткаосани, «Восточная филология», т. II, Тб., стр. 35—40.]

По поводу этимологий некоторых топонимических терминов, «Мацне», серия яз. и литер., № 1, Тб., стр. 146—147.

მეტრი და რიტმი ვეფხისტყაოსანში, „საბჭოთა ხელოვნება", № 2, თბ., გვ. 33—55.

[Метр и ритм в «Вепхисткаосани». «Советское искусство», № 2, Тб., стр. 33—55.]

1973

სერვი ჯიქიას ცხოვრება და მოღვაწეობა, „აღმოსავლური ფილოლოგია", III, თბ., გვ. 7—13.

[Жизнь и деятельность С. С. Джикия, «Восточная филология», III, Тб., стр. 7—13.]

შაპურის წარწერის ḲPY TWR', „აღმოსავლური ფილოლოგია", III, თბ., გვ. 47—56.

[ḲPY TWR' надписи Шапура, «Восточная филология», III, Тб., стр. 47—56.]

Рец. на кн. A. F. L. Beeston, Written Arabic. An Approach to the Basic Structures, Cambridge, 1968, «Восточная филология», III, Тб., стр. 331—334.

მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში. რითმათა სიმფონია და სიტყვათა მარცვლობრივი განაწილების ცხრილები. გ. წერეთლის რედაქციითა და გამოკვლევით (გამოსაცემად მოამზადეს გ. წერეთელმა, გ. კარტოზიამ, ც. კიკვიძემ, ს. ცაიშვილმა), თბ.

[Метр и рифма в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре», редакция и исследование Г. В. Церетели, Тб.,]

აკადემიკოს გიორგი ჩუბინაშვილის ხსოვნას, „მაცნე", 1, გვ. 192.

[Памяти академика Георгия Чубинашвили, «Мацне», I, стр. 192.]

გიორგი ახვლედიანის ხსოვნას, „მაცნე", 3, გვ. 192.

[Памяти академика Г. С. Ахвледиани, «Мацне», 3, стр. 192.]

1974

The Achaemenid State and World Civilization, Hommage universel, vol. I, Edition Bibliothèque Pahlavi, Teheran-Liège, 1974, pp. 102—105.

Метр и ритм в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации, Контекст 1973, Литературно-теоретические исследования, Москва, 1974, стр. 114—137.

IV 1976

ᲐᲙᲐᲙᲘ ᲨᲐᲜᲘᲫᲔ

ᲔᲢᲘᲛᲝᲚᲝᲒᲘᲣᲠᲘ ᲨᲔᲜᲘᲨᲕᲜᲔᲑᲘ

ჩაგრვა.

საკითხი კაიხანია დასმულია, მაგრამ ჯერ ოდნავადაც გამორკვეული არ არის, თუ რა წილი უძევს საერთოდ კავკასიის მკვიდრთა ენების გავლენას ქართულზე. ეს გავლენა ქართულზე და მოძმე სვანურ-კოლხურზე ჩრდილოდასავლეთის მხრიდანაც ჩანს (აფხაზურ-ჩერქეზულის გავლენის სფეროდან), ჩრდილოეთიდანაც (ქისტური ენების გავლენის სფეროდან) და აღმოსავლეთიდანაც (ჰერულის გავლენის სფეროდან).

ამ წერილში მინდა შევეხო ერთ ფუძეს, რომელიც ჩრდილოეთის სფეროს გავლენას განეკუთვნება — ქისტურისას, უფრო ზედმიწევნით, ღილღურისას და წოვა-თუშურისას, რომელთა შემონატანი მთის ქართულ კილოებში მეტად დიდია. ეს არის ჩაგრვა, ანუ, ვინის გადასმით, ჩაგვრა.

ძველ ქართულში ეს ზმნა, რამდენადაც ვიცი, არ უნდა გვხვდებოდეს. როდის ჩნდება იგი პირველად ქართულ მწერლობაში, ეს გამოსარკვევია და დასადგენი. ლექსიკონთაგან მას პირველივე აღნიშნავს — სულხან-საბა ორბელიანისა: „დაჩაგრვა — სხუა მოერიოს და არღარა კეთილი აქმნიოს“. ნიკო ჩუბინაშვილი ხსნის: „დაჩაგრვა (დავსჩაგრავ, დავიჩაგრები) დაჯაბნვა, დაშინება, обижать, притеснять; მცენარეთა სიხშოსაგან ერთი მეორის შეშთობა, заглушать (относ. к раст.)“. მასვე იმეორებს, არსებითად, დავით ჩუბინაშვილიც. მწერლობაში მას ხმარობენ ზ. ანტონოვი (დ. ჩუბინაშვილის ლექსიკონის ჩვენების თანახმად), ილია, ი. გოგებაშვილი და სხვები.

ვნებითი გვარის ფორმები ამ ზმნას ინით ეწარმოება (ვიჩაგრები, დაიჩაგრება), მაგრამ ილიას დონითაც აქვს:

> ჯერ კი დავლონდი, დაჩაგრდა გული,
> ყოფნა უშრობლოდ მეძნელებოდა („კაკო ყაჩაღი“).

უფრო ადრე კი დ. გურამიშვილი მას საშუალი გვარის ფორმით ხმარობდა:

> გული არ მაგრობს,
> ამაზე ჩაგრობს:
> მზე-მთვარე ბადრობს,
> დარი კი ავდრობს.
>
> („გოდება დავითისა“)[1]

[1] დ ა ვ ი თ გ უ რ ა მ ი შ ვ ი ლ ი, დავითიანი. 1955, გვ. 163; ი. გიგინეიშვილის შედგენილ ლექსიკონში, რომელიც ამ გამოცემას ახლავს, სიტყვა ასეა ახსნილი: „ჩაგრობს — დაჩაგრულა, იჩაგრება“.

ეს ზმნა დიდად გავრცელებულია თანამედროვე ქართულში როგორც უზმნისწინოდ (მჩაგრავს, გჩაგრავს), ისე და ზმნისწინით (დამჩაგრავს, დაჩაგრული და სხვა). ზმნა იწყება ჩა-თი, მაგრამ ამ ჩა-ს არავითარი საერთო არა აქვს ჩა ზმნისწინთან.

მე პირადად მთაში დაჩეგრილი გამიგონია (რამდენადაც მახსოვს, ს. ხორხში, მთიულთაგან). ამას მხარს უჭერს ჩეგრა, რომელიც მოხეურში „ჩაგვრას" ნიშნავსო, ამბობს ოთარ ქაჯაია[2].

თ. რაზიკაშვილმა დაბეჭდა ფშაური სიტყვების ახსნა „ივერიის" 1900 წლის ნომრებში (№№ 127, 129, 130, 130—135, 138, 140, 142, 151, 153, 155—157, 160—162, 166—168), სადაც, სხვათა შორის, შეიტანა ჩეგერა, რომელიც ილია ჭყონიამ გადაბეჭდა თავის „სიტყვის-კონაში"[3] და წყაროც აღნიშნა: „ჩეგერა (ფშ. რაზიკ.) ობლათ დარჩენილი დათვის ბელი"[4].

ობლად დარჩენილისა რა მოგახსენოთ და „დათვის ბელის" მნიშვნელობით მე 1913 წელს ხევსურეთში „ბოკვერი" მაქვს ჩაწერილი, ჩალმა-თუშურში კი — „თეგერაყი". პ. ხუბუტიასთვის „თეგერაყის მნიშვნელობა ჩალმათუშებს ასე აუხსნიათ: „მსუქანი ადამიანი, საქონელი. რა კა თეგერაყ მოზვერაყიგ"[5]. ეს „თეგერაყი", მგონია, იგივეა, რაც ფშაური ჩეგერა. ამ ორ ფორმათაგან მე უძველესად ჩეგერა მიმაჩნია, რომელსაც ჩალმა-თუშურში თეგერა მოუცია, ამას კი ადრე უთუოდ „დათვის ბელის" მნიშვნელობა უნდა ჰქონოდა, როგორც მე ამიხსნეს 1913 წ., ეს მნიშვნელობა მერმე უცვლია.

„ძიაის ჩეგერავ!" იცოდა მომართვა ჩემმა ბიძაშვილმა, ბესო შანიძის უფროსმა ვაჟმა ბასონმა[6].

მე ასე მგონია, რომ ჩაგრვა მიღებულია ჩეგრვა-საგან ჩა ზმნისწინიანი ზმნების გავლენით, ხოლო ჩეგრვა (მოხეურად ჩეგრა) ნაწარმოებია ჩეგერა-საგან, რაც „ობლად დარჩენილ დათვის ბელს" ნიშნავს ფშაურშიო. ობლად დარჩენილი, საერთოდ, ყოველთვის დაჩაგრულია, მათ შორის დათვის ბელიც, განსაკუთრებით თუ იგი ადამიანთა ხელში ჩავარდა. ამიტომ არაა გასაკვირველი, რომ ამ სიტყვისაგან ნაწარმოებ ზმნას ის მნიშვნელობა მიეღო, რომელიც მას აქვს ქართულში. სიტყვა მოდის უთუოდ ქისტური ენების სამყაროდან, რომელთაც დიდი გავლენა დაუტოვებიათ მთის ქართულ კილოებზე. ამ კილოებიდან კი სხვა კილოებშიც გადასულა და შემდეგ სალიტერატურო ენის კუთვნილებაც გამხდარა.

---

[2] ო. ქ ა ჯ ა ი ა, მასალები მოხეური ლექსიკონისათვის, სამხრეთ ოსეთის სახელმწიფო პედაგოგიური ინსტიტუტის მეცნიერული წერილები. ჰუმანიტარული დისციპლინების სექცია. ტ. XI, ცხინვალი, 1967.

[3] ი. ჭ ყ ო ნ ი ა, სიტყვის-კონა, საბა-სულხან ორბელიანის და დაეით ჩუბინაშვილის ლექსიკონებში გამოტოვებული სიტყვები (МЯЯ, I). პეტერბურგს 1910,

[4] ივ. ქეშიკაშვილმა გამოსცა თედო რაზიკაშვილისა და ბაჩანას ტექსიკა („განათლება", 1969), სადაც ეს სიტყვა არ არის შეტანილი, რადგანაც იგი მათ ლიტერატურულ ნაწერებში ალბათ არ გვხვდება.

არ იქნებოდა ურიგო, რომ ჟეტორს დამატების სახით მოეთავსებინა წიგნის ბოლოს თ. რაზიკაშვილის ახსნილი ფშაური სიტყვებიც.

[5] პ. ხ უ ბ უ ტ ი ა, თუშური კილო, ლექსიკა. 1969.

[6] მას მამა მოუკლეს ყაჩაღებმა 1911 წ. და მამის საეკრო საქმიანობას განაგრძობდა ფშავის ხეობაში, თვალიეში (ყინვალიდან 9—10 კილომეტრის დაშორებით). გარდაიცვალა 1918 წ. თბილისში.

ქისტურად და წოვა-თუშურად ჩა დათვს ნიშნავს, მაგრამ სხვადასხვა კლასს განეკუთვნებიან: ჩაჩნურად ჲ-ს, წოურად ბ-ს. მაგალითად, ჩა ბა „დათვი ჯრის“ (წოვა-თუშურად), ხოლო ჩა ჲუ (იმასვე ნიშნავს ქისტურად). ნათესაობითი ბრუნვის ფორმა წოვა-თუშურად იქნება ჩაი (ი ცხვირში გამოითქმის), ქისტურად ჩენ. დათვის ბელს წოვა-თუშები ხევსურებივით „ბოკვერს“ ეძახიან, მაგრამ ქისტურში (ჩაჩნურში) სამაგისოდ ჩენკორნი იხმარება, სადაც ჩენ ნათესაობითი ბრუნვის ფორმაა ჩა სიტყვისა, ხოლო კორნი საერთოდ ნიშნავს „ბარტყს“, „მართვეს“ (птенец), ან „ცხოველის ნაშიერს“ (детеныш), კერძოდ გომაშან კორნი — „კამეჩის ხბოს“, „ხაქს“[7]. აი ამ სიტყვის ერთ-ერთ დიალექტურ ფორმას უნდა მოეცა ქართულში ჩეგერა (თავდაპირველად „დათვის ბელი“, შემდეგ „დათვის ბელი, ობლად დარჩენილი“), რომლისაგან ზმნა იქნა ნაწარმოები.

რადგანაც ქართულში საშუალ ხმოვნად გ გვაქვს (ჩეგერა და არა ჩეკერა), გამოსარკვევია, რომელ დიალექტურ წრეს უნდა მოეცა იგი.

---

[7] А. Г. Мациев, Чеченско-русский словарь, М. 1961.

აღმოსავლური ფილოლოგია ═══ ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

H. W. BAILEY

(University of Cambridge)

SAKA OF KHOTAN AND OSSETIA

New knowledge is now copious of the Iranian language written from about 300 of our era in the Central Asia of the Taklamakan desert in the many texts in two dialects from Gostana (Khotana, Hvatana, Khotan) and the ruins of Tumshuq (modern Maralbashi). This is the area which not before 1000 became a part of Turkestan. In this region were the tribes of Saka (here used in its widest Achaemenid sense), some of whom settled among earlier indigenes in small kingdoms at Khotan, Yarkand, Kashghar and Tumshuq. As late as 886 the Iranian religion with its fire-symbolism is attested in the ancient non-Chinese city of Qamul (modern Hami).

With the Saka language of these texts of 1600 years ago are to be associated the languages in the Pamirs of Afghanistan, the Shughni, Munjani, Sarikoli and Wakhi groups of Iranian speakers. Some features of the Saka of Khotan and Tumshuq are particularly close to Wakhi.

A further group of Iranian-speaking tribes, the Sarma-, Alana-, Saka- and Arsia- coalesced to produce the present language of Iriston in the Caucasus in the two chief dialects of Ossetic, Digoron and Iron. In these are embedded dialectal forms different from the dominant Digoron and Iron, somewhat as in English there are known side by side e i and e g g, and s h i r t and s k i r t.

Recently in reading through all the Ossetic texts of the Nārtā epic, so far as they are accessible to me, I was struck by over 200 coincidences in linguistic features between Khotan Saka and Ossetic, many being so far noticed only in these two Saka dialects.

These similarities may of course be either parallel survivals from the original Saka Iranian language or possibly attest a close connexion between the Saka of the Pontic region before the Ossetes moved into the mountains and the more easterly Saka before the speakers went eastwards to their later seats in the Tarim Basin.

It is here in the older Saka that connexions of Ossetic must be sought before adopting what may be superficial comparisons with neighbouring Caucasian or more remote Turkish or Mongol, for there is the risk to avoid which has led to such derivations as the Hebrew πάσχα 'Easter' from Greek πάσχειν 'to suffer'.

From this series of similarities seventy are here selected to call attention to this important situation. One striking case may be adduced to set the scene. The Khotan Saka has the compound n ā m a - t s u t a - 'come to a name' with the sense of 'famous' from n ā m a -'name' and t s u t a- 'come, gone, become' from older *č y u t a- (Old Indian c y u t a-). The modern Ossetic, later by at least a thousand years, has the same compound in Digoron n o m-d z u d, n o n-d z u d and Iron n o m-d z y d 'famous'.

For Ossetic in the following the Digoron, as the usually more archaic, is mainly quoted. References for the Khotan Saka words are not given here since several of them are listed in my Khotanese Texts 6, 1967, and preparation for the publication of the whole Iranian vocabulary is now well advanced.

1. O ā r v 'sky', K o r a- 'sky', but Avestan a w r a-, NPers. a b r 'cloud', for which O ā v r ā γ, K p r y a u r a- 'cloud'.

2. O ā m b e s 'half', K h a ṃ b ī s a- 'heap', Middle Turfan Parthian (MPaT) a m b ē s 'heap', from *h a m - p a i s a- 'pressing together'.

3. O ā n d i s, ā n d i s n ā g 'defluxion, rheumatism', K. h a ṃ d i s k a i 'name of a disease' (identified by I. Gershevitch).

4. O ā r d o 'hair', K d r o 'hair', as in Nūristānī Aškun d r o, from *d r a v a-.

5. O ā r k'ē, Iron ā r č'ī 'boot' from a r k-, a r g- 'to enclose'. K *ā l j s a- 'fetter' attested in the later loc. plur. a i ' j s v ā, to Latin a r c a 'box', for meaning like K k h a u ṣ a-, NPers. k a f š 'boot' to Latin c a p s u s 'box', and Slav. s a p o g 'boot' to NPers s a p a d, K s a v a 'box'. The suffix -e, -ī is like r e x e, r ī x ī 'beard'.

6. O ā r x 'branch, stalk' as the thing 'growing out', K ā r k h a- 'excrescence', base a r - 'to grow'.

7. O ā r t ā x 'dew', Iron ā r t ā x, Digoron ā r t ā x 'drop of water', K t t r a h a, 'draught of liquid', t t r e 'drops of water', to base t a r- 'be moist'.

8. O b ā r ā g 'rider' (whence Čečen b ē r ē, Inguš b ā r i j), K b ā r a i 'riding animal', base b a r- 'to ride'.

9. O b ā x 'horse' (the horse being originally not an animal of high mountains) from *v a x a- 'swift animal', K b a j a- 'riding animal' (not quite assured), from *v a č i-, base v a k- 'to run fast' (like Old Indian t u r a ṃ g a m a- 'swift-moving, horse').

10. O b e c u k k ā (dialectal) 'forelock', K v a t c ā, v a t c a i, v a t c a k y a 'hair of the face', from *v a č č a- to base v a k- 'to be bent, crisp'.

11. O c ā d ä g 'quiet, slow', ä n c ā d 'peace; peaceful', ä n c ā j u n 'to rest, cease', K t s ā t a- 'rich', t s ā ṣ ṭ a- 'quiet', elsewhere with š-: Av. š y ā t a, š ā t a-, NPers. š ā d, to Latin q u i ē t u s.

12. O c ā ŭ 'he-goat', K c a u k a l a - 'he-goat', with suffix -k a l a-, as in b r a u k a l a- 'brow' from b r a u-.

13. O c ā u u n 'to go', c u d 'gone', c o 'go' 2nd sing., K t s v a-, t s u t a-, t s o, Tumshuq c h a-, elsewhere with š-: NPers. š u d a n, O c- and K t s - derive from *č y-, here Old Indian c y u t a-.

14. O c u m u n 'swallow, gulp', K t s ā m-, t s o n d a- 'to swallow', from base č y a m-, elsewhere š-: Av. š a m-.

15. O c'ä n o d ā, Iron c'änūd 'reed', K k h a ṇ a u ś a' g a y s a 'the reed k h a ṇ a u ś a', with K g a y s a- 'reed', O q ā z ā.

16. O c'i f ā 'dirt, swamp', K c ĭ h a j s a 'slimy'.

17. O d o r, Iron d ū r 'stone', K d ū r a-, 'hard clod or stone', to Latin d ū r u s 'hard'.

18. O f ă j n ā 'every', K p a n a- 'every', from p a t i n a- to p a t i 'in distribution'.

19. O f ā l g o t u n, f ä l g o c u n 'to transfer drops of liquid', K t t r e k ū s t a i 'you carried over drops of water', from base k a u t-, or k a u ə-.

20. O f ā r ā t 'axe', K p a ḍ u, plur. p a ḍ e 'axe' from *p a r a t u-, through * p a r a ə u- to Greek πελεκύς, Old Indian p a r a ś u-.

21. O f e d u n 'to pay', K p ĭ h a- 'price', Tokhar p ĭ t o, from base p a i- 'give', Hittite p a i- 'to give'.

22. O f i n d z, f i j, Iron f y n d z 'point, nose', K p i ṃ j a- 'peak, breast', from base (s) p a i: s p i- 'be pointed'.

23. O f i c u n, f u n x, -f u x 'cook', K p a j s-, p a c h ā r e, p a h a from base p a k-, p a x v a-.

24. O f e z o n ā g 'meat on a spit', K pĭysa- in p ĭ y s g y a u Inst. plur. rendering Buddhist Sanskrit s a s y a- 'corn crop', hence p ĭ y s g a- 'pointed plant', beside p ĭ y s a-, probably 'pointed thing' in a context with p u l-'cacare', and of 'hair-pulling'. For 'meat of the spit' note Turkish š i š 'spit', š i š l i k 'meat of spit', whence Russian š a š l y k.

25. O g a u- in f ā l γ ā u u n 'extort', Iron f ā l γ ā ŭ n, f ā l γ ŭ d; e v γ u j u n, e v γ u d 'to pass, exceed'; ā γ u j u n, ā γ u d 'to go to, frequent'; ă n γ u d 'time', from base g a u-: g u- 'move (fast)', K h a ṃ g v a' 'he reached', from *h a ṃ- g u t a-, beside Sogd.' nγ'w 'haste', MPaT 'n g w-, 'n g w d 'to cease', Chorasmian γ u d 'time', with Av. ǰ a v a r ə 'result (?)', ǰ a v a 'move fast'.

26. O γ ā r a n g ā, γ ā l ā n g ā, Iron q ā r ā g 'celebration', K g a r in g ĭ r a i 'questioner, objector', p a j a r ū ṇ a- 'abuse', Av. a i b i- ǰ a r ə t i-.

27. O γ o l ā, Iron qūl 'ball', K g g ū l a- 'ball', either g a u- with suffix -l a-, NPers. g ō l a h 'ball', or dialectal -l- from older -δ-, to Zorostrian Pahlavī g ō δ, NPers. g ō y.

28. O i d z u l u n shine (as of the sun), rejoice', K h a ṃ j s ū l-, h a ṃ j s u l- 'to kindle fire', from *ć a u - l-, Greek καυ-'to burn'.

29. O i ŭ ā r-, ǰ u r s t, Iron ū ā r y n, b ā - j ū ā r s t 'to distribute', K g v ā r-: g v ā ḍ a- 'to distribute', with O l ā u ā r u n 'to sift'.

30. O Iron j ā, Digoron ā 'his', d ā 'thy', m ā 'my', K y i, y ā, -ĭ, t ā, m ā, Av. h ē, š ē, t ē, m ē, NPers. -š, -t, -m.

31. O k ā d ā n g ā, Iron k ā d ā g 'tale', K k ā 'it sounds' from older *k a t ā, base kā- as base beside k a n- 'to sing', whence Georgian k'a d a g- 'herald', and 'preacher'.

32. O k ă n t 'building', K k a n t h a- 'town', Sogd. k n δ h.

33. O k'ä s 'inner chamber', K k a s ā- 'inner chamber, zenanah', Old Indian k á ś a s-.

34. O k'o s, Iron k'ū s 'bowl', K k ū s a- 'receptacle as a measure of grain; drum', Old Indian k o ś a- 'receptacle'.

35. O k'o s k ä 'hollow in wall, niche', K *k ū ṣ ḍ a- (written k u ṣ ḍ a-, k a u ṣ ḍ a, k u ḍ a-), 'hole, cavity', from k a u- 'to be hollow', formed like K k ū ṣ ḍ a- 'mansion', Zor. [Pahl. k ō š k, Georgian k'ō š k'-i, from (s) k a u - 'to cover'.

36. O m e l ā, m e l, Iron m i l 'soot', i z ā r y m i l t ā, i z ā r - m i l t ā 'evening dusk', Digoron m e l t ā, Iron m i l t ā 'first beard', m i l 'dark mark on target', m i l - r i x i 'with first beard', m i l - d z y x 'with dark mouth (bearded)', f ä m i l v ā j j y n c x ä x t ā 'the mountains became black', from a base m a i- 'be dark' with suffix -l a-, K m ī j ī - j ū n a, m ī j e ṃ - j ū n a 'of dark, red, colour', h i ṃ j a m ī j i d ā 'the dark red amaranthus flower' (Greek a m a r a n t h o s 'purple'), Old Indian m e c a k a- 'dark, blue black', Hittite m i t a- 'red'. K m ī j ī, m ī j e ṃ (-em from -a i) is from * m a i č i y a-, and * m a i č a k a-.

37. O m e s i n, Iron m i s y n 'buttermilk', K b e ś ī, b i ś ī 'buttermilk', Modern Sogdian Yaγnābī m e š i n, to Old Indian ā m i k ṣ ā 'curds of milk'

38. O m u l d z u g, plur. m u l d z u g u t ä, Iron m ä l d z y g, plur. m ä l d z g ū t ä 'ant', K m ū ṃ j a-, m u ṃ j a k a-, Tumshuq [m o ṣ- j ā k i, from *m a r v i- with suffixes, Av. m a o i r i-.

39. O n ā r t ā, Iron n ä r t (dialectal epic) 'a hero of the Nārtā epic', K n a ḍ a u n - 'man, hero', nom. sing. n a ḍ e, plur. n a ḍ a u n ā from *n ṛ t ā v a n-, base n a r- 'to be able, skilled, powerful'. Note that O replaced older -ṛ- by -ā r-, as in m ā r γ 'bird', Av. m ə r ə γ a, K m u r a-. The nom. sing. - a h (from -a v ā h) gave K -e and O -ā.

40. O n ā r u n 'to thunder', u n ä r 'noise', u n ā r γ u n, i n ä r γ - u n 'to groan' from base n a r- and n a r-g-, K n ā r ī ñ ā b a j ä ṣ ā 'noise of thunder (or the like)', beside the n a r - d - of NPers. n ā l- and Sogd. n r δ-' to 'groan'.

41. O Iron p'ä r ā, plur. p'ä r ā t ā, Digoron p'ärā (?) 'lees, sediment', with dialectal p' — instead of normal f-, K p u r g a 'lees of mau intoxicant', from *p a r u k a-, possibly to an Indo-European p e l-.

42. O s ā g- 'fork' in s ā g e l ā 'forked', Iron sädžil, Digoron s ā g - e l - d u n, s ā g e l - d u m ā g 'with forked tail', for the swallow, s ā g o j - n ā ,Iron s ā g o j 'fork' from * s ā k ā n y a-, K ś ś ā j s a n ō v ā t ā 'on the part of the horse's body called ś ś ā j s a n ā-' from *ś ā č a n ā-. This part is mentioned before h u t o 't h i g h', and has on it whorls of hair, called ī s ā-, Buddhist Sanskrit ā v a r t a-. The ś- of K is dialectal.

43. O s ā t ā g 'shade, shadow' and thence 'coolness', as adjective 'cool, pure, transparent', s ā t ā g s ā u 'very black', K ś ā h a- in ś ā h a - u j a 'umbrella', in dyadic use k ṣ a t t r ū ś ā h a u j a 'the chattra-parasol and umbrella'. This ś a h a- may be traced to ś ā y a ə a- with dialec-

tal ś- for s-, to Av. s a y a- 'shadow', Sogd. s y ' ' k 'awning', Zor. Pahl. s ā y a k 'shadow'.

44. O s ā γ ā, Iron s ā γ 'she-goat', n ā l - s ā γ 'he-goat', not found in K but in Old Indian c h ā g a-, see the different word c ā u above.

45. O s ă t ā, Iron s ă t, plur. s ă t t ā, adj. s ā t y n, 'saliva, sap', K ṣ a h ā-, plur. ṣ a h e, ṣ i h e, gen. plur. ṣ a h ā ṃ from *ś r - a t-, *ś r-a ə-, beside ś r a k- in Wakhī š a č ū v- 'to filter', Lithuanian š l a k ù 'to drip, splash', Old English s l o h 'swamp'.

46. O s ā u ā n d o n ā, Iron s o n d o n 'sulphur,' and 'sulphurspring', K s v a ṃ d ū ṃ 'sulphur', from the colour name ś a u- in Old Indian ś o ṇ a- 'red, bay', and ś a u-k - in Av. s u x r a- 'red'. In O -d o n ā, -d o n we may have older *d ā n u- 'water', and in K -d ū ṃ a replacement of d ā n u-, or the source may be older *d a v a n a- 'running, flowing'.

47. O s o r u n, s u r d 'to chase', s i r d 'quarry', Iron s u r y n, s y r d, K h a s ū r a-, h a s ū r a-, h u s u r a- 'quarry', from *f r a- s a u r a-, from s a r-u̯-, possibly in Old Indian Rigveda ś ū r t á,- 'hunted (?)'.

48. O s o s, Iron s u s 'hoarse', s o s ā g 'secret', s o s ā j 'silently', s o s k ä n u n 'to make hoarse', f ă s o s, Iron f ā s u s 'hoarse', K p a s u ṣ ḍ i, p a s a u ṣ ḍ e 'becomes voiceless, hoarse', from p a t i- s a u š-, possibly from IE k̂ a u - š- with k̂ a u- beside k a i- in Germanic, Old Engl. h ā s 'hoarse' from older *h a i s a-. Note k a u-, see above i d z u l u n, with k-, n o t k̂-.

49. O s t ā j u n, s t ā d 'be tired', K s t ā - s-, s t ā t a- 'be tired'.

50. O s t o r, ā s t o r, Iron s t u r 'large cattle', K s t ū r a-, but also Buddhist Sanskrit s t h o r a-, Sogd. 's t ' w r, ' s t w r-, Zor. Pahl. s t ō r.

51. O s t u r, ä s t u r, i s t u r, u s t u r, Iron s t y r 'great', K s t u r a - 'large', Av. s t ū r a-, s t u r a-, Old Indian s t h a v i r a-, s t h ū r a-, s t h ū l a-.

52. O s u n t, Iron s y n t 'raven', K ṣ ṣ u n d-, plur. ṣ ṣ u n d ā, 'raven', Wakhī ṣ ō n d, from *š u v a n t- 'swooping'.

53. O t u n ā, plur. t u n t ā, Iron t y n, plur. t y n t ā 'piece of cloth' K t h a u n a-, Krorain Prakrit t h a v a n a-, from *t a p a n a- 'weft'.

54. O ŭ ā s u n, pret. ŭ ā s t ā, niŭŭ ā s u n 'to make sounds (human, animal, things)', K b ā s a- 'sound (of elephants)', n v ā s a- 'noise', verbal n v ā ś ś- 'to make noise', Av. v ā s-, Old Indian v ā ś-.

55. O ŭ ā s, plur. ŭ ā s i t ā 'calf', ŭ ä s d o n ā 'stall for calves', K b a s a k a- 'calf'. Old Indian v a t s a-.

56. O ŭ i d o n ā, i d o n ā, Iron, ŭ i d o n, i d o n 'bridle', K b y ā n a-, from *a b i d ā n a-, Av. a i w i ð ā n a-, Sogd. β y ð ' n.

57. O x ā f ā, Iron x ā f 'pus', x ā f - f y n d z 'with snivelling nose', K k h a v a 'foam', Av. k a f a-, Munjānī x a f 'foam, scum', Wakhī x e p, Old Indian k a p h a-.

58. O x ā f s ā, Iron x ā f s 'frog, tortoise', u ā r t d ž y n x ā f s 'tortoise', K k h u y s a a- 'tortoise', k h u y s a a- 'the plant Old Indian m a-

ṇ ḍ ū k ĭ', named from m a ṇ ḍ ū k a- 'frog', to Av. k a s y a p a, NPers. k a š a f, Sogd. k y š p h.

59. O x ä t c ā, x ā d c ā, x ā d z c ä, x ā c c ā 'together'; Iron x ā t c ā 'mixing; adj. mixed', K h a ṃ t s a, later h a t c a 'together', with abstract h a ṃ t s a t ā t i- 'meeting, intercourse', from h a m- 'together' with suffix -č y ā-.

60. O x i z ā, I x y z 'net, veil', x i z i n, Iron x y z y n 'bag', x y z ā g 'membrane', K h ā y s a-, h ī y s a k a- 'bag', Av. i z a- in adj. i z a ē n a- 'leathern', γ i d g h a i z e, Ormuṛī ī z 'skin bag'.

61. x ŭ ā r ā, x ŭ ā r, I x o, plur. x o t ā, 'sister', Digoron x u ā r i- -f u r t, Iron x ā r ā - f y r t 'sister's son', K h v a r a-, gen. plur. h v a r ä ṇ u, with suffix h v a r ä k a-, h v ā r a k a-, voc. plur. h v ā r a k y a u, from *h v a h r-, h v ā h a r- and h v a h ā r-, Av. x v a ŋ h a r-, Zor. Pahl. h v ā h a r, Sogd γ w ' r h (*xwārā-), MPaT w x ' r, MPersT x w ' r, NPers. x v ā h a r, Old Indian s v a s a r, all three in Balōčī g w a h ā r, g w ā h a r, g ō h ā r, g w ā r.

62. O x u ā s ā, Iron x o s 'herb, hay', K h v ā ṣ ṣ a- 'herb, grass', later h v a ṣ a-, h v ā t a-, possibly base v a x š- 'to grow' with prosthetic h-, beside h u ṣ ṣ- 'to grow'.

63. O x u b e- 'both' in x u b e- d z ā s t ā j 'with both hands', K h ū d u v a 'both', d a s t a h ū d u v a 'both hands', h v ā- d a ṣ t ā 'with both hands', from *u b a- d u v ā, Av. u v a- (written u u a), Old Indian u b h a-.

64. O x u n k', plur. x u n k' i t ā, Iron x ŭ n k', plur. x ŭ n č' y t ā 'hole', K k h u ṇ ā-, k h u ṇ a k a- 'hole', adj. k h u ṇ ā j s a-.

65. O x u s k, Iron x ŭ s k, x ū s 'dry', Digoron i s u s u n, Iron s y s y n 'to become dry', K h u ṣ k a- 'dry', verbal h u ṣ ṭ a- 'dried', inf. h ū' 'to dry up (trans.)', causative p a h v ā ñ-, Av. h a o š-, Zor. P a h l. h ō š- 'to dry up (trans.)'.

66. O Iron z ā l d z ā g 'armour', K y s ā r ä t a r a- 'breastplate', from base z a r- 'to cover', Av. z r ā ð a-, Armenian (loanword from Parthian) z r a h- k' from z r - a d-.

67. O z ā n ā g 'children', both Digoron and Iron, K y s a n- 'to bear children', y s a n i-, gen. plur. y s a ñ i n u, later y s a n a- 'kindred'.

68. O z ā r u n 'to sing', z ā r d t o n, beside z ā l- in ā z ā l u n 'to echo', z ā l l ā n g 'echo', K y s ā r- 'to make sounds (of birds)'.

69. O z i n ā d ā, z i v ā g (in a tale as a name), Iron z i v ä g 'fatigued, lazy', K y s ī t a- a y s m u v a- 'with despondent mind', y s ɪ t t a r a- 'reduced', possibly to a base z a i: z ɪ-, zi 'to fall, be depressed', as in Wakhī z o i y a 'ruin' and O z ā j ā 'avalanche'.

70. O z u m, z u m ā r γ, d z u m ā r γ (m ā r γ 'bird'), Iron z y m a bird name—*Megaloperdix caucasica*, K y s ū m a- 'a bird's name'.

IV 1976

V. PISANI
(Università di Milano)

I. e. u->v- IN ARMENO?

Nell' Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, 2. ed., p. 49 A. Meillet insegna che «à l'initiale, i.-e. *w se ferme en occlusive et aboutit à *g... Mais on a v- dans veç 'six', cf. gr. Fέξ et v. pr. uschts 'sixième'; varim 'je brûle', cf. lit. virti 'cuire'. — Les deux traitements: *w->g- et *w->v- coexistent dans l'expression ger i veray 'au dessus de tout ou de tous'. Les formes ger et ver, qui y figurent, ont la même étymologie. Il s'agirait d'un correspondant de gr. ὑπέρ, skr. upari 'sur', avec élimination de la voyelle initiale; ce qui est possible, puisque arm. *uper>*uwer... était un mot accessoire dont l'emploi syntactique a pu amener abrègement entraînant la mutilation de certains éléments. On aurait eu, selon les cas, *(u)wer aboutissant à ver et *(u)wer aboutissant à ger. On remarquera que la forme ver apparaît après voyelle: i ver, i veray etc.».

Credo che la spiegazione della differenza tra ger [e] i veray, i ver sia giusta; ma secondo me si dovrà partire piuttosto da un *u̯er-, il quale ha subìto un doppio trattamento a seconda della posizione sintattica: *u̯er->ger in principio di frase o di sintagma, >ver dopo vocale in un sintagma stabile come i ver, confrontabile col. lat. illicō da in locō e simili. Quanto al *u̯er di partenza, io vi scorgerei la scomparsa del p di *uper parallelamente a quanto avviene nell'ant. irlandese fo 'sotto', for 'sopra' da *upo *uper, in gallico Ver-cingeto-rīx accanto a Cingetorīx: qui *uver- (o ancora *ufer?) da *uper- ha perduto il v (f) tra vocali di cui la prima era u: sorta di dissimilazione in parole non ortotoniche o comunque non autonome.

Allora resterebbero due altri vocaboli: veç e varim. Come s'iniziasse anticamente la parola per 'sei', è oltremodo dubbio: sanscr. ṣáṭ, alban. gjashtë, lat. sex, got. saihs con i corrispondenti germanici, lit. šešì, ant. slavo šestĭ, tocar. A ṣäk B ṣkas accennano a qualche cosa come *seḱs; l'avest. xšvaš, il gr. Fέξ (così in parte dei dialetti), il celtico p. es. nel gallese chwech (mentre il sē irlandese è di dubbia origine, ma in mór-feser 'magnus seviratus, sette persone' si risale a *su̯-) e il

nostro armeno v e ç mostrano la presenza di un elemento u. Ora, la questione è stata discussa da me nell'articoletto G r i e c h. ἕξ /Fέξ, οἶ/ Foῖ u n d V e r w a n d t e s (in T o h o n o r R o m a n J a k o b s o n, 1967, pp. 1585—1589), ove dicevo che s- è dimostrato assai antico anche dalle corrispondenze semitiche: accad. š i š š i, ebr. š ē š, aram. š e t, etiop. s e s s ū, arabo s i t t u n ecc., evidentemente un «Wanderwort»,. Invece nel pruss. antico u s c h t s, u s t s, w u s c h t s 'sesto' abbiamo un'altra parola, da un cardinale *u k̂- od *u š-, che si è incrociato con *s e k̂ s dando un *sṷ-, propagatosi da una parte nelle regioni russe meridionali e caucasiche meridionali, dall' altra al celtismo che si andava formando nella Germania sud-orientalee nella penisola balcanica orientale donde giungeva all' Asia Minore. Cfr. anche il *š ū š t h á- iranico postulato da K. Hoffmann in 'KZ' 79 (1965), p. 254.

E allora la storia di v e ç è altra da quella delle parole i. e. con u̯- iniziale: si parta da *s u̯ e k s (con *s u̯- posteriore al *s u̯- primitivo di *s u̯ e s ō r 'sorella' > k ' o y r, *s u̯ i d r- 'sudore'> k ' i r t n) come per Fέξ, o anche da *u s e k̂ s, che del resto potrebbe essere assunto come fase anteriore della forma greca, v e ç non può essere incluso nella storia del ricostruito *u̯- indeuropeo in armeno.

Resta v a ṙ i m; se abbiamo con ragione ricondotto v e r a *u p e r, si potrebbe scorgere nel v- di questo verbo un'antica preposizione *upo e in -a ṙ i m un corradicale di a y r e m di identico significato 'bruciare' (in senso attivo; il valore attivo o passivo vien dato dal suffisso verbale, -e- e rispettivamente -i-). Nell'IEW di J. Pokorny a y r e m è considerato denominativo di un *a y r nominativo di un tema * ā t ē r- ricorrente nell'avest. ā t - a r š 'fuoco'. Ora, *ā t ē r ha dato *a y r analogamente a h a y r 'padre' da *p a t ē r, m a y r da * m ā t ē r ecc.; nei casi obliqui abbiamo, singolare h a v r, gen. dat. loc. e h a r - b, strum.; plurale h a r - k nom., h a r - s accus., h a r - ç gen. dat., h a r - b k ' strum.; quindi -tr-> -v r- o -r-, quest' ultimo forse partito dallo strumentale dove il v di - v r- si è dissimilato col -b- della desinenza. Potremo pertanto ammettere che il v a ṙ- da v-a r- (con variazione r/ṙ) sia derivato dai casi obliqui della parola per 'f u o c o', con dissimilazione del presupponibile -v r- da -t r-, questa volta col v- della preposizione, o comunque analogamente all' -a r- di h a r b, h a r ç ecc.

Resta a ogni modo un dubbio: perché g- in g e r e v- in v a ṙ i m? Sarà forse da pensare a conservazione di v- (da *u p o) in ulteriore composizione?

Partendo dalla ipotesi che v- sia in parte la continuazione di un *u p o si può fare l'etimologia dell'avverbio v a ł v a ł 'rapidamente', prolungato in v a ł v a ł a k i id. col suffisso avverbiale -a k i per cui cfr. H. Jensen, A l t a r m e n i s c h e G r a m m a t i k, 1959, p. 122 § 315. Si tratta secondo me di un composto con ripetizione (come gli āmreḍita sanscriti su cui cfr. Wackernagel, A l t i n d i s c h e G r a m m a t i k II, 1, p. 142 ss., § 59 ss. con Debrunner, N a c h t r ā g e, p. 42 ad 143, 21). E v a ł v a ł è ripetizione di v a ł di cui il Bedrossian dà questi significati: „a. ancient, old, former; ad. anciently, formerly, once on a time; early, betimes, soon, quickly; s. to-morrow". Un gruppo di significati che ricorda quelli di ted. f r ü h

ecc. E io pensò che v a ł potrebbe continuare un * u p o- a l- colla radice *e l- in arm. e ł a n i m 'divengo', e l a n e m' esco fuori, ascendo, nasco, sorgo', gr. ἐλαύνω ecc. ecc. (cfr. IEW 306 s.), dunque 'il sorgere', suppergiù come il lit. r ý t a s 'mattino' viene riconnesso col lettone r i e t è t 'come out, break forth' (C. D. Buck, A d i c t i o n a r y of s e l e c t e d s y n o n y m s, 14. 44): così, da una parte 'il sorgere (del sole)' > 'presto, di buon' ora', dall' altra 'presto, rapidamente'.

IV 1976

E. P. HAMP
(University of Chicago)

To the Memory of Giorgi TSERETELI
Beloved Friend and Revered Scholar
Who personified the virtues of bridging the learning of East and West

ŚṚṄKHĀṄIKĀ

T. Burrow (K r a t y l o s 15, 1970 (1972), 54—5) has suggested resourcefully that this word for 'mucus' goes back to an etymon in *s-; he adduces the later Pkt. s i ṁ g h a i s u ṁ g h a i, Hi. s͡ũ g h n ā, assuming a voicing of k h t o g h after nasal as a north-western dialect feature. He then attributes the Indic *s ṛ ṅ k h- to * s r e n k(h)- comparing Gk. ῥέγχω~ῥέγκω.

On the basis of the Celtic and Armenian, as well as the Greek, evidence, I have recently[1] offered a revised reconstruction of the etymon to account for a greater range of forms in closer accord with the known rules of IE phonology and word formation. The root I have proposed is *s r e g h-, with nasal-infix formations also occurring, to give *s r e n g h-.

I therefore suggest that instead of following Burrow's excellent reasoning in the direction he sets forth, we take the Sanskrit forms as a result of back-formation from the MIA of which we have good attestation. The Pkt. si/u ṁ g h a i would then continue directly Indic *s ṛ ṅ g h- < * s r e n g h-, and once again we see how valuable Middle Indic forms can be for our exact understanding of Indo-European.

This finding leads me to reinspect my reconstruction of the root. I had considered the root ṭo be *s r e g h- principally on the evidence of the Celtic, which I reconstruct as Breton f r i, Cornish f r y 'nose' <*s r e g (h)-, Corn. f r i g 'nostril'<'*s r e g g-, Welsh f f r o e n Olr. s r ó n 'nose' <* s r o - g(h) - n ā. Then the remaining forms I presumed to result from n -infixation: Gk. ῥέγχω <*s r e - n - g h, Mid. Ir. s r e n n i m 'snore' < * s r e - n - g h- n-, Armen. ṙ n g u n - k'<* s r o n g h - o n, Welsh f f r i w 'face, nose, forehead, head' <* s r e n g (h) u̯-. It is however true that if the nasal

[1] É r i u 25, 1974, to appear; B a l t i s t i c a 10, 1974, 69—72; É t u d e s c e l t i q u e s (forthcoming).

originated in a present infix (even if subsequently generalized throughout the paradigm) we might expect a Greek extension in -αν-, which is regular for old nasal-infixed presents, and the Armenian might be expected to show an extension but lack the internal nasal entirely, as it regularly does in such verbs[2]; besides, the verb is lacking in Armenian. Such an assumption of a nasal present also makes it somewhat harder to envisage the misinterpretation of the Greek perfect as if it were an aspirate perfect, an assumption which I require in order to explain the genesis of the alternate form ῥέγκω with -k-.

The Indic evidence now gives us additional and highly valuable testimony (in a nominal formation!) for the presence of the internal nasal; indeed it now looks much more likely that the root originally had an inherent nasal. This view, moreover, is not reached merely on the accretion of yet one more item to the list of forms and dialects showing the nasal, as if such issues were settled by simple parliamentary vote of attestation. Rather, the assumption of an inherent nasal makes the Greek, Armenian, Indic, and Welsh (f f r i w) formations more readily and directly explicable; otherwise each of these would require special and separate motivation.

When we consider Mid. Ir. s r e n n i m in light of this finding, we also find some light cast upon one of the more difficult types of verb formation which Irish attests for us. Thurneysen (A G r a m m a r o f O l d I r i s h, Dublin 1946, 353) simply lumps together under present class B I (Strachan's class A1) certain verbs in -n n-, noting that fact but offering no explanation beyond a few IE comparisons: a d·g r e i n n 'persecutes', a s·g l e i n n 'discutit', f o· g l e i n n 'learns', d o·s e i n n 'pursues', Archaic Ir. r o·g e i n n 'finds room in'. The most recent careful discussion of verbs of this configuration is that of the late Marie-Louise Sjoestedt, L' a s p e c t v e r b a l e t l e s f o r m a t i o n s à a f f i x e n a s a l e n c e l t i q u e, Paris 1926, pp. 14 ff. and passim. I find her general conclusions on this set of verbs unsatisfactory because she assumes as roots for nasal infixation shapes which rely on unmotivated extension of simpler IE roots by extra consonants; thus for ·g l e i n n 'swallow', b r e n n- 'bubble forth', and s r e n n- Sj. (23) posits freshly extended roots *g l e d-, *b r e d-, *s r e d-, which are not supported by attested formations elsewhere and which only give rise to additional needs for explanation.

It seems to me that three classes of explanation are required for this configuration of verb stem in Irish, none requiring more assumptions than we already need for Indo-European and for Irish.

1) The correct solution for f o r·d i u c l a n n- 'swallow, gulp', i. e. f o r·d i-o d-g l e n n- or f o r·d i-u s s-g l e n n-, was given long ago by Marstrander (O b s e r v a t i-o n s s u r l e s p r é s e n t s i n d o-e u r o p é e n s à n a s a l e i n f i x é e e n c e l t i q u e, Christiania 1924, p. 30), who however analyzed the underlying form incorrectly as ·d i - f o. He posited a nasal present of the root seen in g e l-·g e i l 'devours', whereby ·g l e n in composition

[2] See my forthcoming article in KZ on nasal presents in Armenian.

would quite regularly give ·g l e n n by MacNeill's law; for a phonetic explanation of the latter see my article on the subject appearing in É r i u.

Marstrander attributes to b r e n n- a pre-form * b r e n d-, but that actually suffers from the same deficiency of unmotivated extension that Sj's *b r e d- does. The root here is clearly *b h e r u-, as seen in Lat. f e r u e ō, Ir. b e r b a i m, Welsh b e r w berwi, Breton b e r v b i r v i ñ, 'boil'. Sj has moreover appositely compared (23) Goth. b r i n n a n with -n n-< *n u. Surely we must then somehow start off from* b (h) r e - n - u-, which may well in turn be refashioned from* b (h) r̥ - n-u- just as we have OIr. s e r n a i d instead of the vocalism expected, which we actually do find in Welsh s a r n u 'strew'; on this last point see my article on b a r n u b r a w d appearing in C e l t i c a XI. It seems that the main motivation for positing a dental extension to this root in the past has been the desire to account for the verbal noun b r é i s i u; it is quite true that neither *b r e u- nor *b r e n- will accomplish this. However, when we recall that another notable original present in - n u-, r o·c l u i n e t h a r 'hears': Skt. śṛ ṇu-, took an -s- suffix (and particularly in the verbal noun), we may well be justified in deriving b r é i s i u from * b r e n-s-t i ō or the like at a relatively late date. With the above arguments in mind I would then trace d o·e p r i n n from t o·e s s- b r i n by MacNeill's law, and this in turn from *(to+ e k s -) b (h) r e n u -.

Therefore we see that in the recent prehistory of Irish one significant contributor to these presents has been the action of MacNeill's law on nasal finals.

2) Thurneysen (353) thinks that s e n n i d 'plays (a musical instrument)' has been attracted into this class by d o ·s e i n n 'pursues'; it must surely be the inverse. I have shown, I think (L i n g u a appearing), that *s u̯ e n- 'chase' (> d o ·s e i n n) fell phonetically together with * s u̯ e n H- 'sound' (:Lat. s o n ā r e) in paradigmatic positions before vowels. Now to account for the consonantism of s e n n i d we must assume a nasal present somewhat on the lines of b e n a i d, c r e n a i d, t l e n a i d, or s e r n a i d. That is, the pre-form must have been *s u̯ n̥ - n - H -, which then, like other verbs, was revised to * s u̯ e n - n - H-.

Now it is claimed (Marstrander 13, Sjoestedt 36, Thurneysen 357 § 552) that a r a ·c h r i n 'decays' is an old -n (e) u - present. But this theory fails to pay sufficient attention to the important related adjective (Marstrander 42-3, Thurneysen 437 § 704) c r í n 'rotten'. Since the latter must reflect *k r ē - n o- the root is seen to be *k r e H$_e$ -, and the present must therefore be derived from * k r - n é - H$_e$- > * k r n ē -, which was refashioned to *k r e n ē- > *k r e n ī-> *k r i n ī->·c r i n. In other words, Irish, confirmed by Welsh c r i n 'withered' and Breton k r i n 'dry; dead wood', provides valuable testimony to the colouring of laryngeals in «9th class» nasal presents by distinguishing through the surface root vocalism *-n (e) H$_a$- or *-n(e) H$_o$-(class B IV) from *-neH$_e$- (class B V). This distinction must also be the motivation for the residual difference which we see in British participles and nominalizations glimpsed through Welsh c r i n <*krī-n o- from apparent * k r ē n o-, but s a r n 'pavement, strāta' < *s t r n-

(taken from the present stem) and y s t r a d 'valley' < *s t r a t o- < apparent *s t r ə t o- = s t r H_2t o-. Old Irish class B V is thus seen to be a mixed collection of the residues of - n u- presents (d o·l i n 'flows': Welsh l l a n w 'tidal flow', r o ·c l u i n e t h a r 'hears', and, probably attracted by the last, a d ·g n i n 'knows') of -n e H_e- (a r a ·c h r i n) and of the 6th class (r o ·f i n n a d a r 'finds out' : Skt. v i - n - d - á t i).

Now that we understand the background of a r a· c h r i n, we see that we are justified in carrying our reconstruction of s e n n i d one step farther: To account for the entry of this verb into class B I it seems most likely that its early form was *s u (e) n - n - H_e-; if it had terminated in H_a it is likely that it would have found its place in class B IV, and if it had been originally thematic it might have vocalised like m a r n a i d ·m a i r n 'betrays' and a t·b a i l l 'dies.' Hence another source of our subclass is a -n (e) H_e- present of a nasal root.

3) There can be no doubt that r o · g e i n n inherits an inherent nasal in its root; this is shown clearly by κέχονδα, the perfect to χανδάνω. Therefore Lat. p r a e d a beside p r a e h e n d ō and the Albanian preterite g j e t a (unless from a zero-grade *g (h) n d i-) beside the present g j i n d e m 'je me trouve' must be regarded as secondary formations. The root here is *g h e n d-; this is presumably what Thurneysen means (353) by «a primary form - n̥ d n-.»

Sj (15), while comparing OCS g l ę d ě t i, declares that ·g l e i n n 'examine, look' has a nasal infix, while Marstrander (32), who compares g l ę d a t i but also adduces the substantive g l é s, includes this in his group with inherent nasal. Marstrander is certainly right, on the available evidence. I have enlarged upon this argument also from the Welsh side in my note on d i c h l y n 'choose, investigate', Bulletin of the Board of Celtic Studies, forthcoming.

The root of ·g r e i n n (: OCS g r ę d ǫ, Lat. g r a d i o r) is less easy. Sj (15) opts for the infix solution, noting that Slavic has generalized the nasal. Marstrander (32), noting the Slavic infinitive g r ę s t i as well in addition to the Ir. g r é s, correctly concludes that this root must have an inherent nasal within Irish. Yet he also offers valuable evidence (33) from Munster dialect which points to the earlier IE situation indicated by the Latin and Avestan cognates. Whatever the exact IE situation, it is clear that at least an alternant persisted in Irish with an inherent nasal; an underlying Irish g r e n d- is therefore required.

Finally, Marstrander adds to the dossier (32) Mid. Ir. s c e n n i d 'jumps' which probably belongs with these even though we do not have it attested early enough to tell whether it was originally -n n- o r -n d- in Old Irish. This is to be paired with Lat. s c a n d ō, with a stable n.

For such of the above as Marstrander discusses he concludes (32), correctly in my opinion, that the roots all terminate in inherent nasal + dental. On this point Sj's analysis was a step backward. Then Sj suggested (15-6) that the -n n- resulted normally from simple *- n d- in atonic position, and with no nasal extension. But Marstrander had already disposed of that (32) by pointing to r o ·f i n n a d a r, which never moves to atonic position, i. e.

prototonic syntax; Sj was instead obliged (17) to explain the consonantism of *f i n n- as analogical. Moreover, we now have an important accretion to the argument in the form of r o·g e i n n. ʃ

Sj seems also to draw (15) either from Marstrander's argument, or from a compounding of that with her own insistence on seeing infixes in these stems, the objection that an otiose double affixation is being imposed by assuming that these clusters require a final *-n-. That was not Marstrander's theory, and it seems to me that he was perfectly correct in this respect. In sum, I draw the g e n e r a l i z a t i o n: This third sub-class which we have been discussing comprises roots with inherent nasal + obstruent which have been extended by a nasal suffix. I now reverse this to form the following h y p o t h e s i s: The way to form a nasal present in Proto-Celtic from such roots was to add such a nasal suffix; i. e. there was no room internally in such roots for a distinctive infix.

If the hypothesis just framed is correct, it is now possible to reduce somewhat the ambiguity which I pointed to in the analysis of OIr. f e n n a i d 'flays' (Acta Linguistica Hafniensia 12, 1969, 160—1). Of all the possibilities there mentioned it seems that f e n n a i d can be only a denominative from a nominalization in - n o- of the roots *u e s- 'kleiden' or 1. *u e n d h- 'flechten, winden'.

It is time now to return to s r e n n i m. After the above survey of the formation rules of class B I verbs in -n n- we are in a position both to clarify the nature of this root and to make the argument firmer which we have just been reviewing. I have already criticised Sj for her loose use of Wurzelerweiterungen; but in the case of s r e n n- and its alleged cognates she permits herself no less than *s (t) r e k-, *s (t) r e k h-, *s (t) r e d-, *s (t) r e t-, and *s t e r u-. Part of the error here is actually the attempt to include also the etymon of 'sneeze', Welsh y s t r e w, Lat. s t e r n u ō etc.: Welsh also has the form t r e w t r e w i, and for the latest discussion of these see Caerwyn Williams, B B C S 24, 1972, 54—5. These can simply not be related to our root, since Welsh (and Cornish and Breton) shows clearly that *s r- > f f r- while *s t r- > (y) s t r-. Instead, we may see a contamination of the root which produced f f r o e n by this root for 'sneeze' (perhaps *p s t r e u-), the result being the competing etymon seen in Welsh t r w y n, OCorn. t r e i n. Sj's permissive reconstruction loses the ability to explain the genesis of both f f r o e n and t r w y n existing side by side. Moreover, it is only by this manipulation of root extensions that Sj is able to postulate the basis for a nasal infix in s r e n n-.

Marstrander, who did not consider this root in his work, states (32) that roots in - n g never take an additional extension/affix in -n-. So far as his material reached that was true, and therefore he was driven to a more sensitive argument to show that the -n n- cluster did not result from simple unstressed -n d. But now in light of our present root we may state explicitly that the result of *-n g (h) n - was also -n n-, and that vocalic finals could indeed take the nasal suffix. Thus s r e n n i d has great confirmatory value for Irish grammar.

Furthermore, on the basis of the generalization reached above we may now assert that because of its class membership in the Old Irish verb system s r e n n i d can be derived consistently not from a nasal infix but only from a segmentation *s r e n g (h) - n - e / o -. The IE root was therefore *s r e - n g h -.

This result means that the Celtic reflexes of proximate *s r e g - result from a productive reanalysis of stems a s i f they were nasally infixed. It is noteworthy that this happened within Celtic, where nasal infixes were still very much alive and the derivatives of this root were obviously numerous.

We may finally return to ś r̥ ṅ k h ā ṇ i k ā < *s r̥ ṅ g h ā ṇ i k ā, for which I think we can now give a clear analysis. It is easy to segment in this word for 'm u c u s' a suffix of appurtenance *s r̥ ṅ g h ā ṇ - i k ā < *s r n - g h o n - i k ā 'of the nose, pertaining to the nose or nostril'. The formation of the first element is now seen to agree perfectly (but for the ablaut) with the Armenian ṙ n g u n - k' < *s r o n g h - o n-. Moreover, we may now understand Olr. s r ó n, Welsh f f r o e n < *s r o g (h) - n ā as a thematized derivative of this n-stem, either with dissimilation of the nasals or—more likely — refashioned on the model of the newly extracted Celtic *s r e g- which has just been explained above. From these three dialects in the far East and West and in the Caucasus we recover an IE lexeme *s r (o) n g h - o n - 'nostril' or 'snout' vel sim.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

თ. ა. სებეოკი

(ინდიანას უნივერსიტეტი, ბლუმინგტონი)

ნიშანთა ექვსი სახეობა:
ვარაუდები და კრიტიკული შენიშვნები[1]

წინასიტყვაობა

0.1. ნიშანი ორსახეობრივია.

1305 წელს თავის დაუმთავრებელ ტრაქტატში De vulgarī eloquentia (1—3, 1957: 18) დანტემ შემოგვთავაზა (სიტყვიერი) ნიშნის ცნების შემდეგი განმარტება: «hoc equidem signum... sensuale quid est, in quantum sonus est; rationale vero, in quantum aliquid significare videtur ad placetum». მისი ეს მტკიცება კარგად ეთანხმება ნიშნის შინაგანი სტრუქტურის ყველა იმ მოდელს, რომელიც მოცემული იყო ნიშნის დოქტრინის საფუძვლების გამოკვლევებში, დაწყებული სტოიკოსთა შეხედულებებიდან თანამედროვე მოსაზრებებამდე. ეს განმარტება გულისხმობს, რომ ნიშანს ორი აუცილებელი მხარე აქვს: ერთი — aisthēton, გრძნობადი (ან შეგრძნებადი) და მეორე—noēton, გონებრივი (ან რაციონალური): signifier (აღმნიშვნელი), შესაგრძნობი შეხება ინტერპრეტატორის, ყოველ შემთხვევაში, ერთ-ერთ გრძნობის ორგანოზე და მეორე, signified (აღსანიშნი). საშუალ-საუკუნეების ლათინურში შესაბამისი წყვილი სტოიკოსების sēmainon (აღმნიშვნელი) და sēmainomenon (აღსანიშნი) ტერმინებისა იყო signans და signatum, სოსიურის მიერ გადმოცემული როგორც signifiant და signifié; გერმანულში ჩვეულებრივ წარმოდგენილი das Signifikat და der Signifikant ტერმინებით, მორისის მიერ კი როგორც sign vehicle (ნიშანი გამოხატულებითი) და designatum; საბჭოთა მეცნიერები (შდრ. Revzina 1972: 231) ხმარობენ вещь და понятие, და სხვ.

0.2. „ნული ნიშნები".

ნიშანთა სხვადასხვა სისტემებში, განსაკუთრებით კი ენაში, ნიშნის გამოხატულება (sign vehicle) შეიძლება ზოგჯერ აღინიშნოს მისი არარსებობით, როცა ამას

[1] ეს სტატია ეხება ურთიერთდაკავშირებული პრობლემების კომპლექსს, რომელიც პირველად, სათაურით „ნიშანთა სტრუქტურული კლასიფიკაცია", მოხსენების სახით წარედგინა ტარტუში შემდგარ IV საზაფხულო სკოლას (მეორე სასიგნალო სისტემებს შესახებ) მონაწილეებს, 1970 წლის აგვისტოს თვეში (იხ. O. Revzina, The Fourth Summer School on Secondary Modeling Systems, Tartu, 1972: 230f). მოხსენებას მოჰყვა მეტად შთამბეჭდავი და სასარგებლო დისკუსია.

ამ სტატიით მე მსურს ვალი მოვიხადო თანამედროვე საბჭოთა სემიოტიკის მნიშვნელოვანი მიღწევების წინაშე. ამ მიღწევებში ღრმა წვლილი შეიტანა თაყვანისმცემელი მოღვაწეობით აკადემიკოსმა გიორგი წერეთელმა.

ხელს უწყობს გარკვეული კონტექსტი. ესაა შემთხვევა, როდესაც ნიშანი წარმოდგენილია ნულოვანი ფორმით. ლინგვისტები, რომლებიც ხმარობენ გამოთქმას „ნული ნიშანი“ (კერძოდ, ნული ფონემა ან ალოფონი; ნული მორფემა ან ალომორფი და სხვ.), უნდა გულისხმობდნენ ან „ნულ-აღმნიშვნელს“ ან, უფრო იშვიათად, „ნულ-აღსანიშნს“, მაგრამ არასოდეს — ორივეს. ზუსტად რომ ვთქვათ, ცნება „ნულოვანი ნიშანი“ წინააღმდეგობრივი უნდა იყოს (ნულის ხმარების შესახებ ლინგვისტიკაში იხ. Jakobson 1966 (1939) ან 1940; Frei 1950; Godel 1953; Haas 1957). ნული - გამოხატულების როლი ენობრივი სისტემებისაგან განსხვავებულ სხვა საკომუნიკაციო სისტემებში არასოდეს ყოფილა სათანადოდ გაანალიზებული. მაგალითად, პოლი (Pohl 1968: 34—36) არასწორად აღნიშნავს, რომ სამოქალაქო ტანსაცმელი ფუნქციონირებს როგორც „ნული“, როდესაც მოცემულია ფორმის ტანსაცმელთა კონტექსტში. აქ არეულია ოპოზიცია: არამარკირებული/მარკირებული, ოპოზიციასთან: რეალიზებული/არარეალიზებული (ნული).

ნულოვანი გამოხატულებითი ნიშანი შეიძლება აგრეთვე შეგვხვდეს ცხოველთა საკომუნიკაციო სისტემებში. ასე, მაგალითად, არდრეი (Ardrey 1970 : 75) აცხადებს, რომ აფრიკული „სპილოს საგანგაშო ნიშანი არის სიჩუმე“ და, ასევე, რენე-გიი ბიუსნელი ამბობს, რომ Laniarius erythrogaster სახეობათა ორ წევრს შორის ხდება შეტყობინებებს შორის დროითი პარამეტრის გაცვლა-გამოცვლა, ეს ნიშნავს, რომ „სიჩუმის რიტმული მოდელი... და არა ნიშნის აკუსტიკური მხარე თავისთავად“ ატარებს ინფორმაციას (Sebeok 1968: 138). უფრო მნიშვნელოვანი ცნობა მიიღება იმ კვაზი-პროსოდიული ფენომენით, რომელსაც შეადგენს პულსაციის ინტერვალი ციცინათელათა რამდენიმე სახეობაში მდედრთა აღგზნების მიზნით. ეს ინტერვალები განსხვავებულია სხვადასხვა სახეობებისათვის, მაგ., Photinus consanguineus და macdermotti-სთვის; მეტიც, მათთან დაკავშირებულ lineellus-თან პულსაციის რაოდენობა ცვალებადია, „რაც უფრო მეტად მიგვანიშნებს პულსაციის ინტერვალის მნიშვნელობაზე“ (Lloyd 1966: 78).

ამგვარად, ნული ფორმების არსებობა სხვადასხვა საკომუნიკაციო სისტემებში არ ეწინააღმდეგება ნიშნის კლასიკურ ორმხრივ მოდელს.

0. 3. ე რ თ ე უ ლ ი ნ ი შ ა ნ ი / ტ ი პ ი; დ ე ნ ო ტ ა ც ი ა / დ ე ს ი გ ნ ა ც ი ა.

ნიშნის განსაკუთრებულ გამოჩენას, რასაც პერსი აღნიშნავდა ტერმინით sinsign (Peirce II, 245), ამჟამად უფრო ხშირად უწოდებენ: a t o k e n (ერთეული ნიშანი); (IV, 537, რომელსაც პერსი ზოგჯერ აღნიშნავდა ტერმინით Actisign), მაშინ როცა ნიშნის ყველა გამოჩენის კლასს —პერსის legisign (ადრეული Famsign შდრ. VIII, 363) — უწოდებენ: a t y p e (ტიპი). თვით პერსის მაგალითებით რომ ვიმსჯელოთ, თუ წიგნის ერთი გვერდი შეიცავს 250 სიტყვას, ესაა რაოდენობა ერთეული ნიშნებისა, მაშინ როდესაც განსხვავებული სიტყვების რაოდენობა ამავე გვერდზე განსაზღვრავს სიტყვა-ტიპების რაოდენობას (ეს განსხვავება, ამასწინათ, კვლავ იყო შემოწმებული რიჩარდსის მიერ, Richards 1969).

იმ პრინციპულ საკითხთა შორის, რომლებსაც ენობრივი ნიშნის მკვლევართა უმრავლესობა შეხებია, აუცილებელი და ძირითადი ჩანს სამი: როგორ მიუთითებს განსაკუთრებული ერთეული ნიშნები; როგორ აღწევს და ინარჩუნებს თავის მუდმივ მნიშვნელობას ნიშანი-ტიპები; და რა განსაზღვრავს განსხვავებებს დენოტატსა და დესიგნატს შორის (ამათ შეიძლება დაემატოს მეოთხე საკითხიც—მნიშვნელობის მიმართება მის გამოყენებასთან; შდრ. Wells 1954). ამჟამად არსებული განსხვავება მნიშვნელობასა და მითითებას შორის მრავალი

სხვადასხვა სახით განმეორებულა ფრეგეს Sinn და Bedeutung-ის კლასიკური გამოკვლევის შემდეგ (Frege 1892). მაგალითად, ჰუსერლის Bedeutung—Bezeichnung, მილის denotation—connotation, პაულის Bedenkung—Benutzung, სოსიურის valeur—substance და სხვ.

„სემანტიკა“ ხშირად გამოიყენება როგორც ორი თეორიის დამფარავი ტერმინი: სიტყვიერი მითითების თეორიისა და სიტყვიერი მნიშვნელობის თეორიისა, მაგრამ უფრო ზუსტად იგი უნდა შემოიფარგლოს მხოლოდ უკანასკნელით. ანალიტიკოსი ფილოსოფოსები, როგორიცაა კარნაპი (Carnap 1942), სემანტიკას, ჩვეულებრივ, ჭეშმარიტებისა და ლოგიკური-დედუქციის თეორიებს აკუთვნებენ იმ საფუძველზე, რომ ჭეშმარიტება და ლოგიკური თანმიმდევრობა დაფუძნებულია დესიგნაციაზე და აქედან გამომდინარე სემანტიკური ცნებებია. ტერმინი „ზოსემანტიკა“ პირობითად იყო შექმნილი 1963 წელს, რათა გაფართოებულიყო მნიშვნელობის თეორიის საზღვრები და ახსნილიყო მეტყველების არმქონე არსებებს შორის სავარაუდო დესიგნატური პროცესები (Sebeok 1972 a: 80).

აზრთა მნიშვნელოვანი განსხვავებულობა იმის შესახებ, თუ რას აღნიშნავს ნიშანი—ტიპი და რა არის მისი ერთეული ნიშნის დენოტაცია, სხვადასხვა დონეებზე შეიძლება განსაზღვრავდეს როგორც ლინგვისტურ პროცესებს, რაც პოეტიკასა და რიტორიკაში ცნობილია „მეტყველების ფიგურების“ სახელით, ასევე მონათესავე მოვლენებს ცხოველებში (Bronowski 1967). აზრთა ეს სხვადასხვაობა განსაზღვრავს, აგრეთვე, ტუუილის თქმის მექანიზმს, რაც, გარკვეული შეხედულებების მიუხედავად, შეესაბამება სიცრუის სხვადასხვა ფორმებს ცხოველთა სამყაროში.

0. 4. ნიშანთა სახეობების კლასიფიკაცია.

სემანტიკის მთელი ისტორიის მანძილზე ნიშნის ორ ნაწილს, აღსანიშნსა და აღმნიშვნელს შორის შესაძლებელი მრავალრიცხოვანი მიმართებების შესწავლა იწვევდა ფილოსოფოსთა და ფილოსოფოს ენათმეცნიერთა მრავალ ცდას მოეცათ ნიშანთა სისტემების ან ნიშნების კლასიფიკაცია. მათ შორის, პეირსის უკანასკნელი (Peirsce 1906)·სქემა 66 სხვადასხვა მიმართებით, რომელსაც იგი გულდასმით ამუშავებდა 4 წლის განმავლობაში, მოიცავს გარდამავალ და ჰიბრიდულ მიმართებებსაც. ეს სქემა უდავოდ ყველაზე უფრო ამომწურავი, დახვეწილი და მნიშვნელოვანი იყო (Weiss, Burks 1945, მაგრამ შდრ. Sanders 1970, რომელიც ამ ცდას „არაკეთილგონივრულად“ მიიჩნევს). სიტყვიერ სფეროში კლასიფიკაციის ერთ-ერთი ყველაზე უფრო შინაარსიანი ცდა ჩვენს დროში იყო ბალის (Bally 1939) გამოკვლევა, ხოლო იაკობსონის სპეციალური ნაშრომი (Jakobson 1970), რომელიც ზოგადად ადამიანური წარმოშობის ნიშანთა კლასიფიკაციას ეძღვნება, კიდევ უფრო აფართოებს თანამედროვე სემიოტიკის ჰორიზონტებს. სპანგ-ჰანსენის მიმოხილვა (Spang-Hanssen 1954, ფაქტიურად დასრულებული 1948-ში) ითვალისწინებს ოგდენის, რიჩარდსის, კარლ ბრიტონის, ბერტრან რასელის, ჩარლზ მორისის „თანამედროვე“ ფსიქოლოგიურ თვალსაზრისებს ისევე, როგორც ისეთი მრავალმხრივი ენათმეცნიერების მოსაზრებებს, როგორიც არიან ფერდინანდ დე სოსიური, ლეო ვაისგერბერი, ალან ჰ. გარდინერი, კარლ ბიულერი, ერიკ ბუისანსი, ლეონარდ ბლუმფილდი და ლუი იელმსლევი. დღესდღეობით ჩვეულებრივ ნიშანთა მხოლოდ ექვს სახეობას (ხშირად რამდენიმე მეტად ან ნაკლებად გაურკვეველი ქვესახეობებით) გამოყოფენ. რიგ შემთხვევაში საკლასიფიკაციო ერთეულები ერთგვარად შეუსაბამოა და თანაც მოიცავს მხოლოდ ენასა და ადამიანური წარმოშობის სხვა განსაზღვრულ ნიშანთა სისტემებს. მაგ., რუსული სემი-

ოტიკური ტრადიციის მეორე სასიგნალო სისტემა გულისხმობს სიტყვიერ ქვესტრუქტურას, მუსიკას და სხვა ამგვარ მოვლენებს (Sebeok 1972: 162 77). ქვემოთ, სტატიაში, კვლავ იქნება გაზიარებული ნიშანთა ექვსი სახეობა, რაც ყველაზე უფრო ხშირად გვხვდება თანამედროვე სემიოტიკაში. განსაზღვრებები ნათლად და მოკლედ იქნება ჩამოყალიბებული და ილუსტრირებული არა მხოლოდ ანთროპოსემიოტიკური (ე. ი. ადამიანთათვის დამახასიათებელი) სისტემებიდან, არამედ აგრეთვე ზოოსემიოტიკური სისტემებიდან იმის ნათელსაყოფად, რომ არცერთი აქ განხილული სახეობა არ არის დამახასიათებელი მხოლოდ ადამიანისათვის (7.4; ეს არგუმენტი და მისი იმპლიკაციები უფრო მეტად იქნება განვითარებული მომავალში, Sebeok).

საბოლოოდ, კარგად უნდა იყოს გაგებული, რომ, სინამდვილეში ნიშნები, რომლებსაც აქ ვაჯგუფებთ, წარმოადგენს ნიშანთა სხვადასხვა მხარეების ერთობლიობას. სხვაგვარად, მოცემული ნიშანი შეიძლება გულისხმობდეს, და ხშირად ეს ასეც არის, ერთზე მეტ ასპექტს და, მაშასადამე, უნდა იქნეს დაცული შესაბამისი გრადაციები. ეკო (Eco 1972: 201) თელის, რომ «Ein ikonishes Zeichen ist der bezeichneten Sache in einigen Aspekten ähnlich», ისევე როგორც ვასზე ადრე ამას თვლიდა ჩარლზ მორისი. მაგრამ თანაბრად მნიშვნელოვანია იმის გაგებაც, რომ იერარქიული პრინციპი დამახასიათებელია ნიშნის ნებისმიერი სახეობის არქიტექტონიკისთვის. მაგალითად, სიტყვიერი სიმბოლო, როგორიცაა იმპერატივი, ჩვეულებრივ, აგრეთვე შეიცავს სიგნალის მნიშვნელობასაც (იხ. 1, 3). ემბლემა (რომელიც არის სიმბოლოს ქვესახეობა; 5.4) შეიძლება ნაწილობრივ ხატური იყოს, როგორიცაა მაგ. აშშ-ს დროშა, რადგან მისი შვიდი თეთრი ჰორიზონტალური ზოლის მონაცვლეობა ექვს თეთრ ზოლთან წარმოადგენს ყოველი დაარსებული კოლონიის სიმბოლოს და 50 თეთრი ვარსკვლავი ერთ ცისფერ ფონზე შეესაბამება ამერიკის შტატებს (ყოველი ვარსკვლავი — ერთ შტატს). ისეთი ინდექსური ნიშანი, როგორიცაა თავისთავად საათი, მიიღებს სიმბოლურ მნიშვნელობას, თუ ამასთანავე იგი არის Big Ben. ცენტრალური ავსტრალიის ვალბირის ჩანახატებში ნიშნის ხატურობა ძირითადია, „რადგან არ არსებობს რაიმე სისტემატური დაქვემდებარება ხატური ელემენტისა მეორე აბსტრაქტულად ჩამოყალიბებული სისტემისადმი". ამის საპირისპიროდ, ჰერალდიკაში, ისევე როგორც ხატოვან დამწერლობაში, „მნიშვნელობებისა და ვიზუალური ფორმების დამაკავშირებელი ხატურობა თანდათან სუსტდება", ე. ი. სიმბოლური ხდება „ვიზუალური ფორმების სხვა ბაზისურ სოციოკულტურულ სისტემებთან სრული შეგუების გამო, რომელთათვისაც იგი შეადგენს საკომუნიკაციო კოდს" (Munn 1970: 177 a). (ზოგადად, ხატურობის მოშლისა და სხვა უფრო უჩვეულო ტრანსფორმაციების შესახებ, იხ. Wallis 1972:487 f). მორისის გამოთქმა: „ხატურობა არის... მსგავსების ხარისხის საკითხი", შეერთებული კოუტის მოკლე ფორმულასთან, „სიმბოლიზაცია.ჯ., შესაძლებელია განვიხილოთ როგორც მსგავსების ხარისხის თვისობრივი გაგრძელება", ამ საკითხის ადეკვატური ახსნა ჩანს.

ჩამოთვლისას ნიშნის სხვადასხვა მხარე აუცილებლად შეგვხვდება გარემოცვით-შეგრძნებით იერარქიაში. ყოველი ნიშანი, ბუნებრივია, შედის კომპლექსურ სინტაგმატიკასა და პარადიგმატულ კონტრასტებსა და ოპოზიციებში. აბსტრაქტული სისტემა (პარადიგმატული კონტრასტები და ოპოზიციები) განსაზღვრავს, თუ ნიშნის რომელი მხარე გაბატონდება მოცემულ კონტექსტში განსაზღვრულ მომენტში. ამ ფაქტს პირდაპირ მივყავართ დონეების პრობლემამდე (რაც ასე დამახასიათებელია ლინგვისტიკისათვის) და იგი წარმოადგენს აუცილე-

ბელ წინაპირობას ნებისმიერი ტიპოლ გიისთვის, მაგრამ სემიოტიკის სხვა დარგებში ჯერ კიდევ ნაკლებადაა განვითარებული. ეს მნიშვნელოვანი შედეგი, რომელსაც საბჭოთა კოლეგებიც საკმაოდ კარგად იცნობენ (მაგ. Lotman, Uspenskij 1973: XXI), არ შეიძლება განხილულ იქნეს მის შესახებ სპიციალური მსჯელობისა და სათანადო ტერმინოლოგიის მოშველიების გარეშე: რომ ნიშანი სავსებით კანონიერად და ბუნებრივად განისაზღვრება თავისი გაბატონებული მხარის მიხედვით.

1. სიგნალი

1.1. როდესაც ერთეული ნიშანი ავტომატურად ან შეთანხმებით განაპირობებს მიმღების რაღაც რეაქციას, ამბობენ, რომ ის ფუნქციონირებს როგორც სიგნალი.

1. 2. აღსანიშნავია, რომ რეაქცია შეიძლება იყოს გამოწვეული ან ავტომატურად (ანუ ბუნებრივად), ან შეთანხმებით (ანუ ხელოვნურად). ასეთი ვითარება შეესაბამება შემდეგ შეხედულებას: „სიგნალები შეიძლება განსაზღვრული იყოს „ბუნებით", მაგრამ აგრეთვე შესაძლებელია მათი ხელოვნური წარმოქმნაც" (Kecskemeti 1952: 36). ამავე დროს, აღსანიშნავია, რომ მიმღები შეიძლება იყოს ან მანქანა, ან ორგანიზმი, ან წარმოსახვითად პერსონიფიცირებული ზებუნებრივიც (Sebeok 1972: 514).

1. 3. ყველაზე უფრო საინტერესო და ნაყოფიერი განხილვა სიგნალის ცნებისა შეიძლება ვნახოთ პაზუხინის ახალ სტატიაში (Pazukhin 1972). მისი არგუმენტი და მისგან გამომდინარე განსაზღვრება ემსგავსება, მაგრამ არაა იდენტური ზემოთმოცემული განმარტებისა. ეს განსაზღვრება ეყრდნობა ოპოზიციათა სერიების განვითარებას, რაც წარმოდგება სიგნალის ცნების ფიზიკური ან ტექნოლოგიური მხარის განსხვავების აუცილებლობიდან ჰუმანიტარულ და სოციალურ მეცნიერებებში წმინდა სემიოტიკური კონცეფციებისაგან. ასევე, აუცილებელია ფიზიკური ფენომენის გამოყოფა, რაც წარმოადგენს სიგნალებს არასიგნალთა კლასიდან; და, მეორეს მხრივ, სიგნალების განსხვავება სხვა ნიშნებისაგან. პაზუხინის სტატიის ნაკლი იმაში მდგომარეობს, რომ ბიულერის კარგად ცნობილი თეზისი ამოგლეჯილია კონტექსტიდან და სწორად არ არის გაგებული, რადგან, პაზუხინის აზრით, ბიულერის თეზისი იძლევა „მრავალ შეუფერებელ ინტერპრეტაციას, რომელიც ბიულერის „სიგნალებს" წარმოადგენს ნიშანთა ისეთ სახეობებად (Zeichen—ბიულერის მიხედვით), რომლებიც გადმოგვცემენ ბრძანებას, თხოვნას და სხვა სახის ბრძანებით შეტყობინებებს" (28). აქ დაშვებულია ორი შეცდომა: პირველი, მთლიანად უგულებელყოფილია ბიულერის ე. წ. „ორგანული მოდელი", რომელშიც სიგნალის ცნება თავის ლოგიკურ ადგილს იკავებს სიმბოლოსა და სიმპტომის ცნებებს შორის და, ამგვარად, არ შეიძლება მისი გაგება დამოუკიდებლად. მეორე, უფრო სერიოზული შეცდომაა იმის დავიწყება, რომ ყოველთვის საქმე გვაქვს ნიშანთა სხვადასხვა ასპექტებთან; როგორც ჩანს, სიტყვიერი ბრძანება შეიცავს როგორც სიგნალ-სახეობას, ასევე სიმბოლო-სახეობას და განხილული ნიშანი მერყეობს ამ ორ პოლუსს შორის კონტექსტის შესაბამისად.

1. 4. ალბათ უკეთესი იქნება გავიხსენოთ, თუ რას ამბობდა თვით ბიულერი სიგნალის შესახებ თავისი მოდელის ფარგლებში. ბიულერის თვალსაზრისით, სიგნალი იწვევს რეაქციას, რომლის შინაგან და გარეგან მხარეებსაც ის მარ-

თავს, ე.ი. სიგნალი მოქმედებს მოძრაობის მარეგულირებლის მსგავსად, რომელიც ან აკავებს, ან იწვევს რეაქციას. საპირისპიროდ, სიმპტომს (2) საქმე აქვს რეაქციის წყაროსთან, რომლის შინაგან ქცევასაც ის გადმოსცემს და სიმბოლო (5) კი უკავშირდება დესიგნაციას[2].

1. 5. პაზუხინი სამართლიანად აღნიშნავს, რომ საჭიროა „სიგნალებისა და ნიშნების სუბსტანციური განსხვავებულობის დადგენა". შემდეგ ის აანალიზებს „რამდენიმე" „ყველაზე უფრო პერსპექტიულ ცდას"—მათ შორის საბჭოთა ფილოსოფოსებისა და ენათმეცნიერების: ლ. აბრამიანის, ა.ა. ბრუდნის და ა. ზალიზნიაკის ჰიპოთეზებს, და თითქმის ყველა მათგანთან პოლემობს უზუსტობებს. ეს უზუსტობები ძირითადად ერთგვარი შეუსაბამობის შედეგია პაზუხინის მთავარ მოთხოვნასთან, რამდენადაც არც ერთი მის მიერ განხილული მკვლევარი არ იძლევა „სიგნალებსა და სხვა ნიშნებს შორის რეალური ოპოზიციის ადეკვატურ კრიტერიუმს". ჩვენი აზრით, უპირველეს ყოვლისა, არსებითია, რომ სიგნალის მიმართება ნიშანთან ისეთივეა, როგორც მიმართება მარკირებული კატეგორიისა არამარკირებულთან, ანუ სახეობების მიმართება სახესთან, როგორც ეს ბიულერმაც აღნიშნა. შემდეგ, პაზუხინს შემოაქვს და დეტალურად მსჯელობს (როგორც თვით უწოდებს მათ) კონტროლის ორ საშუალებაზე. ორივე ემყარება მიზეზობრივი კავშირის იდეას. ესენია: უშუალო კონტროლი და კონტროლი შეჩერება-განთავისუფლებით. უკანასკნელის განსაკუთრებული შემთხვევაა კონტროლი სიგნალების გაგზავნით. პაზუხინის ეს მსჯელობა შედეგად იძლევა იმავე დასკვნას, რაც იგულისხმება მის მიერ ჩამოყალიბებულ სიგნალის განსაზღვრებაშიც, კერძოდ, რომ „სიგნალსა და მის მიერ გამოწვეულ რეაქციას შორის მხოლოდ შემთხვევითი კავშირი არსებობს" (4.1). მთელი ეს მსჯელობა ერთგვარი გამოძახილია პერსის მიერ ყოველგვარი ნიშნური-პროცესების (ე. ი. სიგნალიზაციისაც) გაიგივებისა იმ პროცესებთან, რომლებიც გულისხმობენ გაშუალებას ან «thirdness» (რაღაც მესამის არსებობას). დასამოწმებლად ვიძლევით შემდეგ ნაწყვეტს: „მნიშვნელოვანია იმის გაგება, თუ რას ვგულისხმობ მე სემიოსისში. ყოველგვარ დინამიკურ მოქმედებას ან მოქმედებას სულიერი ძალით, ფიზიკურს ან ფსიქიკურს, ადგილი აქვს ორ საგანს შორის... ან, ყოველ შემთხვევაში, შედეგია ასეთი მოქმედებებისა წყვილებს შორის. მაგრამ „სემიოსისში" მე, პირიქით, ვგულისხმობ ისეთ მოქმედებას ან გაელენას, რომელიც არის სამის (ნიშნის, მისი ობიექტის და მისი ინტერპრეტანტის) გაერთიანება. ასეთი ერთიანობა ვერ მოისაზრება წყვილებს შორის მოქმედების ფარგლებში... ჩემი განსაზღვრა ყველაფერს, რაც ასე მოქმედებს, აკუთვნებს სახელწოდებას „ნიშანი" (Peirce V, 484).

1. 6. ცხოველთა ქცევის გამოჩენილ მკვლევარს, კარპენტერს, რომელიც ალოპრიმატების შესახებ წერდა, მიაჩნდა, რომ სიგნალური ქცევის ზოგადად განმსაზღვრელი მიზეზი (ბევრ თვისობრიობაში) ემსგავსება, როგორც „კონდენსირებული სტიმულური შემთხვევა, უფრო დიდი მთელის ნაწილს, რაც შეიძლება იწვევდეს გაფართოებულ მოქმედებებს. სიგნალური მოქმედება, თავის უმარტივეს ფორმაში, წარმოიქმნება ინდივიდუალური ორგანიზმით, გადმოგვცემს ინფორმაციას, გაშუალებულია ამ ინფორმაციის ფიზიკური მა-

[2] «Es ist Symbol Kraft seiner Zuordnung zu Gegenständen und Sachverhalten, Symptom (Anzeichen, Indicium) Kraft seiner Abhängigkeit vom Sender, dessen Innerlichkeit es ausdrückt, und Signal Kraft seines Appels an den Hörer, dessen äusseres oder inneres Verhalten es steuert wie andere Verkehrszeichen» (Bühler, 1934: 28).

ტარებლით და გაცნობიერებულია ერთი ან ერთზე მეტი ინდივიდით. სტიმულური შემთხვევის მსგავსად, რომლის განსაზღვრული სახეა სიგნალური მოქმედება, ამ სახის ქცევა ათავისუფლებს უფრო მეტ ენერგიას, ვიდრე სიგნალიზაციისას გამოიყენება" (Carpenter 1969:44). ამჟამად პაზუხინი უკუაგდებს იმ სამ კრიტერიუმს, რომელიც გამოყენებული იყო სიგნალების განსაზღვრისას იმის გამო, რომ „არცერთი მათგანი არ არის არსებითი სიგნალისთვის". ეს კრიტერიუმებია — ყველა მათგანი გამოყენებული ჰქონდა კარპენტერს — განსაზღვრული ოდენობის ენერგიის არსებობა, რაიმეს შესახებ ინფორმაციის ფლობა, ცხოველთა მიერ მისი გადაგზავნა. ჩვენ მხარს ვუჭერთ ამ სამი კრიტერიუმის ამოგდებას სიგნალის მოქმედი განსაზღვრებიდან.

1. 7. სიგნალების მაგალითებია: შეძახილი „წადი!" ან მისი შემცველი, სასტარტო პისტოლეტის გასროლის ხმა (შეთანხმებითი-განმათავისუფლებელი— მექანიკური-განმპირობებელი, როგორც 1.2-ში).

ტერმინი „სიგნალი" გაცვეთილია ცხოველთა საკომუნიკაციო სისტემებისადმი მიძღვნილ გამოკვლევებში. (იხ. Burkhardt 1967, Sebeok 1968, და Sebeok 1972: 135—61-ში ციტირებული ლიტერატურა). იშვიათად მის ნაცვლად გამოიყენება ზოოსემიოტიკური საწყისი display (გამოკვეთა, გამოფენა) (მაგ. Smith 1965:405).

2. სიმპტომი

2.1. სიმპტომი არის გამომწვევი, ავტომატური, მოტივირებული ნიშანი, რომლის აღმნიშვნელი და აღსანიშნი გაერთიანებულია ბუნებრივი რგოლით (სიმპტომების კომპლექსი — სინდრომი — არის სიმპტომების წესით-მართული კონფიგურაცია სტაბილური დესიგნატით).

2.2. ორივე ტერმინს დამატებით სამედიცინო მნიშვნელობაც აქვს. ასე, მაგ., შეიძლება ვთქვათ (მეტაფორულად), რომ „თანამედროვე ანთროპოლოგიის აღმოცენება იყო სიმპტომი კოლონიალიზმისა" და სხვა (იხ. აგრეთვე 2. 7).

2. 3. სიმპტომების თავისებურებაა ის, რომ მათი დენოტატები ზოგადად განსხვავებულია გადმოცემისთვის, ე. ი. პაციენტისთვის („სუბიექტური სიმპტომი") და მიმღებისთვის, ე. ი. ექიმისთვის (მკურნალისთვის) („ობიექტური სიმპტომი"). ბართესის ნაშრომში (Barthes 1972: 38) ვკითხულობთ: «le symptôme, ce serait le réel apparent ou l'apparent réel». ამ გამოკვლევის ზოგიერთი ფროიდისტული იმპლიკაციის შესახებ იხ. Brown (1958: 313); აგრეთვე Kecskemeti (1952: 61); და სემიოტიკის ამ დარგის სხვა საუკეთესო ნაშრომები: Ruesch (ყველაზე ახალი 1973); Shands (განსაკუთრებით 1970).

2.4. საინტერესოა, რომ პორ-როიალის ლოგიკოსებიც ყურადღებას აქცევდნენ განსხვავებას „ჩვეულებრივ" სიმპტომებსა და „სასიცოცხლო ნიშნებს" შორის, არსებითად რაოდენობრივი კრიტერიუმის, საფუძველზე. ასე მაგ., ისინი უკვირდებოდნენ, რომ «il y a des signes certains... comme la respiration l'est de la vie des animaux; et il y en a qui ne sont que probables... comme la pâleur n'est qu'un signe probable de grossesse dans les femmes...» (Arnauld and Nicole 1662 [1816].) სხვაგვარად, ზემომოცემული განმარტების სპეციფიკაციები „ავტომატური, გამომწვევი" დასაზუსტებელია, რადგან, თუმც სიმპტომის დენოტაცია ყოველთვის მისი გამომწვევის ეკვივალენტურია, მაინც ზოგიერთი სიმპტომი ნამდვილად უკავშირდება ანტეცედენტურ პირობას „უეჭველად", მაშინ როცა სხვა

სიმპტომების კავშირი უბრალოდ ალბათობის სხვადასხვა ხარისხითაა დაშვებული[9].

2. 5. სემიოტიკა, რომელიც თავდაპირველად სამედიცინო ინტერესებისათვის გამოიყენებოდა, მიუთითებდა რა ადამიანის სხეულის შესაგრძნობ ცვლილებებზე, შეადგენდა ბერძნული მედიცინის ერთ-ერთ დარგს (სამიდან). სიმპტომი ისტორიულად მნიშვნელოვან კატეგორიას წარმოადგენს, რადგან ის, ყველაზე ადრე განსაზღვრულ ნიშანთა შორის, წარმოდგენილი იყო ნიშანთა თეორიის ნებისმიერ გამოკვლევაში. მაგ., ალექსანდრიელი ფიზიოლოგი ერასისტრატუსი (310 — 250 წწ. ქრისტემდე), ანატომისტი ჰეროფილუსი (335—280 წწ. ქრისტემდე) და ეპიკურელი ასკლეპიადე ბითინიიდან (110 წ. ქრისტემდე), მოხსენიებული სექსტ ემპირიკოსის მიერ. სიმპტომატოლოგია ან სემეოლოგია (Sebeok 1973b), რომელიც საბოლოოდ მედიცინის დარგად განვითარდა (დიაგნოსტიკასთან კავშირში), ამჟამად ჩვენი ინტერესის საგანს წარმოადგენს თავისი ორმაგი დროითი პროექციით ანამნესტურ წარსულსა და პროგნოსტულ მომავალში; ანუ როგორც გალენი (Galen 130—ca. 200) ამბობდა ხოლმე: «Semeiotice in tres partes dirimitur, in praeteritorum cognitionem, in praesentium inspectionem et futurorum providentiam». ზოგად თეორიასა და სამედიცინო პრაქტიკას შორის კავშირის განახლება, რაც ნიშნებსაც მოიცავს, შედარებით ახალი მოვლენაა და მნიშვნელოვნადაა განვითარებული მიშელ ფუკოს ცნობილ ნაშრომში (Barthes 1972: 38). ეს ურთიერთობა გასაოცრად იყო განჭვრეტილი კლაინპაულის მიერ 1882 წ., რომელმაც სათანადო შეფასება მისცა ჰიპოკრატეს (460—377 წწ. ქრისტემდე), როგორც «der Vater und Meister aller Semiotik» (Kleinpaul 1972:103) და გაიზიარა ეს კავშირი თავის დებულებებში, რაც სოსიურის თვალსაზრისის წინარე საფეხურს წარმოადგენდა.

2. 6. ბართს, რომელიც იზიარებს ფუკოს ამ მოსაზრებებს, მიაჩნია, რომ საჭიროა სიმპტომის ნიშნისაგან განსხვავება და ეწინააღმდეგება იელმსლევის ცნობილ სქემას, სადაც ნიშანი წარმოდგენილია ორსახეობრივად: ფორმად და სუბსტანციად (გამოხატულებად და შინაარსად), რაც თავისთავად რომაელი სემიოტიკოსების მოსაზრებების გაგრძელება უნდა იყოს. ბართი სიმპტომს იმ კატეგორიას აკუთვნებს, რომელსაც იელმსლევი უწოდებს აღმნიშვნელის სუბსტანციას და შემდეგ ამტკიცებს, რომ სიმპტომი ნიშანი ხდება მხოლოდ მაშინ, როცა კლინიკური მეტყველების კონტექსტშია მოცემული, ანუ როცა მას ხმარობს ექიმი, მოკლედ, მხოლოდ «par la médiation du langage» (Barthes, 1972: 3 a). ასეთი შეხედულება სამართლიანი უნდა იყოს მხოლოდ ისეთ განსაკუთრებულ შემთხვევებში, როცა სიმპტომატური შეტყობინება განკუთვნილია ექიმისთვის, ან, თუ გავა-

---

[9] არნოლდი და ნიკოლი ნათლად განასხვავებენ ემბლემას (5.0): «Il y a des signes joints aux choses, ... comme l'arche, signe de l'église, étoit à Noé et à ses enfants...» და, ყოველ შემთხვევაში ჩვენი გაგებით, ხატს (3.0); აღბათ, ინდექსსაც (4.0). ეს ჩანს შემდეგი ციტატიდან: „La troisième division des signes est qu'il y en a de naturels qui ne dépendent pas de la fantaisie des hommes comme une image qui paroit dans un miroir est un signe naturel de celui qu'elle représente et qu'il y en a d'autres qui ne sont que d'institution et d'établissement, soit qu'ils aient quelque rapport éloigné avec la chose figurée, soit qu'ils n'en aient point de tout...» (1662 [1816]). პორ-როიალის მკვლევართა მსჯელობები, ჯონ ლოკის Logic და Grammar-ის განსაზღვრული შედეგების შესწავლასთან ერთად ჯერ კიდევ მოითხოვს სათანადო ისტორიულ შეფასებას, ამგვარად, ბრეკლეს მსჯელობა (Brekle, 1964): «Für die Zeichentheorie... ist diese Gattung nicht interessant» — ნაადრევი უნდა იყოს.

ფართოებთ, ვეტერინარისთვის, ან, მეტიც, გამოთვლითი მანქანის შემკეთებელი ინჟინრისთვის. სინამდვილეში ასეთი რამ აუცილებელი არაა. მაგალითად, სიმპტომატური შეტყობინება შეიძლება განკუთვნილი იყოს არამეტყველი არსებებისთვისაც. ავტონომიური ეფექტები, სიმპტომატური გამოკვეთა-აღნიშვნა შესწავლილია დარვინის მიერ. ფაქტიურად, ცხოველთა საკომუნიკაციო სისტემების (შიდასახეობრივი, თუ გარესახეობრივი) შემსწავლელი ნებისმიერი თანამედროვე გამოკვლევა ეყრდნობა დარვინის იმ შეხედულებებს, რომ, მაგალითად, კანის წამონაზარდების ერექცია ხერხემლიანებთან „არის რეფლექსური, ნებისყოფისაგან დამოუკიდებელი მოქმედება. სიბრაზის და შიშის დროს ეს პროცესი უნდა განვიხილოთ, როგორც გაღიზიანებული შეგრძნების ორგანოს საპასუხო შემთხვევითი, უნებური შედეგი (ყოველ შემთხვევაში, დიდი ალბათობით). მსგავსი მოვლენაა (შემთხვევითია) უხვი ოფლის დენა ტკივილის ან შიშის დროს" ადამიანებში (Darwin 1872: 101 f).

ამგვარი და კიდევ სხვა მრავალი ადამიანური წარმოშობის სიმპტომი შეიძლება მარტივად წარმოიქმნას შინაურ ცხოველებშიც (ძაღლი, ცხენი) (როგორც ამას ამტკიცებს ფსიქოლოგიაში კარგად ცნობილი Clever Hans-ის ეპიზოდი, იხ. Hediger 1967); და კიდევ ბევრ სხვა სიტუაციაში, სადაც ენა არავითარ გამაშუალებელ როლს არ თამაშობს (ფაქტიურად არც შეუძლია). ამგვარად, ამ მთლიან სემიოტიკურ პერსპექტივაშიც უცვლელი რჩება ჩვენი თეზისი — ოპოზიცია სიმპტომსა და ნიშანს შორის პარალელურია ოპოზიციისა სიგნალისა ნიშანთან, ე. ი. მარკირებული კატეგორიისა (სახეობა) არამარკირებულ კატეგორიასთან (სახე).

2. 7. ასევე მცდარია დაშვება, რომ სიმპტომის ფუნქცია არის მუდმივად ავადმყოფობის გამოწვევა. როგორც კლაინპაულმა შორსმჭვრეტელურად აღნიშნა, უნდა არსებობდეს „კარგი" ჯანმრთელობის სემიოტიკაც. ე. ი. შეიძლება იყოს კარგად ყოფნის „კაშკაშა" სიმპტომები (შდრ. Kleinpaul 1972: 106). ამგვარად, სიმპტომატოლოგიის ნოსოლოგიასთან გაიგივება შეიძლება არასწორი აღმოჩნდეს (იხ. აგრეთვე 2.2).

2. 8. საინტერესოა, რომ ბიულერი (შნ. 1) თავის ტერმინს, „სიმპტომი", შლის ორი კვაზი-სინონიმური სიტყვით «Anzeichen, Indicium»; და რომ ზოგიერთი მეცნიერი სიმპტომს ინდექსთა (4) ქვესახეობად მიიჩნევს ხშირად შემდეგი კვალიფიკაციით: „უნებური ინდექსები" ან „უბრალო, განუზრახველი ინდექსები" (მაგ., Jakobson 1970: 10). ასეთ განსაზღვრას გარკვეული სირთულეები ახლავს: „განზრახულობა" — ან, უფრო ფართოდ, მიზნის ორიენტაცია — საკომუნიკაციო მოდელში ბევრ სადავო პრობლემას წარმოშობს (Meiland 1970). თვითცნობიერის გაგებით—ე. წ. „სუბიექტური თეოლოგია"—„განზრახულობა" შეიძლება იყოს გადამწყვეტი ნებისმიერი ანთროპოსემიოტიკური სისტემის განსაზღვრისას, რაც ნათლად ახასიათებს ენას, თუმცა არ გამოდგება ზოოსემიოტიკური ანალიზის დროს, სადაც მის გამოყენებას შეიძლება მოჰყვეს გამანადგურებელი შედეგები. „განზრახულობის" შესახებ უფრო დეტალური მსჯელობა ამ სტატიის ფარგლებს სცილდება (მაგრამ იხ. Sebeok 1973 a: fn 63 და შემდგომი).

2. 9. ყველა სხვა ნიშნის მსგავსად (0.4) სიმპტომი შეიძლება მონაწილეობდეს პარადიგმატულ და სინტაგმატურ ჯაჭვებში. დღემდე პარადიგმატული ურთიერთობების გამოკვლევა მხოლოდ ჩანასახოვან ფორმას იღებდა, მაგრამ პერსპექტიული გახდა დიაგნოსტიკაში გამოთვლითი ტექნოლოგიის სულ უფრო მზარდი გამოყენების გამო. სიმპტომების სინტაგმატური გაერთიანება (ურთი-

ერთაკმირი) შეიძლება იყოს ორი სახის: ვუწოდოთ მათ ტოპიკალური (ადგილობრივი) და ტემპორალური (თანადროული). ტოპიკალური სინტაგმა იქმნება ერთმანეთის მიმდევრობით წარმოდგენილი სიმპტომების გაერთიანებით, მაგ., ადამიანის სხეულის სხვადასხვა ადგილას. ამგვარად, ქირურგიული პროცედურების ძირითადი ოპერატიული პარამეტრები შეიძლება იყოს — ელექტროკარდიოგრამა, ელექტროცეფალოგრამა, გულის ცემა, ცენტრალური ვენური წნევა, პერიფერიული არტერიული წნევა, სწორნაწლავის ტემპერატურა, რესპირაცია. ყველა ეს პარამეტრი შეკრებილი და ინტერპრეტირებული უნდა იქნეს სინქრონულად, ავადმყოფის თანმხლები სამედიცინო ჯგუფის მიერ. ტემპორალური სინტაგმა გულისხმობს იმავე წყაროს შესავალ ინფორმაციას, მხოლოდ დალაგებულს დროით ღერძზე. ასე მაგ., ჰედიჯერი (Hediger 1968: 144 ქ) აღწერს: ზოოპარკში მეთვალყურე თვალს ადევნებს ჟირაფების მიერ გამოყოფილ ექსკრემენტებს, რაც წარმოადგენს ერთგვარ გაგრძელებულ დაკვირვებას ცხოველთა ჯანმრთელობის მდგომარეობაზე. „ნორმალურად ნალექის გამოყოფა უნდა გვაძლევდეს ტიპიურ შრიალა ხმას", მაგრამ „თუ ექსკრემენტი გამოიყოფა ნაწილ-ნაწილ, ბუტბუტით", მაშინ მეთვალყურე უნდა მოელოდეს რაღაც პათოლოგიური პირობების გამოვლენასაც.

ყველაფერი ეს საკმაო საფუძველს იძლევა ისეთი მნიშვნელოვანი იდეების შესწავლისათვის, როგორიცაა სინტაგმის, პარადიგმის და ერთჟამიერობის ღერძის ურთიერთობა, თანმიმდევრობა შენაცვლება-კომბინაციასთან და სხვა, ლინგვისტიკისგან ისეთ განსხვავებულ სფეროში, როგორიც სიმპტომატოლოგია ჩანს ერთი შეხედვით. მართალია, ბართის სტატია (1972) საკმაოდ საინტერესო და ჩამაფიქრებელია, მაგრამ, არსებითად, ვიდრე არ იქნება მიღწეული გარკვეული წარმატებები სემიოტიკის უფრო ფართო ფრონტზე, ამ საკითხის დასმა ნაადრევია.

3. ხატი

3. 1. ამბობენ, ნიშანი ხატურია, თუ აღმნიშვნელსა და მის დენოტატს შორის ტოპოლოგიური მსგავსება გვაქვს.

3. 2. 1867 წელს, თავის ნაშრომში „კატეგორიათა ახალი სიის შესახებ", პერსმა პირველად გამოაქვეყნა ამჟამად კარგად ცნობილი ფუნდამენტალური ტრიადა. ამ ნაშრომში ის უპირველეს ყოვლისა ამტკიცებდა, რომ ნიშანთა სამი სახე (ან როგორც ის შემდეგ უწოდებდა მათ — „წარმოდგენა") არსებობს: (a) პორტრეტები (ეს ტერმინი მან მალე უკუაგდო და უპირატესობა მისცა ტერმინს — ხატი), ანუ „ისინი, რომელთა მიმართება თავიანთ ობიექტებთან არის უბრალო ერთობა რაღაც თვისებით"; (b) ინდექსები, „ანუ ისინი, რომელთა მიმართება თავიანთ ობიექტებთან შეიცავს ფაქტიურ შესაბამისობას" და (c) სიმბოლოები (ივიეა, რაც ზოგადი ნიშნები), ანუ „ისინი, რომელთა მიმართების საფუძველი თავიანთ ობიექტებთან მიწერითი ხასიათისაა" (პიროპითია) და რომლებსაც ის შემდეგ „კანონებს" (laws) უწოდებს. სიმბოლო ნიშნავს შეთანხმებას, ჩვევას, ან მისი ინტერპრეტანტის ბუნებრივ განწყობილებას (ჩვენ დავუბრუნდებით ინდექსს IV თავში და სიმბოლოს კი V თავში).

3. 3. უფრო მოგვიანებით, პერსი (11, 277) განასხვავებს ხატთა სამ ქვეკლასს: სურათი (images), დიაგრამა (diagram) და მეტაფორა (metaphors). ხატის ცნება უკავშირდება პლატონისეულ იმიტაციურ პროცესებს, რომლებიც შემდეგ არისტოტელემ გააფართოვა პოეტიკაში (Poetics, IV) ვიზუალური წარ-

მოდგენებიდან შემეცნებით და ეპისტემოლოგიურ გამოცდილებამდე. ხატის სხვადასხვაგვარი განსაზღვრებები ექვემდებარება ანალიზის მეთოდების მრავალფეროვნებას. როგორც ჩანს, ხატის ცნება ჯერ კიდევ ბევრ რთულ და გადაუჭრელ თეორიულ საკითხს ქმნის (3. 4). ხატის ერთ-ერთი სახეობა — images, ახლაც ხშირად უტოლდება ხოლმე ხატს, ან, უფრო მეტიც, გულუბრყვილოდ შემოიფარგლება მხოლოდ ვიზუალური ფორმებით. სურათის ცნება ახლახან განხილული იყო ორ მეტად მნიშვნელოვან გამოკვლევაში (Eco 1972 და Wallis 1973). რაც შეეხება დიაგრამას, მისი ცნება დასაზუსტებელია თვით პერსის სემიოტიკურ გამოკვლევებში და, ამ ბოლო დროს, გულდასმით იყო გადასინჯული ზემანის და რობერტსის მიერ (Zeman 1964, Roberts 1973). პერსი არ იზიარებდა მეტაფორის ანტიკურ რიტორიკულ მექანიზმს. მან სავსებით სამართლიანად მოათავსა მეტაფორა ხატთან (მიუხედავად ტოდოროვის კრიტიკისა[4]). ენის ხატური ფუნქცია ამასწინათ განხილული იყო იაკობსონის, ვალესიოს და ვესკოტის შრომებში: (Jakobson 1965; Valesio 1969; Wescott 1971).

3. 4. მიუხედავად იმისა, რომ არსებობს საკმაოდ ვრცელი და მეტად სასარგებლო ლიტერატურა, რომელიც გვეხმარება ხატის ცნების დადგენასა და სწორად გააზრებაში, რამდენიმე სერიოზული პრობლემა კვლავ განაგრძობს არსებობას. ორ მათგანზე — ვუწოდოთ მათ სიმეტრიისა და რეგრესიის საკითხი — ნამდვილად ღირს შეჩერება და სპეციალური მსჯელობა. ზოგიერთი სხვა პრობლემა განხილულია ეკოს მიერ (Eco 1972:197—230, და 1972).

3. 4. 1. უოლისი, მისდევს რა ტრადიციულ წარმოდგენებს, უშვებს ex catheldra, რომ „რეპრეზენტაციის მიმართება ასიმეტრიულია: ხატური ნიშანი, ან რაიმე დამოუკიდებელი შეთანხმებითი ნიშანი, გამოხატავს თავის რეპრეზენტაციას, მაგრამ არა პირიქით". მოდით განვიხილოთ ასეთი მაგალითი: ვთქვათ, გადავიღეთ რომელიმე ცნობილი ტილოს (მაგალითად, ჯოკონდას) რეპროდუქციის ფოტო. ეს ფოტოსურათი იქნება ხატური ნიშანი ანუ წარმოდგენა რეპროდუქციისა, რომელიც ამ შემთხვევაში დენოტატი ხდება, მაგრამ თავისთავად წარმოადგენს ხატურ ნიშანს ორიგინალი პორტრეტისა, რომელიც ლუვრშია გამოფენილი (მისი დენოტატი); მაგრამ ეს ტილო თავის მხრივ არის. აგრეთვე. ხატური ნიშანი ლეონარდოს მოდელისა — ჭალბატონისა, რომელიც ცნობილია მონა ლიზას სახელით (მისი დენოტატი). ამ დიაქრონიულ თანმიმდევრობაში მონა ლიზა პირველია, შემდეგ მოდის მისი პორტრეტი, შემდეგ მისი რეპროდუქცია და ბოლოს ფოტოსურათი. აღსანიშნავია, რომ არცერთ ზემომოყვანილ განმარტებაში (3,3 ან 3,2) არ არის ისეთი რამ მოცემული, რაც უნდა მოითხოვდეს რაიმე სახის ქრონოლოგიურ დალაგებას: პერსის განმარტება ლაპარაკობს „უბრალო ერთობაზე რაღაც თვისებით" და ჩვენ კი მხოლოდ „ტოპოლოგიურ მსგავსებაზე", რაც თანაბრად შეიძლება მიუდგეს ქრონოლოგიურ თანმიმდევრობაში როგორც წინამავალს, ასევე მომდევნოს. საინტერესოა, აღმნიშვნელსა და აღსანიშნს შორის მიმართების ასეთი, დროის თვალსაზრისით პროგრესული თანმიმდევრული წარმოდგენა უბრალოდ არამოტივირებული შეთანხმებაა, თუ არა? ამ საკითხის სირთულე შეიძლება გამოჩნდეს შემდეგი

---

[4] ტოდოროვი ამბობს: „ხატი უფრო სინეკდოხურია, ვიდრე მეტაფორული. არ შეიძლება ითქვას, რომ შავი ლაქა ემსგავსება შავ ფერს"; და სინეკდოხე კი, ისევე როგორც სხვა რაიმე მეტონიმი, ნათლად ინდექსურ ნიშანთა კატეგორიას მიეკუთვნება, რამდენადაც შეესაბამება ინდექსის განმარტებას (4.): შეიძლება ითქვას, რომ შავი ლაქა არის შავი ფერის ნიშანი.

მაგალითად: წარმოვიდგინოთ ყველასათვის ცნობილი თანამედროვე გამოჩენილი პირი, ვთქვათ, რომის პაპი, რომელიც ჩემთვის — ისევე როგორც თითქმის ყველა კათოლიკესათვის — ცნობილია მხოლოდ ფოტოსურათით ან სხვა რაიმე ილუსტრაციული ხასიათის წარმოდგენით, მაგრამ, ვთქვათ, ერთხელ მე ვხვდები მას ცოცხალს: ამ შემთხვევაში ცოცხალი პაპი ჩემთვის უნდა იქცეს „ხატურ ნიშნად" (რომის პაპის ფოტოგრაფიული ან ლითოგრაფიული დენოტატისა). (პერსს, რასაკვირველია, არაფერი უცნაური და უჩვეულო არ დაუნახავს ისეთი ადამიანის არსებობაში, რომელიც თავისთავად ნიშანია; იხ. V, 314 და VI, 344). თუ ეს ატრიბუტი რეფლექსურობისა აუცილებელი დამახასიათებელი თვისებაა ხატის, მაშინ უეჭველად დროა, კომპლექსურად გადაისინჯოს ხატის ამჟამად არსებული ყოველი განსაზღვრება.

2.4.2. რაც შეეხება რეგრესიის თავბრუდამხვევ პრობლემას, მისი გადმოცემა შეიძლება შემდეგი მაგალითით: ჩვილი ქალიშვილი, შეიძლება ითქვას, არის თავისი დედის ხატური ნიშანი, თუ გვაქვს ტოპოლოგიური მსგავსება მას, როგორც აღმნიშვნელსა და დედამისს, როგორც მის დენოტატს შორის. აგრეთვე, პატარა გოგო შეიძლება (უეჭველად ნაკლები ხარისხით) იყოს ხატური ნიშანი თავისი მამისა, ნებისმიერი თავისი და-ძმისა, მისი ოჯახის ყოველი წევრისა და მეტიც, ადამიანთა რასის ნებისმიერი წარმომადგენლისა, აგრეთვე ყველა პრიმატისა, შემდეგ ძუძუმწოვრისა, ხერხემლიანისა და ა. შ. დაუსრულებელი რეტროგრესულობით უფრო ზოგადი დენოტატისკენ. ხატური ნიშნის ეს თავისებურება, უეჭველია, გაცილებით უფრო მეტ ყურადღებას იმსახურებს. ის მნიშვნელოვანია ნაწილობრივ ლოგიკის საფუძვლებისათვის, ნაწილობრივ ფსიქოლოგიური საწყისების გაშუქებისათვის. მისი მცირერიცხოვანი იშპლიკაციები მართვისა და კულტურის ისტორიისათვის გამოყენებულია უოლისის მიერ (Wallis 1973:494—97).

2.5. ხატურობის საკმაოდ ბევრი მაგალითი შეიძლება მოიძებნოს ცხოველთა სამყაროში (გენოტიპური ხატების შესახებ იხ. Gregory Bateson, Sebeok 1968: 614 ff.). ეს ნიმუშები მოიცავს თითქმის ყოველგვარ წყაროს — ქიმიურს, ვიზუალურს, სმენითს. ქიმიური ნიშნის ხატური ფუნქციის ნათელი მაგალითია შიშის სუბსტანცია ჭიანჭველათა Pogonomyrmex badius სახეობაში: თუ საშიშროება კოლონიისთვის მომენტალურია (ხანმოკლეა), სიგნალი (ფერომონის გამოყოფილი რაოდენობა) სწრაფად ქრება და ამდენად კოლონიის ძირითადი მასა აუფორიაქებელი რჩება; პირიქით, თუ საშიშროება გრძელდება, სუბსტანცია ერცელდება და მუშა-ჭიანჭველების დიდ რაოდენობას მოიცავს. ნიშანი ხატურია, რამდენადაც ის იცვლება ქცევის სტიმულის გაზრდის ან გაქრობის ანალოგიური პროპორციებით (Sebeok 1972a—95 f).

გარკვეული სმენით-იმიტაციური ქცევები გვიჩვენებს სმენითი ნიშნის ხატურ ფუნქციას. ასე, მაგალითად, ბუზი Spilomyia hamifera Lw, როცა Dolichovespula arenaria F. კრაზანას მახლობლად ფრენს, იძლევა ფრთის დარტყმის განსაზღვრულ ტემპს: 147 დარტყმა წამში (ამავე დროს იგი შეფერილობითაც ემსგავსება კრაზანას). რადგან აღნიშნული კრაზანა ფრენს წამში 150 ფრთის დარტყმით, ამდენად მათი ფრენა განურჩეველი ხდება ბუზისმჭერი ჩიტებისათვის (Sebeok 1972 a : 86 f.). და ბოლოს, კომპლექსური ქცევის საუკეთესო (ზოგჯერ საკამათო) ნიმუში, რომელიც ფუნქციონირებს ვიზუალური ხატური ნიშნის მსგავსად, აღწერილია კლოფტის მიერ (Kloft 1959): უკანა ბოლო მცენარის ტილის მუცლისა და მისი უკანა ფეხების სპეციფიკური მოძრაობა მუშა-ჭიანჭველისთვის

წარმოადგენს შედგენილი ნიშნის გამოხატულებას, რომელსაც ჰიანჭველა მეორე, მეთაური, ჰიანჭველას გადასცემს ულვაშის მოძრაობით. სხვაგვარად, ჰიანჭველა თავისი დენოტატით (ჰიანჭველის წინა ბოლო) იმეორებს ნიშანს (ტილის უკანა ბოლო) და ასე ადგენს ინფორმაციას, ე. ი. ტილს გამოიყენებს პორტრეტად (effigy — ხატის ქვესახეობა).

4. ინდექსი

4. 1. ამბობენ, ნიშანი ინდექსურია, თუ მისი აღმნიშვნელი არის თავისი აღსანიშნის contiguous (მონათესავე, მახლობელი) ან უბრალოდ მისი ნიმუში.

4. 2. ამ განმარტებაში ტერმინი contiguous აუცილებლად არ ნიშნავს „მიერთებულს“ ან „მომიჯნავე, მოსაზღვრეს“: ასე, მაგალითად, პოლარული შეიძლება იყოს განხილული როგორც ინდექსი ჩრდილოეთ მსოფლიო პოლუსისა, რაღაც დიდი დისტანციების შემოსაზღვრის აზრით. უფრო მეტად, ტერმინის მნიშვნელობა გარკვეული უნდა იყოს ხატის განსაზღვრების ძირითად პრინციპთან (ანუ მსგავსებასთან) შეპირისპირებით. ტერმინი contiguous ამორჩეული იყო მისი მრავალმხრივი ხმარების გამო (როდესაც ის უკავშირდებოდა „მსგავსს“) ინტელექტუალური ძიებების სხვადასხვა სფეროში, დაწყებული ჰომეოპატურ—კონტაგიური გრძნეულობიდან (Frazer, იხ. Sebeok 1972: 516), პოეტიკის და რიტორიკის (სისტემა—ტექსტი, მეტაფორა—მეტონიმი), გეშტალტ-ფსიქოლოგიის (მსგავსების ფაქტორი—სიახლოვის ფაქტორი, Wertheimer 1923: 304—11), ნევროლოგიის (იაკობსონისა და ლურიას აფაზიის პოლუსური ტიპების ჰიპოთეზა), და, რასაკვირველია, სოსიურისეული ტრადიციის ლინგვისტების (პარადიგმატული ღერძი—სინტაგმატური ღერძი, ოპოზიცია — კონტრასტი) და სხვათა ძირითად საკითხებამდე.

4. 3. პერსის ცნება თავის დროზე ახალი და საკმაოდ ნაყოფიერი იყო, როგორც ეს სამართლიანად აღნიშნა უელსმა (Wells 1967: 2b). პერსის ინდექსურ ნიშნებს შეეხო რამდენიმე გამოჩენილი ფილოსოფოსის გამოკვლევა. ისინი ამ ნიშნებს უწოდებდნენ ან ეგოცენტრულ თვისებებს (Russell, 1940), ან ერთეულ-რეფლექსურ სიტყვებს (Reichenbach 1948), ან ინდექსურ გამოსახულებებს (Bar-Hillel 1954), ან რაიმე სხვას (Gale 1967). ამასთანავე, პერსის იდეები დღესაც იწვევს ზოგიერთი თანამედროვე ლინგვისტის რეციზიონისტულ შეხედულებებს და ამტკიცებს, რომ „გრამატიკული თეორია... თავის სამოქმედო სფეროში უნდა იტევდეს... მეტყველების თეორიას; და რომ ეს გარკვეული მიხვედრები დეიქსური და ნაცვალსახელოვანი მითითების შესახებ თავსდება ამ თეორიაში“ (Fillmore 1972: 275). რასაკვირველია, დეიქსური პროცესი ადრეც იყო ცნობილი ლინგვისტებისთვის (მაგ., Frei 1944). განსაკუთრებით, „მცვლელის“ (shifter) სახით—mot juste, რომელიც ჩამოყალიბებული იყო იესპერსენის მიერ 1922 წელს (Jespersen 1964: 123) და შემდეგ გაფართოებული სტერტევანტის (Sturtevant 1947 : 135) მიერ. მას შემდეგ ეს იდეები მნიშვნელოვნად განავრცო იაკობსონმა[3]. ამჟამად დეიქსური პროცესები, ძირითადი თეორიული იმპლიკაციების სრული გამორკვევით,

---

[3] ლაკანის ძლიერი მეტაფორის თანახმად, არაცნობიერი (unconscious) სტრუქტურირებული უნდა იყოს ენის მსგავსად. შეიძლება ითქვას, რომ unconscious—conscious დიქოტომიის გაუქმება ცნობიერს აქცევს „მცვლელის“ მსგავს ერთეულად, და აქედან ისიც მიისწრაფვის ინდექსური ნიშნის მსგავსად ფუნქციონირებისაკენ.

შეისწავლება ფილმორის გრამატიკულ თეორიაში (1973), მის საუკეთესო სტატიებში, რომლებიც ეხება სივრცით, დროით, წარმოსათქმელად ორიენტირებულ და სოციალურად განმტკიცებულ გამონათქვამებს „რეალურ სამყაროში“. მისი გამოკვლევები, როგორც ჩანს, ამჟამად ყველაზე უფრო პერსპექტიულია სოციოლინგვისტიკის რიგი საკვანძო საკითხების გადასაწყვეტად და შეიძლება საბოლოოდ ყველაზე უფრო შემოქმედებით მიახლოებად იქცეს იმ შორეული საკითხებისა, რომლებსაც ჩვეულებრივ აღნიშნავენ ტერმინით „პრაგმატიკა“ (Carnap 1942; Staal 1971). (შდრ. აგრეთვე Peirce II, 289).

4. 4. ერთ-ერთ მის ყველაზე უფრო საინტერესო მაგალითში პერსი აღნიშნავს, რომ რობინზონ კრუზოს მიერ სილაში ნაპოვნი ფეხის ანაბეჭდები „მისთვის იყო ინდექსი რაღაც არსებისა“. „ასეთი აღრიცხვების ფართო რუკა“ ყოველდღე „იბეჭდება“ სხვადასხვა სახის ცხოველების მიერ მთელი დედამიწის ზედაპირზე და არის „არაჩვეულებრივი ნაირსახეობის გზები და ტრასები, ხშირად წარმოდგენილი გასაოცარი სიცხადით“. „ფეხის ანაბეჭდების კოდით გადმოცემული ამბები“ შესაძლებელს ხდის „სამყაროს გაგებას“ და მშვენივრად იშიფრება ისეთი პრაქტიკოს-ნატურალისტების მოღვაწეობის წყალობით, როგორიცაა ენიონი და ტინბერგენი (Ennion, Tinbergen 1967 5). მათი დაწვრილებითი ფოტოსურათები და სივრცის ანაბეჭდები მართლაცდა გასაოცარი რაოდენობის ინდექსურ ნიშნებს აღწერენ ჩვეულებრივი აზრით.

როგორც ეს შერზერმა გვიჩვენა (Sherzer 1973), პანამის კუნა ინდიელებს შორის ხმარებული მოკუმული ბაგის ჟესტ-ნიშანი წარმოადგენს არასიტყვიერი ინდექსების სიტყვიერ ინდექსებთან გაერთიანების, კულტურული ინტეგრაციის აშკარა ნიმუშს.

Cerophagous picarian ჩიტების პატარა ოჯახი, რომელთა ზოგადი სახის მეცნიერული სახელია Indicator indicator (nomen est omen?), ცნობილი თაფლის მზვერავები არიან. მათ საოცარი სიმბიოზური ურთიერთობა აქვთ დამყარებული (წმინდა ინდექსური კავშირის გამოყენებით) განსაზღვრულ ძუძუმწოვრებთან: ratels, baboons და ადამიანებთან. ისინი თავიანთ სიმბიონებს ეძებენ გარეული ფუტკრის ბუდეების მახლობლად. ამ პროცესში წამყვანი ძირითადად დელოფონური ელემენტებია, თუმცა ასევე წარმოდგენილია დელოტროპული ელემენტებიც. მოჩვენებითი მზვერავი ჩიტი ჩნდება, ვთქვათ, ადამიანის მახლობლად; აქეთ-იქით ფრენს, სანამ მის ყურადღებას არ მიიქცევს და ვიდრე ადამიანი მას არ გამოედევნება. მთელი დევნის განმავლობაში ჩიტი მხედველობიდან არ უშვებს მდევარს. თუმცა ჩიტის ფრენა თეთრი ფრთების ფართო ქნევით მიმანიშნებელია, თაფლის მზვერავი მიზანს ძირითადად მაინც ჰიკჰიკის განმეორებითი სერიებით „აჩვენებს“. ჰიკჰიკი იკლებს, როცა ჩიტი ხედავს ფუტკარს (რომლის ბუდეც, რასაკვირველია, მისი სამიზნეა), ან ესმის მისი ბზუილი (Friedeman 1955).

თაფლის მკეთებელი ფუტკრების მიერ საკვები წყაროს ექპლოატაციის თეორია დამუშავებულია ბევრი მეცნიერის (ენათმეცნიერის თუ სემიოტიკოსის) მიერ. საზოგადოდ გავრცელებული აზრია, რომ თუ საკვების წყარო 100 მეტრზე უფრო შორს მდებარეობს, მაშინ ფუტკარი ინფორმაციას (მიზნის მიმართულებას) გადაგზავნის ცეკვით (ცუდის ქნევით). მზე გამზიყენება საორიენტაციო მისათითებელ წერტილად. მაგ., თუ ფუტკარი ცეკვავს ჰორიზონტალურ სიბრტყეში, მაშინ „კუდის ქნევის მიმართულება ემთხვევა მიზნის მიმართულებას“. ეს კი ნიშნავს, რომ ნიშანი ინდექსურია; (რიტმი „აღნიშნავს“

დისტანციას შემდეგი სამუალებით: უფრო შორი მიზანი — ცეკვის უფრო ნაკლები ციკლი მოცემულ დროში). თუ ცეკვა ვერტიკალური სვეტის ზედაპირზეა (რასაც ადგილი აქვს ბნელ სკაში), მაშინ „მოცეკვავე გადმოსცემს“ მზის კუთხეს გრავიტაციული კუთხის მიხედვით“: თუ ცეკვა ზემოთკენაა მიმართული, მაშინ საკვების წყარო მდებარეობს მზის მიმართულებით; თუ ქვემოთ, მზის საწინააღმდეგო მიმართულებით; თუ შვეული ხაზიდან 60°-ით მარცხნივ, მაშინ 60°-ით მარცხნივ მზის მიმართულებიდან და ა. შ. (მონაცემები ამოღებულია Frisch 1967:230 f.). ამ შემთხვევაში (ანუ როცა გრავიტაციის შესაბამისი კუთხე გამოიყენება საორიენტაციოდ) ნიშანი წყვეტს ინდექსურობას და ახლა მისი სიმბოლური მხარე იჭერს მთავარ ადგილს.

5. სიმბოლო

5.1. ნიშანი სიმბოლურია, თუ აღმნიშვნელსა და მის დენოტატს შორის არარის რაიმე სახის მსგავსება ან სიახლოვე და მათ შორის მხოლოდ შეთანხმებითი კავშირი არსებობს.

5.2. სპეციფიკაცია „შეთანხმებითი კავშირი“ — პერსის „მიწერილი ხასიათი“ — მოცემულია, რასაკვირველია, იმისათვის, რომ სიმბოლო განსხვავდეს ხატისა (3.1) და ინდექსისაგან (4.1). სპეციფიკაცია „ინტენსია“, მეორეს მხრივ, საჭიროა, რათა სიმბოლო განვასხვავოთ სახელისაგან (6.1), როგორც ჩვენ ამას შემდეგში დავინახავთ. ლოგიკური დაპირისპირება „ინტენსიას“ (ზოგჯერ მას, აგრეთვე, „ობიექტურ ინტენსიას“ უწოდებენ) და „ექსტენსიას“ შორის მრავალი სხვადასხვაგვარობითაა წარმოდგენილი. მათგან 220—დალაგებული ჩვენი წელთაღრიცხვის 530 წლიდან 1966 წლამდე—მოცემული აქვს ფრიშს (Frisch 1969: 183 — 214). კარნაპის (Carnap 1956: 18) თვალსაჩინო გამოკვლევის (უკანასკნელი სიტყვა იხ. Stanosz 1970) თანახმად, „ინტენსიის“ გამოყენება უფრო ხშირად ცვალებადია, ვიდრე „ექსტენსიისა“. ჩვენთვის ინტენსიონალურად განსაზღვრული კლასი არის რაღაც პროპოზიციული ფუნქციის გამოყენებით განსაზღვრული კლასი. დესიგნაციის დენოტატები განსაზღვრულია მხოლოდ და მხოლოდ ამ კლასის ყოველი წევრისთვის დამახასიათებელი თვისებებით (მიუხედავად იმისა, ასეთი თვისებები ცნობილია თუ არა) (Reichenbach 1948: 193). ლიუისის ტერმინოლოგიით, „ინტენსია“ მიგვითითებს „უველა ისეთი ტერმინის გაერთიანებაზე, რომელთაგან ყოველი უნდა იყოს გამოსადეგი ნებისმიერისთვის, რომელსაც კი მოცემული ტერმინი შეიძლება მიუდგეს“ (Lewis 1946: 39).

5.3. საერთოდ მიჩნეულია, რომ წინამდებარე სტატიაში განხილულ ტერმინთა შორის „სიმბოლო“ უველაზე უფრო არასწორად ხმარებული ტერმინია: ის ან უაზროდ გადატვირთულია (.1), ან, პირიქით, დაყვანილია ქცევითი მოვლენების ზოგად სახეებამდე (.2), ან აბსურდულ გაბათილებამდეც კი (.3). ამ ტენდენციების რამდენიმე საილუსტრაციო ხასიათის მაგალითი ქვემოთ იქნება განხილული, რათა უფრო ნათლად გამოჩნდეს ცნებების ზუსტად განსაზღვრის აუცილებლობა.

5.3.1. სიმბოლურ ფორმათა ცნების მეტად ფართო გამოყენება, გაუმართლებელი ზედმეტი განზოგადება თან სდევს ერნსტ კასირერის ფილოსოფიის მიმდევართა ნაშრომებს. მაგ., კულტურულ ანთროპოლოგიაში ამის ნიმუშია ლესლი

უაიტი, რომელმაც აღნიშნა: „ადამიანური ქცევა არის სიმბოლური ქცევა; სიმბოლური ქცევა არის ადამიანური ქცევა. სიმბოლო არის ადამიანურობის სამყარო. ამ სამყაროს გასაღები და მასში მონაწილეობის აუცილებელი პირობა არის სიმბოლო". ეს ჰიპერბოლა ასახული და გაზიარებულია სიმბოლოთა შესწავლის ინტერნაციონალური საზოგადოების დამაარსებლის თვალთახედვაშიც (Kahn, 1969).

5. 3. 2. ფსიქოლოგ კანტორის თანახმად „ტერმინი „სიმბოლო" შექმნილია სავალდებულოდ ყველა ისეთი პროცესისათვის, რასაც ფსიქოლოგი სტიმულს უწოდებს" (Kantor 1936: 63). შეიძლება გაჩნდეს ასეთი კითხვა: რამდენად ფართოდაა გავრცელებული ქცევათა შემსწავლელ მეცნიერებს შორის ასეთი გადაწარბება?

5. 3. 3. მიუხედავად იმისა, რომ ტერმინი „სიმბოლო" მოცემულია ჩარის სხვა შემთხვევაში მეტად სასარგებლო და მნიშვნელოვან ტერმინოლოგიურ სიტყვარში, მის განმარტებას მოსდევს ასეთი უცნაური ფრაზა: „ჩვენ თავს ავარიდებთ ტერმინს „სიმბოლო" იმდენად, რამდენადაც ეს შესაძლებელი იქნება ამ წიგნში ..." (Cherry 1966: 309). ამასთან დაკავშირებით, აღსანიშნავია, რომ ეს ტერმინი საერთოდ არ შეინიშნება ბევრ საკმაოდ მნიშვნელოვან გამოკვლევაში (შესაძლებელია შენარჩუნებული იყოს მხოლოდ გარკვეულ კომბინაციაში „ფონეტიკური სიმბოლო"), თუმცა არის რამდენიმე გამონაკლისიც (განსაკუთრებით Landar 1966 და Chao 1968).

5. 4. სიმბოლოთა ქვესახეობები, რომელთა სემიოტიკური მნიშვნელობა იშვიათად მაინც ყოფილა სათანადოდ შესწავლილი, წარმოდგენილია თანამედროვე ინგლისურში, თავისი მეტად ან ნაკლებად ზოგადი გამოყენებით. ასეთი მეორეხარისხოვანი ტერმინები მზარდი ინტენსიით მოიცავს შემდეგ ნიშნებს: ალეგორია (allegory), გულსაბნევი ნიშანი (badge), სამარკო ნიშანი (brand), დევიზი (device) (ჰერალდიკაში), ემბლემა (emblem), ორდენი (insignia), მოსანიშნი (mark) და დაღი (stigma), როდესაც ის სიმპტომისაგან განსხვავებულად იხმარება (როგორც ეს გვაქვს, ვთქვათ, გამოთქმაში «venous stigmata» — ალკოჰოლური უკიდურესობა)*.

ახლა მოკლედ განვიხილოთ მხოლოდ ერთ-ერთი მათგანი — ემბლემა. ცხადია, რომ მისი განაწილება უფრო ვიწრო უნდა იყოს, ვიდრე მისი უშუალო სუპერორდინატისა; ასე მაგ., შეიძლება ვთქვათ, რომ ნამგალი და ურო არის კომუნისტური პარტიის ან სიმბოლო, ან ემბლემა; ან, ვთქვათ, ეიფელის კოშკი — პარიზისა; მაგრამ არ შეიძლება, რომ H_2O იყოს ემბლემა; ან /ə/— ფონეტიკური ემბლემა.:

---

* „ბერძნებმა... ტერმინი stigma შექმნეს სხეულებრივ ნიშნებზე მისათითებლად. მათ სურდათ აღენიშნათ აღმნიშვნელის მორალური სტატუსის შესახებ რაღაც ცუდი, უჩვეულო. ნიშნები ამოჭრილი ან ამომწვარი იყო სხეულზე და ყველას ამცნობდა, რომ ამ ნიშნის მატარებელი იყო მონა, ბოროტმოქმედი, ან მოღალატე. ასეთ „ნაკლიან" პიროვნებას ძველებდნენ, განსაკუთრებით, ხალხმრავალი ადგილებიდან, რადგან ის შეურაცხყოფდა საზოგადოებას თავისი დასწრებით. შემდეგ, ქრისტიანულ პერიოდში ამ ტერმინს დაემატა ორი მეტაფორული მხარე: პირველი მიუთითებდა საღმრთო წყალობის სხეულებრივ ნიშნებზე, რომლებმაც კაზუ ამოხეთქილი, ნაყვავილარის სახე მიიღეს; მეორე, სამედიცინო ვარიანტი ამ რელიგიური ნიშნებისა, მიუთითებდა ფიზიკური დაავადებების სხეულებრივ ნიშნებზე.

დღესდღეობით ტერმინი ფართოდ იხმარება პირველადი მნიშვნელობით, მაგრამ უფრო თვით სასირცხვილო, თავისმოსაპრელი ფაქტის აღსანიშნავად, ვიდრე ამ ფაქტის სხეულებრივ ნიშნებზე მისათითებლად (სიმბოლოს სტატუსის, ან prestige symbol —stigma symbol-ისა და მათი დაპირისპირების შესახებ „ზერელე ნიშნებთან" იხ. Goffman, გვ. 43—48).

ქვემოთ მოცემული მტკიცება პირველად წინ წამოსწია დავით ეფრონმა 1941 წელს (David Efron 1972), შემდეგ ეკმანმა და ფრისენმა (Ekman and Friesen 1969) უფრო დააზუსტეს და მოგვცეს ემბლემის ცნების ასეთი განმარტება: „ემბლემა ყველა სხვა არა-სიტყვიერი ნიშნისაგან, უპირველეს ყოვლისა, განსხვავდება თავისი გამოყენებით და, განსაკუთრებით, თავისი ურთიერთობით სიტყვიერ ქცევებთან წინასწარ მოფიქრებულობითა და განსაზღვრულობით. ემბლემები ისეთი არა-სიტყვიერი აქტებია, რომელთაც აქვთ პირდაპირი სიტყვიერი თარგმანი ან ლექსიკური განმარტება, რაც ჩვეულებრივ შედგება ერთი ან ორი სიტყვისა ან მთელი ფრაზისაგან. ემბლემის ეს სიტყვიერი განმარტება (ანუ თარგმანი) კარგადაა ცნობილი გარკვეული ჯგუფის, კლასის, თუ კულტურის ყოველი წევრისთვის... ადამიანებმა თითქმის ყოველთვის იციან, თუ როგორ უნდა გამოიყენონ ემბლემა; ანუ იციან — როდის შეიძლება ემბლემის ხმარება, შეუძლიათ გაიმეორონ თუ კი ვთხოვთ ამის გაკეთებას და საკომუნიკაციო პასუხისმგებლობას გრძნობენ მისი ხმარებისას. ეკმანს და ფრისენს აქ მხოლოდ არასიტყვიერი ემბლემები აქვთ მხედველობაში და ამ შემთხვევაში კი, მართლაც, ემბლემა ყველაზე უფრო ხშირად მოცემულია უაღრესად ფორმალიზებული სიმბოლოს სახით ფიზუალურ მოდალობაში; თუმცა აუცილებელი არ არის ყოველთვის ასე იყოს. მაგალითად, ლევი-სტროსი ამტკიცებს, რომ გენეალოგიის წარმოდგენა (ვთქვათ, აფრიკული ტომების მეთაურებისა) უფრო თვალსაჩინო იქნება, თუ ის ემბლემურია. ასეთი სიტყვიერი აქტები შეიძლება თავისუფლად მოთავსდეს ზემოხსენებული ფორმულირების ფარგლებში, როგორც ეს, ალბათ, სამართლიანია ჰოლანდერის მიერ ნიშანთა აშკარად უფრო იდიოსინკრატული ხმარებისათვის (Hollander 1959)[7].

ცხადი უნდა იყოს თუნდაც ამ საკმაოდ მცირე, არასრული მსჯელობიდან, რომ სიმბოლოს სიტყვიერი ველი (Wortfeld) მეტად კომპლექსურია და რომ ემბლემა და მისი მონათესავე ტერმინები საჭიროებს უფრო სრულ, სწორ ლექსიკოგრაფიულ აღწერას უშუალოდ მათი მმართველი ტერმინის (სიმბოლოს), როგორც მთლიანის, ლექსიკური მნიშვნელობის დადგენასთან დაკავშირებით.

5. 5. ხშირად ამტკიცებენ, რომ სიმბოლო ადამიანთა სპეციფიკური თვისებაა, animal symbolicum. ორგანიზმთა ეს შესაძლებლობა, შექმნან ინტენსიონალური კლასის ცნებები შემდგომში ვითარდება ფილოგენეზში. ეს შესაძლებლობა, განსაკუთრებულიდან (ერთეულიდან) უნივერსალურის კონსტრუირებისა, გათვალისწინებული იყო მათემატიკურ-ნეიროლოგიური საბუთიანობით მეოთხედი საუკუნის წინ (Pitts, McCulloch 1945; შდრ. Arbib 1971).

5. 1. სიმბოლოს მოცემული განმარტებისა და უფრო ზოგადი არისტოტელესეული განმარტების თანახმად, რომელიც ეყრდნობოდა პირობითობის პრინციპს, რაც ლინგვისტიკაში წინ წამოწიეს ვილიამ დუაიტ უიტნიმ და მას შემდეგ სოსიურმა (Engler 1962, Coseriu 1967), ცხოველებს უეჭველად ა ქ ვ თ სიმბოლოები.

---

[7] იხ. პრაზის შესანიშნავი წიგნი, რომელიც ემბლემებს და დევიზებს ეხება. პრაზი მათ მე-17 საუკუნის ლიტერატურული ჟანრების მონათესავედ მიიჩნევს. ის ამბობს: „ემბლემა აერთიანებს „გამოუთქმელ წარმოდგენას", ლიტერატურული აღწერის „მეტყველ წარმოდგენას" და „მნიშვნელობის წარმოდგენას"; ან გადასვლას მორალურ და მისტიკურ მნიშვნელობებზე" (Praz 1964:171).

ჩვენ ადრე (Haldane 1955 : 387; Sebeok 1973 : 196) მოვიყვანეთ მრავალი მაგალითი, რომელთა გაშლა შესაძლებელია. ასე, მაგალითად, შეშინებული მაიმუნი rhesus თავის კუდს მოკაკულად უკან ატარებს, მაშინ როცა მაიმუნი baboon თავის შიშს გამოხატავს კუდის ვერტიკალურად დაჭერით. ასეთი მსჯელობა ყოველთვის არაა მართალი: „პატარა baboon მაიმუნის დედას კუდი ვერტიკალურად შეიძლება ეჭიროს არა მხოლოდ შიშის დროს, არამედ იმისთვისაც, რომ თავის პირმშოს დაეხმაროს თავის ზურგზე წონასწორობის შენარჩუნებაში. კუდი შეიძლება ვერტიკალურად იყოს აღმართული მაშინაც, როდესაც მაიმუნი მომწყვდეულია კუდით“ (Rowell 1972 : 87). ალტმანის თანახმად, „პრიმატებში შესწავლილი სემანტიკური სოციალური სიგნალები ასევე პირობითი წარმოდგენებია მცირეოდენი გამონაკლისით“ (Allman 1967 : 338); და, უფრო ზოგადად, ბრონოვსკის მიხედვით „ბუნებრივია, რომ თუ მხოლოდ ხალხი აზროვნებს პირობითი სიმბოლოებით, მაშინ მათთან საუბარში მხოლოდ ასეთი სიმბოლოები უნდა გვხვდებოდეს, მაგრამ, ეს ასე არაა“ (Bronowski 1967 : 376). ასევე მანფრედ ლურკერიც, ადამიანთა სიმბოლური პროცესების შემატიანე, დარწმუნებულია, რომ «sicher gibt es Symbolerscheinungen im Reich der Tiere» (Manfred Lurker 1968 : 4).

ცხოველთა ქცევაში სიმბოლურობის დამადასტურებელი მაგალითისთვის კვლავ მწერებს მივმართავთ. Empididae—ამ ოჯახის ორფრთიან მწერთა ჯგუფში მამრი მდედრს კოპულაციის წინ სთავაზობს ცარიელ ტომსიკს. ამ, ერთი შეხედვით, უცნაური ნიშნის ევოლუციური წყაროები (როგორც ჩანს, მზარდი რიტუალიზაცია) თანდათანობით იხსნებოდა ბიოლოგების მიერ, მაგრამ ეს ახსნა შეუფერებელია სინქრონულ პერსპექტივაში: ფაქტია, რომ ცარიელი ტომსიკის ჩუქება სრულიად პირობითი ნიშანია, (მისი გადმომცემი უბრალოდ ამცირებს იმ შესაძლებლობას, რომ მამრი თავისთავად გაიღებს მსხვერპლს თავისი მდედრი პარტნიორისთვის).

6. სახელი

6.1. ნიშანს, რომელსაც აქვს ექსტენსიონალური კლასი თავისი დესიგნატისთვის, ეწოდება სახელი.

6. 2. ამ განმარტების თანახმად, საკუთარი სახელით (ვთქვათ, ვერონიკა) აღნიშნული ინდივიდები არ ხასიათდებიან რაიმე ისეთი ზოგადი თვისებით, რაც შეიძლება განაპირობებდეს იმ ფაქტს, რომ ყოველი მათგანი „პასუხობს „ვერონიკას“. კლასის ექსტენსიონალური განსაზღვრა არის, უბრალოდ, ამ კლასის „წევრთა სახელების ჩამოწერა, ან ყველა წევრის თანმიმდევრობით აღნიშვნა“ (Reichenbach 1948: 193); ან, როგორც Kecskemeti ამბობს: „ინტენსიის ტერმინებში განხილული.... სახელი უბრალოდ ცარიელი ადგილია, თუ არ გვაქვს იმავე ობიექტის მიმანიშნებელი რაიმე აღწერა“ (Kecskemeti 1952 : 130) — ვთქვათ, „ვერონიკა ხელსახოცით“, წმინდა ვერონიკა და სხვა ამგვარი (საკუთარი სახელების სემანტიკური ანალიზის შესახებ იხ. SØrensen 1963).

6. 3. როცა ნიშნის სიგნიფიკაცია უშვებს მხოლოდ ერთ დენოტატს, მაშინ ამბობენ, რომ ის მხოლობითია. მხოლობითი ნიშნები, საკუთარი სახელების ჩათვლით, მიეკუთვნება სიგნიფიკაციის განსაზღვრულ სახეს, რომელსაც მორისი აღნიშნავდა ტერმინით namors (სახელმდებლები), „რომლებიც ენობრივ სიმბოლოებს წარმოადგენენ“. სახელმდებლები იმავე ოჯახს (identifiors—იდენტიფიკატორები),

განეკუთვნება, რასაც ინდიკატორები (სახელმდებლების არალინგვისტური ეკვივალენტები) და აღმწერები — „იდენტიფიკატორები, რომლებიც ლოკაციას აღწერენ" (Morris 1971 : 76f.). ადამიანთა კლასის ინდივიდები გამორჩეულია: სიტყვიერი სახელმდებლებით (ანუ საკუთარი სახელებით), სოციალური უშიშროების რეგისტრაციის ერთადერთი ნომრით (აშშ-ში შემოღებულია 1935 წლიდან) და მრავალი სხვა არასიტყვიერი ინდიკატორით. ესაა „მნიშვნელობები, რომელთა საშუალებითაც ყოველი პიროვნება ან მკვდარი სხეული შეიძლება იყოს ზუსტად დადგენილი, იმ შემთხვევაშიც კი, როცა განზრახ ცდილობენ ვინმეს შეცდომაში შეყვანას..." (Wilder and Wentworth 1918 : 5).

0. 4. კარგადაა ცნობილი, რომ ყოველი სულიერი არსება „იდენტიფიკატორების" თანაბარ, მუდმივ ინფორმაციას იძლევა, რაც წარმოადგენს მათი წყაროს განსაზღვრას სხვადასხვა საშუალებით: სახეობებით, გამრავლების სტატუსით, ლოკაციით დროსა და სივრცეში, სოციალური იერარქიის რანგით, მომენტალური ხასიათით და სხვა ამგვარი (Sebeok 1972 a : 130). და კიდევ, „ხერხემლიანთა კარგად ორგანიზებული ჯგუფები შეიძლება განსხვავებული იყოს ერთმანეთისაგან ერთი რაიმე შტრიხით, რომელიც ისე იცვლება ამ ჯგუფებში, რომ ყოველგვარი სხვა დახასიათება მეორეხარისხოვანი, მისგან წარმომდგარი ჩანს".

ვილსონი (Wilson 1971 402) არკვევს რა ძირითად განსხვავებას, ერთის მხრივ, არაპიროვნულ საზოგადოებებსა (მწერთა) და, მეორეს მხრივ, „პიროვნულ" საზოგადოებებს (ჩიტები, ძუძუმწოვრები) შორის, აღნიშნავს: ეს ატრიბუტი (შტრიხი) არის ინდივიდთა იგივეობის აღიარება. ესაა შედარებით მცირე ჯგუფისთვის დამახასიათებელი თვისება, რომელიც ხანგრძლივი დროის განმავლობაში თანდათან საზოგადოებრივი ხდება ახალგაზრდებში და ძალიან დიდი მნიშვნელობა აქვს მოზრდილების ურთიერთგაერთიანებისთვისაც (რაც ამ თვისების განვითარების ბუნებრივი შედეგია). ასეთი საზოგადოების ყოველ წევრს „გააჩნია რაღაც განსაზღვრული ურთიერთობა საზოგადოების ყოველ მეორე წევრთან" და ამის გამო ყველა დანარჩენისთვის ცნობილია როგორც უნიკალური (ერთადერთი). სხვადასხვაგვარი „პიროვნული" კავშირების აუცილებელი ხლართების დადგენა და დამტკიცება არის საკომუნიკაციო შიდა ფორმის განვითარება, რაც აუცილებლად გულისხმობს შესაბამისი ნიშნების გამოყენებას. მაგ., ცნება „არაუნიკალურობა" გულისხმობს ინდიკატორების, ან გოფმანის ტერმინოლოგიით «identity pegs», წარმოდგენას (Goffman 1963 : 56).

ლიტერატურაში, სადაც ხერხემლიანთა საკომუნიკაციო სისტემები აღიწერება, შესაძლებლადაა მიჩნეული, ყოველ შემთხვევაში ex hypothesi, რომ ინდიკატორები (კერძოდ, მათი სახელწოდებები) უნივერსალურად მოცემულია ჩიტების და ძუძუმწოვრების ნებისმიერ შეტყობინებაში (Smith 1969 a, b). ბრწყინვალე ორნითოლოგის მიერ შემჩნეულია: „... როცა პარტნიორი არ არის, მარტო დარჩენილი ჩიტი, ჩვეულებრივ, ხმარობს მისი პარტნიორისთვის განკუთვნილ ბგერას, იმ მიზნით, რომ ხსენებული პარტნიორი უკან დაბრუნდეს რაც შეიძლება სწრაფად —თითქოს მას ს ა ხ ე ლ ი თ ეძახიანო... პრაქტიკული დაკვირვება ამტკიცებს, რომ ნებისმიერი ჩიტი თავის პარტნიორს უხმობს ს ა ხ ე ლ ი თ" (Thorpe 1967; ხაზგასმა ჩვენია). მსგავსი მაგალითები შეიძლება მოვიყვანოთ ხერხემლიანთა მრავალი სხვა ოჯახიდან, პრიმატების, კატისებრთა, ძაღლისებრთა ოჯახის (van Lawick —Goodall 1968 : 270, Rowell 1972 : 33) და ძუძუმწოვრების ჩათვლით.

7. დასკვნები

7. 1. ნიშანთა არსის, ქცევისა და გარდაქმნის შესახებ.

სტატიაში განხილული იყო ნიშნის ორ კომპონენტს (აღმნიშვნელსა და აღსანიშნს) შორის არსებული 6 შესაძლებელი მიმართება. ყველა, ძირითადად, ემპირიულადაა დადგენილი. მოცემული იყო განსაზღვრებები და მათი თანმხლები პრობლემები, რამდენადაც ამ პრობლემებს შეიძლება გარკვეული როლი ეთამაშა ნიშანთა კლასიფიკაციაში. ვიღებთ რა რალფ ჟერარის ალიტერატულ ტრიადას, (რომელიც თითქმის მსგავსია არტურ კესტლერის holon-ისა, იხ. Sebeok 1972 b : 511 f.; 1973 a : 181f.)—ჩვენ შეიძლება ვთქვათ, რომ მთელი ზემოთ მოცემული მსჯელობა ეხებოდა ნიშნის არსს, ან მის სტრუქტურას, მის მუდმივ სტატუსს სინქრონიულ ასპექტში. მსჯელობა ძირითადად სიგნიფიკაციის საზღვრებში მიმდინარეობდა. ნიშნის სტრუქტურული განსაზღვრა ანალიტიკური, შინაგანი და სტატიკურია. გამოყენებულია დამახასიათებელი, ჩვეული ასოციაციის ტიპები ნიშნის თავისთავად არქიტექტურაში.

მიუხედავად ამისა, განსაზღვრება შევსებული უნდა იყოს ნიშნის ქ ც ე ვ ი ს ან ფუნქციის (განმეორებითი გადახრები მუდმივი ტენდენციების შესაბამისად) კვლევა-ძიებით. ნიშნის ფუნქციონალური განმარტება არის პრაგმატული, არაშინაგანი, დინამიკური. ის დაფუძნებულია საკომუნიკაციო პროცესების გავრცობილი მოდელის სხვადასხვა საკვანძო წერტილებთან მიმდინარე ცვალებადობებზე, როგორც ეს აღწერილია, მაგ., მორლის სამკუთხედით (Sebeok 1972a—14). უელსმა გონივრულად ჩამოაყალიბა, რომ „სემიოტიკა..ე ერთის მხრივ, დაკავშირებულია კომუნიკაციასთან, მეორეს მხრივ კი — მნიშვნელობასთან" (Wells 1967: 103).

ამასწინათ, სხვა სტატიაში (Sebeok 1972) ჩვენ ვცადეთ გამოგვეკვლია გ ა მ ო უ ე ნ ე ბ ი ს სხვადასხვაგვარი ფენომენი, რამდენადაც ის განეკუთვნება მრავალმხრივ მოწესრიგებულ მიმართებებს. ამგვარად, ეს სტატია განხილული უნდა იყოს როგორც წინა სტატიის თანმხლები ნაწილი, ორივე წარმოადგენს მკაცრად სინქრონიულ გამოკვლევას.

გარდაქმნის (ან ისტორიის) საკითხს, რაც წარმოადგენს ჰორიზონტალურ დროის მონაკვეთში დაგროვებულ ცვლილებებს, შემოაქვს მრავალი დიაქრონიული სახის მსჯელობა. ეს დიაქრონიული საკითხები ორი სახისაა: I. რომელთაც საქმე აქვთ ნიშანთა ევოლუციასთან ფილოგენეზში (Huxley 1966) და II. რომელთაც საქმე აქვთ ნიშანთა განვითარებასთან (დახვეწასთან) ონტოგენეზში. პირველის შესწავლა მოითხოვს ეთოლოგიისა და სემიოტიკის თანამშრომლობას; მეორე კი ფსიქოლინგვისტიკის საკმაოდ განვითარებულ სფეროს წარმოადგენს (რომელსაც ყოველგვარი გართულების გარეშე შეიძლება ვუწოდოთ „ფსიქოსემიოტიკა").

მოკლედ, მიუხედავად იმისა, რომ სემიოტიკა სავსებით ზოგადად, განსაკუთრებით ამ ბოლო ხანებში, განიხილება როგორც საკომუნიკაციო დისციპლინების ერთ-ერთი დარგი, ნიშანთა სწორი დაჯგუფებისათვის ჩამოყალიბებული კრიტერიუმები მიიღება როგორც სიგნიფიკაციის, ასევე კომუნიკაციის შესწავლიდან (noumena და phenomena). ამავე დროს აღსანიშნავია, რომ ეს კრიტერიუმები უნდა

შეესაბამებოდეს ეთოლოგიისა და განვითარებადი ფსიქოლოგიის კვლევის შედეგებს.

7. 2. შებრუნებული ცვალებადობის კანონის გამოყენება.

ტერმინები — „ნიშანი", „სიმბოლო", „ემბლემა", „ორდენი" — აქ განლაგებულია მათი დაქვემდებარების მიხედვით. ყოველი მარცხენა ტერმინი არის გვარი მისი ქვეკლასისა მარჯვნივ და ყოველი მარჯვენა ტერმინი არის სახეობა მისი მარცხენა გვარისა. ამგვარად, დენოტაცია ამ ტერმინებისა მცირდება. „სიმბოლოს" ექსტენსია გულისხმობს „ემბლემის" ექსტენსიას, მაგრამ არა პირიქით. მეორეს მხრივ, შეთანხმებითი ინტენსია „ემბლემისა" მოიცავს „სიმბოლოს" ინტენსიას. ზოგჯერ. მაინც. ინტენსიის ცვალებადობას თან არ სდევს რაიმე ცვლილება. მაგ., მიმდევრობაში — „ნიშანი", „სიმბოლო", „ვარაუდი", „წინასწარმეტყველება" და „ხარება" — ბოლო ორი ტერმინის გავრცობა (სემიოტიკურ საზღვრებში) მატერიალურად ერთი და იგივეა. ეს ნიშნავს: თუ სემიოტიკური კატეგორიების სერიები განლაგებულია მზარდი ინტენსიის მიხედვით, მაშინ დენოტაცია ტერმინებისა ან მცირდება, ან იგივე რჩება.

7. 3. ლექსიკური სფერო.

გარდა ნიშანთა 6 სახეობისა (რაც აღნიშნული იყო ამ სტატიის სათაურშიც) მცირე რამ ითქვა აგრეთვე ნიშანთა სხვადასხვა ქვესახეობების შესახებ: ალეგორია (allegory), გულსაბნევი (badge), საფირმო ნიშანი (brand), აღმწერი (descriptor), დევიზი (device), დიაგრამა (diagram), გამოკვეთის ნიშანი (display), პორტრეტი (effigy), ემბლემა (emblem), იდენტიფიკატორი (identifior), იარლიყი (identity peg), სურათი (image), ინდიკატორი (indicator), ორდენი (insignia), მოსანიშნი (mark), მეტაფორა (metaphor), სახელმდებელი (namor), სიგნატურა (signature), დაღი (stigma) და სინდრომი (syndrome). უეჭველია, ეს და კიდევ ბევრი სხვა ამგვარი ტერმინი — განსაკუთრებით პერსის და შემდეგ მორისის მიერ აღწერილი — საკმაო საფუძველს უნდა ქმნიდეს შთამბეჭდავი მონოგრაფიისთვის — Wortfeld of sign (ნიშანთა სამყარო.ს შესახებ), რომლის მრავალი განშტოება სპეციალურად უნდა იყოს განხილული არა მხოლოდ ინგლისურისთვის, არამედ ყველა იმ ენისთვის, სადაც არ სებობს სემიოტიკური ან სემიოლოგიური (Sebeok 1973 b) ლიტერატურა. რევზინას შენიშვნა — „აშკარად უფრო ბუნებრივი იქნება ნიშანთა განსაზღვრებების გადმოცემა ენის შესაბამისი ცნებების ლექსიკოგრაფიული ინტერპრეტაციით" (Revzina 1972: 231) — გამოუსადეგარია ჩვენი მიზნებისათვის,! წარმოვადგინოთ გაერთმნიშვნელიანებული ბაზისი ნიშანთა ამომწურავი კატეგორიზაციისთვის — ნუმენალ-ფენომენალური, სტატიკურ-დინამიკური, სინქრონულ-დიაქრონიული (7. 1) და, რაც ყველაზე უფრო მნიშვნელოვანია, რეალურ-სპეციფიკურ პერსპექტივაში (7. 4.).

ამგვარად, მთელი ამ მსჯელობის შემდეგ, ნიშანთა დოქტრინა არის (როგორც ეს ლოკმაც აღნიშნა: 1960) ცოდნის დარგი, „რომლის საქმეა ნიშანთა ბუნების განხილვა".

7. 4. ნიშანთა საყოველთაო გავრცელებულობა.

როგორც ინგლისელი ზოოლოგი რ. ჯ. ჰამფრი აღნიშნავს, ენის განვითარების შესახებ თეორიების ორი ძირითადი სკოლა არსებობს. „ყველა თეორია თანხმდება იმაში, რომ ადამიანთა მეტყველება განსხვავდება სხვა ცხოველების

მეტყველებისაგან მატერიალური თვისებებით. არიან ისეთი მეცნიერები, რომლებსაც, დარვინის მსგავსად, სჯერათ საფეხურებრივი გრადუალური ევოლუციისა, მაგრამ ისეთებიც ყოფილან, რომელთაც სჯეროდათ, რომ მეტყველება გარკვეულად ადამიანურობის ატრიბუტია, ფუნქცია de novo, განსხვავებული ცხოველებისათვის დამახასიათებელი ნებისმიერი უნარისაგან" (Sebeok 1972 a : 88). ყოველგვარი მიგნებებისა და მათი დასასაბუთებელი ცდების მიუხედავად, არის ეს ენის ევოლუციის განგრძობითობის ვერსია, თუ, პირიქით, არაგანგრძობითობის ვერსია (როგორც ეს, მაგალითად, მიაჩნია ერიკ ჰ. ლენებერგს, Sebeok 1968 : 592; 613), ერთი რამ უნდა იყოს ხაზგასმული: ჩვენ მიერ არჩეული კვლევის სტრატეგია მოითხოვს მუდმივად შედარებით თვალთახედვას, დამოწმებულს ბიოსემიოტიკური მონაცემების ფარგლებში როგორც ადამიანების, ასევე ცხოველების მონაცემებით (შდრ. Sebeok 1972a : 106—21, 162—77). როდესაც ამ საკითხს მკაცრად შედარებითი პოზიციებიდან შევხედავთ, ნიშნების განაწილება (ყოველ შემთხვევაში, ამ სტატიაში განხილული ნიშნებისა) არ დაემთხვევა არსებათა დაყოფას ორ არათანაბარ კლასად—მეტყველთა და არამეტყველთა კლასებად.

ინგლისურიდან თარგმნა რ. ასათიანმა

დამოწმებული ლიტერატურა

Altmann, Stuart A., ed. 1967. Social communication among primates. Chicago. Univ. of Chicago Press.

Arbib, Michael A. 1971. How we know universals: retrospect and prospect. Math. Biosciences 11. 95—107.

Arnauld, Antoine, and Pierre Nicole. 1662 [1816]. La logique, ou l'art de penser. Paris, Delalain.

Ardrey, Robert. 1970. The social contract: a personal inquiry into the evolutionary sources of order and disorder. New York, Dell.

Backus, R. H. and W. E. Schevill. 1966. Physeter clicks. Whales, dolphins, and porpoises, ed Kenneth S. Norris, pp. 510—27. Berkeley, Univ. of California Press.

Bally, Charles. 1939. Qu-est-ce qu'un signe? JPsych. 1939. 161—74.

Bar-Hillel, Yehoshua. 1954. Indexical expressions. Mind 63. 359—79.

Barthes, Roland. 1972. Sémiologie et médicine. Les sciences de folie, ed. Roger Bastide, pp. 37—46. Paris, Mouton.

Brekle, Herbert E. 1964. Semiotik und linguistische Semantik in Port-Royal. IF 69. 103—21.

Bronowski, Jacob. 1967. Human and animal language. To honor Roman Jakobson, pp. 374—94. The Hague. Mouton.

Brown, Roger. 1958. Words and things. Glencoe, Ill., The Free Press.

Bühler, Karl. 1934. Sprachtheorie. Jena, Fischer.

Bürkhardt, Dietrich, et al. 1967. Signals in the animal world. New York, McGraw-Hill.

Carnap, Rudolf. 1942. Introduction to semantics. Cambridge, Harvard Univ. Press.

———. 1956 [1947]. Meaning and necessity: a study in semantics and modal logic. Chicago, Univ. of Chicago Press.

Carpenter, Clarence R. 1969. Approaches to studies of the naturalistic communicative behavior in nonhuman primates. Approaches to animal communication, ed. Thomas A. Sebeok, et al., pp. 40—70. The Hague, Mouton.

Chao, Yuen Ren. 1968. Language and symbolic systems. Cambridge, Univ. Press.

Cherry, Colin. 1966. On human communication: a review, a survey, and a criticism. Cambridge, M. I. T. Press.

Coseriu, Eugenio. 1967. L'arbitraire du signe: zur Spätgeschichte eines aristotelischen Begriffes. Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen 204. 81—112.
Count, Earl W. 1969. Animal communication in man-science. Approaches to animal communication, ed. Thomas A. Sebeok, et al., pp. 71—130. The Hague. Mouton.
Dante Alighieri. 1957. De vulgarī eloquentiā. ed. Aristide Marigo. Firenze, Felice Le Monnier.
Darwin, Charles. 1872. The expression of the emotions in man and animals. London, John Murray.
Eco, Umberto. 1972a. Einführung in die Semiotik. München, Fink.
———. 1972b. Introduction to a semiotics of iconic signs. VS: Quaderni di studi semiotici 2.1—15.
Efron, David. 1972² [1941]. Gesture, race, and culture. The Hague, Mouton.
Ekman, Paul, and Wallace V. Friesen. 1969. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding. Semiotica 1.49—98.
Engler, Rudolf. 1962. Théorie et critique d'un principe Saussurien: l'arbitraire du signe. CFS 19. 5—66.
Ennion, Eric A. R. and Niko Tinbergen. 1967. Tracks. London, Oxford Univ. Press.
Fillmore, Charles J. 1972. A grammarian looks to sociolinguistics. Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics 25. 273—87.
———. 1973. «May we come in?» Semiotica 9.
Frege, Gottlob. 1892. Über Sinn und Bedeutung. Z. Phil. und phil. Kritik 100. 25—50.
Frei, Henri. 1944. Systèmes de déictiques. AL 4. 111—29.
———. 1950. Zéro, vide et intermittent. Z. Phon. 4. 161—91.
Friedmann, Herbert. 1955. The honey-guides. U. S. National Museum Bulletin 208. Washington, D. C., Smithsonian.
Frisch, Joseph C. 1969. Extension and comprehension in logic. New York, Philosophical Library.
Von Frisch, Karl, 1967. The dance language and orientation of bees. Cambridge, Harvard Univ. Press.
Gale, R. M. 1967. Indexical signs, egocentric particulars, and tokenreflexive words. The Encyclopedia of Philosophy 4. 151—55.
Godel, Robert. 1953. La question des signes zéro. CFS 11. 31—41.
Goffman, Erving. 1963. Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, Prentice-Hall.
Haas, Willy. 1957. Zero in linguistic description. Studies in linguistic analysis. Special volume of the Philological Society of London, pp. 33—53. Oxford, Blackwell.
Haldane, J. B. S. 1955. Animal communication and the origin of human language. Science Progress 43. 385—401.
Hediger, Heini. 1968. The psychology and behaviour of animals in zoos and circuses. New York, Dover.
———. 1967. Verstehens- und Verständigungsmöglichkeiten zwischen Mensch und Tier. Schweizerische Z. für Psych. und ihre Anwendungen 26. 234—55.
Hollander, John. 1959. The metrical emblem. Kenyon Review 21. 279—96.
Huxley, Julian. 1966. A discussion of ritualization of behaviour in animals and men. Phil. Trans. Royal Soc. London 251. 247—526.
Jokobson, Roman. 1940. Das Nullzeichen. BCLC 5. 12—14.
———. 1963 [1957]. Essais de linguistique générale. Paris, Editions de Minuit.
———. 1965. Quest for the essence of language. Diogènes 51. 21—37.
———. 1966 [1939]. Signe zéro. Reprinted in Readings in Linguistics II, ed. Eric Hamp et al., pp. 109—15. Chicago, Univ. of Chicago Press.
———. 1970. Language in relation to other communication systems. Linguaggi nella società

e nella tecnica: Convengo promosso dalla Ing. C. Olivetti & C., S. p. A. per il centenario della nascità di Camillo Olivetti, pp. 3—16. Milano, Ed. di Communità.
Jespersen, Otto. 1964. Language, its nature, development, and origin. New York, Norton.
Kahn, Theodore C. 1969. Symbols and man's nature. The International Journal of Symbolology 1.5—6.
Kantor, Jacob R. 1936. An objective psychology of grammar. Bloomington, Indiana Univ. Publications, Science Series no. 1.
Kecskemeti, Paul. 1952. Meaning, communication, and value. Chicago, Univ. of Chicago Press.
Kleinpaul, Rudolf. 1972 [1888]. Sprache ohne Worte: Idee einer allgemeinen Wissenschaft der Sprache. The Hague, Mouton.
Kloft, W. 1959. Versuch einer Analyse der trophobiotischen Beziehungen von Ameisen zu Aphiden. Biol. Zentralblatt 78. 863—70.
Landar, Herbert. 1966. Language and culture. New York, Oxford Univ. Press.
van Lawick-Goodall, Jane. 1968. The behaviour of free-living chimpanzees in the Gombe Stream Reserve. Animal Behaviour Monographs, Vol. 1, Part 3.
Lewis, C. I. 1946. An analysis of knowledge and valuation. LaSalle, Ill., Open Court.
Lloyd, James E. 1966. Studies on the flash communication system in Photinus fireflies. Ann Arbor, Museum of Zoology, University of Michigan, no. 130.
Lotman, Jurij M., and Boris A. Uspenskij, eds. 1973. Ricerche semiotiche: nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS. Torino, Einaudi.
Lurker, Manfred, ed. 1968. Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie. Baden-Baden, Heitz.
Meiland, Jack W. 1970. The nature of intention. London, Methuen.
Morris, Charles. 1971. Writings on the general theory of signs. The Hague, Mouton.
Munn, Nancy D. 1973. Walbiri iconography: graphic representation and cultural symbolism in a central Australian society. Ithaca, Cornell Univ. Press.
Ostwald, Peter F. 1968. Symptoms, diagnosis and concepts of disease: some comments on the semiotics of patient-physician communication. SocSciI 7/4. 95—106.
Pazukhin, Rościsław. 1972. The concept of signal. Lingua Posn. 16. 25—43.
Pierce, Charles S. 1965—66. Collected papers of Charles Sanders Peirce, ed. Charles Hartshorne, et al. 6 v. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press.
Pitts, Walter, and Warren S. McCulloch. 1947. How we know universals: the perception of auditory and visual forms. Bull. Math. Biophysics 9. 127—49.
Pohl, Jacques. 1968. Symboles et langages. 2 v. Paris, Sodi.
Praz, Mario. 1964, Studies in seventeenth century imagery. Rome, Editioni di Storia e letteratura.
Reichenbach, Hans. 1948. Elements of symbolic logic. New York, Macmillan.
Revzina, Olga G. 1972. The Fourth Summer School on Secondary Modeling Systems (Tartu, 17—24 August 1970). Samiotica 6. 222—43
Richards, I. A. 1969. Tipi e campioni. Strumenti Critici 3. 187—93.
Roberts, Don. 1973. The existential graphs of Charles S. Peirce. The Hague, Mouton.
Rowell, Thelma. 1972. The social behaviour of monkeys. Middlesex, Penguin.
Ruesch, Jurgen. 1973. Semiotic approaches to human relations. The Hague, Mouton.
Russell, Bertrand. 1940. An inquiry into meaning and truth. London, Allen and Unwin.
Sanders, Gary. 1970. Peirce's sixty-six signs? Transactions of the Charles S. Peirce Society 6.3—16.
Sebeok, Thomas A., ed. 1968. Animal communication: techniques of study and results of research. Bloomington, Indiana Univ. Press.
———. 1972a. Perspectives in zoosemiotics. The Hague, Mouton.
———. 1972b. Problems in the classificaton of signs. Studies for Einar Haugen, pp. 511—21. The Hague, Mouton.
———. 1973a. Semiotics: a survey of the state of the art. Current Trends in Linguistics, ed. Thomas A. Sebeok, 12, 161—213. The Hague, Mouton.

———. 1973 b. «Семиотика» и родственные термины: Вопросы языкознания, 6. 44—53.
———. Forthcoming. Semiotics. Middlesex, Penguin.
Shands, Harley C. 1970. Semiotic approaches to psychiatry. The Hague, Mouton.
Sherzer, Joel. 1973. Verbal and nonverbal deixis: the pointed lip gesture among the San Blas Cuna. Lang. in Soc. 2. 117—31.
Smith, W. John. 1965. Message, meaning, and context in ethology. The American Naturalist 99. 505—409.
———. 1969a. Displays and messages in intraspecific communication. Semiotica 1. 357—69.
———. 1969b. Messages of vertebrate communication. Science 165. 145—50.
Sørensen, Holger S. 1963. The meaning of proper names: with a definiens formula for proper names in Modern English. Copenhagen, Gad.
Spang-Hannsen, Henning. 1954. Recent theories on the nature of the language sign. TCLC 9.
Staal, J. F. 1971. What was left of pragmatism in Jerusalem. Lg. Sci. 14. 29—32.
Stanosz, Barbara. 1970. Formal theories of extension and intension of expressions. Semiotica 2. 102—14.
Sturtevant, Edgar H. 1947. An introduction to linguistic science. New Haven, Yale Univ. Press.
Thorpe W. H. 1967. Vocal limitation and antiphonal song and its implications. Proc. XIV Int. Ornithological Congress, ed. D. W. Snow, pp. 245—63. Oxford, Blackwell.
Todorov, Tzvetan. 1973. Semiotics. Screen 14.15—23.
Valesio, Paolo. 1969. Icons and patterns in the structure of language. ACIL 10/1. 383—87.
Wallis, Mieczysław. 1973. On iconic signs. Recherches sur les systèmes signifiants, ed. Josette Rey-Debove, pp. 481—98. The Hague, Mouton.
Weiss, Paul, and Arthur Burks. 1945. Peirce's sixty-six signs. J. Phil. 42. 383—88.
Wells, Rulon. 1954. Meaning and use. Word 10. 235—50.
———. 1967. Distinctively human semiotic. SocSci 6/6/103—24.
Wertheimer, Max. 1923. Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt, II. Psychologische Forschungen 4.301—350.
Wescott, Roger W. 1971. Linguistic iconism. Lg. 47. 416—28.
White, Leslie A. 1940. The symbol: the origin and basis of human behavior. Philosophy of Science 7. 451—63.
Wilder, Harris Hawthorne, and Bert Wentworth. 1918. Personal identification: methods for the identification of individuals, living or dead. Boston. Richard G. Badger.
Wilson, Edward O. 1971. The prospects for a unified sociobiology. American Scientist 59. 400—403.
Zeman, J. Jay. 1964 ms. The graphical logic of C. S. Peirce. Unpublished dissertation, Univ. of Chicago.

IV 1976

ელენე მეტრეველი

დერტავისა და დერთუფას ხელნაწერების ირგვლივ

(კოდიკოლოგიური შენიშვნები)

I. დელტავი თუ დერტავი?

1943 წელს კ. კეკელიძემ ენიმკის მოამბეში (ტ. XIII) დაბეჭდა მეტად საინტერესო წერილი: „ქართველ ქალთა კულტურულ-საგანმანათლებლო კერები საშუალო საუკუნეთა მახლობელ აღმოსავლეთში“[1]. ავტორი შეეხო XI საუკუნის დედათა სამ მონასტერს (კაპპათა, დელტავი, დერთუფა), სადაც, სხვა ეროვნების წარმომადგენლებთან ერთად, ქართველი ქალებიც ეწეოდნენ კულტურულსა და მწიგნობრულ საქმიანობას. სამივე მონასტერს, როგორც ჩანს, ჰქონია თავისი ბიბლიოთეკა. ყველაზე მრავალრიცხოვანი — კაპპათას მონასტერს[2]. „დღეს ვიცით ოცდათერთმეტამდე წიგნი, რომელთაც „კაპპაპიერი“ შეგვიძლია ვუწოდოთ, — წერს კ. კეკელიძე, — ეს ერთი უმნიშვნელო ნაწილია ამ წიგნთსაცავისა, რომელსაც ხან ხვარაზმელები იტაცებდნენ, ხან სხვა დამპყრობნი, აღმოსავლეთისა თუ დასავლეთისა ჯვაროსანთა სახით, ანდა „ჟამთა სიავე“ ულმობლად ანადგურებდა“[3]. მართლაც, ყველაზე დიდი დარბევა ამ მონასტერსა და ბიბლიოთეკას განუცდია 1244 წლის ხვარაზმელთა მიერ იერუსალიმის დალაშქვრის დროს[4]. ჩანს, XII საუკუნის შუა წლებში, ხვარაზმელთაგან კაპპათას მონასტრის აწიოკებიდან ცოტა ხნის შემდეგ, ამ მონასტერში შეწყვეტილა ქართველთა მოღვაწეობა, ხოლო ხვარაზმელთა დარბევას გადარჩენილი რამდენიმე ხელნაწერი (გამოსყიდული და უკან დაბრუნებული) ჯვრის მონასტრისათვის გადაუციათ[5].

დაახლოებით ასეთივე ბედი ეწია დ ე ლ ტ ა ვ ი ს ა და დ ე რ თ უ ფ ა ს დედათა მონასტრების ქართულ ხელნაწერებს.

დღეისათვის ცნობილია დერთუფას ერთი ხელნაწერი, რომელიც დაცულია ქუთაისის ისტორიულ მუზეუმში (№ 181) და ორი დელტავის ხელნაწერი. ერთი მათგანი დაცულია იერუსალიმის ბერძნული საპატრიარქო ბიბლიოთეკის

[1] ეს წერილი განმეორებით დაიბეჭდა 1957 წელს „ეტიუდების“ IV ტომში, გვ. 202—216.

[2] კაპპათას მონასტერი, როგორც ეს საესებით დამაჯერებლად დაამტკიცა კ. კეკელიძემ, მდებარეობდა სიონის მთაზე.

[3] კ. კ ე კ ე ლ ი ძ ე, დასახ. წერილი, „ეტიუდები“, IV, გვ. 209—210.

[4] ელ. მ ე ტ რ ე ვ ე ლ ი, ჯვრის მონასტრის საალაპე წიგნის უძველესი ფენის დათარიღებისათვის, „მაცნე“, 1964, № 5, გვ. 273.

[5] იქვე, გვ. 274—275.

ქართულ ხელნაწერთა კოლექციაში (Jer. 33). ეს ხელნაწერი პირველად შეისწავლა ნ. მარმა. იგი საფუძვლად დაედო „წარტყუენვაჲ იერუსალჱმისაჲ-ს" მისეულ გამოცემას[6]. ხელნაწერი პალეოგრაფიულად XIII საუკუნით თარიღდება. დელტავის მეორე ხელნაწერის შესახებ პირველად ცნობები გამოაქვეყნა მ. ბროსემ თავისი არქეოლოგიური მოგზაურობის Rapports-ებში. 1847—1848 წწ. მოგზაურობის დროს მას ჯრუჭის მონასტერში უნახავს 1040 წლის ეტრატის ერთი ხელნაწერი: „ცხოვრებაი ოანე ოქროპირისა, ეტრატი; დაწერილია გრიგოლ ხარიტონწმიდელის მიერ: «დაიწერა წმიდაჲ ესე წიგნი საყოფელსა წმიდისა მამისა ხარიტონისსა, პალავრას, ძველსა მონასტერსა, ჴელითა ფრიად ცოდვილისა გრიგოლისაჲთა ქრ-სა ხჲ»[7] „ეს ხელნაწერი — დასძენს მ. ბროსე, — გრიგოლ მონაზონს შეუწირავს დედათა მონასტერ დერტავისათვის, რომლის მდებარეობა უცნობია, შაგრამ უნდა იყოს ტაოში".

1919 წელს ეს ხელნაწერი, სხვა შესანიშნავ ხელნაწერებთან ერთად, ჯრუჭიდან ჩამოიტანა ე. თაყაიშვილმა და გადასცა საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოებას (H—1662). 1950 წელს გამოქვეყნდა ამ ხელნაწერის აღწერილობა და სრული ანდერძი, რომელსაც დაუცავს ცნობა დედათა მონასტრის დერტავის შესახებ[8].

ვინ ჩამოიტანა ეს ხელნაწერი იერუსალიმიდან, არ ჩანს, მაგრამ ის რომ XV—XVI საუკუნეში ჯვრის მონასტრის საკუთრება ყოფილა, ამას გვაფიქრებინებს ამ დროის ნუსხური ხელით შესრულებული მინაწერი: „ღმერთო, შეიწყალე რუთი და მელქიზედეგ და მისნი შვილნი უცოცხლე"[9]. იგივე რუთი და მელქიზედეგი მოიხსენებიან ე. წ. „იერუსალიმის სვინაქსარის" (H—1661) მინაწერებში. ეს უკანასკნელი ხელნაწერი კი 1808 წლამდე ჯვრის მონასტრის კუთვნილება იყო. ჯრუჭში ის ჩამოტანილია 1808—1812 წლებში, შესაძლებელია, ლავრენტი ორბელის მიერ[10]. ხელნაწერი H—1662 კი 1765 წელს ჯრუჭის მონასტერს შესწირა გენათელმა მიტროპოლიტმა ბატონიშვილმა იოსებ" (269 v).

ნ. მარმა ჯრუჭის ხელნაწერის არსებობის შესახებ არაფერი იცოდა. კ. კეკელიძეს კი ხელნაწერი არ ჰქონდა ხელთ და მხოლოდ მ. ბროსეს ზემოთმოყვანილი ცნობით სარგებლობდა. ამიტომ, ბუნებრივია, რომ მონასტრის სახელ-

---

[6] ამ ხელნაწერის შესახებ იხ. Антиох Стратиг, Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Марр. Т. Р. т. IX, СПб, 1909, стр. 62—64; R. Blake, Catalogue des manuscrits géorgiens de la Bibliothèque patriarcale grecque à Jerusalem, № 33; ნ. მარი, იერუსალიმის ქართულ ხელნაწერთა მოკლე აღწერილობა, თბილისი, 1955, გვ. 63, № 26.

[7] Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 par M. Brosset. St. Petersbourg, 1851, XII rapport, p. 86.

[8] საქართველოს სახ. მუზეუმის ქართულ ხელნაწერთა აღწერილობა (H კოლექცია) ტ. IV, № 1662, გვ. 86, მ. ბროსე ხელნაწერს უწოდებს თანე ოქროპირის ცხოვრებას, სინამდვილეში ეს არის იოანე ოქროპირის ჰომილიები.

[9] იხ. დასახ. აღწერილობა, გვ. 89, მინაწ. № 1. და შეადარე № H-1661-ის № 29 მინაწერს (გვ. 85).

[10] „იერუსალიმური სვინაქსარი" ჯვრის მონასტრიდან წამოღებულა არაუადრეს 1808 წლისა. 1812 წელს ის ჯრუჭის მონასტრის საკუთრებაა. იხ. ელ. მეტრეველი, იერუსალიმის ერთი ხელნაწერი; აკად. ს. ჯანაშიას სახელობის საქ. სახ. მუზეუმის მოამბე, XVB, 1948, გვ. 39—40.

წოდების დადგენისათვის მან უპირატესობა მიანიჭა იმ ცნობებს, რომლებიც ნ. მარმა გამოაქვეყნა Jer. 33 (Jer. 26)-ის მიხედვით. ეს უკანასკნელი კი, როგორც აღვნიშნეთ, ბევრად (ორი საუკუნით მაინც) უფრო გვიანდელია ჯრუჭის ხელნაწერზე. ჯრუჭის ხელნაწერით იერუსალიმის დედათა მონასტერს ეწოდება დ ე რ ტ ა ვ ი, როგორც ამას თავის დროზე აღნიშნავდა მ. ბროსე, და არა დ ე ლ ტ ა ვ ი, ან დელტალვი, როგორც ეს დადასტურებულია Jer. 33 (26) ხელნაწერის ანდერძ-მინაწერებში.

დ ე ლ ტ ა ვ ი ს პარალელური ფორმის დ ე რ ტ ა ვ ი ს არსებობას ნ. მარიც უშვებდა, თუმცა საბოლოოდ მან უპირატესობა დ ე ლ ტ ა ვ ს მისცა. ის წერდა: «Делтав не поддается определению и в том случае, если в «Дел» признать искаженное арабское ديرا (монастырь)»[11]. ამრიგად, მიუხედავად იმისა, რომ ნ. მარი არ იცნობდა ჯრუჭის ხელნაწერის ანდერძს, ის პალესტინის სხვა მონასტრების სირიულ-არაბული სახელწოდებების ანალოგიით[12] შესაძლებლად მიიჩნევდა, რომ ჩვენთვის საინტერესო მონასტრის სახელწოდების სწორი და თავდაპირველი ფორმა ყოფილიყო დ ე რ ტ ა ვ ი. მაგრამ ვინაიდან ამ ფორმით ეს სახელწოდება ხელნაწერებში არ ეგულებოდა, ხოლო Ier. 33-ში კი იკითხება დ ე ლ ტ ა ვ ი და დ ე ლ ტ ა ლ ვ ი, ამიტომ მან თავი შეიკავა ამ სახელწოდების სწორი ფორმის აღდგენისაგან. ამ დროიდან სამეცნიერო ლიტერატურაშიც მონასტრის სახელწოდებად დამკვიდრდა დ ე ლ ტ ა ვ ი.

„დელტავი", როგორც ითქვა, დადასტურებულია XIII საუკუნის იერუსალიმურ ხელნაწერში (Jer. 33), ხოლო დ ე რ ტ ა ვ ი — ე. წ. ჯრუჭის 1040 წლის ხელნაწერში (H—1662), რომელიც პალავრაშია გადაწერილი. დელტავი არის „დერტავის" გვიანდელი და დამახინჯებული ფორმა, ამიტომ საჭიროა დამკვიდრდეს მისი თავდაპირველი და სწორი ფორმა დ ე რ ტ ა ვ ი.

რამ გამოიწვია დერტავის შეცვლა დელტავით? ალბათ იმან, რომ უკვე XI საუკუნის 40-იან წლებში, როდესაც იწერებოდა ჯრუჭისა (H—1662) და ქუთაისის ჭ. № 181) ხელნაწერები, დერტავი და დერთუფა გაგებული იყო როგორც მონასტრის ერთწევრიანი სახელწოდებები და ამდენად დაკარგული იყო ამ სახელწოდებებში ديرا-ის (მონასტრისა) მნიშვნელობა, ამიტომაა, რომ ამ ხელნაწერების ანდერძებში დერტავსა და დერთუფას ახლავს მათი რაიობის განმსაზღვრელი სიტყვები — მ ო ნ ა ს ტ ე რ ი ა ნ დ ა რ ი. მაგრამ, ამავე დროს, გრიგოლისათვის, რომელიც XI საუკუნის შუა წლებში მოღვაწეობდა პალავრაში, ჩანს, ამ სახელწოდებათა სწორი ფორმები კარგად იყო ცნობილი, რასაც ხელნაწერთა ანდერძები ადასტურებენ.

1. „ბერმან გრიგოლ... შევწირე წმინდაჲ ესე წიგნი მ ო ნ ა ს ტ ე რ ს ა... დ ე რ ტ ა ვ ს" (H—1662, 274r);

2. „ცოდვილი... გრიგოლ ღირს ვიქმენ აღწერად წმიდისა მაკარის ებისტოლეთა და სარწმუნოებით შევწირენ წმიდასა ეკლესიასა წმიდისა ღმრთის-

---

[11] H. M a r r, დასახ. ნაშრომი, стр. 63, примечание 1.

[12] როგორც ცნობილია, X საუკუნიდან პალესტინის მრავალი ბერძნული მონასტრის სახელწოდება არაბულ-სირიულ ყაიდაზე გადაკეთდა. მაგრამ მათი ეტიმოლოგიების გახსნა და თავდაპირველი სახელწოდების აღდგენა ნშვიათად ხერხდება (იხ. H. M a r r, Пленение, გვ. 31—32); პალესტინის ახალ რუქებშიც რამდენიმე ათეული მონასტრის სახელია შეტანილი, რომლებიც დერით (دير) იწყებიან (იხ. Карта Палестины, изд. Импер. П. П. О. 2-ое издание, Азбучный указатель собственных имен. СПб. 1899 г.).

შობელისასა, დარსა დერთუფას ნიაფორობასა თებრონიაძესა, ასულისა ეაჩე მხუელისასა... სალოცველად და საკითხავად ყოველთა დათა ქართველთა, რომელნი მყოფ არიან ქრისტჱს მსახურნი მას დარსა შინა..." (ქ. № 181, 2r).

დერტავსა და დერთუფაში სიტყვის პირველი წევრის დერ-ის (ܕܪ -დერ) მნიშვნელობის დაკარგვამ შემდეგ ადვილად გამოიწვია მასში ფონეტიკური ცვლილებები, რის შედეგადაც მივიღეთ XIII საუკუნის № 33 ხელნაწერის ანდერძში დელტავი და დელტალვი. ა) „დელტაველთა დათა ყოველთავე შეუნდვენ, უფალო" (197v). ბ) „აწ წმიდათა მენელსაცხებელთა სწორნო დანო დელტალველნო,... ვინცა ღირს იქმნეთ წარკითხვად... თქუთ წმიდითა პირითა თქუენითა მოტევებაჲ..." (324 v).

ვინაიდან ქ. კეკელიძეს დელტავი მიაჩნია მონასტრის სახელწოდების სწორ ფორმად, ამიტომ მას უძნელდება დერთუფაში დერ-ის მიჩნევა მონასტრის არაბულ სახელწოდებად. ქ. კეკელიძე წერს: „ამ დედათა მონასტრის ტაძარი აგებული ყოფილა ღვთისმშობლის სახელზე, ხოლო თვით მონასტერს რქმევია „დერთუფა". შეიძლებოდა გვეფიქრა, რომ ამ სახელში გვაქვს ორი ნაწილი; არაბული „დერ", რაც მონასტერს ნიშნავს, და „თუფა" — საკუთარი სახელი. მაგრამ ასეთ მოსაზრებას ეწინააღმდეგება ის გარემოება, რომ სიტყვა „მონასტერი" ამ ანდერძში არის აღნიშნული მხოლოდ სირიული ფორმით დარ"[13].

დარი (ܕܐܪ) არაბულად არ ნიშნავს მონასტერს. მონასტერი არაბულად გადმოიცემა ܕܝ-ით. ამ მნიშვნელობითაა ის შესული მონასტერთა არაბულ სახელწოდებებში — დერტავსა და დერთუფაში. მაგრამ ამის პარალელურად არაბულში არსებობს სიტყვა ܕܐ-იც, რომელიც ნიშნავს ადგილსამყოფელს[14]. სირიულში ის იმავე ფორმით და შინაარსით არის გადასული. C. Brockelmann-ის ლექსიკონში მას ერთ-ერთ მნიშვნელობად ატრიუმიც არის მოტანილი[15]. R. Payne Smith-ის ლექსიკონი კი ამ სიტყვას განმარტავს შემდეგნაირად: ადგილი, რომელიც შემოფარგლულია; ეზო სახლისა, სასახლისა, ეზო მონასტრისა[16].

საფიქრებელია, რომ ქუთაისის № 181 ხელნაწერის ანდერძში დარი იხმარება ან კონკრეტულად მონასტრის ეზოსა თუ სტოას მნიშვნელობით, სადაც თაშეფარებულნი იყვნენ ქართველი დედები[17], ან ზოგადად ადგილსამყოფელის, საეანის მნიშვნელობით: გრიგოლმა ეს ხელნაწერი შესწირა ღვთისმშობლის ეკლესიასთან არსებულ დერთუფას საეანეს, ქართველ დედათა სამყოფელს. ვფიქრობთ, ასე უნდა გავიგოთ ქ. № 181 ხელნაწერის ზემომოტანილი ანდერძის შინაარსი.

ამრიგად, XI საუკუნის შუა წლებში პალესტინაში გადაწერილი ორი ხელნაწერის (H—1662 და ქ. 181) გრიგოლისეულ ანდერძებში მონასტრების სახელწოდებები დერთუფა და დერტავი სწორი დაწერილობით არის გადმოცემული, დელტავი (Jer. 33) კი არის დერტავის გვიანდელი და და-

---

[13] ქ. კეკელიძე, დასახ. ნაშრომი, გვ. 213.

[14] გ. წერეთელი, არაბულ-ქართული ლექსიკონი, 1951, გვ. 73.

[15] C. Brockelmann, Lexicon syriacum. 1928.

[16] A Compendious Syriac Dictionary, Founded upon the Thesaurus Syriacus of Payne Smith, Oxford. ცნობა ამ ლექსიკონიდან მოგვაწოდა პროფ. კ. წერეთელმა, რისთვისაც მადლობას მოვახსენებ.

[17] დერთუფა, ისევე როგორც დერტავი, არ იყო ქართველ დედათა მონასტერი. IX—XI საუკუნეებში ქართველები ხშირად იყრიდნენ თავს, მკვიდრდებოდნენ ბერძნულ, სირიულ და ქრისტიანულ-არაბულ მონასტრებში და იქ მოღვაწეობდნენ სხვა ეროვნების წარმომადგენლებთან ერთად. ამის მკაფიო მაგალითებია ქართველთა მოღვაწეობა საბას ლავრაში, პალავრაში, აღდგომის ეკლესიაში, გეთსამანიაში, სინაზე და სხვაგან.

მახინჯებული ფორმა. ასევეა გადმოცემული ამ სავანის სახელწოდება Jer. 32 ხელნაწერის მინაწერში (იხ. აქვე, გვ. 79).

2. „ნიაფორის" მნიშვნელობისათვის

ქ. № 181 ხელნაწერის ანდერძი სხვა მხრივაც საინტერესოა. აქ იხმარება ქართულში მეტად იშვიათი ხმარების სიტყვა ნ ი ა ფ ო რ ი: „შევწირენ წმიდასა ეკლესიასა წმიდისა ღმრთისმშობელისასა, დარსა დერთუფას, ნ ი ა ფ ო რ ო ბ ა ს ა თებრონიაძსა, ასულისა ვაჩე მხუელისასა".

გარდა ჩვენი მაგალითისა, სიტყვა ნ ი ა ფ ო რ ი დადასტურებულია „მოქცევაჲ ქართლისაჲ-"ს ორივე რედაქციაში[18], აქედან ის შევიდა ლეონტი მროველის „ნინოს ცხოვრებაში", რომელიც „ქართლის ცხოვრების" ნაწილს წარმოადგენს[19]. აქედან კი ის უთარგმნელად გადავიდა „ქართლის ცხოვრების" სომხურ თარგმანში[20].

„მოქცევაში", სადაც მოთხრობილია ნინოს დედის — სოსანის, და ბიძის — იობენალის იერუსალიმში მოღვაწეობის ამბავი, წერია: „... ესე ძმაჲ სუსანაჲსა მიემთხჳა დ ე ვ ტ ა ლ ა რ ო ბ ა ს ა, ხოლო სუსანა მსახურებდა მ ი ა ფ ო რ ს ა. [ნ ი ა ფ ო რ ს ა] სარას ბეთლემელსა..."[21]. ნ ი ა ფ ო რ ი და დ ე ვ ტ ა ლ ა რ ი — ორივე იშვიათი ხმარების სიტყვაა. „დევტალარი" კონტექსტის მიხედვით თანამდებობის აღმნიშვნელი ტერმინია. „ქართლის ცხოვრების" I ტომის ლექსიკონში ის შემდეგნაირად არის განმარტებული: „ეკლესიის სამსახურის ერთ-ერთი მაღალი თანამდებობის პირი". ამ სიტყვის ზუსტი მნიშვნელობა გახსნა იოანე მოსხის „ლიმონარის" არაბულმა თარგმანმა (ალ-ბუსთანმა). ტერმინი „დევტალარი" ერთდროულად ჩანს როგორც არაბულ ალ-ბუსთანში, ასევე „ლიმონარის" ქართულ თარგმანში. ქართულში ის ლიტერატურული გზით შესულა არაბული მოდელიდან. „ალ-ბუსთანის" გამომცემელმა რ. გვარამიამ გაარკვია, რომ არაბულ ტექსტში დადასტურებული دطرة არის ბერძნული δευτεράριος-ის არაბული ფორმა. არაბულ ტექსტში ამ სიტყვას ახლავს გლოსა: „პატრონი საფლავისა და ის, ვინც იცავს ჯვარსა". „ამ გლოსით, — წერს მკვლევარი, დაკონკრეტებულია ὁ δευτεράριος-ის რამდენადმე ზოგადი მნიშვნელობა: „მეორე, ეკლესიის მეორე მოხელე" და დაუვანილია ὁ σταυροφύλαξ-ის ცნებამდე, რაც ნიშნავს „ჯვრის მცველს", უფრო ზუსტად, „ქრისტეს სამარის მცველს"[22]. „დევტალარის" ანალოგიური ვითარებაა „ნიაფორის" მიმართაც. „ნინოს ცხოვრების" მასალაზე „ნიაფორის" მნიშვნელობის ახსნის პირველობა ეკუთვნის ცნობილ არმენოლოგს F. C. Conybeare-ს. მისი აზრით, ნია-

---

[18] ძველი ქართული აგიოგრაფიული ლიტერატურის ძეგლები, წიგნი I, 1963, გვ. 107, 109. „ნიაფორთაჲ" ერთად აქვე იხმარება ტერმინი „დევტალარი".

[19] ქართლის ცხოვრება, ტ. I, 1955, გვ. 71.

[20] ქართლის ცხოვრების ძველი სომხური თარგმანი, გამოსცა ილ. აბულაძემ, 1953, გვ. 75, 77.

[21] ძველი ქართული აგიოგრაფიული ლიტერატურის ძეგლები, წიგნი I, გვ. 107.

[22] ალ-ბუსთანი, X საუკუნის სინური ხელნაწერის მიხედვით. არაბული ტექსტი ქართული თარგმანითა და გამოკვლევით გამოსცა რ უ ს უ დ ა ნ გ ვ ა რ ა მ ი ა მ, თბილისი, 1965, გვ. 44—45. იხ. აგრეთვე: ი ო ა ნ ე მ ო ს ხ ი, ლიმონარი, ტექსტი გამოკვლევითა და ლექსიკონით გამოსცა ი ლ ი ა ა ბ უ ლ ა ძ ე მ, 1960, გვ. 023.

ფორი ბერძნული νεωκόρος-ია, სირიულ ნიადაგზე კ და ფ ასოების გრაფიკული აღრევის შედეგად მიღებული და ნიშნავს ტაძრის ზედამხედველს[23].

„დევტალარის“ მნიშვნელობისა და სადაურობის დაზუსტებამ ახალი მასალის საფუძველზე უფრო სარწმუნო გახადა „ნიაფორის“ კონიბირისეული განმარტება, ხოლო ქ. № 181 ხელნაწერის ანდერძმა კი, ვფიქრობთ, საბოლოოდ გადაწყვიტა ეს საკითხი. ქ. № 181 ხელნაწერის ზემომოყვანილ ანდერძშიც ნიაფორი ისეთი ფორმითაა მოყვანილი, რომ სრულიად უეშველს ხდის, რომ იგი თანამდებობას უნდა აღნიშნავდეს: „შევწირე ნიაფორობასა თეფრონიაჲსსა, ასულისა ვაჩე მხუელისასა“. ე. ი. შევწირე მაშინ, როდესაც თებრონია ნიაფორი იყო, ნიაფორის თანამდებობა ეკავა.

ვლ. ახვლედიანმა 1972 წელს გამოაქვეყნა წერილი „ტერმინ «ნიაფორის» მნიშვნელობისათვის“, სადაც გამოთქვა მოსაზრება, რომ ნიაფორი ბერძნული νέαφορα-ს უდრის და ნიშნავს „ახლად მოქცეულს“[24]. ვფიქრობთ, ქ. 181 ხელნაწერის ანდერძი ამგვარი ვარაუდის შესაძლებლობას გამორიცხავს. აქვე აღსანიშნავია, რომ როგორც „მოქცევაჲ ქართლისაჲ“-ს შემთხვევაში, ასევე ქ. 181 ხელნაწერის ანდერძში „ნიაფორი“ ქალის თანამდებობის აღმნიშვნელია — ტაძრის ზედამხედველი დედათა მონასტერში.

არის თუ არა „ნიაფორი“ (ტაძრის ზედამხედველი) ქართული წინამძღვრის ზუსტი შესატყვისი, ეს ჯერ კიდევ გასარკვევია.

სიტყვები „ნიაფორი“ და „დევტალარი“ არ არის შეტანილი ცნობილ არაბულ და სირიულ ლექსიკონებში. მაგრამ ეს კიდევ არ ნიშნავს იმას, რომ ბერძნულ ტერმინთა ეს არაბიზირებული ფორმები იშვიათი ხმარების სიტყვები იყო, არ იყო შესული არაბულ თუ სირიულ სასაუბრო ენაში და არ ჰქონდა გავრცელების თავისი არე. პირიქით, სიტყვა „ნიაფორის“ ხმარება ხელნაწერის ანდერძში, რომელიც მომგებლის ორიგინალური შემოქმედებაა და არ არის დამოკიდებული რომელიმე წყაროზე, გვაფიქრებინებს, რომ ეს სიტყვა გავრცელებული ყოფილა იმ წრეში, სადაც ცხოვრობდა გრიგოლ მომგებელი (ე. ი. პალესტინაში, პალავრის მონასტერში) და დამკვიდრებული იყო არა მარტო არაბულ თუ სირიულ სასაუბრო ენებში, არამედ იქ მცხოვრებ ქართველთა მეტყველებაშიც.

პალესტინაში ბიზანტიურ კულტურასთან მჭიდრო ურთიერთობის ნიადაგზე ახალი ტერმინოლოგიის თუ სხვა სახის ლექსიკური ერთეულების გაჩენა სირიულსა და არაბულ სასაუბრო მეტყველებაში და იმ ხალხების (მათ შორის ქართველების) სასაუბრო თუ სამწერლობო ენაში, რომლებიც ამ გარემოში ცხოვრობდნენ და მოღვაწეობდნენ, ქართველი და უცხოელი ორიენტალისტე-

---

[23] Marjory Wardrop and J. O. Wardrop, Life of st. Nino [F. C. Conybeare, The Armenian Version of Djouansher]. (Studia biblica et ecclesiastica. Essays chiefly in biblical and patristic criticism by members of the University of Oxford), Oxford, 1900, p. 70. ამ ვარაუდის შესახებ F. C. Conybeare-ის ნაშრომზე დაწერილ რეცენზიაში ნ. მარი წერს: «Из других замечаний Conybeare-а заслуживает внимание, что в Житии он усматривает сирийское влияние. Для меня эта мысль не подлежит сомнению с тех пор, как в «бранджском» отрывке удалось открыть сирийскую фразу». ЗВОИРАО, т. XIII, 1900, стр. 0139.

[24] აღმოსავლური ფილოლოგია, II, 1972, გვ. 42.

ბის სპეციალური კვლევის საგანია. № 181 ხელნაწერის ანდერძი ამ მხრივ საგანგებო ყურადღების ღირსია.[25]

3. გრიგოლ ხარიტონლავრელი — ხელნაწერთა მომგებელი

გვინდა შევჩერდეთ კიდევ ერთ საკითხზე: კ. კეკელიძემ ზემოგანხილულ წერილში გამოთქვა ვარაუდი, რომ შესაძლოა ჯრუჭის ხელნაწერის (H — 1662) მომგებელი გრიგოლ ხარიტონლავრელი, რომელმაც ეს ხელნაწერი დედათა საკანეს დერტავს შესწირა, იგივე გრიგოლ მღვდელი იყო, რომელმაც ქუთაისის № 181 ხელნაწერი დედათა მეორე სავანეს — დერთუფას შესწირა[26].

ამ ვარაუდისათვის კ. კეკელიძეს საკმარისი საფუძველი გააჩნდა, მაგრამ ამ საკითხის საბოლოო გადაწყვეტა მას არ უცდია, ვინაიდან ჯრუჭის ხელნაწერი არ ჰქონია ხელთ და მხოლოდ მის შესახებ მ. ბროსეს მიერ მოწოდებული ძუნწი ცნობებით. ვინაიდან დღეს შესაძლებელი გახდა ორივე ხელნაწერის შესწავლა და შედარება, გვინდა კ. კეკელიძის ვარაუდის დასაზუსტებლად ზოგი დამატებითი ცნობა მოვიტანოთ.

ამ ორი ხელნაწერის (H—1662 და ქ. 181) შესწავლამ დაგვარწმუნა, რომ ისინი სხვადასხვა პირის მიერაა გადაწერილი. ორივე ხელნაწერს ერთის მომგებელთა ანდერძები. H—1662-ის მომგებელია გრიგოლ ხ ა რ ი ტ ო ნ ლ ა ვ რ ე ლ ი. მომგებლის ანდერძი დაწერილია ტექსტის ხელით (273v—274r. იხ. დამატება 1, ფ. 1). გ რ ი გ ო ლ ი ს მოსახსენებლები ჩართულია ტექსტშიც, თავების სათაურებთან ან ბოლოს ტექსტისავე ხელით სინგურით: „ქ̾ე, შ̾ე მღდელი გ რ ი გ ო ლ და შეუნდვენ ცოდვანი, ა̾ნ“ (15r); „ქრისტე, შეიწყალე გ რ ი გ ო ლ“ (200 v.); ასევე 273r-ზე უკანასკნელი თავის ბოლოს ტექსტის ხელით მიწერილია: „ქ̾ე, შეიწყალე მონაჲ შენი მღდელი გ რ ი გ ო ლ“.

მომგებლის გრიგოლ ხარიტონლავრელის ზემოხსენებული ანდერძი შეიცავს ცნობებს ხელნაწერის დაწერის დროზე (1040 წ.), ადგილზე და მომგებლის ვინაობის შესახებ. ამას მოსდევს განსხვავებული ხელით (274r) დაწერილი ისევ მომგებლის, გრიგოლ ბერის, ანდერძი, სადაც ირკვევა, რომ იგი სწირავს ამ ხელნაწერს დერტავის დედათა მონასტერს (იხ. დამატ. 2, ფ. 2). ეს ანდერძი ტექსტის ხელისაგან სრულიად განსხვავებული ხელითაა დაწერილი და, საფიქრებელია, თვით გრიგოლის ნაწერია... ვფიქრობთ, ამ ხელნაწერთა ანდერძების (მომგებლისა და შემწირველის) გრიგოლ ხარიტონლავრელი, გრიგოლ მღვდელი და გრიგოლ ბერი ერთი პიროვნებაა[27].

დაახლოებით ანალოგიური ვითარებაა ქ. 181-ში[28]. ხელნაწერი შეიცავს მაკარის სიტყვებს. მაკარის ტექსტი თავიდან ბოლომდე გადაწერილია ერთი ხელით, კალიგრაფიული ნუსხურით. ტექსტის ხელითვეა დაწერილი (მთავრული, ნუსხურით) 104v-ზე: „ქ̾ე, შ̾ᲛᲔ გ̾ი“ (გიორგი), ხოლო 152v-ზე —

---

[25] ამავე თვალსაზრისით საინტერესოა იმის გარკვევა, თუ საიდან გაჩნდა ნ ი ა ფ ო რ ი და დ ე დ ა ლ ა რ ი (ბერძნულ ტრიმინთა სირიულ-არაბული ფორმები) „ქართლის ცხოვრების“ ზემოხსენებულ ეპიზოდში, რა წყარო ჰქონდა ხელთ მას ავტორს?

[26] კ. კ ე კ ე ლ ი ძ ე, დასახ. წერილი, გვ. 214.

[27] იხ. ამ ხელნაწერის აღწერილობა: საქართველოს სახ. მუზეუმის ქართულ ხელნაწერთა აღწერილობა (H კოლექცია), ტ. IV, 1950, გვ. 89.

[28] ამ ხელნაწერის მოკლე აღწერილობა გამოქვეყნებულია: ქუთაისის სახელმწიფო ისტორიული მუზეუმის ხელნაწერის აღწერილობა. ტ. I. თბილისი, 1953, გვ. 334—335.

„ქრ©, შ"უ იოსებ". არის თუ არა რომელიმე მათგანი გადამწერი, ძნელი სათქმელია. ამავე დროს 2r-ზე მოთავსებულია: „ცოდვილისა და ყოველთა მოწესეთა ნარჩევის გ რ ი გ ო ლ ი ს" ანდერძი, სადაც ის წერს: „ღირს ვიქმენ ა ღ წ ე რ ა დ წმიდისა მაკარის ე ბ ი ს ტ ო ლ ე თ ა და სარწმუნოებით შ ე ვ წ ი რ ე ნ წმიდასა ეკლესიასა წმიდისა ღმრთისმშობელისასა დარსა დ ე რ თ უ ფ ა ს" (იხ. დამატ. 3, ფ. 3). ანდერძის მიხედვით, გრიგოლი გ ა დ ა მ წ ე რ ი ც არის და შ ე მ წ ი რ ვ ე ლ ი ც. სინამდვილეში კი ანდერძის ხელი განსხვავდება ქ. 181 ხელნაწერის ძირითადი ხელისაგან და ძალიან ჰგავს H—1662 ხელნაწერის გრიგოლ პალავრელის II ანდერძის ხელს (შდრ. ფოტო 2 და 3), რომელიც გრიგოლ ხარიტონლავრელის მიერვე უნდა იყოს დაწერილი და მონასტრისათვის ხელნაწერის შეწირულობის აქტს წარმოადგენს. ასევე შეწირულობის წიგნია ქ. 181 ხელნაწერის გრიგოლის ანდერძიც. ჰგავს ამ ანდერძის ხელი თვით ქ. 181 ხელნაწერის ძირითად ხელსაც, ოღონდ ხელნაწერის ტექსტის ხელი უფრო კალიგრაფიულია (იხ. ფ. 4). ის განსხვავება, რომელიც შეინიშნება ხელნაწერის ძირითად ხელსა და გრიგოლის ანდერძის ხელს შორის, შეიძლება აგვეხსნა იმით, რომ გრიგოლის შეწირულობის ანდერძი არ არის ხელნაწერის თანადროული, ხოლო H—1662-ისა და ქ. 181 ანდერძები კი დაახლოებით ერთდროულია. ან არა და უნდა დავუშვათ, რომ გრიგოლის სიტყვები „ღირს ვიქმენ ა ღ წ ე რ ა დ" უნდა ნიშნავდეს არა გადაწერას, არამედ ხელნაწერის მოგებას. ამ მნიშვნელობით სიტყვა „აღწერი"-ს ხმარების სხვა შემთხვევებიც მოიძებნება. სანიმუშოდ შეიძლება მოვიყვანოთ აქვე, დამატებაში გამოქვეყნებული Jer. 33 ხელნაწერის ანდერძი, სადაც წერია: „...მე ცოდვილი და უღირსი ე კ ა ტ ი რ ი ნ ე შ ტ რ ო ჲ ს ა ასული ღირს ვიქმენ ა ღ წ ე რ ა დ წმიდისა ამის და სულთა განმანათლებელისა სვმეონის ცხორებისა" (394v), (იხ. დამატ. 5). ამავე დროს, ამავე ანდერძიდანვე ირკვევა, რომ ხელნაწერი დერტაველ დედათა საფასოჲთაა გადაწერილი, ხოლო გადამწერია „უცბად მჩხრეკელი ბ ა ს ი ლ ი, დერტაველ დედათა გაზრდილი".

ამრიგად, თუ სრული სიმტკიცით ვერ ხერხდება იმის თქმა, რომ გრიგოლი არის ქ. 181-ის გადამწერი, ერთი მაინც აშკარაა, რომ გრიგოლ ხარიტონლავრელი, მომგებელი H—1662 ხელნაწერისა, დერტავის მონასტრისადმი ამ ხელნაწერის შემწირველი იგივე პირია, რომელმაც ქ. № 181 ხელნაწერი დერთუფას შესწირა, ე. ი. გრიგოლ ხარიტონლავრელმა პალავრაში მისივე ინიციატივით გადაწერილი ორი ხელნაწერი შესწირა პალესტინის დედათა ორ მონასტერს, ქართველ დედათა სავანეებს — დ ე რ ტ ა ვ ს ა და დ ე რ თ უ ფ ა ს.

დერტავსა და დერთუფას დედათა მონასტრების ადგილმდებარეობა ცნობილი არ არის. რაკი გრიგოლ ხარიტონლავრელი ორივე მონასტერს სწირავს ხელნაწერებს და ამ მონასტრების ქართული კოლექტივების ბიბლიოთეკების გამდიდრებაზე ზრუნავს, შეიძლებოდა გვეფიქრა, რომ აღნიშნული მონასტრები დადად არ უნდა ყოფილიყვნენ დაშორებულნი როგორც ერთმანეთს, ასევე ხარიტონის ლავრასაც. ხარიტონის ლავრა ანუ პალავრა ბეთლემიდან ორი საათის მანძილზე სამხრეთ-აღმოსავლეთის მიმართულებით (მკვდარი ზღვა-საკენ)[29] მდებარეობს. შეიძლება ისიც დაგვეშვა, რომ ბასილი, დათა დერტაველთა აღზრდილი, რომელმაც დათა დერტაველთა შეკვეთით გადაწერა ხელნაწერი

[29] Древние палестинские обители и прославившие их св. подвижники, Петра Сладкопевцева, вып. I, СПб, 1895.

Jer. 33, ცხოვრობდა მამათა მონასტერში, რომელიც დერტავისაგან დიდად დაშორებული არ იყო. სავსებით შესაძლებელია, ეს მონასტერიც ხარიტონის ლავრა იყო.

ხარიტონის ლავრისა და დერტავის ტერიტორიალურ სიახლოვეზე და ამ მონასტრების ქართველთა კრებულების ახლო ურთიერთობაზე უნდა მეტყველებდეს აგრეთვე ხელნაწერი Jer. 32 (რ. ბლეიკის კატალოგით, ნ. მარის კატალოგით კი — Jer.30), რომელიც გადაწერილია ხახულის ლავრაში XI საუკუნის 30-იან წლებში და შეწირულია გადამწერის მიერვე ხარიტონის ლავრისადმი (იხ. ნ. მარი, იერუსალიმის ქართულ ხელნაწერთა მოკლე აღწერილობა, 1955, გვ. 68). ამ ხელნაწერის უკანასკნელ გვერდზე (151v) ადრეული XIII—XIV სს. ხსხვილი შხედრულით მიწერილია: „დელტაორი", რაც „დელტავურს" უნდა ნიშნავდეს (უ-ნის მაგივრად ო-ნის წერა ამ დროს ჩვეულებრივი მოვლენაა, ისევე,როგორც უ-ნის წინ ვ-ნის დაკარგვა) და ამ ხელნაწერის უკანასკნელ ადგილსამყოფელზე უნდა მიანიშნებდეს. საფიქრებელია, რომ ხარიტონის ლავრიდან ეს ხელნაწერი გადავიდა უახლოეს სავანეში დერტავში იმის შემდეგ, რაც ხარიტონის ლავრაში შეწყდა ქართველთა მოღვაწეობა. დერტავიდან კი ის, სხვა ხელნაწერებთან ერთად, გადაუტანიათ უკვე ჯვარის მონასტერში, სადაც საბოლოოდ თავს იყრიდა სხვადასხვა ქართულ სავანეთა ხელნაწერები, ამ სავანეთა გაპარტახებისა თუ სხვა ეროვნებათა წარმომადგენლების მიერ მათი დასაკუთრების გამო.

4. ერთი დიალექტოლოგიური ხასიათის შენიშვნა ბასილის ანდერძში

დაბოლოს, ყურადღება გვინდა მივაქციოთ ერთ საინტერესო ცნობას Jer. 33 ხელნაწერის ანდერძიდან, რომელიც ნ. მარს შეუმჩნეველი დარჩა იმის გამო, რომ მან არასწორად ამოიკითხა ანდერძის ერთი სიტყვა. ამ ანდერძის ბოლო აბზაცში ვკითხულობთ: „ვჰგონებ, რომელ მართლიად დამიწერი არს, განა ესეცა უწყებულ იყავნ, რომელ დედასა შინა მუნთქ/უე/სვე დიად[30] ეწერა და მისად ნაცვლად მეყსეულად დამიწერია, და ამარზაკისა ნაცვლად მყის და ამისათჳს მესხთაცა[31] შემინდევით, ენასა ქართველთასა ესე უკეთე მოეგვარების" (324v).

მუნთქუესვე და ამარზაკი ერთი მნიშვნელობის მქონე სიტყვებია, ვინაიდან მათ შეესატყვისება მეყსეულად და მყის — სინონიმური მნიშვნელობის სიტყვები[32].

ამარზაკი ქართულ ტექსტებში ვერ დავადასტურეთ. სომხურში კი ის ფართოდ ყოფილა გავრცელებული ჰამარძაკ-ის *Համարձակ* სახით და ნიშნავს დაყოვნების გარეშე, დაუყოვნებლივ[33], ე. ი. იმასვე, რასაც მეყსეულად და მყის.

ბასილის ზემომოყვანილი ცნობიდან ჩანს, რომ ამარზაკი მესხური ლექსიკის კუთვნილება ყოფილა, მაგრამ ქართულისათვის იშვიათი ხმარების სიტყვა, ამიტომ მან უპირატესობა მისცა მის ქართულ შესატყვისს მყის, ვინა-

---

[30] დიად — ხშირად, ბევრჯერ.

[31] მესხთაცა-ს ნაცვლად ნ. მარი კითხულობს „შე სხთაცა" (!). ტექსტში სრულიად გარკვევით იკითხება მესხთაცა.

[32] იხ. ალ. აბულაძე, ძველი ქართული ენის ლექსიკონი (მასალები), 1973, გვ. 235. სიტყვა მეყსეულად.

[33] Հայերէն բացատրական բառարան. կազմեց Ստ. Մալխասեանց. ნაშრომი ხელმძღვ. ერևան 1944.

იდან „ენასა ქართველთასა ესე უკეთე მოეგვარების“-ო. ასეთი დაპირისპირება მესხური დიალექტისა სალიტერატურო ქართულთან მეტად საინტერესოა ისტორიული დიალექტოლოგიის თვალსაზრისით„ მით უმეტეს, რომ იგი მომდინარეობს XIII საუკუნის მწიგნობრისაგან, რომელიც ეტყობა კარგად იცნობს მესხური ლექსიკის თავისებურებასაც და ამავე დროს მწიგნობრულ ენასაც.

ამა თუ იმ სიტყვის მნიშვნელობის ასახსნელად მესხურ ლექსიკას მიმართავდნენ ეფრემ მცირეც, რომელიც წარმოშობით ტაოდან იყო, და სულხან-საბაც. ასე მაგ., ეფრემის მიერ თარგმნილი „სამოციქულოს“ თარგმანების ფურცლის კიდეზე მიწერილია ეფრემისეული შენიშვნა: „შეისწავენი, რაჲეთუ ამას სჯნოღოროსა, რომელი არს თანამოსარჩლე, მესხთა მიერ ვარქირი ჰქჳან, მიზდებით მოსარჩლესა“ (ფ. 183)[34]. ამ „შეისწავე“-სთან დაკავშირებით ნ. მარი შენიშნავს: «Любопытно тут указание на месхское название, как отличное, очевидно, от грузинского ვექილი (?)“[35].

ეფრემ მცირემ, როგორც ჩანს, პირველად შემოიტანა სალიტერატურო ქართულში ბერძნული სჯნოღოროსი(συνήγορος —ადვოკატი) და აქვე განმარტა მესხურში გავრცელებული მისი შესატყვისით—ვარქირით.

ეფრემ მცირის ეს „შეისწავე“ ს. ს. ორბელიანმა გადაიტანა თავის ლექსიკონში: „ვაქილი თანამოსარჩლე, ვაქირი, მიზდური მოსარჩლე, რომელ არს სჳნოღოროსი“[36].

კუთხურ ლექსიკას, კერძოდ მესხურს, საბა თვითონაც არაიშვიათად მიმართავს სიტყვათა განმარტებების დაზუსტების მიზნით. ასე მაგ., სიტყვა ბოლიგთან საბას ლექსიკონის უძველეს (E) ნუსხაში ვკითხულობთ: „ბულაგი. წიგნში ჴნახე, თანვე კიდურზე ეწერა: ნუთუ ტომარა იყოსო. და ნიგალის ხევში მოზიდარს ვირებს ეძახიან, სხვაა თუ ისევ, არ ვიცი“[37]. ნიგალის ხევი სამხრეთ საქართველოშია, ამიტომ აქაც მესხური დიალექტი უნდა იგულისხმებოდეს.

სიტყვა გრივის განმარტებისათვის საბას მოჰყავს მასალები ლიტერატურული წყაროებიდან. ვრცლად მსჯელობს ამ სიტყვის მნიშვნელობაზე და ბოლოს ურთავს: „სამცხესა და გურიას ათსა ერთს გრივს უქმობენ“.[38] აქაც საბა მესხურ ლექსიკას იყენებს ლექსიკონისათვის. სხვა შემთხვევაში საბა მთიულთა მეტყველებას მიმართავს: სიტყვა კატაბანის განმარტებისათვის ლექსიკონის უძველეს რედაქციაში საბას მოჰყავს მასალები ლიტერატურული წყაროებიდან და ბოლოს ურთავს ხალხურ მასალასაც: „მთიულთ მოურავმან მოგვითხრა: მთის კაცნი ტყუილს უწოდენო“[39].

ზემოთ მოტანილი მასალა აშკარად მოწმობს, რომ ძველი ქართველი მწიგნობრები და მეცნიერები კარგად ხედავდნენ განსხვავებას სალიტერატურო, მწიგნობრულ ენასა და კუთხურ მეტყველებას შორის. დიდ მნიშვნელობას ანიჭებდნენ ამ უკანასკნელს და საჭირო შემთხვევაში მარჯვედ იყენებდნენ მას.

---

[34] ნ. მარი, იერუსალიმის ბერძნული საპატრიარქო წიგნსაცავის ქართული ხელნაწერების მოკლე აღწერილობა, დასაბეჭდად მოამზადა ელ. მეტრეველმა. 1955. № 25[(რ. ბლეიკის კატალოგით № 16).

[35] იქვე, გვ. 62.

[36] ს. ს. ორბელიანი, თხზულებანი, ავტოგრაფიული ნუსხების მიხედვით მოამზადა ილია აბულაძემ, ტ. IV[, 1965.

[37] ელ. მეტრეველი, სულხან-საბა ორბელიანის უძველესი ავტოგრაფი: აკად. ს. ჯანაშიას სახელობის საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის მოამბე, XIXB, 1956, გვ. 26.

[38] იქვე, გვ. 26 და ს. ს. ორბელიანის თხზულებები, ტ. IV[.

[39] იქვე, გვ. 21; ს. ს. ორბელიანი, თხზულებანი, ტ. IV[.

დამატება

1. „სახელითა მამისაჲთა და ძისაჲთა და სულისა წმიდისაჲთა და მადლითა ადგომისაჲთა და მეოხებითა წ(მი)დისა ღ(მრ)თისმშობელისაჲთა და ძლიერებითა ცხოველსმყოფელისა პატიოსნისა ჯუარისაჲთა, მეოხებითა წ(მიდა)თა მთავარანგელოზთაჲთა და სერობინ-ქერობინთაჲთა და ყ(ოვე)ლთა წ(მიდა)თა ანგელოზთა შ(ე)ნთაჲთა და წმიდისა ი(ოან)ე ნათლისმცემელისაჲთა და წ(მიდა)თა დიდებულთა მოციქულთაჲთა და წ(მიდა)თა მღდეთმოძღუართაჲთა და მოწამეთაჲ და წ(მი)დისა სტეფანესითა და ნეტარისა [მამისა ჩუენისა] ხარიტონ მოწამისა და მოღუაწისაჲთა და ყ(ოვე)ლთა წ(მიდა)თა და ნეტართა მამათაჲთა მე, გლახაკმ(ა)ნ და ფ(რია)დ ც(ო)დვილმ(ა)ნ გ რ ი გ ო ლ ხ ა რ ი ტ ო ნ წ მ ი დ ე ლ-მ(ა)ნ, მ ო ვ ი გ ე წ(მი)დაჲ ესე წიგნი სარგებელად ს(უ)ლისა ჩ(ე)მისა და სალოცველად ს(უ)ლ(ი)სა მშობელთა და მოძღუართა ჩემთასა და ყ(ოვე)ლთა მიცვალებულთა ჩ(უე)ნთასა, ძმათა და ყ(ოვე)ლთა შემოვედრებულთა ჩ(უე)ნთასა. აწ, ლმობიერად გეევედრები, წმიდანო ღ(მრ)თის(ა)ნო, ვინცა იმსახურებ-დ(ით) წ(მიდა)სა ამას ს(უ)ლთა გ(ა)ნმანათლებელსა წიგნსა, მოიჯსენენით ს(უ)ლ-ნიცა ჩ(უე)ნნი წ(მიდა)სა ლოცვასა თქ(უე)ნსა, რ(ადთ)ა წ(მი)დითა ლოცვითა თქუენითა ვპოოთ ლხინებ(ა)ჲ დღესა მას შინა საშინელსა, ოდეს მიაგებდეს უ(ფალ)ი და ღ(მერ)თი ჩ(უე)ნი ჲ(ეს)უ ქ(რისტ)ე კ(ა)ც(ა)დ-კ(ა)ც(ა)დსა და საქ-მეთა მ(ა)თაებრ და თქ(უე)ნცა უ(ფალმა)ნ დაგიცვენინ მკითხველნი და მსმე-ნელნი ყ(ოველ)ნი ერთობით, ამენ.

დაჲწერა წ(მიდა)ჲ ესე წიგნი საყოფელსა შ(ინ)ა წ(მი)დისა მამისა ხ ა რ ი-ტ ო ნ ი ს ს ა პ ა ლ ა ვ ა რ ა ს, ძეელსა მონასტერსა ჴელითა ფ(რია)დ ც(ო)-დვილისაჲთა, ქრონიკონსა სჲ. ჩანს ჩხრეკილი, დაისაჯების გლახ მჩხრაკალი. მ, ულხინე, უ(ფალ)ო სახიერო, დაკლებისათუის და უცბად ჩხრეკისათუის შემინ-დევით, ყოველთა დაგაჯეროს ღ(მერთმა)ნ". (H 166² 273v—274r).

2. „სახელითა ღ(მრ)თ(ისა)ჲთა მე ბ ე რ მ (ა) ნ გ რ (ი) გ (ო) ლ შევწირე წ(მიდა)ჲ ესე წიგნი თქ(უ)მ(უ)ლი წ(მიდ)ისა ი(ოა)ნე ოქროპირისაჲ მ ო ნ ა [ს]-ტ ე რ ს ა დ ე დ ა თ ა ს ა დ ე რ ტ ა ვ ს სალ(ო)ცვ(ელ)ად ს(უ)ლისა ჩ(ე)მისა, მშ(ო)ბ(ე)ლთა და შვილთა სულ(იე)რთა და ყ(ოვე)ლთა თჳსთ[ა] ჩ(ე)მთა, და ვინ რ(ადც)ა მიზეზითა იკადროს და გამოაჯუას მუნით, ანუ ერთმანეთსა დაუ-ყენონ, კანონი არს მ(ა)ს ზ(ედ)ა შეუნდობელი ღ(მრ)თისაგან და ჩ(უე)ნგ(ა)ნ მიუკ(უნისამდ)ე, ა¯ნ, და ვინ კეთილ(ა)დ იმსახუროს, ჯ(უარ)ი აქუს და კ(ურთ)-ხ(ევა)ჲ". (H 1662, 274r).

3. „სახელითა ღ(მრთ)ისაჲთა და მეოხებითა წმ(ი)დისა ღ(მრ)თისმშობელი-საჲთა და შეწევნითა ყ(ოვე)ლთა წ(მიდა)თა მისთაჲთა მე, გ(ლ)ახაკი ს(უ)ლითა და ფ(რია)დ ცოდვილი და ნარჩ(ე)ვი ყ(ოვე)ლთა მოწესეთა გ რ (ი) გ (ო) ლ, ღირს გიქმენ აღწერად წმ(ი)დისა მაკარის ებისტოლეთა და სარწმუნოებით შევწირენ წ(მიდას)ა ეკლესიასა წ(მი)დისა ღ(მრ)თისმშობელისასა, დ ა რ ს ა დ ე რ თ უ ფ ა ს, ნიაფორობასა თებრონიაჲსსა, ასულისა ვაჩე მხეულის(ა)სა. ადიდენ ღ(მერთმა)ნ წ(მიდა)ჲ და უბიწოჲ ს(უ)ლი მ(ა)თი აქა და უმეტეს საუკუ-ნესა სალოცველ(ა)დ და საკითხავად ყ(ოვე)ლთა დ ა თ ა ქ ა რ თ ვ ე ლ თ ა, რ(ომელ)ნი მყოფ არიან ქ(რისტ)ჱს მსახურნი მას დარსა შ(ი)ნა, მოსაჯსენებელ-(ა)დ ს(უ)ლისა ჩ(ე)მისა ცოდვილისა, მშ(ო)ბელთა და და-ძმათა და ყ(ოვე)ლთა თჳსთა ჩ(ე)მთა და ყ(ოვე)ლთა შემოვედრებულთა და მოწაფეთა და შვილთა ჩ(ე)მთა ს(უ)ლიერთა, და აწ ცრემლით გეევედრები წმიდანო ღმრთისანო, ვინცა

იმასახურებდეთ წმინდათა ამათ წოგნთა, წ(მიდა)თა ლოცვათა შ(ი)ნა თქ(უე)ნთა მოგვსენენით" (ქ. 181, 2r).

4. „სახელითა ღმრთისაჲთა და მეოხებითა ცხოველსმყოფელისა საფლავისაჲთა მე, ცოდვილი და უღირსი ეკატირინე შტროჲსა ასული, ღირს ვიქმენ აღწერად წმიდისა ამის და სულთა განმანათლებელისა სჳმეონის ცხ(ო)რ(ე)ბისა. აწ წმიდათა მენელსაცხებლეთა სწორნო დანო დელტაელვენო, ქრისტეს სიყუარულისათჳს ვინცა ღირს იქმნეთ წარკითხვად წმიდისა ამის ცხორებისა სჳმეონისსა, სულთა და ჯორცთა განმანათლებლისა, თქუთ წმიდითა პირითა თქუენითა მოტევებაჲ ცოდვათა ჩემთაჲ და თქ(უე)ნ ყოველთა მკითხველთა და მსმენელთა ქრისტემან მადლი მოგანიჭენ, ამინ. ეკ(ა)ტირინას შეუნდვენ, უ(ფალ)ო, თქუთ ყ(ველ)თა ამინ.

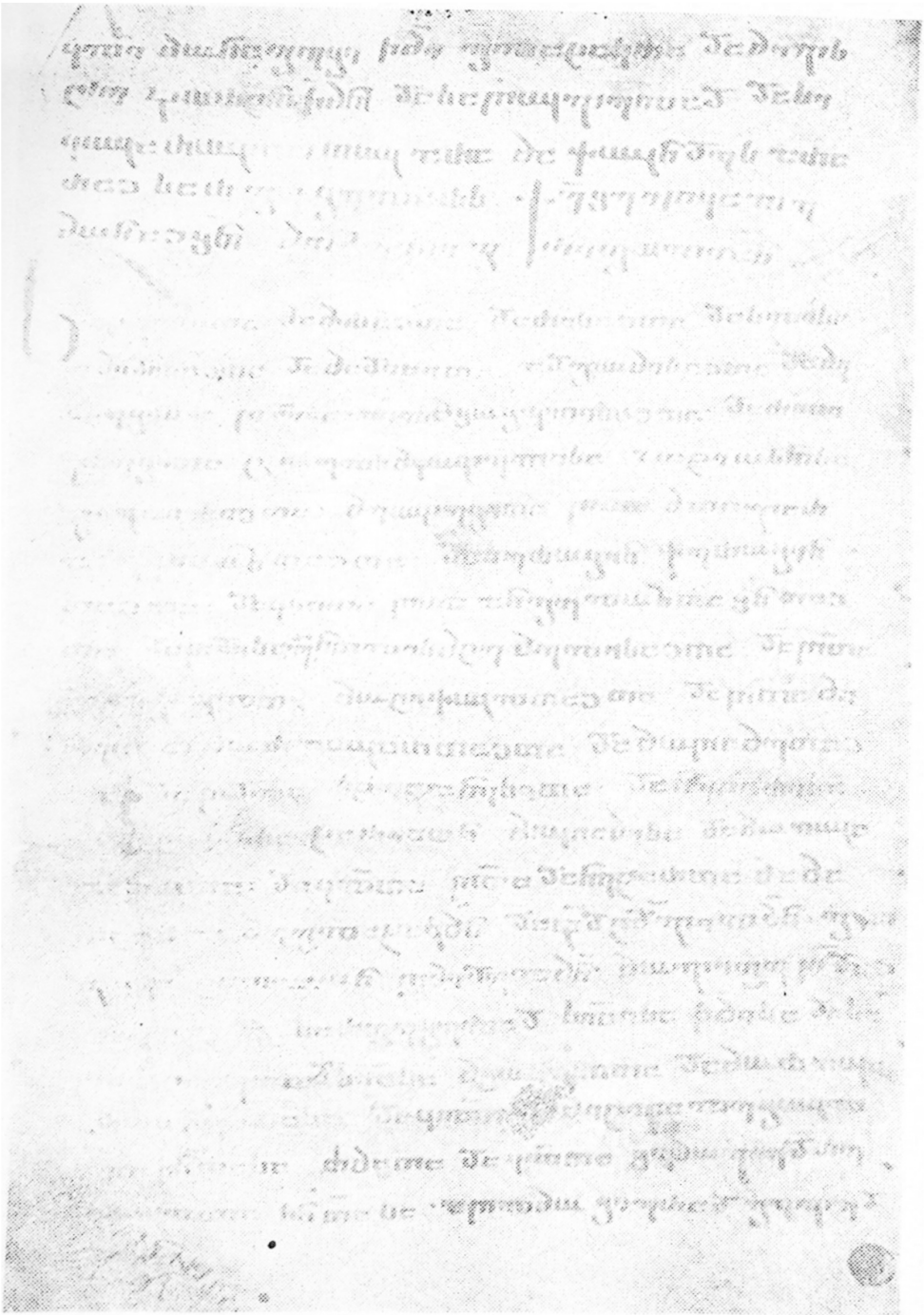
დანო პ(ა)ტ(იო)სანნო, გ(ე)ვედრ(ე)ბი გაზრდილი თქ(უე)ნი ბასილი საჲთური უცბად ჩხრეკისათ(ჳ)ს შემინდევით. შეუნდვენ უფალო ღმერთო, ამინ.

ვჰგონებ, რ(ომე)ლ მ(ა)რთლიად დამიწერი არს, განა ესეცა უწყებულ იყავენ, რ(ომე)ლ დედასა შინა მუნთქ(უე)სვე დიად ეწერა და მისად ნ(ა)ცვლად მეუს(ე უ)ლად დამიწერია და ამარზაკისა ნაცვლად მყის. და ამისთჳს მესხთაცა* შემინდევით, ენასა ქართველთასა ესე უკეთუ მოეგუარების" (Jer. 33, 324 v).

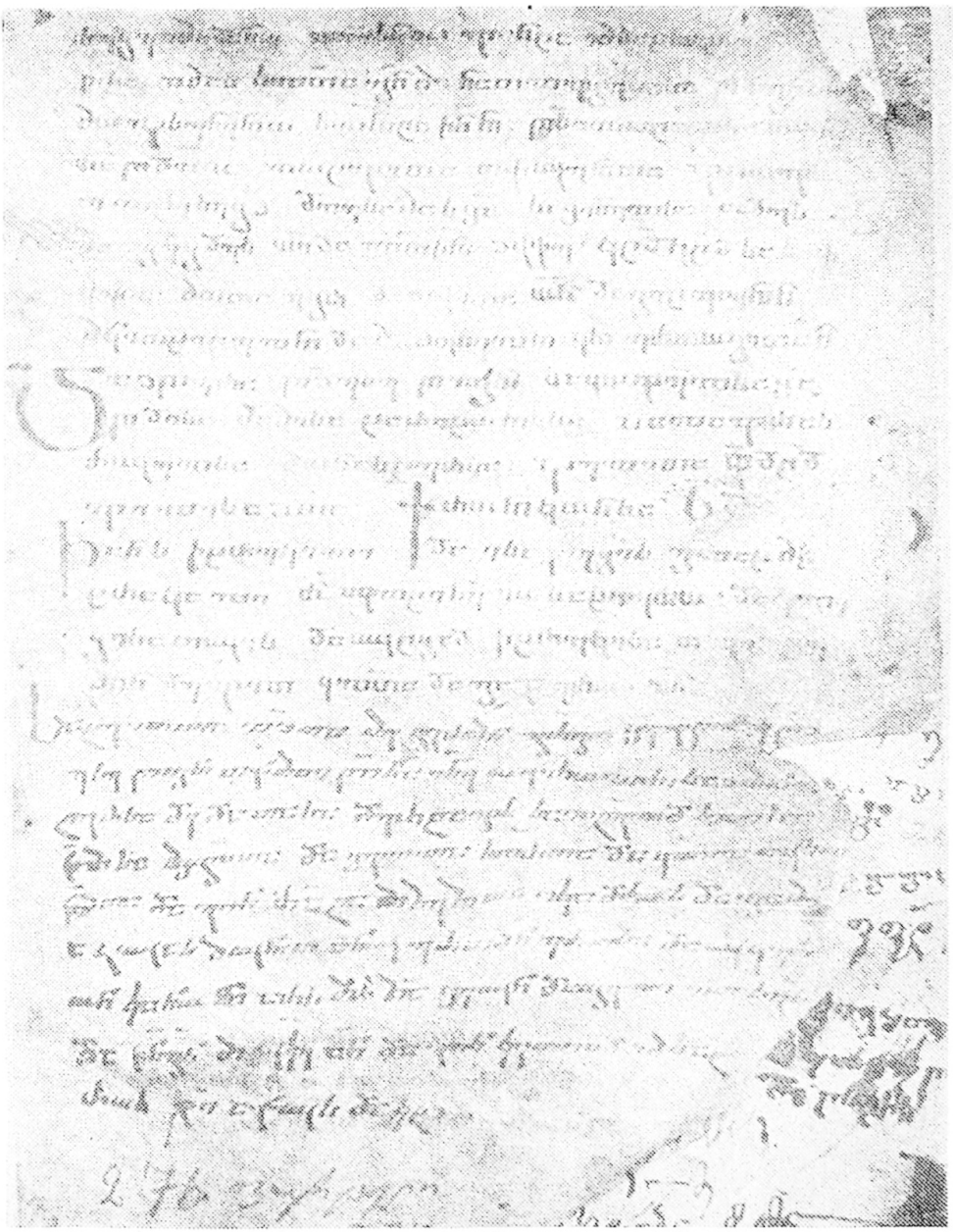
5. დელტაველთა დათა ყ(ველ)თავე შეუნდვენ, უფალო. დაწერა საფოსოჲთა (!) მ(ა)თითა. მეცა მომიჯს(ე)ნეთ ცოდვილი ბასილი მჩხრ.ე)კ(ა)ლი რ(ამთ)ჲ ღ(მერთმა)ნ თქ(უე)ნცა მოგიჯს(ე)ნნეს. შეუნდვენ„ უ(ფალო), ა(მე)ნ" (Jer. 33, 197 v).

---

* ნ. მარი კითხულობს: შე სხთაცა (!). T. P. IX, გვ. 62—64.

ფოტო 1. გრიგოლ ხარიტონლავრელის ანდერძი (H 1662).

ფოტო 2. გრიგოლ ბერის ანდერძი (H 1662).

ფოტო ვ. გრიგოლ შემწირველის ანდერძი (ქ. 181).

ფოტო 4. ტექსტის ერთი გვერდი (ქ. 181).

IV 1976

A. SPITALER

(Universität München)

EIN SCHEINBARER BELEGVERS IN SĪBAWAIHS KITAB

Sībawaih bespricht in seinem Kitāb (Dér. I 312 ff./Būl. I 356 ff., JAHNs Übers. § 184) die Konstruktion von Substantiven, die mit lā verbunden sind. Es liegt hier einer der Ansätze des Arabischen zur Kompositabildung vor[1], und Sībawaih spricht geradezu von «Univerbierung», wenn er sagt (312, 21/357, 11): wa-'lam annalā qad takūnu fī ba'ḍi l-mawāḍi'i bi-manzilati smin wāḥidin hiya wa-l-muḍāfu ilaihi[2]. Für Sībawaih handelt es sich allerdings um die Tatsache, daß das lā die Konstruktion nicht unterbricht, was er dadurch demonstriert, daß er lā mit ġair gleichsetzt: wa-ḏālika naḥwa qaulika aḫaḏtahū bi-lā ḏanbin wa- aḫaḏtahū bi- lā šai'in wa- ġaḍibta min lā šai'in wa- ḏahabta bi—lā 'atādin wa-l-ma'nā ma'nā[3] ḏahabta bi-ġairi 'atādin wa-aḫaḏtahū bi-ġairi ḏanbin.

Anschließend kommt Sībawaih auf eine Dichterstelle zu sprechen, die formal in den Zusammenhang passt: *taraktanī ḥīna lā mālin a'īšu bihī *wa-ḥīna ġunna zamānu n-nāsi au kalihā*[4]. Während ḥīna im 2. Halbvers als Konjunktion mit Verbalsatz fungiert, erscheint es im 1. Halbvers bei der Vokalisation lā mālin als Präposition und liefert damit den beabsichtigten Beleg ḥīna lā mālin als Parallele zu min lā šai'in, bi-lā 'atādin usw. Sībawaih fügt aber nun hinzu: wa-r-raf'u 'arabīyun, also «(auch) der Nominativ — d. h. ḥīna lā mālun mit Nominalsatzkonstruktion — ist

---

[1] Vgl. C. Brockelmann, GvG I S. 483 B; H. Wehr, Die Besonderheiten des heutigen Hocharabischen 37 Fn. 1.

[2] Bei Ibn aš-Šaǧarī, Amālī. Haidarabad 1349 I 238, -5 ff., wo der ganze Passus zitiert ist, steht hiya wa-l-muḍāfu ilaihi mit erleichternder Umstellung unmittelbar hinter fī ba'ḍi l-mawāḍi'. .

[3] Bei Ibn aš-Šaǧarī fehlt ma'nā.

[4] «Du verließest mich in einem Augenblick des Mangels an Vermögen, mit dem ich hätte leben können, und in einem Augenblick, als die Zeit der Menschen verrückt und toll war». Der Vers stammt aus einer marṯiya des ṣaḥābī Abū ṭ-Ṭufail 'Amīr b. Wāṯila auf seinen Sohn, s. Aġanī XIII 169, 6 ff. und Ḫiz. II 90 f. Zur Person auch Ibn Ḥaǧar, Iṣāba (K. 1325) VII 110 Nr. 670.

(echt) arabisch» und belegt das in folgender Weise: ʻalā qaulihī: ḥīna lā mustaṣraḫun wa-lā barāḥū.

Die beiden Textausgaben (und natürlich auch Jahns Übersetzung) charakterisieren diesen Passus durch eigene Zeile bzw. Setzung zwischen Asterisken als Halbvers, genauer entsprechend der Pausalvokalisation barāḥū als 2. Halbvers. In FISCHER-BRÄUNLICHs Schawāhid-Indices 49b, 2 ist demgemäß ein Reimwort «(wa-lā) barāḥū» registriert, das Versmaß ist, vermutlich aus der Ed. Dérenbourg übernommen und jedenfalls damit übereinstimmend, als Ramal angegeben. Als Nachweis wird Sīb., ferner Šantamarīs unter dem Strich der Būlāqer Ausgabe abgedruckter Šawāhid-Kommentar[5] zitiert. Letztere Angabe ist allerdings unzutreffend, Šantamarī geht auf die Stelle gar nicht ein[6]. Unzutreffend ist aber auch die Bestimmung des Versmaßes als Ramal. Die Worte ḥīna lā mustaṣraḫun wa-lā barāḥū können nur gewaltsam als Ramal-Vers interpretiert werden, denn da das Grundschema des Ramal ⏑ – ⏑ – – ist, müsste die vierte Silbe des zweiten Fußes lang sein. An dieser Stelle steht hier jedoch wa-, also eine Kürze, zu deren Rechtfertigung eine anerkannte metrische Lizenz nicht zur Verfügung steht. Tatsache ist, daß es sich überhaupt nicht um einen einheitlichen Vers bzw. Halbvers welchen Metrums auch immer handelt, sondern um die jeweils letzten Wörter von zwei verschiedenen Versen verschiedenen Metrums, die durch wa- aneinandergereiht sind.

Der erste Vers ist ein Raǧaz-Vers, stammt von ʻAǧǧāǧ und lautet im Zusammenhang (AHLWARDT Nr. 9, 1 ff./SAṬLĪ Damaskus 1971 Nr. 41, 1 ff.):

1. ta-llāhi lau lā an taḫušša ṭ-ṭubbaḫū
2. biya l-ǧaḥīma ḥīna lā mustaṣraḫū
3. fī duḫḫali n-nāsi wa-qad tasallaḫū
4. la-ʻalima l-ǧuhhālu annī mifnaḫū
5. bi-hāmihim...[7].

---

[5] In GALS I 160, 19 heißt es: «Beste Ausgabe des Kitāb K. 1316 mit Auszügen aus as-Sīrāfī und aš-Šantamarī». Für Sīrāfī trifft die Bezeichnung «Auszüge» zu; der gebotene Text Šantamarīs dürfte aber wohl vollständig sein.

[6] Der Verweis auf Sant. ist offenbar mechanisch erfolgt unter der allzu selbstverständlich gemachten Voraussetzung, daß ein Verszitat bei Sīb. automatisch einen Kommentar bei Sant. zur Folge haben müsse. Das ist aber keineswegs immer so, u. zwar nach meinen Beobachtungen in mehr als zwei Dutzend Fällen. Im einzelnen kann hier darauf nicht eingegangen werden.

[7] «Bei Gott, würden die «Kocher» nicht die Hölle mit mir heizen, wenn keine Zeit (mehr) ist zum Hilferuf bei den geschundenen Insassen des Feuers, dann würden die Toren erkennen, daß ich Ducker ihrer Schädel bin...», «Kocher», ṭubbaḫ (Pl. von ṭābiḫ) ist eine etwas kühne, letztendes durch den Reim erzwungene Metapher für die Engel des Gerichts, al-malā'ika al-muwakkalīn bi-ʻaḏāb al-kuffār, wie Azharī, Tahḏīb VII 253a, 8 (s. Lisān IV 6, 9, ferner Maqāyīs III 437, -4) sagt. Vgl. auch den Kommentar Aṣma'īs in der Ausg. Saṭlī zur Stelle: wa-yuqālu: kullu man anḍaǧa šaiʼan fa-qad ṭabaḫahū.

Und der zweite Vers ist Kāmil muraffal, stammt von Sa'd b. Mālik[9] und lautet als ganzes:

m a n ṣ a d d a[9] 'a n n ī r ā n i h ā „ f a - a n ā b n u Q a i s i n l ā b a r ā ḥ ū[10].

Sībawaih zitiert somit zur Rechtfertigung der Vokalisation ḥ ī n a l ā m ā l u n nicht einen, sondern zwei Belege, die in Ansehung der Zeit ihrer Dichter den Ansprüchen der «'a r a b ī y a» gerecht werden. Nichtsdestoweniger versäumt er nicht, sofort hinzuzufügen: w a - n - n a ṣ b a ǧ w a d w a - a k ṯ a r m i n a r - r a f'. Er gibt also prinzipiell nach ḥ ī n a der üblichen Konstruktion des l ā n ā f ī y a t a l - ǧ ī n s den Vorzug und belegt sie mit einem anonymen Raǧaz-Vers: „ḥ a n n a t q a l ū ṣ ī ḥ ī n a l ā ḥ ī n a m a ḥ a n n„[11]. Das ist auch ganz richtig, denn die Formen mit Nunation (ḥ ī n a l ā m ā l i n / m ā l u n) sind nur durch das Metrum, der Kasus z. T. durch den Reim bestimmt, so ḥ ī n a l ā m u s t a ṣ r a ḫ ū, wie nunmehr natürlich bei Sīb. statt m u s t a ṣ r a ḫ u n zu lesen ist, und ḥ ī n a l ā b a r ā ḥ ū[12]. Ausserhalb der ḍ a r ū r a heißt der Ausdruck selbstverständlich l ā b a r ā ḥ a. Auf weiteres kann hier nicht eingegangen werden.

Wie bereits eingangs erwähnt, kommt Šantamarī in seinem Kommentar auf den zur Debatte stehenden Passus nicht zu sprechen. Das ist zwar für l ā b a r ā ḥ ū insofern verständlich, als er den Vers bereits bei seinem ersten Vorkommen im Kitāb I 22,9/28,—5 behandelt hat und auch beim zweiten Vorkommen I 310,9/354,—4, u. zw. kaum 11 Seiten vor unserer Stelle nochmals wenigstens kurz auf ihn eingeht[13]. Nicht aber für ḥ ī n a l ā

---

[9] Dies wenigstens die gewöhnliche Zuweisung. Von den 20 mir bekannten Versen der Qaṣīde werden einige auch anderen Dichtern zugeschrieben. - Sa'd b. Mālik ist a ḫ a d s ā d ā t B a k r b. W ā ' i l w a - f u r s ā n i h ā f ī l - ǧ ā h i l ī y a, s. A m i d ī, Mu'talif 135, 9/198, -6, = Ḥiz. I 226 ult. f.; vgl. auch W. C a s k e l, Gamhara II 495b. 18.

[9] Var. f a r r a, so z. B. bei Sīb. I 22, 9/28, -5. Vgl. L a n e 181 a.

[10] «Wer auch zurückschreckt von seines (des Kriegs, ḥ a r b) Flammen, ich bin der Sohn des Qais, (für mich gibt es) kein Zurückweichen».

[11] «Meine Kamelin stöhnte, als es unzeitig war zu stöhnen». S. Schaw.-Ind. 259a, 16; dazu noch A b ū 'A l ī a l - F ā r i s ī, al-Ḥuǧǧa fī 'ilal al-qirā'āt as-sab' I, Kairo 1385, 123, -4; I b n a š - S a ǧ a r ī, Amālī I 239, 4; M u b a r r a d, Muqtaḍab K. 1388 IV 358 ult.

[12] Auch H. Reckendorf weist in Syntax 119 ult., wo er letztere Stelle zitiert, auf den Reimcharakter hin, spricht aber gleichzeitig merkwürdigerweise von einem «Nominativ ohne Nunation», ohne zu berücksichtigen, daß es sich ja nur um die dichterische Pausalform von b a r ā ḥ u n handelt. Reckendorf selbst zitiert in Fn. 3 aus Ḥamāsa 422,II] l ā b a r ā ḥ ī was ebenfalls nur die Pausalform des reimbedingten Genitivs b a r ā ḥ i n ist, nicht etwa die NF f a ' ā l ī darstellt (die in das obskure, als Beiname der Sonne erklärte b a r ā ḥ ī hineininterpretiert wird, vgl. M. C a n a r d, La forme arabe «f a ' a l ī», Annales de l'Institut d'études orientales (de l'Université d'Alger) I 1934—35, p. 24 f.).

[13] Überhaupt übergeht Šantamarī von Sībawaih wiederholt zitierte Verse in der Regel nicht, er verweist dann aber auf die Behandlung an der ersten Stelle. So gerade bei dem hier in Rede stehenden Vers des Sa'd b. Mālik, den Sībawaih also insgesamt dreimal heranzieht. Šantamarī erwähnt zwar an der 2. Stelle nochmals kurz den Grund für den I s t i š h ā d, sagt dann aber: w a - q a d t a q a d d a m a l - b a i t b i - ' i l l a t i h ī w a - t a f s ī r i h ī.

mustaṣraḥū, das sonst nirgends im Kitāb vorkommt. Dieser Sachverhalt kann nur so erklärt werden, daß Šantamarī die beiden Versschlüsse nicht als solche erkannt, sondern für einen geschlossenen Halbvers gehalten, d. h. mit dem kurz vorher bereits zitierten Kāmil-Vers auf lā barāḥū zusammengeworfen hat, auf dessen erneute Kommentierung er nun verzichten zu können glaubte.

Diese Verwechslung ist natürlich eine Flüchtigkeit, sie ist aber grundsätzlich begreiflich. Denn um die beiden nur durch ein w ā w getrennten Verstücke auseinanderzuhalten, bedarf es zweifellos besonderer Aufmerksamkeit und Sachkunde, da der Leser eigentlich die Verse bereits als ganzes kennen muß, um die Bruchstücke zu identifizieren. Nun sollte man zwar bei einem Šawāhid-Kommentator wie Šantamarī[14] diese Kenntnis voraussetzen dürfen; und seine Fehlleistung könnte umso auffälliger wirken, als der Vers des Sa'd b. Mālik wie erwähnt im vorvorhergehenden Kapitel (§ 182) erst vorkam. Beanstanden könnte man auch, daß Šantamarī an dem Scheinvers keinen metrischen Anstoß genommen hat. Aber Šantamarī ist sicher gar nicht der erste, der hier einem Mißverständnis zum Opfer gefallen ist. Er gibt zwar in der Einleitung seines Kommentars keine Auskunft über seine Quellen, es kann aber kein Zweifel sein, daß er auf Vorgängern fußt, zumindest auf dem Kommentar des Abū Ga'far an-Naḥḥās , der zwar nicht mehr erhalten zu sein scheint, den aber die Ḫizāna häufig zitiert[15]. Es besteht Grund zur Annahme, daß schon an-Naḥḥās den wahren Sachverhalt nicht mehr gekannt hat. In Ḫiz. III 292—2 ff. stellt 'Abd al-Qādir al-Baġdādī im Zusammenhang mit einem anderen šāhid Sībawaihs fest: wa-lam yūrid Abū Ga'far an-Naḥḥās wa-lā l-A'lam aš-Šantamarī hāḏā l-bait fī šawāhid Sībawaih wa-ka'annahumā lam yantabihā li-kaunihī ṣi'ran wallāhu a'lam[16].

Diese Übereinstimmung von Šantamarī und Naḥḥās legt den Schluß auf innere Abhängigkeit nahe, der dann auch in unserem Fall gestattet ist[17].

---

[14] von dem es bei Ibn Basquwāl, Sila (K. 1374) II 643 ult. heißt: wa-kāna 'ālīman bi-l-luġāt wa-l-'arabīya wa-ma'ānī l-aš'ār kaṯīr al-'ināya bihā ḥasan aḍ-ḍabṭ·lahā mašhūran bi-ma'rifatihā wa-itqānihā (zitiert bei b. Ḫallikān K. 1310 II 353, 15, Yāqūt, Iršād VII 307, 11, Suyūṭī, Buġya 422, 10).

[15] S. M. 'Abd al-'Azīz Maiman, Iqlīd al-Khizāna p. 88.

[16] Es handelt sich um den von Sīb. II 56 13/61, -5 und—mit einer Var. -II 451, 9/403, -3 zitierten Raǧaz-Vers „qad 'alimat ḏāka banātu alba/ubī bzw. albabih„, zu dem tatsächlich Santamarī an keiner der beiden Stellen einen Kommentar gibt (die gegenteiligen Angaben in Schaw. Ind. 21a, 8 und 36b, 16 sind wieder unzutreffend).

[17] Zwingend ist dieser Schluß allerdings nicht. Denn Santamarī bespricht auch einen anderen šāhid Sībawaihs nicht, obwohl wieder in der Ḫizāna festgestellt wird, daß ihn an-Naḥḥās kommentiert. Bei der Besprechung von Sīb. I 122, 9 f. la-qad 'alimtu aiya ḥīnin 'uqbatī heißt es in Ḫiz. IV 15, 11: wa-ẓāhiru siyāqihī anna hāḏā l-kalām lāši'r wa-l-hāḏā lam yašraḥhu aḥadun minhum fī l-abyāt illā Abū Ga'far an-Naḥḥās ... wa-anšadahū aḍ-ḍan Ibn as-Sīrāfī fī šarḥ abyātihī... (Im Text Sībawaihs ist der Satz nicht als Vers — Raǧaz — gekennzeichnet).

Solange jedoch Quellenvergleiche nicht möglich sind, muß es bei Vermutungen bleiben.

Letztlich aber dürfte das Mißverständnis auf die handschriftliche Überlieferung des Kitāb selbst zurückgehen, soweit man bei unserer äusserst dürftigen Kenntnis ihrer Geschichte überhaupt etwas darüber aussagen kann. Bei der in vielen Hss ja üblichen Weise, die Verse nicht vom übrigen Text abzuheben, sei es durch neue Zeile oder ein anderes graphisches Hilfsmittel, ist es ohne weiteres denkbar, daß Verse, Halbverse oder Versbruchstücke, die nicht unverwechselbar durch Nennung des Dichters, q ā l a š - š ā ' i r o. ä. gekennzeichnet sind, vom Abschreiber oder Leser nicht als solche erkannt werden und daher unberücksichtigt bleiben. Das muß nicht bedeuten, daß die Kenntnis, daß es sich bei unserem «Vers» in Wirklichkeit um zwei Verse handelt, überhaupt abhanden gekommen ist. In Werken, die nicht unmittelbar Kommentarliteratur zu Sībawaih sind, aber unverkennbar mit Sībawaihs Material arbeiten, lässt sich das deutlich beobachten. So verwendet Abū 'Alī al-Fārisī in seinen masā' il manṯūra[18], wie aus dem Zitat in Ḫiz. II 90,—10 hervorgeht, den Vers des 'Aǧǧāǧ mit erweitertem Wortlaut a l - ǧ a ḥ ī m a ḥ ī n a l ā m u s t a ṣ r a ḫ ū in dem gleichen Zusammenhang, in dem er bei Sībawaih verwendet ist, wobei es ausgeschlossen werden kann, daß er diesen Zusammenhang nicht gekannt hätte. Das gleiche gilt für Ibn al-Anbārī, Inṣāf 162, wo der Vers des Sa'd b. Mālik und der des 'Aǧǧāǧ (zusammen mit dem vorhergehenden) zitiert wird. Und es gilt für ar-Raḍī al-Astarābādī, der in seinem Kommentar zur Kāfiya des Ibn al-Ḥāǧib Kst. 1275 I 238, 1) Kst. 1310 I 258,- 11 auf fünf von den einschlägigen Belegversen Sībawaihs in folgender Form und Reihenfolge hinweist: l ā i l a i n ā r u ǧ ū ' u h ā — l ā n a f ' u n — l a b a r ā ḥ ū — l ā m u s t a ṣ r a ḫ ū — l ā m ā l u n[19]. Die Sībawaih gegenüber umgekehrte Reihenfolge l ā b a r ā ḥ ū — l ā m u s t a ṣ r a ḫ ū zeigt, daß Astarābādī wusste, daß es sich um zwei getrennte Belege handelt[20].

Ob und wie etwa Sīrāfī in seinem Sībawaih-Kommentar zu unserem Passus Stellung nimmt, wird man hoffentlich bald anhand der in Kairo vorbereiteten Ausgabe nachprüfen können. Sicher ist es nicht, denn Sīrāfī verweist in seinem Kommentar ausdrücklich für die Verse auf ein Spezialwerk von ihm[21].

Als Resultat dieser kleinen Untersuchung ergibt sich für FISCHER—BRÄUNLICHs Schawāhid-Indices folgendes: 49b, 2 (w a - l ā) b a r ā ḥ ū ist ganz zu streichen. Bei 49b, 1 Z. 2 ist nach 310 noch 313 zu ergänzen und bei 55a, 4 ist vor Šinq. I 98 neu hinzuzufügen: Sīb. I 313.

---

[18] 'Abd al-Qādir al-Baǧdādī nennt sie in Ḫiz. I 9, 1 unter seinen Quellen und zitiert sie an 14 Stellen, s. Iqlīd 102 Nr. 767 (die Stelle II 158 ist zu streichen, sie bezieht sich auf die masā'il baṣrīya und ist dort [Nr. 756] nachzutragen). Sie scheinen nicht erhalten zu sein; auch in der Liste der Werke von Abū 'Alī al-Fārisī, die in der Einleitung zur Ausgabe seiner Ḥuǧǧa (s. oben Bl. 3 Fn. 1) I 25—27 zusammengestellt ist, fehlen sie.

[19] Als letztes folgt das Prosabeispiel l ā s a w ā ' u n, das aus Sīb. I 357, 7 f. stammt.

[20] Vgl. auch A s t a r ā b ā d ī I 112, 15.

[21] S. M a h m o u d H e g a z i, Abū Sa'īd as-Sīrāfī, der Sībawaih-Kommentator als Grammatiker, Münchener Diss. 1971, S. 6. Ob sich Hegazis Vermutung bestätigt, daß dieser Versкommentar in der Hs Nuru Osmaniye 4576 (vgl. GALS I 160, -16) vorliege, bedarf noch der Bestätigung. Zu beachten ist übrigens, daß auch dem Sohne Sīrāfīs ein Kommentar zu Sībawaihs š a w ā h i d zugeschrieben wird, s. Yāqūt, Iršād VII 307, 6. Vgl. auch die Nennung von Ibn as-Sīrāfī in der oben Bl. 5 Fn. 1 Ende zitierten Ḫiz.-Stelle.

IV 1976

შოთა ძიძიგური

გალაკტიონ ტაბიძის პოეტური ენის შესწავლისათვის

გალაკტიონ ტაბიძის ენა ნიმუშია რაფინირებისა და ამაღლებულობისა. როდესაც გალაკტიონის პოეტური ენის სათავეებს ვიკვლევთ, ამაოა ჩვენი ცდა — მისი ფესვები შემოეფარგლოთ ხალხური პოეტიკის ნიშანდობლივი თვისებებით. ტაბიძე არ მიეკუთვნება იმ სიტყვის ოსტატთა რიგს, რომლებმაც სიტყვათშემოქმედებითი ძიებები წარმართეს მხოლოდ ერთი მიმართულებით — ხალხური მეტყველების წიაღში დაბუდებული მიმოქცევების წარმოჩენისაკენ, იმ ფრაზეოლოგიური ნორმების კანონიზაციისაკენ, რომელთაც ადრე არ ღირსებიათ ლიტერატურული გამოხატულება. გ. ტაბიძეს არ იზიდავს ხელუხლებელი ენობრივი პასაჟების გაცოცხლება იმ სახით, როგორც ეს ნიშანდობლივია ზოგიერთი მწერლისათვის: მოჟარბებულად რომ არის წარმოდგენილი ხალხური ციტატები და ლექსის სიტყვობრივ ფაქტურაში ხალხური ორნამენტების დანიშნულებით დატვირთული. თუ გალაკტიონის პოეტური ენის ქსოვილში გაიელვებს ხალხური ფრაზეოლოგიზმები, ეს იმდენად არის ორგანულად შერწყმული ლიტერატურული მეტყველების ფორმებთან, რომ ისინი არ აღიქმებიან როგორც შიშველი ხალხურიზმები, — ლიტერატურული ენის ფონზე გამქრალია ამგვარი სიტყვა-გამოთქმების თავდაპირველი საწყისების ნიშნები და დამორჩილებული ტრადიციული პოეტური ენის ჩამოყალიბებული ფორმებისადმი. ხალხური ენის სურნელება ტაბიძის ზოგიერთ ლექსში ნაყოფია ნედლი ენობრივი მასალის რაფინირებული დამუშავებისა და დახვეწისა. ამ დებულებას არ არღვევს ორიოდე ნიმუში, რომელნიც მიეკუთვნებიან ენობრივი ექსპერიმენტების ცალკეულ ცდებს.

ამრიგად, ტაბიძის ენაში ხალხურიზმებს არა აქვთ დაკისრებული სტილური კომპონენტის როლი და დანიშნულება, ზოგიერთ მწერალთან თვითმიზნად რომ არის გადაქცეული და პოეტური ენის საერთო ფონზე მხატვრული ეფექტის მიზნებს რომ ემსახურებიან. ხალხური ციტატები მაინც გვხვდება ჩვენი პოეტის ლექსებში და ეს არ უნდა მივიჩნიოთ გალაკტიონისეული ლექსის სტრუქტურის განმსაზღვრელ ელემენტად.

მეორე მხრივ, არცთუ არქაული ენობრივი ფორმებია ამოტივტივებული ტაბიძის პოეტურ ენაში. თუ ზოგჯერ პოეტი მიმართავს კლასიკური სალიტე-

[1] სიტყვა, წარმოთქმული თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტისა და საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის საზეიმო სხდომაზე, რომელიც მიეძღვნა გ. ტაბიძის დაბადების 80 წლისთავს 1973 წლის 26 ოქტომბერს.

რატურო ენის მყარ ნორმებს, აქაც დიდი ზომიერებაა დაცული და ისინი ორგანულად ეხამებიან თანამედროვე ლექსის სტრუქტურას, გარდასულ საუკუნეებში შემუშავებული, აწ გადაშენებული ნორმები არ არის ამოვარდნილი დღევანდელი ლიტერატურული მეტყველების საერთო ფონზე და ისეთი შთაბეჭდილება იქმნება, თითქოს ამგვარი არქაული მიმოქცევები ახალი სალიტერატურო ენის კუთვნილება იყოს.

გალაკტიონისათვის ნიშანდობლივია განუმეორებელი ენობრივი ტაქტი და ზომიერება და ამ მხრივ მას XX საუკუნის პოეზიაში ძნელად თუ ვინმე შეედრება.

ენობრივი ნატურალიზმის ოდნავ გამოვლინებასაც ვერ შეხვდებით გალაკტიონის შემოქმედებაში, — ენობრივი დახვეწილობა და, ამასთანავე, სიტყვის არტისტიზმი უპირველესი ნიშანი და თვისებაა მისეული ენისა.

გ. ტაბიძის პოეტური ენის სათავეები საძიებელია თვით მრავალსაუკუნოვანი სალიტერატურო მეტყველების შიგნით. ჩვენმა დიდმა მწერალმა ახალ საფეხურზე აიყვანა ტრადიციული პოეტური მეტყველება და სრულიად სამართლიანად დაიმკვიდრა პოეტური ენის რეფორმატორის სახელი.

აღიარებულია, რომ გ. ტაბიძემ გარდატეხა მოახდინა ქართული ლექსის ტექნიკაში; 1914—1915 წლებში მის მიერ გამოქვეყნებული რამდენიმე ლექსი უკვე იძლეოდა საფუძველს პოეტიკაში ახალი ძვრების დაწყებისათვის.

ვაჟასა და აკაკის გარდაცვალების შემდეგ ქართულ ლიტერატურულ პრესაში გაისმა სიტყვები: „უიმედობა, ლიტერატურული ტრაური!“ ამ დროს გ. ტაბიძეს წილად ხვდა სათავე დაედო ახალი ვერსიფიკატორული ძიებებისათვის და თვით გამხდარიყო დამფუძნებელი ახალი ფორმებისა პოეტიკაში.

ცნობილია ვერლენის პოეტური ლოზუნგი — „მუსიკა უპირველეს ყოვლისა“. გალაკტიონის ცნობილი ლექსი „პოეზია უპირველეს ყოვლისა“ იმით ეხმიანება ფრანგი კოლეგის ლოზუნგს, რომ მისეულ ფორმულირებაში პოეზია მუსიკის სინონიმად არის დასახული და, მაშასადამე, აქ თვალსაზრისთა ერთიანობაა, ოღონდ კონკრეტიზებული და უფრო ნათელია იმის გახაზვა, რომ მუსიკა-პოეზია ერთი მთლიანი და განუყოფელი, ეს ორი ცნება ერთ ცნებადაა ჩამონაკვთული, ერთმანეთთან შერწყმული და დაუნაწევრებელი. ცნობილია, რომ „პოეტი“ ბერძნებისათვის ნიშნავდა არა მარტოოდენ ლექსის მთხზველს, არამედ კომპოზიტორსაც. თხზავდნენ რა პოეტები თავიანთ ლექსებს, მათ მხედველობაში ჰქონდათ ჰანგი, რომელზედაც დაამღერებდნენ ლექსებს. ამიტომ ისინი ერთსა და იმავე დროს ქმნიდნენ ლექსსაც და ჰანგსაც. ლექსი და ჰანგი წარმოიშვა ერთად, ერთი შემოქმედებითი აქტის შედეგად. და სწორედ აქ უნდა ვეძიოთ გალაკტიონ ტაბიძის ლექსის გასაღებიც.

ტაბიძის ლექსი გამოირჩევა არაჩვეულებრივი მელოდიურობით და XX საუკუნის ქართულ პოეზიაში ამ მხრივ გალაკტიონი შეუდარებელია. ისიც აღსანიშნავია, რომ მისი პოეზია მოკლებულია თვითმყოფად ფორმალისტურ ექსპერიმენტებს, როგორც ეს არაიშვიათად ახასიათებთ მელოდიურობით გატაცებულ პოეტებს. ეს ნიშანი ანათესავებს ტაბიძეს რუსთაველთან, გურამიშვილთან, აკაკისთან.

გალაკტიონის ლექსის მუსიკალურობასთან შინაგან კავშირშია მისეული წარმოთქმა ლექსისა, გალაკტიონისეული დეკლამაცია. არ არის შემთხვევითი, რომ გალაკტიონი ლექსს წარმოთქვამდა ამღერებით. შეიძლება ითქვას, რომ

მან გააცოცხლა ის ტრადიცია, რომელიც დამკვიდრებული იყო ძველ ქართულ პოეზიაში ლექსის წარმოთქმის სფეროში. იონა მეუნარგიას სიტყვით, „ჯერ კიდევ შორს არ წავსულვართ ჩვენ იმ დროიდან, როცა „ვეფხისტყაოსანს“, თუ შეიძლება ასე ითქვას, ღიღინებდნენ ჩვენში და არა კითხულობდნენ. ახალმა დრომ კითხვა დაუწყო „ვეფხისტყაოსანს“, მაგრამ გალობის ტონი ჯერ კიდევ არ გამონელებიაო“, — დასძენს მე-19 საუკუნის ქართული მწერლობის ცნობილი მემატიანე.

საგულისხმოა ისტორიკოს პლატონ იოსელიანის ცნობა: „გიორგი მეცამეტე ძველ დროთა ჩვეულებრივითა წესითა... ტკბილად აბოლოებდა“ „ვეფხისტყაოსნის“ ყოველ სტროფს, ე. ი. აბოლოებდა მუსიკალური ტონით! გამორკვეულია, რომ ლექსის წამღერებით შესრულება უსაკრავოდ მე-19 საუკუნემდე შემორჩა საქართველოს.

საყურადღებოა ცნობა, რომელიც მოგვაწოდა გალაკტიონ ტაბიძემ 1944 წელს მეცნიერებათა აკადემიაში ჩვენ მიერ წაკითხულ მოხსენებასთან („რაჭული კილოს მუსიკალური აქცენტუაცია“) დაკავშირებით.

1913 წელს ახალგაზრდა გალაკტიონს წაუკითხავს ლექსი ქუთაისში გამართულ ლიტერატურულ საღამოზე, რომელშიც მონაწილეობდა აკაკი წერეთელი. მხცოვან პოეტს ახალგაზრდა პოეტისათვის — გალაკტიონისათვის უკითხავს, ხომ არ არის ის რაჭველი! როდესაც პასუხად მიუღია, რომ იმერელია — ვანიდან, უთქვამს, რომ ასეთი მანერა ლექსის კითხვისა (მახვილები, ინტონაცია, მელოდიურობა) რაჭაშია შემორჩენილი, ხოლო, თუ ქვემო იმერეთის მთიან მხარეშიც ასეთივე მდგომარეობაა, მაშინ უფრო მყარი საფუძველი აქვს მის (აკაკის) დებულებას რაჭაში გადმონაშთის სახით შემორჩენილი უძველესი საერთო ქართული კანონზომიერების შესახებ, რის შესახებაც ის სპეციალურ ნაშრომს ამზადებს. ეს გარემოება თავისთავადაც უაღრესად საგულისხმოა.

ამასთანავე, გალაკტიონმა დასძინა, რომ იმ დროს მისი შინაგანი მოთხოვნილება იყო ლექსში გამოეყენებინა „და“ კავშირი, — ეს ის პროსოდიული „და“ კავშირია, რომელიც ცნობილია „ვეფხისტყაოსნიდან“. სტროფებს შიგნით „და“-ს ჩართვა მას შეუთვისებია ღრმად მოხუცი სახალხო მთქმელებისაგან თავის მშობლიურ კუთხეში.

ამასთან დაკავშირებით საჭიროა აღინიშნოს, რომ რუსთაველისეული პროსოდიული „და“-ს შესახებ მეცნიერებაში გამოთქმულია დებულება, რომ იგი შეთვისებულია ხალხური პოეზიიდან, ამდენად იგი წარმოშობით კონსტრუქციულია, შემდეგ კი მას ფუნქცია დაუკარგავს; ეს „და“ გადმონაშთია, დეკორაციულია რუსთაველთან, ხალხური ზომისთვის კი, საიდანაც რუსთაველმა შეითვისა, კონსტრუქციული იყო, როცა ჯერ კიდევ არ იყო ლექსის რითმა, კიდევ მეტიც — არ იყო სიმეტრია, თანასწორმარცვლიანობა. ეს აზრი გამოთქმულია აკად. ნ. მარის მიერ. მარი მიუთითებდა, რომ პოეზიის განვითარების უძველეს საფეხურზე ლექსს სიმღერა ახლდა, მის ნაწილებს წარმოთქვამდნენ გუნდის მთქმელი (სოლო) და გუნდი. „და“ ამ ორი ნაწილის გამაერთიანებელი იყოო.

ძნელი სათქმელია, თანამედროვე ხალხური პოეზიის ნიმუშებში პროსოდიული „და“ მწიგნობრული წარმოშობისაა, თუ ძველი ხალხური ნორმის ამსახველი, მაგრამ ფაქტია, რომ მისი გადმონაშთები არსებობს რაჭულსა და მესხურში.

უაღრესად საყურადღებოა მესხური სიმღერების ტექსტის მონაცემები. სიმღერის დროს ყოველი სალექსო სტრიქონი თავდება „და“-თი, იგი მარცვალ-

თა რაოდენობაში არ შედის, ასე ვთქვათ, „ლექსის გარეთაა“. სასიმღერო ტექსტიდან უნდა გადასულიყო ეს „და“ პოეტურ ფოლკლორში.

„და“-ს დადასტურება იმერეთის მთიან ადგილებში და აქედან მისი გამოვლენა გალაკტიონის სალექსო წარმოთქმაში პრობლემის ისტორიისათვის საგულისხმო და საინტერესო კითხვების აღმძვრელია.

აქ უნდა დაეუმატოთ შემდეგი: გალაკტიონმა ის ცნობაც მოგვაწოდა, რომ „და“-ს ურთავდა არა სტროფის მეოთხე ტაეპის წინ, როგორც ეს „ვეფხისტყაოსნის“ გამოცემებშია, არამედ წარმოთქმაში იგი თავსდებოდა მესამე და მეოთხე ტანპების მიჯნაზე, უფრო ეკედლებოდა მესამე ტაეპს, ისე რომ, ცხადია, მარცვალთა რაოდენობაში არ შედიოდა. 1965 წელს საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიამ გამოსცა ნ. მარის გამოუქვეყნებელი ნაშრომი რუსთაველის შესახებ, სადაც მოყვანილია „ვეფხისტყაოსნის“ სტროფები და აქ პროსოდიული „და“ მარის მიერ მოთავსებულია სწორედ მესამე ტაეპის შემდეგ, წინააღმდეგ პოემის ტრადიციული გამოცემებისა.

ასე ეხმიანება სალექსო სტროფში პროსოდიული „და“-ს მოთავსების ეს სრულიად მოულოდნელი წესი იმ ცნობას, რომელიც მოგვაწოდა გალაკტიონმა და, უნდა ვიფიქროთ, „და“-ს ამგვარი ლოკალიზაცია საწარმოთქმო პრაქტიკაში ხალხური ფენებიდან მოდის.

გალაკტიონ ტაბიძის პოეტური ენის მეცნიერული შესწავლა მომავლის საქმეა.

IV 1976

ალექსანდრე ბარამიძე

სიტყვა გალაკტიონ ტაბიძეზე

მდიდარი და მრავალსაუკუნოვანი ქართული მწერლობის განვითარება ცნობილი ისტორიული მიზეზების გამო სწორხაზოვნად და, მით უფრო, უწყვეტი აღმავლობის გზით ვერ წავიდოდა. როგორც სულიერ, ისე მატერიალურ კულტურას საქართველოს წარსულში ჰქონდა დიდი აღმართები და დიდი დაღმართები. თუ თვალს გადავავლებთ ქართული კულტურის განვითარების ისტორიას, მისი დადგინების პერიოდიდან დღემდის, კარგად შევამჩნევთ მაღალ მწვერვალებთან ერთად ღრანტეების რიგს. გალაკტიონ ტაბიძის სქემით თუ ვიმსჯელებთ (გალაკტიონი კი ამ მხრივ ფრიად ავტორიტეტული განსწავლული მოწმეა), ქართული სულიერი კულტურის მწვერვალებია შოთა რუსთველი და გურამიშვილი, ბარათაშვილი, ილია ჭავჭავაძე და აკაკი წერეთელი, ვაჟა-ფშაველა და ალექსანდრე ყაზბეგი. ვფიქრობთ, სამართლიანი იქნებოდა დაგვესკვნა, რომ მწვერვალების მოხსენიებულ რკალს აგვირგვინებს თვითონ გალაკტიონ ტაბიძე. გალაკტიონ ტაბიძეს უცთომლად ჰქონდა განსაზღვრული მისი ადგილი ქართული პოეზიის ისტორიაში და შთამომავლობის აზრი ამის თაობაზე. 21 წლის ჰაბუკი პოეტი წერდა:

დღეები ბრუნავს, ეით კამათელი,
და ყვავილების არის მრავლობა,
ჩემთვის დღესაით არის ნათელი,
რას იტყვის ჩემზე შთამომავლობა.

წელიწადები წავლიან ძველნი,
შეიცვლებიან ჭარით სიონი,
როგორც ერთია ქვეყანა მთელი,
ისე ერთია გალაკტიონი.

გალაკტიონ ტაბიძის მთელი შემოქმედებითი ცხოვრება იყო დაუცხრომელი შრომა და უკომპრომისო ბრძოლა ყოველივე დრომოჭმულის, რუტინისა და ხავსმოდებულის წინააღმდეგ პოეზიაში. ასევე დაუღლელი იყო და შეუპოვარი იგი ახლის ძიების გზაზე. „მინდა ახალი გზები, მინდა ახალი რამე, გაბრწყინვებული მთები, განათებული ღამე“, — ამბობს პოეტი ერთს, შედარებით ადრინდელ ლექსში („მგზავრის სიმღერა“). პოეტი ეძიებდა და პოულობდა თავის საწადელს. სიამის გრძნობით ავსებს პოეზიის ყველა ჭეშმარიტი დამფასებლის გულს გალაკტიონ ტაბიძის საოცარი პოეტური მიგნებანი და შთამბეჭდავი ხილვანი. ოღონდ ვერ დავიეიწყებთ, რომ ახლის ძიებათა სტიქიას მიყოლილი

გალაკტიონი უდიდესი პატივითა და მოკრძალებით ეკიდებოდა წარსულიდან ნაანდერძევ სასახელო მემკვიდრეობას. იგი სამაგალითო მეცნიერული სიღრმით სწავლობდა ამ მემკვიდრეობას, ნათელი გონების შუქით ამოწმებდა მის სიავკარგეს, ითვისებდა, აგრძელებდა, აღორძინებდა და ავითარებდა ძველი პოეტური კულტურის საუკეთესო ტრადიციებს. ჩვენ არ ვიცით სხვა მეორე თანამედროვე პოეტი, რომლის ნაფიქრ-ნააზრევი და მხატვრული ნასიტყვი ასე ძლიერად იყოს ალბეჭდილი წარსულის მადლით. ახალი დროის ქართველი პოეტებიდან გალაკტიონ ტაბიძემ ყველაზე უფრო უშუალოდ, ბუნებრივად და ფაქიზად განიცადა შოთა რუსთველის დიადი პოეზიის ცხოველმყოფელი შინაგანი ზემოქმედება. რუსთველის სახე, სახე რუსთველის გმირებისა, რუსთველური პოეტური სამკაულები გამქვირვალედ თინათინებენ გალაკტიონის არაერთ ლექსში. რა სიხარული და ეროვნული სიამაყის რა საამო გრძნობა განუცდია საბჭოთა პოეტს, ერთი პარიზელი კოლეგის ბინის კედელზე რომ შეუნიშნავს შოთას პორტრეტი. „რა საოცრებას ფარავს პარიზი, ქვეყნად ყველაფრით უკმაყოფილო“, — ვკითხულობთ ამ შემთხვევის გამო შეთხზულ მშვენიერ ლექსში „რუსთაველი პარიზში“. რვამარცვლიანი შაირის მეტრით არის დაწერილი გალაკტიონის „შოთა რუსთაველი შავიზღვის პირად“. სხვა იშვიათ ღირსებებთან ერთად ეს საუცხოო ლექსი ძალიან საინტერესოა რუსთველის ბიოგრაფიის ტაბიძისეული კონცეფციის თვალსაზრისითაც. რუსთველურად უქცევს ლექსის ლირიკული გმირი:

მე, რუსთველი, ამა ზღვიდან
შემოვდივარ ჩემს ქვეყანას[1].

გალაკტიონ ტაბიძე თვითონაა სამშობლოზე შეყვარებული ველად გაჭრილი შმაგი მიჯნური, ახალი დროის დიდებული მესხი მელექსე („ვწერ ვინმე მესხი მელექსე“):

შმაგი, ვით ველზე დაჭრილი,
შშობლიურ მთა და ველებზე,
ვარ ოცნებისთვის გაჭრილი
მე ვინმე მესხი მელექსე.

გალაკტიონ ტაბიძე გვაიმედებს, რომ ადრე იქნება თუ გვიან იქნება, „ჩვენ აღმოვაჩენთ ძველი დროის ძველ წიგნსაცავებს, ომიანობის გამო სადმე გადამალულებს“. რა თქმა უნდა, იქ აღმოჩნდება შოთას პოემა, ვინც „საუკუნე გააუკვდავა“.

ცნობილზე ცნობილია გალაკტიონ ტაბიძის პოეტური ლოზუნგი „პოეზია უპირველეს ყოვლისა“, ოღონდ ამის ერთგვარ დაკონკრეტებას წარმოადგენდა მისივე აღსარებანი „შამთულს გული უპირველეს ყოვლისა“, „სთქვა: სამშობლო უპირველეს ყოვლისა“, „საქართველო უპირველეს ყოვლისა“. „საქართველო, აი, რა არის შემოქმედება“, — გვამხელს პოეტი თავის გულისთქმას. სამშობლო იყო გალაკტიონ ტაბიძის ბიოგრაფიულად და შემოქმედებითად საფიცარი ცოცხალი კერპი თუ ხატი. ვინ დაიიწყებს:

---

[1] შდრ.

მე, რუსთველი, ხელობითა
ვიქმ საქმესა ამა დარი.

მშობლიურო ჩემო მიწაე,
შენს საყვარელ სახელს ვფიცავ,
რომ დაგიცავ შენს დიდებას,
წინაპართა ძვლებს დაგიცავ.

საქართველო, მისი სასიქადულო დიდი წარსული, მისი ნათელი აწმყო, მისი საოცნებო მერმისი — ესაა გალაკტიონ ტაბიძის პოეზიის ნამდვილი შთაგონება. გ. ტაბიძე აღტაცებული უმღეროდა ჯალალადინის, თემურლენგისა და აღამაჰ-მადხანის ურდოების წინააღმდეგ თავდადებით მებრძოლ გმირ ქართველ ხალხს, ნარიყალის, გორის ციხისა თუ ნიკორწმინდის მშენებელ უცნობ ოსტატებს, ქართული ანბანის შემქმნელ ჯადოქარს, „ვეფხისტყაოსნის" გენიოს ავტორს და ქართლის ცხოვრების შემთხზველ მწიგნობართ კრებულს. „ბრწყინავს მისი ძველისძველი უძლეველი მთა და ველი, მისი წყალი, მისი სივრცე, მისი შოთა რუსთაველი", — გვიმხელს პოეტი მთვარის ჩვენებას. აბა, მოვიგონოთ გალაკტიონის უბხურვალესი „ჰიმნი ქართულ ანბანს" და უბრწყინვალესი „ქებათა ქება ნიკორწმინდას".

გალაკტიონ ტაბიძე შენატროდა ერთიან, მთლიან, განუყოფელ დედა-სამშობლოს, მისთვის ერთგვარად ძვირფასი იყო და პოეტური აღტყინების აღმძვრელი გურიის მთები თუ ალაზნის ველი, აწინდელი შინდისის ბადრები თუ ძველი ბეთანია, აფხაზეთი თუ „ხორაგაულის სევდიანი სადგური". გალაკტიონ ტაბიძემ ულამაზესი საგალობელი უძღვნა მშობლიურ გრიგალს და წყალტუბოდან ქუთაისში მომავალ სიოს.

გალაკტიონ ტაბიძის პოეზიას ამკობს და ადიადებს საქართველოს უბერებელი დედაქალაქის, თბილისის წარმტაცი სახე, ხან ეშაფოტი და გილიოტინა, ხან მოალერსე, ტკბილი და ნაზი, ოღონდ ყოველთვის საოცნებო და სანეტარო სამშობლოს ხატი. მოვიგონოთ მღელვარე მოწოდება:

აედგეთ ფეხზე! ჩვენ ტფილისი
ვადღეგრძელოთ ჭაღარა!

ეს ყველაფერი ასეა. მაგრამ გალაკტიონ ტაბიძე, უწინარეს ყოვლისა, მაინც ახალი, რევოლუციური, ინდუსტრიული, საბჭოური საქართველოს გატაცებული, დაუღლელი, სწორუპოვარი დიდი პოეტია, მგოსანთ-მგოსანი.

გალაკტიონ ტაბიძე ყრმობიდანვე მიენდო რევოლუციურ მოძრაობას, იგი დიდი სიხარულით შეეგება მონარქიის დამხობას. მან საკუთარი თვალით იხილა და უშუალოდ განიცადა რევოლუციური პეტროგრადის ისტორიული დღეები, პირველმა ქართველი პოეტებიდან გულით იწამა და შემოქმედებითად აღიქვა მოსკოვი, კრემლი, ლენინი. გალაკტიონ ტაბიძემ ქართულ პოეზიას შესძინა დიადი რევოლუციური ჰიმნი „დროშები ჩქარა". გალაკტიონ ტაბიძის „ლექსი ყოველთვის იყო ხანჯალი, ლექსი მტრებისთვის იყო სიკვდილი". ისტორიული წარსულის დაროსაც, გალაკტიონის აზრით, პოეზიამ შეამზიდროვა ქართველობა ერთ უძლეველ ძალად და ბრძოლის ცეცხლით განაწყო ულეველი მტრის წინააღმდეგ, „შიშის ზარს სცემდა პოეზია უფრორე მეტად, ვინემ ფერმკთალი შეთქმულება აჯანყებისთვის". გალაკტიონ ტაბიძის მელოდიურ ჩანგს „ხალხისთვის ბრძოლა არ ზარებია". იგი პირველი ჩადგა დიდი ოქტომბრის და თებერვლის მსახურთა რიგებში და, როგორც ცნობილია, ვაჟკაცური ხმით შეაგონა თანამოკალმეთ:

დავდგეთ იქ, სადაც ქარიშხალია
და სისხლიანი დგას ანგელოსი,
ახალ გრიგალებს ეწირავთ სიცოცხლეს
ჩვენ, პოეტები საქართველოსი.

ამაზე უფრო მგზნებარე, პოლიტიკურად უფრო მახვილი საბრძოლო პოეტური დეკლარაცია არა მგონია მოიძებნოს მსოფლიო პოეზიის ისტორიაში. ჩვენ ვერ დავიწყებთ, რა ისტორიულ ვითარებაში იყო შექმნილი ეს პოეტური საგალობელი. მოქილიკე მჭირდავ ფილისტერებს მაშინ რა გამოლევდა- იმათ უმიზნებს გალაკტიონის გულის პასუხი:

მე მინდა ვუთხრა მიო-მოეთებს:
მე ქარში ვიყავ, როცა პოეტებს
თქვენთვის საყვარელ ბულბულ-მდელოში
თბილად გეძინათ საქართველოში.

დიახ, ახალი, მებრძოლი, რევოლუციური საბჭოთა საქართველო იყო გალაკტიონ ტაბიძის მაღალი სიყვარულისა და აღმაფრენის უშრეტი წყარო.

საქართველოს საამაყო წარსულის დაჯერებული მეხოტბე გულწრფელად ასკვნის:

თვალწარმტაცია ახალი ხანა
და ისტორიის ახალი გვერდი!

კარგა ხანი გავიდა მას შემდეგ, რაც გალაკტიონი წავიდა ჩვენგან, მაინც თითქოს ფიზიკური უშუალობით გვესმის დღეს მისი მგოსნური სადღეგრძელო:

რევოლუციურს, ჯერ არნახულს, ჯერ არგაგონილს,
ვაშა ამ ახალ საქართველოს, ვაშა შენებას!

გალაკტიონ ტაბიძე ქართული პოეზიის მშვენებაა. გალაკტიონ ტაბიძის დაბადების მე-80 წლისთავის იუბილე ქართული საბჭოთა კულტურის, ქართველი ხალხის ეროვნული დღესასწაულია, რომელიც ცხადლივ სცილდება ჩვენი სამშობლოს, დიდი საბჭოთა ქვეყნის უვრცელეს საზღვრებს. მაინც ქართველობა ვერ დაისაკუთრებს გალაკტიონ ტაბიძის დიდებულ სახელს. იგი ეკუთვნის მთელ განათლებულ კაცობრიობას. ჩვენი თანამედროვეობის, ჩვენი ლიტერატურის, ჩვენი ლიტერატურული მეცნიერების უპირველესი ვალი ისაა, რომ გალაკტიონ ტაბიძის პოეზიის უცილობელი ეს მნიშვნელობა დამარწმუნებლად აგრძნობინოს პოეზიის ყველა მოყვარეს ჩვენი ქვეყნის შიგნით თუ მისი ფარგლების გარეთ.

ეჭვი არაა, მიმდინარე საიუბილეო დღესასწაული დიდად შეუწყობს ამას ხელს[2].

---

[2] სიტყვა, წარმოთქმული საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიისა და თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის სამეცნიერო საბჭოს გაერთიანებულ საიუბილეო-საზეიმო სხდომაზე, რომელიც მოეძღვნა გალაკტიონ ტაბიძის დაბადების მე-80 წლისთავს.

IV 1976

ᲜᲝᲜᲝ ᲒᲣᲓᲐᲕᲐ

ᲛᲐᲮᲕᲘᲚᲘᲡ ᲠᲝᲚᲘᲡᲐᲗᲕᲘᲡ ᲥᲐᲠᲗᲣᲚᲘ ᲚᲔᲥᲡᲘᲡ ᲡᲢᲠᲣᲥᲢᲣᲠᲐᲨᲘ

ქართულ ლექსთწყობაში მახვილის როლის საკითხი აზრთა დიდ სხვაობას იწვევს. ვინც ქართულ ლექსს ტონურ-სილაბურად (ან სილაბურ-ტონურად) თვლის, ბუნებრივია, მახვილს განსაკუთრებულ როლს ანიჭებს და მას ქართული ლექსის მაორგანიზებელ ფაქტორად, ქართული ვერსიფიკაციის მამოძრავებელ ღერძად მიიჩნევს[1]. მახვილის როლი მეორეხარისხოვანი გახდება, თუ ქართული ლექსი სილაბური წყობისა აღმოჩნდება[2].

ქართული სალექსო სტრიქონის და საერთოდ ქართული ლექსის საფუძველი არის სეგმენტი ანუ მუხლი — ცეზურით გამოყოფილი უმცირესი სტრუქტურული ერთეული[3].

სეგმენტი ანუ მუხლი სხვადასხვა ზომისა შეიძლება იყოს მარცვალთრაოდენობის მიხედვით: ერთმარცვლიანი, ორმარცვლიანი, სამმარცვლიანი, ოთხმარცვლიანი და ხუთმარცვლიანი. მათი სხვადასხვა მიმდევრობით გაერთი-

---

[1] აკ. გ ა წ ე რ ე ლ ი ა, ქართული კლასიკური ლექსი, თბილისი, 1953, გვ. 99—100, 133. შდრ. ს. გ ო რ გ ა ძ ე, ქართული ლექსი, თბილისი, 1930, გვ. 9. გალაკტიონ ტაბიძის იუბილეს დღეებში გაზ. „ახალგაზრდა კომუნისტში“ (1973 წ. 25 ოქტომბერი, № 127, გვ. 4) დაბეჭდა აკ. გაწერელიას პასუხი კორესპონდენტის კითხვებზე (წერილის სათაურია „განუმეორებელი პიროვნება და შემოქმედი“). აქ მკაფიოდაა გადმოცემული ავტორის აზრი ჩვენთვის საინტერესო საკითხებზე: „ეს (იგულისხმება ქართული რითმის გარკვეული თავისებურება.—ტ. გ.) აიხსნება ქართული ლექსის სილაბურ-ტონური ხასიათით, რადგან ქართულ ლექსს განსაზღვრავს არა „სილაბურ ოდენობათა შეფარდებანი“ თუ „ურთიერთმიმართებანი“ (ეს ფორმალისტურ-სტრუქტურალისტური პოეტიკის ტერმინებია და გულისხმობენ ლექსიდან მისი არსის, სუბსტანციის ანუ ხმიერების გამოთიშვას, გამოშშრალ სქემებს და მეტს არაფერს), არამედ მახვილთა ს ი ს ტ ე მ ა ტ უ რ ი, ა ნ უ კ ო ნ ფ ი გ უ რ ა ც ი უ ლ ი გ ა ნ მ ე ო რ ე ბ ე ბ ი ს ს ტ ა ტ უ ტ ი (ხაზგასმულია დედანში.—ტ. გ.). ქართული ლექსი მახვილთა კონფიგურაციის გარეშე არ არსებობს, ხოლო ასეთი რამ არც ერთ სილაბურ ლექსთწყობას არ ახასიათებს“... (ხსენ. წერილი, სვეტი 6—7). სხვადასხვა ავტორთა შეხედულებები ქართული ლექსის ბუნების შესახებ (სილაბური, სილაბურ-ტონური, ტონური...) განხილულია აკ. გაწერელიას ხსენებულ ნაშრომში „ქართული კლასიკური ლექსი“, გვ. 38—105.

[2] გ. წ ე რ ე თ ე ლ ი, მეტრი და რითმა ეეფხისტყაოსანში. დაბეჭდილია წიგნში „მეტრი და რითმა ეეფხისტყაოსანში“ (გამოსაცემად მოამზადეს გიორგი წერეთელმა, გურამ კარტოზიამ, ცოტნე კიკეიძემ, სარგის ცაიშვილმა, გიორგი წერეთლის რედაქციითა და გამოკვლევით), თბილისი, 1973, გვ. 89. მახვილის შესახებ იხ. იქვე, გვ. 38.

[3] სეგმენტის (გ. წერეთლის ტერმინით) ანუ მუხლის შესახებ იხ. გ. წ ე რ ე თ ლ ი ს ხსენ. ნაშრ. გვ. 10 და შდრ. იხ. აგრეთვე ჩ ვ ე ნ ი: ქართული სალექსო სტრიქონის აგებულების ზოგიერთი საკითხი. ჟურნ. „ცისკარი“, 1974, № 7.

ანება ქმნის სხვადასხვა ზომისა და სტრუქტურის ლექსს. მაგალითად, როგორც ცნობილია, რუსთველური მაღალი შაირის ტაეპი შედგება ოთხი ოთხმარცვლიანი სეგმენტისაგან (მუხლისაგან): 4/4//4/4: „შაირობა /პირველადვე/ სიბრძნისაა/ ერთი დარგი“. დაბალი შაირი შედგება სამ- და ხუთმარცვლიანი სეგმენტებისაგან (მუხლებისაგან): ერთი წყვილი ამ სეგმენტებისა (რვა მარცვალი) მთავარი ცეზურის მარცხენა მხარესაა, მეორე წყვილი კი — მარჯვენა მხარეს. ორსავე მხარეზე სამი და ხუთმარცვლიანი სეგმენტები თავისუფლად უცვლიან ადგილს ერთმანეთს. დაბალი შაირის ფორმულაა 5/3//5/3 (ან 3/5//3/5, 3/5//5/3, 5/3//3/5...):. „გარდმიკვეთია /ალამი//, ჩემო, ერთისა/კიდისა“... სამი ოთხმარცვლიანი და ერთი ორმარცვლიანი სეგმენტის თანაწყობითაა შედგენილი სტრიქონი (4/4//4/2); „წყალტუბოდან/ქუთაისში/მიმავალო/ქარო“ (გალაკტიონი), ხუთმარცვლიან, ოთხმარცვლიან და ხუთმარცვლიან (5//4//5) მუხლთა მიმდევრობა ქმნის ასეთ თოთხმეტმარცვლიან სტრიქონს: „მირბის, მიმაფრენს /უგზო-უკვლოდ/ ჩემი მერანი“ (ნ. ბარათაშვილი). ორი ოთხმარცვლიანი და ერთი სამმარცვლიანი მუხლის მიმდევრობა უძევს საფუძვლად სტრიქონს (4/4/3); „აღმართ-აღმართ /მივდიოდი/მე ნელა“ (აკაკი) და სხვა. მისთ[4].

სალექსო სტრიქონში მარცვალთა საერთო რაოდენობაზე მითითება („თოთხმეტმარცვლიანი ლექსი“, „ათმარცვლიანი ლექსი“ და მისთ.) ჯერ კიდევ არაფერს ამბობს ამ ლექსის რაობის შესახებ, სანამ არ ვიცით მისი სტრუქტურა: რა ზომის რამდენი მუხლის როგორი თანმიმდევრობითაა აგებული სათანადო სტრიქონი. მაგ., „ათმარცვლიანი ლექსი“ შეიძლება აგებული იყოს სულ სხვადასხვანაირად:

3/3/3/1 (=10) მთებს იქით /ჩაეშვა/წითელი/მზე

4/4/2 (=10) ატმის რტოო/დალალულო/რტოო (გალაკტიონი)

5/5 (=10) მწუხრის ზეწარი//გადაეფარა (ილია)

მიუხედავად მარცვალთა საერთო რაოდენობის ტოლობისა, ეს სტრიქონები სულ სხვადასხვა საზომითაა აგებული: პირველ შემთხვევაში გვაქვს ოთხმუხლიანი (ოთხსეგმენტიანი) სტრიქონი, სადაც სამ სამმარცვლიან მუხლს მოსდევს ერთი ერთმარცვლიანი მუხლი. მეორე შემთხვევაში სამმუხლიანი სტრიქონია: ორ ოთხმარცვლიან მუხლს მოსდევს ორმარცვლიანი მუხლი. მესამე სტრიქონი ორმუხლიანია: აქ ერთმანეთზეა მიწყობილი ორი ხუთმარცვლიანი მუხლი. ზომა 3/3/3/1 და 4/4/2 ასიმეტრიულია, 5/5 კი — სიმეტრიული[5].

ამ წერილში ერთ საკითხს განვიხილავთ: აქვს თუ არა ქართული ლექსის სტრუქტურისათვის მნიშვნელობა მახვილს, მახვილთა განლაგებას, მახვილიან და უმახვილო მარცვალთა გეგმაზომიერ მიმდევრობას სალექსო მუხლსა და სტრიქონში. სხვაგვარად: ერთნაირი სტრუქტურით, ერთი საზომით შექმნილ ლექსს აქვს თუ არა ერთნაირი განლაგება მახვილებისა და პირიქით — სხვადასხვა საზომით აგებული ლექსი უსათუოდ განსხვავდება თუ არა ერთმანეთისაგან მახვილთა განლაგებით.

სანიმუშოდ განვიხილავთ ამჟამად მეტად გავრცელებულ ათმარცვლიან 5//5 აგებულების ლექსს. ყველა მაგალითი საგანგებო მითითების გარეშე ამოღებულია ი. ჭავჭავაძის „კაკო ყაჩაღიდან“ („რამდენიმე სურათი ანუ ეპიზოდი ყაჩაღის ცხოვრებიდამ“) და „განდეგილიდან“. ჩვენთვის საინტერესო საკითხის

[4] ქართული ლექსის აგებულების ასეთი თვისება კარგა ხანია შემჩნეულია, მაგრამ ჯეროვნად ახსნილი და დაფასებული არ ყოფილა.

[5] სიმეტრიისა და ასიმეტრიის შესახებ იხ. გ. წერეთლის ხსენ. ნაშრ., გვ. 10 და შმდ.

გასარკვევად, რა თქმა უნდა, შეგვეძლო აგვეღო ნებისმიერი სხვა ლექსი ამ (5//5) ზომით დაწერილი, არავითარ გავლენას ეს დასკვნებზე არ მოახდენდა. მეტიც: დასკვნა არ შეიცვლებოდა, საანალიზოდ სხვა ზომის მუხლები (ოთხმარცვლიანი, სამმარცვლიანი...) რომ აგვეღო.

ხუთმარცვლიანი სეგმენტი (მუხლი), რომელიც ათმარცვლიანი (5//5) ლექსის უცვლელი კომპონენტია, შეიძლება შედგებოდეს ერთი ან რამდენიმე სიტყვისაგან. ერთადერთი შეზღუდვა ისაა, რომ მასში შემავალ სიტყვათა მარცვალთრაოდენობის საერთო ჯამი ზუსტად ხუთი უნდა იყოს. თეორიულად დასაშვებია 1, 2, 3, 4 და 5-მარცვლიანი სიტყვებისაგან ხუთმარცვლიანი სეგმენტის (მუხლის) შექმნის 16 შესაძლებლობა[*].

მოგვაქვს ხუთმარცვლიანი მუხლების მაგალითები. კვადრატულ ფრჩხილებში ჩასმულია ციფრები, რომლებიც აღნიშნავენ მუხლში შემავალ სიტყვათა მარცვალთრაოდენობას და მიმდევრობას. სანიმუშოდ მოყვანილია თითო მაგალითი, ხოლო ბოლო სვეტში წარმოდგენილია მახვილიან და უმახვილო მარცვალთა მიმდევრობის სქემა სათანადო მუხლისათვის (პირობით მახვილიანი მარცვალი აღნიშნულია ხაზით —, ხოლო უმახვილო მარცვალი აღნიშნულია რკალით ⌣).

მარცვალთრაოდენობა და მიმდევრობა მუხლში შემავალი სიტყვებისა	ნიმუში	მახვილთა განლაგების სქემა
1. [11111]	ტყის პირს ერთს დიდ ცეცხლს	— — — — —
2. [1112]	ბევრ ჩემ ტოლს ვჯობდი	— — — — ⌣
3. [1121]	ან ძმა, ანუ და	— — — ⌣ —
4. [113]	შენ ძმად მიგაჩნდეს	— — — ⌣ ⌣
5. [1211]	არ იცის კი რად	— — ⌣ — —
6. [122]	გულს გული იცნობს	— — ⌣ — ⌣
7. [131]	ოჰ, ნეტავი შენ	— — ⌣ ⌣ —
8. [14]	გზა დამიხლართა	— ⌣ — ⌣ ⌣
9. [2111]	შენვე თქვი, სხვა ვინ	— ⌣ — — —
10. [212]	ყოველ ხის ძირას	— ⌣ — — ⌣
11. [221]	ბინას მოგცემ შენ	— ⌣ — ⌣ —
12. [23]	მწუხრის ზეწარი	— ⌣ — ⌣ ⌣
13. [311]	მაშინაც ვინ თქვას	— ⌣ ⌣ — —
14. [32]	ალაზნის ველზე	— ⌣ ⌣ — ⌣
15. [41]	ჩამრჩენია გულს	⌣ — ⌣ ⌣ —
16. [5]	გამოყარდნილი	⌣ ⌣ — ⌣ ⌣

წარმოდგენილ სქემაში მახვილები დასმულია ბუნებრივი მეტყველების მიხედვით (ორმარცვლიან სიტყვაში — ბოლოდან მეორე მარცვალზე, სამ და მეტმარცვლიანში — ბოლოდან მესამეზე. ოთხ- და ხუთმარცვლიან სიტყვებ-

---

[*] იქვე, გვ. 27.

ში დასაშვებია სუსტი თანმახვილიც თავკიდურ მარცვალზე)[7]. ერთმარცვლიან სიტყვებს საკუთარი მახვილი აქვთ, მაგრამ ხშირად მიეკედლებიან ხოლმე მეზობელ სიტყვებს და ერთ „სამახვილო კომპლექსს"[8] ქმნიან[9] (რა ვუყო || რა ვუყო, მე მსურს || მე მსურს || მე მსურს). ამის გათვალისწინებით ზემოთ წარმოდგენილ სქემაში ერთმარცვლიანი სიტყვის შემცველ მუხლში დასაშვებია ვარიანტების არსებობა.

სამეტყველო მახვილის გარდა, არსებობს „სალექსო მახვილიც, რომელიც დაესმის მუხლს (სეგმენტს), როგორც მთლიან ერთეულს.[10] ხუთმარცვლიან მუხლში ეს ბოლოდან მესამე მარცვალია: „გულს გული' იცნობს"(!), „ყოველ ხმს ძირას", რაც ლექსის ერთგვარად „წამღერებით" გამოთქმას მოასწავებს. ასეთი მახვილი ადგილის მხრივ უცვლელია, რადგან მუხლის მარცვალთა რაოდენობაა მუდმივი ლექსის ასეთი წარმოთქმა, თავისთავად მონოტონური, ნორმად ვერ მიიჩნევა. „სალექსო მახვილი" ზოგჯერ სამეტყველო მახვილს ემთხვევა, ზოგჯერ კი არა, მაგ. სამეტყველო მახვილები: მბრძის ურემი/და უცრარადა/ვიღაცამ ტყრდან/ასკუპა ცხენი... „სალექსო მახვილები": მიდის ურემი/და უცრარადა/ვიღაცამ ტყიდან/ასკუპა ცხენი)...[11]

წარმოდგენილი სქემიდან ჩანს, რომ მახვილთა განლაგება მუხლის ფარგლებში მრავალნაირი შეიძლება იყოს[12], როგორც მახვილთა რაოდენობის მხრივ, ისე (რაც უფრო არსებითია) მახვილის ადგილის მიხედვით. მაგ. მუხლი „გულს გული იცნობს" (— — ⏑ — ⏑) სამმახვილიანია, ხოლო „გამოვარდნილი" (⏑ ⏑ — ⏑ ⏑) ერთმახვილიანი. მათ არც ერთი საერთო მახვილი არა აქვთ: პირველ მაგალითში მახვილიანია თავიდან პირველი, მეორე და მეოთხე მარცვალი, მეორეში კი — თავიდან მესამე. მუხლში „მწუხრის ზეწარი" (— ⏑ — ⏑ ⏑) მახვილიანია პირველი და მესამე მარცვალი, ხოლო მუხლში „ალაზნის ველზე" (— ⏑ ⏑ — ⏑) — პირველი და მეოთხე (თავი-

---

[7] ქართული მახვილი სუსტი დინამიკურია. სიტყვაში მისი ადგილი ზოგჯერ კამათს იწვევს. აქ წარმოდგენილია გავრცელებული (და, ვფიქრობთ, უველაზე მისაღები) თვალსაზრისი. იხ. გ. ახ ე ლ ე დ ი ა ნ ი, ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები, თბილისი, 1949, გვ. 127 შმდ. სხვადასხვა მიზეზების გამო (ექსპრესიულობა, ინტონაციის გავლენა) არაიშვიათად ხდება მახვილის გადაადგილება, მთავარი კი ისაა, რომ ქართული მახვილი მოკლებულია ფონოლოგიურ ღირებულებას, რის გამოც ქართული ენა ერთგვარად იტანს მახვილის გადანაცვლებას „უადგილო" ადგილს (გ. წ ე რ ე თ ე ლ ი, ხსენ. ნაშრ., გვ. 38).

[8] Н. Я. М а р р, Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, გვ. 14. ს. გ ო რ გ ა ძ ე, ხსენ. ნაშრ. გვ. 5—6.

[9] ერთმარცვლიანი სიტყვების მიკედლების შესახებ მეზობელ სიტყვებთან იხ. ნ. მ ა რ ი ს ხსენ. ნაშრ.; ს. გ ო რ გ ა ძ ე, იქვე, გვ. 6—7; აკ. გ ა წ ე რ ე ლ ი ა, ხსენ. ნაშრ., გვ. 113—116. დაეუმატებთ, რომ მტკიცე ნორმები ამ მხრივ უველთვის არ დგინდება, მაგ.. დასაშვებია როგორც ნუ იცინი, ისე ნუ რცინი, ნუ რცინი.

[10] იხ. ჩვენი ხსენ. ნაშრ. გვ. 99.

[11] ქართული ლექსის ასეთი წაკითხვა („სალექსო მახვილების" მიხედვით) რეალურად არსებობს და ამით აიხსნება, რომ მუხლი (სეგმენტი) გაგებულია მთლიან სამმახვილო ერთეულად. ოთხმარცვლიანი მუხლებისაგან შედგენილი ლექსი ასეთი წაკითხვით ასეთ სახეს იღებს: მისთვის არ ემღერ/, რომ ვიმღერო / ვით ფრინველმა /გარეგანმა/, არა მარტო / ტკბილ ხმათათვის / გამრმგზავნა / ჭეუნად ცამა (მახვილი ეცემა მუხლის ბოლოდან მესამე მარცვალს, როგორც ჩვეულებრივს ოთხმარცვლიან სიტყვას). შდრ. სამეტყველო მახვილების მიხედვით წარმოთქმული: მისთვის არ ემღერ/, რომ ვიმღერო/ ვით ფრინველმა /გარეგანმა / არა მარტო /ტკბილ ხმათათვის /გამრმგზავნა ჭეუნად ცამა.

[12] ეს არის ერთი წყარო ქართული ლექსის აქცენტუაციური მრავალფეროვნებისა.

დან). მახვილთა განლაგებაში (მათს კონფიგურაციაში) ამ განსხვავებათა მიუხედავად ყველა ეს მუხლი (მეტიც: სქემაში წარმოდგენილი ყველა 16 მუხლი!) ერთმანეთის ეკვივალენტურია და სტრიქონში, ლექსში ყოველ მათგანს შეუძლია შეცვალოს ნებისმიერი სხვა (სხვაგვარი მახვილების მქონე) მუხლი. ამ მონაცვლეობის შედეგად არც ლექსი დაირღვევა და არც მისი თავდაპირველი სტრუქტურა. მუხლი „შენ ძმად მიგაჩნდეს“ (— — — ⏑ ⏑) და „ძმად მიგაჩნდეს შენ“ (— — ⏑ ⏑ —)ან „მიგაჩნდეს შენ ძმად“(— ⏑ ⏑ — —) ლექსში თავისუფლად შეენაცვლება ერთმანეთს, მიუხედავად მახვილიან და უმახვილო მარცვალთა მონაცვლეობის (მახვილთა კონფიგურაციის) სხვადასხვაობისა. ეს საგრძნობია ინტუიტიურადაც.

სრულებით ასევე დაშაშვებია თავისუფალი მონაცვლეობა ერთნაირი ზომის მუხლებისა სალექსო სტრიქონის ფარგლებში, იმისდა მიუხედავად, თუ როგორია მახვილთა განლაგება ამ მუხლებში. მაგ. შდრ. „მწუხრის ზეწარი/გადაეფარა“ და „გადაეფარა/მწუხრის ზეწარი“, „ოჰ, ნეტავი შენ, /წაიდუდუნა“ და „წაიდუდუნა/, ოჰ, ნეტავი შენ“. შდრ. მახვილთა განლაგება სტრიქონში:

[131/5] ოჰ, ნეტავი შენ წაიდუდუნა[13] — — ⏑ ⏑ — / ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑
[5/131] წაიდუდუნა,/ოჰ, ეტავი შენ ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ / — — ⏑ ⏑ —

[14/32] თვალთ დამიბნელდა/, ამენთო გული, —⏑ — ⏑ ⏑ / — ⏑ ⏑ — ⏑
[32/5] მივვარდი თოფსა/გამწარებული... —⏑ ⏑ — ⏑ / ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑

მუხლთა ხელოვნური გადაადგილებით:

[23/14] ამენთო გული,/თვალთ დამიბნელდა — ⏑ ⏑ — ⏑/ — ⏑ — ⏑ ⏑
[5/32] გამწარებული/მივვარდი თოფსა... ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑/ — ⏑ ⏑ — ⏑

[32/5] ამენთო გული,/გამწარებული — ⏑ ⏑ — ⏑/⏑ ⏑ — ⏑ ⏑
[32/14] მივვარდი თოფსა,/თვალთ დამიბნელდა — ⏑ ⏑ — ⏑/ — ⏑ — ⏑ ⏑

მიუხედავად იმისა, რომ ავტორისეული და ჩვენ მიერ განგებ გადაადგილებული სტრიქონების მხატვრული ღირებულება ერთნაირი შეიძლება არ იყოს, ლექსი და მისი სტრუქტურა არ დარღვეულა. სტრიქონში მახვილთა განლაგების სხვადასხვაობა ლექსის სტრუქტურაზე გავლენას არ ახდენს. მახვილთა სხვადასხვაგვარი კონფიგურაციის მქონე მუხლები და სტრიქონები ერთნაირად ფასდება: ეს იმიტომ ხდება, რომ არ დაგვირღვევია ქართული ლექსის საფუძველთა საფუძველი — მუხლთა მარცვალთრაოდენობა და მუხლთა კანონზომიერი მიმდევრობა სტრიქონში (5/5).

შეიძლება ხელოვნურად შევადგინოთ სტრიქონები, რომელთაც მახვილთა განლაგება სრულებით ერთნაირი ექნებათ, ერთნაირი ექნებათ მარცვალთა რაოდენობაც (ვთქვათ, ათი მარცვალი) და არავითარი ლექსი მაინც არ გამოვა:

---

[13] მოყვანილ წყვილში პირველი სტრიქონი ილიასეულია, მეორე—ხელოვნურად შებრუნებული.

10 იას გაუკვირდა წვიმის მოსვლა, — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑
10 დასველდა ზიზია ლურჯი კაბა — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑

ლექსი იმიტომ არ გამოვიდა, რომ ქართული ლექსისათვის ბუნებრივი მუხლები არაა გამოყოფილი (ჩვენს შემთხვევაში 5/5), თუმცა მახვილთა და უმახვილო მარცვალთა თანამიმდევრობა ორსავე სტრიქონში ერთნაირია[14].

რეალურად არსებულ სხვადასხვა საზომებს, როცა მათ სტრიქონში მარცვალთა თანაბარი რაოდენობა აქვთ (მაგ. 5/3=8, 4/4=8, ასევე: 5/5=10, 4/4/2=10), შეიძლება მახვილთა ზუსტად ერთნაირი განლაგება აღმოაჩნდეთ და მაინც ეს საზომები ერთმანეთისაგან მკვეთრად განსხვავებული იქნება. მაგ.:

5/3 ისმას ხივილი/ქარისა (ვაჟა) — ⏑ — ⏑ ⏑ / — ⏑ ⏑
4/4 ახლაც ისევ/მენატრება (აკაკი) — ⏑ — ⏑ / ⏑ — ⏑ ⏑

ორსავე სტრიქონში მახვილთა განლაგება (კონფიგურაცია) ერთნაირია, მაგრამ სტრიქონთა სტრუქტურები ერთმანეთისაგან დიდად სხვაობს, რადგან ისინი სხვადასხვა მუხლებისაგანაა შედგენილი (5/3 და 4/4). სხვა მაგალითი:

4/4/2 ატმის რტოო, / დაღალულო / რტოო (გალაკტიონი)
5/5 მხრიდან გადვიგდე / მაშინვე თექა (ილია)

მახვილების განლაგება აქაც ერთნაირია ორსავე სტრიქონში:

— ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑

მიზეზი ამ სტრიქონთა (ტაეპთა) შორის დიდი სხვაობისა, ცხადია, ემყარება საზომთა სხვადასხვაობას (სხვადასხვაგვარია მუხლების რაოდენობა, სიდიდე, განლაგება): 4/4/2 ერთს შემთხვევაში, 5/5 — მეორე შემთხვევაში.

ასეთი ვითარება ქართულ ლექსში ჩვეულებრივია. ასეა ეს ვეფხისტყაოსანშიც, სადაც ისეთ მკაფიოდ განსხვავებულ შაირებს, როგორიცაა დაბალი და მაღალი შაირი, მახვილთა სრულებით იდენტური კონფიგურაცია შეიძლება აღმოაჩნდეს... და შაირის ეს ორი სახეობა მაინც სრულებითაც ერთმანეთში არ ირევა. შდრ. დაბალი შაირი:

ცხენი გავეჭუსლე/რქმოდა//შაქბი ხმასა და/ხრიალსა (620)
შავსა აუდგა/ლაგამი//სწმენდდა რიდისა/კრიდითა (222)
კაცი მრვიდა/მეფისა//„სწადსო ამბისა/სმინება“ (359)

მაღალი შაირი:

მაგრა შორით/სიყვარული//ჩემგან შენი შემრჩყვია (128)
სახლით ჩემით/წამრსული//ხვალე ადრე შეგეყრები (424)
ადგა, თმათა/წარმრზიდნა//ყელსა დანა/დააბრჯინა (766)
რაცა სქმე/უსამართლო//ღმერთმან ვისმცა/შეარჩინა! (766)

---

[14] ერთნაირი ზომის მუხლების გადათვლილება სტრიქონს შიგნით პრინციპულად შესაძლებელია ყოველთვის, თუ ამ გადათვლების შედეგად არ იქნება ენის გრამატიკული ნორმა. ცხადია, ექსპრესიული (გამომხატველობითი) თვალსაზრისით გადასმის შედეგად განსხვავებული ვარიანტი შეიძლება მიეღოთ, მაგრამ ეს მაინც „ის ლექსი“ იქნება და არა რაღაც სხვა.

ყველა ამ სტრიქონში (მაღალი შაირისაა ის თუ დაბალისა) მახვილთა განლაგება სრულებით ერთნაირია:

— ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ // — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡

შაირების აღრევა აქ არ ხდება იმიტომ, რომ მათი დაყოფა მუხლებად სხვადასხვანაირია (დაბალი შაირი: 5/3//5/3, მაღალი შაირი — 4/4//4/4).

რა თქმა უნდა, ლექსში შეიძლება შეგვხვდეს ისეთი მიმდებარე მუხლები და სტრიქონები, რომელთა აგებულება სიტყვათა და მახვილთა მიმდევრობის მხრივ ერთნაირია, მაგრამ ესაა არასავალდებულო, შემთხვევითი მოვლენა, რომელიც ლექსისათვის აუცილებელ რაღაც კანონზომიერებას არ ასახავს. შდრ.;

[23/23] ღამის გუშაგი/მუდამ მჭმუნავი — ◡ — ◡ ◡/ — ◡ — ◡ ◡
[23/23] მთვარე მეფურად/მძლავრად — ◡ — ◡ ◡/ — ◡ — ◡ ◡
ვიდოდა

ესაა მოჩვენებითი კანონზომიერება, რომელიც ყოველი ფეხის ნაბიჯზე ირღვევა. შდრ. იქვე გაგრძელება:

[32/32] მთებისა ყინვით/ნაკვეთი თავი — ◡ ◡ — ◡/ — ◡ ◡ — ◡
[23/5] იმის სხივებთან/მუსაიფობდა — ◡ — ◡ ◡/ ◡ ◡ — ◡ ◡

როგორც ჩანს, მახვილის ადგილს, მის განლაგებას მუხლსა და სტრიქონში (ტაეპში) ქართული ლექსის სტრუქტურისათვის მნიშვნელობა არა აქვს.[15] ქართული ლექსის სტრუქტურისათვის მახვილს რომ განსაკუთრებული მაორგანიზებელი მნიშვნელობა ჰქონოდა, შეუძლებელი იქნებოდა მახვილთა სხვადასხვანაირი განლაგების მქონე მუხლებისა და სტრიქონების ურთიერთშენაცვლება. ასევე შეუძლებელი იქნებოდა მახვილთა ერთნაირი განლაგების მქონე სტრიქონების კვალიფიცირება სხვადასხვა სტრუქტურის სტრიქონებად[16].

მახვილს ქართულ ლექსში სხვა ფუნქცია აქვს — ეჩსპრესიულ-გამომსახველობითი. სარითმო მუხლში ამას ემატება რითმის ორგანიზატორის სუსტად გამოხატული ფუნქციაც. ეს ცალკე შესწავლას მოითხოვს.

---

[15] რომ ქართულ ლექსში მახვილის როლი არაა მნიშვნელოვანი, ეს არაერთხელ აღნიშნულა (ვ. თ ო ს ე ლ ი ა ნ ი, დ. ჩ უ ბ ი ნ ა შ ვ ი ლ ი... დაწვრილებით იხ. აქ. გ ა წ ე რ ე ლ ი ა. ხსენ. ნაშრ., გვ. 38—105). ამგვარ მოსაზრებას თოლად აკრიტიკებენ ხოლმე, მათ უმეტეს, როცა ფორმულირება არაა მთლად ზუსტი (მახვილს არა აქვს მნიშვნელობა ლექსის ორგანიზაციისათვის, თორემ ლექსში მახვილი როდია საერთოდ ყოველგვარ მნიშვნელობას მოკლებული). ამგვარ კრიტიკას ადვილებს ის, რომ თუ ქართული ლექსი მახვილთა განლაგებას არ ემყარება, მაშ რას ემყარება იგი? უბრალოდ ლექსში მარცვალთრაოდენობის თანაბრობაზე მითითება საქმეს არ შველის. სულ სხვაა, როცა ვითვალისწინებთ იმ გადამწყვეტ მნიშვნელობას, რაც ქართულ ლექსისათვის აქვს მუხლებსა და მათს კანონზომიერ მიმდევრობებს. თაისი ბუნებით სუსტი (და ადგილის მხრივ ზოგჯერ სადაო) ქართული მახვილი არც იყო მოსალოდნელი, ლექსის მაორგანიზებლად გამომდგარიყო. გაკვრით შევნიშნავთ, რომ ამ როლს ვერ ასრულებს მახვილი ხუნძურ ენაშიც, რომელსაც საკმაოდ ძლერი ფონოლოგიური ღირებულების მქონე მახვილი აქვს (ხუნძური — დაღესტნის ერთ-ერთი მნიშვნელოვანი ენაა. ამ ენაზე წერს, მაგალითად, რასულ ჰამზათოვი, რომლის გვარი ჩვენში გამზათოვად იწერება, რაც ზუსტი არაა).

[16] სიტყვაში მახვილის ადგილის შესახებ სხვადასხვა აზრი არსებობს. აქ დავემყარეთ ერთ (ყველაზე გავრცელებულ) მოსაზრებას. ნებისმიერი სხვა მოსაზრება რომ გავიზიაროთ (ვთქვათ, სიტყვას მახვილი აქვს პირველ მარცვალზე, სამზე მეტმარცვლიან სიტყვაში ორი მახვილია, დინამიკური მახვილის გარდა გვაქვს მუსიკალურიც და მმსთ.), ადვილია იმის ჩვენება, რომ ქართული ლექსის მოწესრიგებლად ის ვერ გამოდგება, რადგან მახვილიან და უმახვილო მარცვალთა რეგულარულ მონაცვლეობას ლექსში მაინც ვერ მივიღებთ.

Т. Е. ГУДАВА

Резюме

О РОЛИ УДАРЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ГРУЗИНСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

В статье доказывается, что для структуры грузинского стихосложения ударение (и его место в сегменте, в стихе), чередование подударных и безударных слогов не имеет значения. Основой грузинского стихосложения признаются сегменты (различного размера по количеству слогов), путем закономерного сочетания которых образуются стих и более крупные единицы стихотворения.

IV 1976

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К КЛИНОПИСНЫМ ХЕТТСКИМ ТЕКСТАМ

1. К АНАЛИЗУ МЕТРИЧЕСКИХ ХЕТТСКИХ ТЕКСТОВ В СВЕТЕ ВЫВОДОВ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МЕТРИКИ

Г. В. Церетели в своей последней работе о метре и рифме в «Вепхисткаосани», представляющей собой как бы научное завещание замечательного ученого, подробно останавливается на выводах сравнительно-исторической метрики, ссылаясь на работы А. Мейе[1] и Р. О. Якобсона[2], создавших эту научную дисциплину, и К. Уоткинса[3], в недавнее время существенно ее развившего. В теоретической части своего труда, посвященной пропорции «золотого сечения», Г. В. Церетели по-новому осмысляет выводы сравнительно-исторической индоевропейской метрики, включая их в широкий контекст исследования этих пропорций во временны́х искусствах.

Соглашаясь с мыслью С. М. Эйзенштейна о том, что в приложении к временны́м искусствам пропорции золотого сечения еще более значимы, чем по отношению к искусствам пространственным (где они гораздо лучше изучены[4]), Г. В. Церетели сочувственно цитировал в своем труде (стр. 18—19)[5]

---

[1] A. Meillet, Origines indo-européennes des mètres grecs, Paris. 1923.

[2] R. Jakobson, Slavic Epic Verse. Studies in Comparative Metrics — «Selected Writings», IV, Slavic Epic Studies, The Hague — Paris. 1966.

[3] C. Watkins. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse. — «Celtica», vol. VI, 1962 (Г. В. Церетели ссылался на более ранний вариант той же работы: C. Watkins, Indo-European Origins of a Celtic Metre, — «Poetics. Poetyka. Поэтика», Warszawa, 1961) M. L. West, Indo-European metre.—„Glotta". 51. 1973, 3—4.

[4] Ср., в частности, кроме литературы, приведенной в труде Г. В. Церетели: М. Гика, Искусство пропорций, М., 1933; М. В. Алпатов, Этюды по истории западноевропейского искусства, М., 1963, (раздел «Примечания»), стр. 406, схема 9 (золотое сечение в «Улице» Вермеера), стр. 405, схема 15 (золотое сечение в «Менинах» Веласкеза, анализ которого представляет особый интерес для сопоставления с многочисленными вариациями Пикассо на тему «Менин»); H. Wölfflin, Gedanken zur Kunstgeschichte, Basel, 1941, SS. 72 u. a.

[5] Здесь и далее в тексте статьи в скобках указываются страницы работы გ ო რ გ ი წ ე რ ე თ ე ლ ი, მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში, напечатанной в книге: „მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში", თბილისი, 1973.

рассуждение С. М. Эйзенштейна о динамической симметрии[6], воплощаемой, в частности, логарифмической спиралью.[7] Как заметил Г. В. Цере-

[6] С. М. Эйзенштейн, Избранные произведения, т. IV, Москва, 1966, стр. 662—664. Следует отметить, что та же работа Хембиджа (J. Hambidge, The Elements of Dynamic Symmetry; New York, 1926; рус. пер. Д. Хембидж, Динамическая симметрия в архитектуре, М., 1936), на которую опирался в этом рассуждении (в курсе лекций по режиссуре, прочитанном в 1934 г.) Эйзенштейн, в 30-е годы оказала решающее влияние и на мексиканского художника Ороско: А. Костеневич, Х. К. Ороско, Л., «Искусство», 1969, стр. 87—88. Увлечение Эйзенштейна ролью золотого сечения можно (на основании скептического замечания об этой роли в его речи в Голливуде о вертикальном экране, см. С. М. Эйзенштейн, Избранные произведения, т. I, М., 1964) датировать временем после начала его поездки в США и Мексику. Поэтому не исключено, что Ороско, с которым он встречался во время этой поездки (о чем свидетельствуют автографы Ороско и другие материалы, сохранившиеся в библиотеке Эйзенштейна; в частности, характерна книга S. Smith, The glories of Venus. A novel of Modern Mexico, with drawings in colour by J. C. Orosco. New York, 1931, где на стр. 22—23 Эйзенштейном отмечен рисунок Ороско), мог оказать на него влияние в этом отношении.

[7] О логарифмической спирали в связи с золотым сечением в концепции Эйзенштейна (в сопоставлении с П. А. Флоренским и Г. Вейлем) см. В. В. Иванов, Категория времени в искусстве и культуре XX века—«Structure of Texts and Semiotics of Culture», Mouton, The Hague-Paris, 1973, стр. 110—111; V. V. Ivanov, The Category of Time in Twentieth-Century Art and Culture, — «Semiotica», VIII, 1973, 1, стр. 8. Особый интерес представляет использование этого символа (в том его виде, в каком он приводится в указанном теоретическом трактате Эйзенштейна «Режиссура» со ссылкой на китайскую традицию, где он означает объединение противоположностей инь и ян) в рисунке Эйзенштейна «Леонардо», см. В. В. Иванов, Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики. — «*Σημειωτική*. Труды по знаковым системам», VI, Ученые записки Тартусского государственного университета, вып. 308, Тарту, 1973, стр. 39, примеч. 88—89. Эйзенштейн обратил внимание на то, что в рисунках и рукописях Леонардо да Винчи повторяется тема логарифмической спирали, Эйзенштейном интерпретированная как образ всестороннего единства разных (в том числе и противоречащих друг другу) сторон личности, ср. о спирали, вписанной в круг: G. Poulet, Les métamorphoses du cercle, Plon, Paris, 1961. В экземпляре книги Гране (которого Леви-Стросс считает предшественником структурной антропологии) о древнекитайской мысли, сохранившейся в библиотеке Эйзенштейна, Эйзенштейн особо отмечает геометрическую интерпретацию этого символа (кит. T'ai ki 'высшая крыша'), согласно которой кривая приближается к диаметру круга и 3 стремится к 2 (M. Granet, La pensée chinoise, Paris 1934, pp. 280 и 388). В связи с данным Эйзенштейном сопоставлением азиатских и древнемексиканских символов логарифмической спирали-раковины, в которых вслед за Гете усматривается образ «стремления природы к спирали» (С. М. Эйзенштейн, Избранные произведения, т. IV, стр. 454), следует иметь в виду, что Vokes «identified the conch shell which figures prominently in the decorations of the Temple of Quetzalcoatl at Teotihuacán as Turbinella angulata, the West Indian Chank. This shell is most closely related to the so-called «Sacred Chank» of India (Turbinella pyrum Linné), used extensively in Hindu religious ceremony... Tozzer and Allen... give two illustrations of «man emerging from shell»... and the parallel to the Hindu concept of the creator of the world emerging from shell is striking... The veneration of the Chank shell in the New World is one more small piece which may fit the jigsaw puzzle of transpacific influences on prehistoric Mexican culture»; Emily H. Vokes, A Possible Hindu Influence on Teotihuacan. — «American Antiquity», v. 29, 1963, № 1, pp. 94—95. Едва ли не наиболее отчетливым проявлением интереса к символу логарифмической спирали в значении, близком к его роли в рисунке Эйзенштейна «Леонардо», можно считать этот же символ, показанный в непрерывном пульсирующем движении в фильме Кокто «Le sang d'un poète» (1930), поставленном в период, следующий за встречей Эйзенштейна и Кокто в Париже, которая ненамного предшествовала дате этого рисунка.

тели, интерес Эйзенштейна к пропорциям золотого сечения и к проблеме динамической симметрии объясняет и данные им разборы, выясняющие роль пропорций в его собственном кинематографическом творчестве (стр. 19). К этому можно добавить, что эти пропорции у Эйзенштейна прослеживаются не только в макроструктуре фильма, но и в микроструктуре кадра: «Georges Damas et ses élèves... ont démontré que la composition des cadrages, dans les films russes de la grande époque, obéissait à la règle pythagoricienne du nombre d'or[8]»; в качестве примера приводятся кадры из фильма Эйзенштейна « Que viva México!».

В отношении других временны́х искусств, где используется золотое сечение, Г. В. Церетели отмечает его роль, вскрытую особенно детально для музыки Б. Бартока, и в особенности указывает на возможности, раскрываемые благодаря сопоставлению членения восьмисложной строки на группы из трех и пяти слогов (8=3+5) при параллельном симметричном делении на две четырехсложные группы (8=4+4) в южнославянском стихе, отражающем общеиндоевропейское состояние (стр. 19 и 99—100). В специальном разделе книги, посвященном сопоставлению общеиндоевропейского стиха с общекартвельским, Г. В. Церетели возвращается к тем же соотношениям в индоевропейском стихе, детально разбирая соответствующие выводы сравнительно-исторической индоевропейской метрики (стр. 52—53).

В свете этих замечаний Г. В. Церетели представляется целесообразным вновь вернуться к рассмотрению древнейших индоевропейских метрических текстов, сохранившихся в ранней анатолийской традиции. Наиболее ранний образец таких текстов — табличка древнего дуктуса (XVII в. до н. э.) BoTU 14αI 13 — проанализированная авто-

---

[8] J. R. Debrix, Les fondaments de l'art cinématographique. Livre I: Art et Réalité au Cinéma, Paris, 1960, p. 44. Из более новых примеров использования пропорций золотого сечения в кинематографическом искусстве можно указать на фильмы Антониони (начиная с «Крика»), где в кадрах, воспроизводящих диалог героя и героини, один из них обычно находится на линии золотого сечения, причем вертикальная поза этого персонажа часто подкрепляется наличием рядом того или иного вертикального предмета. По этому предмету и ему подобным осуществляется как бы «пластическая рифмовка» разных кадров при монтаже, когда один вертикальный предмет заменяется другим с той же геометрической функцией: дерево заменяется вертикальной деталью здания (столбом) или экипажем в том же контексте диалога двух героев («Крик»), фигуры сменяются колонной («Avventura»). Поэтому при монтаже, то есть, во временно́м развертывании фильма, инвариантной остается при переходе от кадра к кадру именно линия золотого сечения, иногда подчеркиваемая движением из глубины в сторону зрителя, когда героиня (Клавдия в «Avventura») идет по этой линии к зрителю. Наряду с прямым использованием пропорций золотого сечения (при чтении картины «слева направо», обычном для западноевропейской традиции в изобразительном искусстве) в тех же фильмах используется и обратное золотое сечение (предполагающее чтение справа налево) или же совмещение обеих этих возможностей, дающих трехчастное построение кадра.

ром в предшествующей публикации[9], с учетом позднейших дополнений и исправлений[10], может быть представлена в следующей предполагаемой хеттской фонетической записи:

1. Nešaš ṷašpaš Nešaš ṷašpaš
2. tija-mmu tija
3. nu-mmu annaš-maš katta arnut
4. tija-mmu tija
5. nu-mmu ṷaš-maš katta arnut
6. tija-mmu tija
7. (uk-uš punuškimi)

1. «Несы саван, Несы саван,
2. На меня надень
3. Матери моей одежды
4. На меня надень,
5. Предка моего одежды
6. На меня надень
7. (Я прошу обоих)».

Погребальная песня начинается восьмисложной симметричной строкой (8=4+4), за которой следует повторяемый за нечетными строками рефрен из 5 слогов, перемежаемый девятисложными строками со структурой 9=5+4. Последняя строка из 6 строк (6=2+4) может (вопреки гипотезе К. Уоткинса) и не входить в состав песни:

1. 4+4
2. 5
3. 5+4
4. 5
5. 5+4
6. 5
7. (6)

---

[9] В. В. Иванов, Заметки по индоевропейской поэтике.—«To honor Roman Jakobson», vol. 2, The Hague-Paris, 1967, стр. 977 и след. из более ранних работ следует отметить: B. Hrozný, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C. — «Archiv Orientální», vol. 1, Praha, 1929, стр. 297; H. G. Güterbock, A View of Hittite Literature, — «Journal of the American Oriental Society», vol. 84, 1964, pp. 109—110; N. Van Brock, Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen, — «Revue hittite et asiatique», vol. 75, 1964, p. 135.

[10] C. Watkins, A Latin-Hittite Etymology. — «Language», vol. 45, 1969, № 2, part I, pp. 239—240; V. Ivanov, Suffix -sk'- —Baltic -šk- and the Problem of Verbs Denoting Sounds, — «Donum Balticum», Stockholm, 1970, p. 207; ср. Г. Г. Гиоргадзе, Хетты и хурриты по древнехеттским текстам.—«Вестник древней истории», 1969, № 1, стр. 81; В. В. Иванов, Хеттская литература,—«Поэзия и проза Древнего Востока» («Библиотека Всемирной Литературы»), М., 1973, стр. 682; F. Josephson, The Function of the Sentence Particles in Old and Middle Hittite (Studia Indoeuropea Uppsaliensia, 2), Uppsala, 1972, стр. 299 и 318 (толкование слова uṷa-; H. Otten, Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (Studien zu den Boğazköy—Texten), Wiesbaden, 1973, 5,16.

Сопоставление с указанными выводами сравнительно-исторической метрики позволяет предположить, что структура этой древнехеттской песни выводится из симметричных индоевропейских схем (4+4) с четырехсложными единствами и структур с золотым сечением (5+3), которые (видимо, под влиянием четырехчленных единств) были трансформированы в 5+4. Такая гипотеза подтверждается строением метрического гимна, включенного в состав царского погребального ритуала, датируемого эпохой Нового Царства, но включающего целый ряд достаточно бесспорных лексических и семантических архаизмов. В конце этого метрического текста рядом стоят строки со структурой 3+5 и со структурой 4+4:

kuit-ua-šši kuit eššaueni	3+5
nu-uar-at-ši ara ešdu	4+4
«Что мы для него ни делай,	
Все ему на радость будет»[11]	

Структура 3+5 выступает в качестве зеркального обращения структуры 5+3, как это и предусматривается теоретическими соображениями (стр. 52).

Если структура 3+5 в хеттском гимне чередуется со структурой 4+4, то в лидийском метрическом тексте, возможно, отражающем в конечном счете ту же традицию, структура 3+5 (sarokak nikumek savent) чередуется с десятисложными строками[12], что напоминает чередование восьми- и девятисложных строк в древнехеттской песне.

С другой стороны, девятисложные структуры, засвидетельствованные в древнехеттской погребальной песне, и десятисложные структуры типа лидийских достаточно отчетливо обнаруживаются и в среднехеттском метрическом гимне Богу Солнца, который датируется временем Кантуцилиса[13] (ок. XV в. до н. э.), но содержит значительное число лексических и семантических архаизмов гораздо большей древности. Часть гимна с наиболее отчетливой структурой (вводимая формулой nu-tta memiškizzi 'и тебе он говорит') содержит отчетливо чередующиеся десятисложные и девятисло-

---

[11] H. Otten, Hethitische Totenrituale, Berlin, 1958, S. 98; В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 2. — «Этимология» 1971, М., 1973, стр. 303.

[12] D. Gary Miller, Traces of Indo-European Metre in Lydian.—«Studies presented to professor Roman Jakobson by his students», Cambridge, Mass, 1968, p. 220. О вероятном значении nikumek savent «nimmermehr aber soll gedeihen...» ср. A. Heubeck, Vermutungen zum Plural des Lydischen, — «Orbis», т. XII, 1963, S. 541.

[13] H. G. Güterbock, The Composition of Hittite Prayers to the Sun. — «Journal of the American Oriental Society», vol. 78, 1958, pp. 238 и 242. Ср. об этом тексте и его отношении к синхронным египетским: В. В. Иванов, К типологии древнеближневосточных гимнов Солнцу. — „Σημειωτική". Сборник статей по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1973, стр. 47; Его же, Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. — «Балто-славянский сборник», М., 1972, стр. 196; Его же, Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков», М., 1973, стр. 58, примеч. 36.

жные структуры. Подставляя известные фонетические чтения идеограмм, можно дать следующую метрическую интерпретацию части отрывка KUB XXXI 127 14 и след.:

nepišaš taknaššа ḫulalešni	10=3+3+4
zik-pat Ištanuš lalukimaš	9=5+4
Ištanuẹ šarkui ḫaššuẹ	10=4+3+3
'В окоеме, где земля и небо,	
Лучезарно Солнце, только ты,	
Царственный герой, благое Солнце'.	
... daššu iškiššа tukpat pijan	9=5+4
ḫandanza manijaḫḫajaš išḫaš	10=3+7
'Власть великая тебе дана,	
Справедливый господин творенья'.	

Если предлагаемая метрическая интерпретация правильна, то в этом гимне можно усмотреть промежуточное звено между древнехеттским (с повторяющимися структурами 9=5+4) и лидийским десятисложником. Поэтому, хотя сходство между этими анатолийскими метрами и древнейшим греческим стихом — десятисложным и девятисложным пароимическим (типа σιγάν νυν ἅπας ἔχε σιγάν, Кратин)[14] — кажется разительным, каждый из этих метров в свою очередь может быть возведен к ранним формам типа 8=5+3. Длительность письменной анатолийской традиции, охватывающей более тысячелетия (от текстов, написанных древним дуктусом[15], до лидийского), позволяет проследить постепенное развитие этих форм по памятникам. При этом единство традиции для хеттского периода подтверждается наличием одних и тех же металингвистических терминов, относящихся к метрическим текстам. Древнехеттская погребальная песня вводится в 2 BoTU 14α формулой nu-za išḫamaiškizzi 'и поется так'[16]. Судя по предложенной Бенвенистом[17] этимологии глагола išḫamai- 'петь', родственного вед. sāman 'песня, напев'[18], в этом древнехеттском упот-

[14] C. Watkins, Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse, pp. 195—197.

[15] Синхронные древнехеттским палайские тексты обнаруживают следы поэтической организации, но наличие структуры 5+3 в последней строке палайского гимна (ḫaširam-pi ni padamman, см. текст: C. Watkins, A Palaic carmen.—«Indo-European Studies», Special Report to the National Science Foundation, Cambridge, Mass. 1972, p. 104) скорее всего случайно.

[16] Об употреблении формы на -šk- išḫamaišk- от глагола išḫamai- 'петь' ср. W. Dressler, Studien zur verbalen Pluralität (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte, 259, Bd, I Abhandlungen), Wien, 1968, 5, S. 218, § 83 (о древних эпических текстах, в том числе 2 BoTU 14α, S. 186, § 41 S. 198, § 60).

[17] E. Benveniste, Etudes hittites et indo-européennes, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 30, 1954, f. 1, p. 39; ср. В. В. Иванов, Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы, М., 1965, стр. 16.

[18] H. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig, 1873, S. 1512; Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой, М., 1972, стр. 362.

реблении отражаются общеиндоевропейские особенности производных от этого корня, для которого характерно обнаруживаемое и в других индоевропейских поэтических терминах соединение технического (ремесленного) и металингвистического значений[19], ср. родственные хет. išḫamina- 'шнур' и греч. гомер. οἶμη: по Лаццерони, к индоевропейским названиям технических процессов (таких, как строительство или прядение), перенесенным на поэзию, следует добавить «non come un'altra voce «indoeuropea», ma come prova dell'influenza microasiatica sulla lingua poetica greca, il gr. οἶμη se, come l'itt. išḫamāi-, è denominazione ispirata all'immagine del «legame» fra i vari momenti del canto»[20]. Этот же глагол išḫamai- и производное от него существительное išḫamai- 'песнь' (соответствующее хеттскому чтению идеограммы SIR 'песнь') встречается в позднейших хеттских текстах Нового царства для обозначения метрических текстов, переведенных с хурритского, ср. SIR ^{d}Ullikummi 'Песнь об Улликумми[21], при использовании в тексте самой поэмы глагола išḫamai(šk)- для обозначения пения, сопровождаемого игрой на музыкальном инструменте: II B II 9 след. ku-e-da-ni-ya me-na-aḫ-ḫa-an-da iš-ḫa-mi-iš-ki-ši 'Перед кем поешь?' (вопрос, обращенный Большой Волной к Иштар, поющей перед Улликумми). Особый интерес в этой связи представляет недавно найденный[22] список лиц, обслуживающих один из храмовых центров литературной и музыкальной деятельности в Хаттусасе, где из общего числа 205 служителей 10 (4,8%) были išḫama(na)talla — 'певцами, певшими по-хурритски' (то-есть, рапсодами, исполнявшими хурритские поэтические сочинения), тогда как «писцов на дереве» (LÚMEŠ GIŠ. ḪUR), писавших иероглифами, которые применялись для записи лувийских, а в Язылыкая и хурритских[23], текстов было 33 (16,8%), тогда как писцов клинописных (хеттских) текстов — всего 19 (9,2%), что свидетельствует о значимости живой хурритской (и тесно с ней связанной лувийской) литературной традиции в новохеттский период.

Об устойчивости в анатолийских языках индоевропейских обозначений ритуальной поэзии и тех членов общества, которые ею занимались, свидетельствует также и лид. kave 'жрец', соответствующее др.-инд. kavi 'мудрец', 'поэт' (kavya- 'искусство поэзии'), авест. kave 'вождь'<'шаманствующий'[24] и славянским обозначениям кузнеца-кудесника и искусства (в том

---

[19] R. Schmitt, Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1967.

[20] R. Lazzeroni. Рец. на R. Schmitt, Dichtung und Dichtersprache. «Studi e saggi linguistici», VIII (supplemento alla rivista «L'Italia dialettale», vol. XXXI (NS VIII), 1968, p. 228.

[21] H. G. Güterbock, The Song of Ullikummi. — «Journal of Cuneiform Studies», vol. 5, 1961, № 4, p. 141.

[22] K. Bittel, The Excavations of 1967 and 1968.—«Archaeology», vol. 22, 1969, № 4, p. 276; H. Otten, KBo XIX, Berlin 1970. Nr 28, SS.6 и V.

[23] E. Laroche, Les dieux de Yazilikaya.—«Revue hittite at asianique», t. XXVII, 1969), pp. 61—109.

[24] Л. Г. Герценберг, Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л., 1972, стр. 21.

числе и словесного) от того же корня[25]. Характерно, что этот термин сохраняется в лидийской традиции, в которой продолжали жить и некоторые индоевропейские (и восходящие к ним общеанатолийские) метрические схемы; лидийский термин kave употребляется в составе одного из метрических лидийских текстов, написанных десятисложником с вкраплением отмеченной выше восьмисложной строки архаического типа[26].

2. ОБ ОДНОМ ТИПЕ АСИММЕТРИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ГРУППАМИ В ХЕТТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Уже в первых работах Леви-Стросса по структурной антропологии отмечалась возможность описания передачи сообщений (коммуникации) разного типа, будь то словесные тексты, блага (имущество) и услуги или женщины, вступившие в брак и тем самым передающиеся от одной социальной группы к другой[27]. В первом случае передаются знаки (и их комбинации), во втором — ценности, в третьем — личности, приобретающие знаковый и ценностный аспекты в данной системе коммуникации. Взаимосвязь этих трех типов обмена и таких промежуточных видов социальных знаковых структур, как ритуальные, подчеркивается Р. О. Якобсоном в его недавних обзорах отношений между лингвистикой, семиотикой и общей наукой о коммуникации, исследующей все виды обмена, включая наряду с обменом словесными знаками также обмен продуктами труда и услугами и обмен членами коллектива, вступающими в брак[28]. В последней книге о Леви-Строссе против предложенного им сопоставления этих типов обмена делается возражение, сводящееся к тому, что переданное сообщение не утрачивается отправителем, тогда как, передав кому-нибудь во владение предмет, отправитель сам перестает им владеть[29]. Но этой упрощенной схеме противоречат уже хотя бы дискуссии вокруг проблемы авторства и ограничений на распространение сообщений, показывающие, что проблема собственности отправителя по отношению к словесному со-

---

[25] В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов.—«Славянское языкознание. Доклады советских ученых к VII Международному съезду славистов», М., 1973, стр. 155—159.

[26] D. G. Miller, Ук. соч., стр. 217—220. Ср. M. L. West, „Kadmos", 1972, pp. 165—176.

[27] C. Lévi-Strauss, Anthropologie structurale, Paris, 1958, p. 326, ср. p. 69. См. также J. van Baal, The part of women in the marriage: objects or behaving as objects, — «Bijdragen tot de Taal-, Land- on Volkenkunde», deel 126, 3e Aflevering, 1970, pp. 289—308.

[28] R. Jakobson, Linguistics in its relation to other sciences, — «Actes du Xe Congrès international des linguistes», I, Bucarest, 1969, pp. 82—84 (=R. Jakobson. Lingüistics. Poética. Cinema, São Paolo, 1970, pp. 22—25); Его же. La linguistique, — «Tendances principales de la recherche dans les sciences sociales et humaines», Partie I: Sciences sociales, Paris — La Haye, 1970, pp. 512—515.

[29] E. Leach, Lévi-Strauss, London, 1970, p. 110. Сделанные Личем оговорки недостаточны и противоречат выводам его собственных конкретных этнологических работ, цитируемых ниже.

общению не может считаться отсутствующей. Многочисленные случаи символического дарения, которые ведут и к необходимости языкового различения значений 'дать кому-нибудь, не утратив прав на владение' и 'дать, утратив права на владение', как в языке руанда[30], говорят против гипотезы о прямой связи передачи благ и услуг с передачей прав на имущество. Более того, иерархические структуры в обществах, где различается несколько социальных рангов, строятся именно на ценностной и семиотической значимости передачи имущества (особенно земли) от высшего ранга, сохраняющего некоторые юридические права на это имущество, к низшему, обязанному нести за это соответствующие повинности или оказывать какие-либо услуги (в том числе преимущественно ритуальные) высшему рангу; в подобных структурах может быть несколько ступеней последовательной передачи имущества и оказания услуг[31], что может соответствовать и нескольким асимметрическим циклам браков между представителями разных рангов[32]. Каждый из видов коммуникации (в особенности в обществах архаического типа) имеет семиотический аспект, так как с помощью различных ограничений, наложенных на обмен, могут символизироваться противопоставления социальных групп.

В этой связи представляет особый интерес клинописный хеттский текст, для истолкования которого существенно наличие параллелизма между «сетью»[33] отношений, образуемых благодаря дарениям земли и ответным услугам (или повинностям), сетью ритуальных отношений и сетью отношений, регулирующих брачные связи. Документ KUB XIII 8 царицы Асмуникал, относящийся к среднехеттскому (или «раннему новохеттскому») периоду[34], перечисляет дарения, которые переданы (хет. pijanteš) «Каменному дому»— ритуальной и одновременно (как все храмы) хозяйственной единице, связанной с усыпальницей хеттского царя, называвшейся этим же сочетанием[35].

---

[30] В. В. Иванов, Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVII, 1968, № 3, стр. 243.

[31] A. M. Hocart, The Northern States of Fiji, London, 1952; М. В. Крюков, Социальная дифференциация в древнем Китае. — «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968; В. В. Иванов, Бинарные структуры в семиотических системах. — «Системные исследования. Ежегодник. 1972», М., 1972, стр. 223, рис. 3а и 3б.

[32] R. R. Leach, Political systems of Highland Burma, 2, ed. Boston, 1965, p. 83, и далее.

[33] D. Sperber, Le structuralisme en anthropologie, — O. Ducrot, T. Todorov, D. Sperber, M. Safouan, F. Wahl. «Qu'est-ce que le structuralisme? Paris, 1968, p. 209 (противопоставляется «сеть» в смысле структуры и «код» при анализе трех типов коммуникации, названных выше).

[34] См. о корпусе среднехеттских текстов F. Josephson, The Function of the Sentence Particles in Old and Middle Hittite, pp. 44—47.

[35] На основании разбираемого документа функции «Каменного дома» рассмотрены в работах H. Otten, Hethitische Totenrituale, S. 104 и след.; Э. А. Меликабде, Хеттское общество, Тбилиси, 1965, стр. 87 и след.; I. M. Diakonoff, Die hethitische Gesellschaft,— «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd XIII, 1967, Hft 3, S. 319 и след.; Г. Г. Гиоргадзе, Очерки по социально-экономической истории Хет-

Эти дарения (как и дарения, известные по другим аналогичным документам той же эпохи) включают селения и лиц различных социальных групп, ремесленников, земледельцев, пастухов. Судя по § 52 хеттских законов в древнехеттский период 'рабы' Каменного дома, получавшие поля из земель людей ^{GIŠ}TUKUL («оружия»), должны были нести обычные повинности, связанные с землепользованием (luzzi). От этих повинностей, как предписывает разбираемый документ, освобождаются «привратники» (LÚ. MEŠ ḫilamneš, образовано от ḫilammar, 'ворота') Каменного дома, а также, повидимому, и целый ряд других категорий лиц, перечисляемых в этом тексте[36]. Особая выделенная ритуальная функция стражей храма отмечается и в клинописном хеттском «Наставлении служителям храма» (KUB XIII 4), где сказано (III, 13 и сл.): namma-ma kuieš LU.MEŠ SANGA nu-za kuiš ŠA K[Á] É DINGIR. *LIM* ešdu nu-za É DINGIR. *LIM* paḫšari 'потом же, из тех, которые являются жрецами, тот, кто да будет при дверях (вратах) храма, храм он будет охранять'; архаичность этой специальной функции охраны храма выявлена недавно при сопоставлении с древнееврейской литературой[37]. В качестве яркой параллели из древних индоевропейс-

---

тского государства, Тбилиси, 1973, стр. 30—31 и след. и 108—111 и след. Основное содержание предлагаемого в настоящей статье разбора этого текста было доложено на заключительном пленарном заседании V Всесоюзной Сессии по Древнему Востоку в Тбилиси весной 1971 г. Относительно сочетания *I. NA* É^{NA_4} ^{d}LAMA *I. NA* É. NA$_4$ DINGIR*LIM* 'в доме — горной вершине бога-защитника, в каменном доме божества' см. H. Otten, Ук. соч., S. 133, ср. к последнему сочетанию любопытную параллель в É^{NA_4} ḫegur Pirua 'в доме — горной вершине (бога) Пирва' (ср. pirua, perunа — 'скала' и индоевропейские параллели типа слав. перунъ, гот. fairguni 'гора', см. подробно В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей М., 1974), ср. также H. Gonnet, Les montagnes à Asie Mineure d'après les textes hittites.—«Revue hittite et asianique», t. XXVI, 1968, f. 83, p. 132; H. G. Güterbock, The Hittite conquest of Cyprus reconsidered, —«Journal of Near Eastern Studies», vol. 26, 1967, № 2, p. 81, n. 14. Значительный интерес представляет соотнесение этих формул с храмовыми сооружениями в скалах, подобными Язылыкая: ср., в частности, документальное свидетельство Суппилулиумаса II о перестройке «вечного покоя в скалах» (^{NA_4}ḫekur SAG. US): H. Otten, Zur Datierung und Bedeutung des Felsheiligtum von Yazlikaya, — «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., Bd 24 (58), 1967, SS. 222—240.

[36] Такое толкование текста обосновано в книге Г. Г. Гиоргадзе, Очерки..., стр. 32—33; о § 52 хеттских законов см. там же, стр. 209—211 и след.

[37] J. Milgron, The shared custody of the Tabernacle and a Hittite analogy,—«Journal of the American Oriental Society» (в дальнейшем сокращенно JAOS), vol. 90, 1970, № 2, p. 205 и далее. Отдаленные литературные отклики этого мотива можно найти и в литературе XX в. вплоть до Кафки. К древним ближневосточным параллелям ср. угаритское ṯgr привратник (название социального ранга, получавшего земельный повинностный надел); М. Л. Гельцер, Социальное деление свободных слоев населения в Угарите XIV—XIII вв. до н. э. — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти А. И. Тюменева», М.-Л., 1963, стр. 70; J. F. A. Sawyer and F. R. Stephenson, Literary and astronomical evidence for a total eclipse of the sun observed in Ancient Ugarit on 3 May 1375 B. C., — «Bulletin of the School for Oriental and African Studies», London, vol. XXXIII, pt 3, 1970, p. 471. Недавно опубликован частично разрушенный дубликат цитированного хеттского текста (в клинописной автографии, транслитерации и переводе): P. Hulin, A new duplicate fragment of the Hittite Instructions to temple officials, — «Anatolian Studies» vol. XX, 1970, pp. 156—157.

ких традиций можно указать на охранителей (стражей) ворот или дверей— dvāra-pāla-(ka) в Индии (ср. др.-инд. dvārapālakatva 'служба стража ворот'), наименование которых содержит индоевропейский термин, важный для обозначения социального противопоставления ('дома'), — 'вне дома, снаружи' — русск. *на дворе*[38] и т. п.; русск. *двор* является точным смысловым соответствием хет. ḫila- 'двор', с которым связано приведенное наименование «привратников» ḫilamneš. Другой, более отдаленной индоевропейской параллелью этому последнему является греческое наименование одного из четырех главных социальных рангов — φύλακες 'стражи' в предании, сохраненном Страбоном[39], ср. глагол φυλάσσω у Гомера в значении 'не выходить из δῶμα', 'бодрствовать', что очень близко к смыслу цитированных хеттских «Наставлений».

Особая ритуальная функция «привратников» Каменного дома, видимо, связывала их с обязанностью постоянно охранять его от ритуальной нечистоты. Последняя в «Наставлениях» (1 20 и далее), в частности, происходит от собаки, которая не должна приближаться к дверям храма. Так же и в тексте дарения Каменному дому за повелением о том, что привратники (как и другие категории людей этого дома) «должны быть свободны»[40] — araṷeš ašandu (6), следует строка (7), где речь идет о собаке, которая лает, но смолкает, когда приближается «он»[41] (привратник); видимо, здесь символически описывается одна из ритуально важных функций привратника. Далее описывается ритуал, во время которого льют масло, что было

---

[38] E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indo-européennes, I, Économie, parenté, société, Paris, 1969, pp. 311—314 (к сказанному там же. стр. 297—300, следует добавить, что сходным образом употребляется и русское *дом*, *дома*, в том числе и в обрядовом смысле); ср. о значении этой группы слов Е. Д. Поливанов, Статьи по общему языкознанию, М., 1968, стр. 175 и 341—342. Существенными в этой связи представляются данные о культе ворот в Риме, где существовал особый жрец flamen Portunalis при боге Portunus (по Варрону, deus portuum portarumque praeses, т. е. бог-защитник гаваней и ворот); ворота также играли существенную роль в культе Януса (этимологически связанного с «проходом»), откуда и прозвание Януса-Квирина стражем —'custos', см. G. Dumézil, La religion romaine archaique, Paris, 1966, pp. 323—324, 262. 275. Ср. хет. Aškašipa. 'Бог Ворот': H. Otten. Eine althethitische..., S. 26.

[39] E. Benveniste, Le vocabulaire..., p. 289.

[40] Связь хет. arau- 'свободный' с греч. *ἐλεύ-θερος* не является фонетически ясной. Поэтому едва ли с приводимым текстом можно непосредственно сравнить сочетание этого последнего слова (в микенском графическом облике reutera) с purakiriyo (где иногда видят производное от основы *Φυλᾱ*) в линеарной В табличке, см. M. Lejeune, Mémoires de philologie mycénienne. Première série, Paris, 1958, p. 151, VII, § 15, ср. там же, pp. 142—143, n. 52, где purakiriyo объясняется из сложения с вторым именем типа Ахилл. О тождестве хет. arau—и ликийск. arawa—'свободный' E. Laroche, La stèle trilingue... du Xanthos: le texte lycien.—„Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions". 1974. Janvier—Mars. p. 123.

[41] Г. Г. Гиоргадзе переводит 'она' ('собака лает, а потом она приходит', там же, стр. 31), но это по смыслу не вытекает из контекста, где -aš 'он' может относиться к одному из предшествующих существительных (не обязательно к названию собаки). Предлагаемая интерпретация ритуальной функции «привратника» по отношению к собаке согласуется и с тем сопоставлением комментируемого текста с договором между Хаттусилисом и городом Тилпура, которое было предложено Э. Шулером (E. Schuler, Die Kaškäer, Berlin, 1965, SS. 147—148, 150); в договоре речь идет о нечистом человеке, который должен покинуть город; в связи с этим упоминается нечистый (paprant-) пес.

уже сравнено[42] с шумерским обрядом. Во время последнего за возлиянием масла следует вбивание колышка, что истолковывается как «символический обряд передачи собственности»[43].

То, что привратники (и другие люди) Каменного дома освобождены от повинностей, символизируется вечнозеленым деревом eja-: nu-šmaš-kán piran ^{GIŠ}ejan artaru 'перед ними пусть будет воздвигнуто дерево eja-'[44]. Этот ритуал, обрамленный утверждением того, что «привратники» (и другие люди) «должны быть свободны» (araṷeš ašandu) от повинностей, точно соответствует обряду освобождения жителей жреческого культового города Аринна (центра поклонения Солнечной богине) от повинностей в § 50 хеттских законов: nu apel É.*ZU* kuela ^{GIŠ}ejan aškišši šakuṷan araṷan 'и дом того, у которого в воротах (aški) виднеется[45] дерево eja-, свободен'. Точную типологическую параллель представляет воздвижение дерева rewe у дома арауканской шаманки[46]. Согласно сведениям старых испанских хроник и грамматикам старинного арауканского языка, некогда дерево rewe было знаком подразделений племени, воздвигавшимся наподобие флага[47]. Поэтому здесь, как и в других подобных случаях, можно видеть переосмысление символа подразделения племени в качестве позднейшего знака социального ранга (шаманского или жреческого). Другую аналогию представляют обряды Бенина, где перед домом сажали дерево иккими — символ женского божества Земли Отау[48].

Смысл хеттского обряда заключается в символическом обозначении асимметрического характера отношения между дарениями и повинностями:

---

[42] I. M. Diakonoff, Ук. соч., S. 319.

[43] И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер, М., 1959, стр. 63. Из типологических параллелей ср. фиджийскую церемонию приобретения земли: A. M. Hocart, Ук. соч., pp. 242—245; древнегерманские обычаи; А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970, стр. 94, 102—103 (где дан очень тонкий семиотический анализ соответствующей символики) и др.; Его же, Категории средневековой культуры, М., 1972, стр. 157.

[44] Ср. о переводе этого предложения: A. Goetze, On §§ 163, 164/165 and 176 of the Hittite Code, — «Journal of Cuneiform Studies», vol. XX, 1966, № 3, 4, p. 131; В. В. Иванов, Разыскания в области анатолийского языкознания. 1а.—«Этимология 1971», М., 1973, стр. 300—301; F. Josephson, Ук. соч., p. 206.

[45] К литературе об этом глаголе, кроме указанной в более ранней статье автора о дереве eja (В. В. Иванов, Разыскания в области анатолийского языкознания,—«Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 41), ср. также H. C. Güterbock, Oil plants in Hittite Anatolia, — JAOS, vol. 88, 1968, № 1, p. 68, n. 10. О форме локатива aški в этом тексте ср. V. Souček, Zur Sprache der hethitischen Gesetze, — «Archiv Orientální», 38, 1970, 3, S. 275.

[46] A. Métraux, Religions et magies d'Amérique du Sud, Paris, 1967, pp. 191—192 и след.

[47] P. P. J. Augusta, Diccionario Araucan-Español y Español-Araucano, Santiago de Chili, 1916, p. 197.

[48] Ср. об этом божестве (Otɔe) и ритуалах, ему посвященных: H. Welzian, Zum Festkalender von Benin, — «Afrikanistische Studien», Berlin, 1955, SS. 98 u 105; о священных деревьях в ритуале см. там же, стр. 92—93 и 105. Из особенно явных параллелей к разбираемым хеттским ритуальным комплексам ср. там же, стр. 90 и 94, об uŋa — усыпальницах прошлых царей Бенина.

социальная группа «привратников» и других людей Каменного дома освобождена от последних. К «Каменному дому» направлены дарения (земли, людей), но — по отношению к «привратникам» и другим категориям его людей — эти дарения замыкаются на них, не требуют исполнения общих повинностей: как и в случае жрецов в § 50 хеттских законов, дарения даются в ответ за их ритуальные услуги[49], отличающиеся от других повинностей.

Асимметрический характер имеют и брачные отношения «людей Каменного дома»: *A. NA* LÚ^{MEŠ} É. NA_4-ia-kán *AŠ. ŠUM* É. GI_4.A-*TIM* anda pi-eš-kán-du pa-ra-a-ma-kán DUMU. NITA DUMU. SAL *AŠ.ŠUM* É. GI_4. A-*TIM* LÚan-da-i-ia-an-da-an-ni-ja , le-e ¦ ku-iš-ki pa-a-i «И мужчинам Каменного дома как невест девушек внутрь пусть дают, из него же никто не должен дать юношу (или) девушку как невесту или как зятя, входящего внутрь дома» (13—15). Из этого следует, что циркуляция брачных партнеров (если воспользоваться выражением Леви-Стросса) здесь осуществляется только в одну сторону: представители социальной группы «мужчин Каменного дома» могут брать себе в жены представительниц других групп, обратное же невозможно. В других обществах такие асимметрические структуры встречаются при гипергамии, когда «те, кто дают женщин» обычно рангом выше тех, кто получает женщин[50], но достаточно часто наблюдается и обратное движение[51]. Для рассматриваемого текста (как и для его месопотамских параллелей) важно то, что противопоставление 'внутрь' (хет. anda)—'вне' (хет. para), существенное и для общеиндоевропейской социальной системы (см. выше), регулирует не только правила брачных обменов, но и непосредственно с ними связанные имущественные отношения. Собственность Каменного дома неотчуждаема, с этим связано и то, что мужчина этого дома (в отличие от женщины) не может выйти из него в качестве зятя, входящего в дом тестя (andaiiant-, ср. производное отвлеченное andaiiandatar 'состояние зятя, входящего в дом' в приведенном тексте, образовано от anda 'внутрь'+iia- 'идти'), ср. трижды повторяемые запреты 'выходить' 'вовне' — para — в разбираемом тексте. Асимметрическая структура этих сетей имущественных и брачных отношений соответствует особому ритуальному статусу Каменного дома, символизируемому указанными обрядами.

---

[49] О характере ритуальных обязанностей людей Каменного дома по данным других хеттских текстов ср. Г. Г. Гиоргадзе, Очерки... стр. 40—42, см. там же, стр. 34, тонкое замечание относительно рассматриваемых запретов, наложенных на людей Каменного дома: «Возможно, что все эти запреты имели ритуальный характер и они не были связаны с экономикой храмового хозяйства».

[50] C. Lévi-Strauss, Les structures élémentaires de la parenté, 2 ed., The Hague, 1967; E. P. Leach, Political systems of highland Burma, p. 74 и след.; D. Sperber, Ук. соч., pp. 176—177. Ср. J. Bacl, Ук. соч., p. 301 и след. Lydia T. Black, Relative status of wife givers and takers in Gilyak society, — «American Anthropologist», vol. 74, October, 1972, № 5, pp. 1244—1248.

[51] N. Yalman, Under the Bo Tree, Berkeley and Los Angeles, 1967, p. 177 и след. и особенно стр. 365—366, где в общем виде рассматривается проблема асимметрических отношений при гипергамии.

Рассмотренный частный случай асимметрической коммуникации между группами представляет интерес и с точки зрения общей типологии коммуникативных сетей. В уже упомянутых обзорах Р. О. Якобсона предлагается рассматривать использование запрета инцеста как средства построения социальных структур в качестве аналога употребления фонем для различения значимых единиц и производства орудий с помощью орудий[52]. Но эту служебную роль «нижнего этажа» в коммуникативной системе может играть не только запрет инцеста и связанная с ним экзогамия, но и прямо противоположные способы коммуникации между группами, в частности эндогамия в обществах с социальными рангами и кастами, служащая частым средством для их выделения. Согласно блистательной гипотезе Хокарта, для того, чтобы образовать из фиджийских трех подразделений племени систему, подобную трем древнеиндийским варнам, достаточно «прекратить экзогамные браки в определенных линиях родства»[53]. Логическим развитием этой тенденции, доведенной до предела, являются кровосмесительные браки братьев и сестер внутри высшего социального ранга, обнаруживаемые в таких обществах, как раннее гавайское (где уже сформировались три эндогамных ранга[54], соответствующих цитированному гипотетическому допущению Хокарта), государство инков в древнем Перу, древний Египет[55], видимо, также и хеттское общество определенной (среднехеттской) эпохи, так как царица Асмуникал, от имени которой составлен разбираемый текст, была одновременно и сестрой, и женой царя[56], что подтверждает давно уже высказывавшуюся мысль

---

[52] R. Jakobson, Linguistics in its relation to other sciences, p. 103.

[53] A. M. Hocart, Caste, London, 1950, p. 83.

[54] K. Dawenport, The «Hawaiian Cultural Revolution»: some political and economic considerations, — «American Anthropologist», vol. 71, 1969, № 1, стр. 4 — легенда о происхождении трех рангов (знати, жрецов, земледельцев) от трех сыновей сверхестественного существа, очень близкая к греческому преданию о четырех сыновьях Иона (ср. E. Benveniste, Le vocabulaire..., p. 289); о кровосмесительных браках pi'o между братом и сестрой в высшем ранге на Гавайях, служивших для повышения ранга первенца, см. W. Devenport, Ук. соч., p. 7, там же дальнейшая литература.

[55] Об инцесте в этих трех обществах в сопоставлении с царством Канди см. N. Yalman, Ук. соч., pp. 349—350. Ср. о Египте М. Э. Матье: Из истории семьи и рода в древнем Египте. — «Вестник древней истории», 1954, № 3, стр. 56; об инках в сравнении с фараонами см. А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964, стр. 186 и 192. Из других африканских традиций параллель к египетским установлениям можно усмотреть в древней Мономотапе (см. Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези-Лимпопо. — «Африканский этнографический сборник. IV», Труды Института этнографии, Новая серия, т. XXII, М.-Л., 1962, стр. 71) и отчасти в инцесте разнополых близнецов, носивших царские имена, у Куаньямо амбо: E. M. Loeb, The Twin Cult in the Old and New World, — «Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dicata», XXXI Congresso International de Americanistas, México, 1958, p. 152. ср. древнехеттский миф о таком инцесте: H. Otten, Eine althethitische...

[56] A. Kammenhuber, Die Sprachstufen des Hethitischen, — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd 83, 1969, Hft 2, S. 262.

о том, что позднейшая кара — смертная казнь за такой брак у хеттов в Новом царстве позволяет предполагать его наличие в древности[57]. Полная изоляция высшего ранга (царского) от всех других, более низших, вела к бракам этого типа, как и к характерным пространственным структурам (изолированность дворцов и резиденций и т. п.); известное сходство с этим можно видеть в гипотезе о том, что институт вождя индейского племени характеризовался негативно по отношению ко всем видам коммуникации[58]. В хеттских текстах, начиная с древнейших, можно найти свидетельства такой асимметрии и на уровне коммуникации словесной, например, в запрете старейшинам говорить с царем в Завещании Хаттусилиса I[59] (ср. сходные запреты называния по отношению к царям и богам в других обществах).

В заключении к своему последнему труду Г. В. Церетели обращал внимание на роль принципа симметрии — не только по отношению к золотому сечению, но и в гораздо более общем плане, существенном, в частности, и для описания языковых систем[60], в том числе фонологических (стр. 89—90). Поскольку при решении таких общих проблем, как тенденции, определяющие слоговую структуру словаря, Г. В. Церетели в том же труде ссылался (вслед за Р. О. Якобсоном) на антропологические работы Леви-Стросса, в частности, на его понимание соотношений между «обязательными» (prescriptive) и «предпочтительными» (preferential) правилами (заключения браков), представляется, что и привлечение асимметрических структур (в их соотношении с симметрическими) в структурной антропологии соответствует духу книги Г. В. Церетели. Как и в других областях, где можно говорить о наличии асимметрии, в иерархических системах можно ждать проявления принципа сохранения симметрии Кюри[61]; так можно, в частности, понимать рассмотренное выше соотношение между эндогамией и инцестуозными браками в высшем ранге.

Из приведенных фактов и им подобных следует, что не столько экзогамия, вызванная запретом инцеста, сколько гипергамия и эндогамия, ведущая в своем пределе к инцесту, служат вторичными средствами построения иерархических структур. Поскольку, однако, самый характер этих средств обусловлен такими структурами (как это отчетливо видно на примере браков внутри высшего ранга), более

---

[57] Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, стр. 118; Ср. Г. И. Довгяло, К истории возникновения государства, Минск, 1968, стр. 140—141; O. R. Gurney, Anatolia c. 1750—1600 B. C. —«The Cambridge Ancient History», Third ed. vol. II, pt 1, Cambridge, 1973, p. 237.

[58] P. Clastres, Échange et pouvoir: philosophie de la chefferie indienne, — «L'homme», t. II, 1, 1962, pp. 61—62.

[59] O. R. Gurney, Anatolia, 1750—1600 B. C., p. 252.

[60] В этом отношении представляет особый интерес статья: George V. Tsereteli, The Verbal Particle *m!mI in* Bukhara Arabic, — «Folia Orientalia», t. XII, 1970, pp. 291 и след. Ср. в более общем виде: V. V. Ivanov, On Antisymmetrical and Asymmetrical Relations in Natural Languages and Other Semiotic Systems, — «Linguistics», № 119, 1974.

[61] Ср. J. Monod, Le hasard et la nécessité, Paris, 1970, p. 64.

точной лингвистической аналогией к этим антропологическим данным представляются случаи иконической связи между означающим и означаемым в языке.

3. ЗАВЕРШАЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРЕЧНЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ РАНГОВ И БОГОВ

Для обществ с выделенными социальными рангами или кастами характерно наличие «внекастовых» низших групп и переплетение кастовых отношений с этническими: некоторые этнически чуждые группы рассматривались как стоявшие ниже всех остальных в социальной иерархии. Обе эти черты соединились у двух групп, встречающихся в различных древнеближневосточных текстах, а в документах из хеттского (богазкейского) архива именуемых lulaḫḫi и ḫapiru[62]. По своему значению последние ближе всего к «изгоям», «отверженным», «внекастовым». При переплетении родственных (коммуникативных в указанном выше смысле) и социальных связей в хеттском обществе для выяснения места lulaḫḫi и ḫapiru в социальной иерархии особенно много дают клинописные лувийские тексты, где в перечислении разных категорий указываются на первом месте мать и отец, за ними брат и сестра, после них раб и рабыня (видимо, входящие в этот же дом, т. е. обслуживающие это же хозяйство), а за ними люди категорий lulaḫḫi и ḫapiru[63]. За ними же следует обычно слово tulija-. Это же самое

---

[62] Полное собрание всех данных о них в хеттских текстах в сравнении с другими древнеближневосточными см. J. Bottéro, Le problème des Habiru, Paris, 1954, (см. его же статью в «Reallexikon der Assyriologie», s. v. Habiru); M. Greenberg, The Hab/piru, New Haven, 1955; E. von Schuler, Die Kaskäer, Berlin, 1965, S. 9 и далее. Относительно предполагаемого некоторыми учеными отождествления их в качестве этнического наименования с восточными ханаанеянами см. H. Schmökel, Geschichte des alten Vorderasien, Leiden, 1957, S. 88. см. литературу вопроса там же, S. 232; M. Anbar (Bernstein) *'ereṣ hā 'ibrīm'* le pays des Hébreux',—«Orientalia», vol. 41, f. 3, 1972, pp. 383—386. Древнехеттские упоминания ḫapiru (H. Otten. Zwei althethitische Belege zu der Ḫapiru, —«Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge», Bd. 18 (52), 1957, SS. 216—19) могут быть истолкованы уже и как обозначение социального слоя: E. Schuler, Ук. соч., S. 10. Ср. также угаритский текст, упоминающий ^{amēl}ḫabiri ^{il}šamši 'людей хабиру' Солнца' (хеттского царя): М. Л. Гельцер, Ук. соч., стр. 36; Его же, Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите, — «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 36. Текст опубликован полностью в: «Le palais royal d'Ugarit», IV, par J. Nougayrol, Paris, 1956, pp. 107—108, ср. о ḫabiri там же, p. 239. См. трактовку ḫapiru как беглых общинников по отношению к хеттскому документу из Угарита: I. M. Diakonoff, Ук. соч. S. 365. Представляют интерес данные о ḫabiru в статье: M. U. Several, Reconsidering the Egyptian empire in Palestina during the Amarna period, — «Palestine Exploration Quarterly», 104 year, July-December 1972, pp. 124, 126, 132.

[63] См. разбор соответствующих лувийских клинописных текстов: H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, Berlin, 1953, SS. 104—105. Фонетические чтения nani и nanašri для 'брата' и 'сестры' (при хет. neka- 'сестра') в тех же лувийских текстах подтверждаются иероглифическим лувийским, ср. И. М. Дьяконова, Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи (CIH XXXIII C), — «Переднеазиатский сборник. II», М., 1966, стр. 100—101. Наблюдения Гетце над текстами этого типа (A. Goetze, напечатано в книге J. Bottéro. Ук. соч., pp.

слово, в древнехеттском документе Телепинуса и в хеттских законах обозначающее государственный совет, собрание, часто употребляется в клятвах в государственных договорах, где говорится о том, что хеттский царь и его союзник, с ним заключающий договор, призвали на совет (tulija) в качестве свидетелей всех богов хеттского царства; иногда при этом используется тот же глагол ḫalzai- 'созвать', который в сочетании с существительным tulija- употребляется в древнехеттских текстах по отношению к государственному собранию, ведавшему, в частности, смутами внутри царского рода. После этой общей формулы в хеттских государственных договорах перечисляются все боги Хеттского царства; последними будут боги lulaḫḫi и ḫapiru, за ними же следует заключающая формула «все боги страны Хатти» или ей подобные[64]. Разительным представляется сходство в перечнях тех категорий, которые созываются на «совет» (tulija-) богов в хеттских государственных договорах, и тех, которые входят в tulija- лувийских текстов. В обоих типах документов на последнем месте среди конкретных обозначений указываются те, что «вне ранга». Параллелизм социальной иерархии и иерархии пантеона в данном случае оказывается полным. В синтагматическом порядке перечислений отражены парадигматические отношения, структура которых одинакова для хеттской и лувийской иерархии социальных рангов и для хеттской системы «1000 богов страны Хатти».

4. К ТИПОЛОГИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ 'ПРАВЫЙ' — 'ЛЕВЫЙ' В СТРУКТУРЕ «СОВЕТНИКОВ» И В ДРУГИХ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМАХ У ХЕТТОВ

Большая среднехеттская дарственная надпись, составленная от имени упоминавшейся выше царицы Асмуникал, ее супруга (Арнувандаса) и их наследника, заканчивается перечислением высших должностных лиц,

---

79—80) не были точны, так как не были разграничены хеттские и лувийские тексты с разными перечисляемыми категориями и хеттск. pangauaš ḫaššannaš переведено не 'целого рода' (как верно у J. Bottéro, p. 77, ср. перевод 'Clansman', F. Josephson, p. 170), а исходя из неверного в данном контексте понимания слова panku-. При верном переводе становится очевидным сходство с лувийскими ритуалами, перечисляющими родственников. Наиболее близкую аналогию к употреблению ḫapiru и lulaḫḫi в качестве социальных терминов представляют тексты из Нузу, см. J. Bottéro, Ук. соч., pp. 29, 40, 47, 69, 83, 91. О термине lulaḫḫi см. также И. М. Дьяконов, Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — «Вестник древней истории», 1973, № 4 (126), стр. 18.

[64] Этот порядок перечислений (с другим, достаточно наивным объяснением) указал еще B. Landsberger, Ḫabiru und Lulaḫḫu, — «Kleinasiatische Forschungen», Bd I, Hft. 2, Weimar, 1929, S. 327. Другие примеры аналогичных списков богов в договорах см. E. von Schuler, Ук. соч. 117. Все места хеттских договоров, где упоминаются боги ḫabiru и lulaḫḫi, перечислены в кн. J. Bottéro, Ук. соч., pp. 73—75. Представляется, что предлагаемое сравнение порядка перечислений в ритуалах и договорах не позволяет считать наличие богов lulaḫḫi и ḫapiru бесспорным доводом в пользу того, что эти термины обозначали этнический (а не социальный) слой, вопреки мнению H. Schmökel, Ук. соч., S. 233; A. Pohl, Einige Gedanken zur Ḫabiru-Frage. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd 54 (Festschrift H. Junker), Wien, 1957, S. 158.

Ср. также В. В. Иванов, Lulaḫḫi и Hapiri как завершающие элементы перечней социальных рангов и богов в клинописных хеттских и лувийских текстах. — «V Всесоюзная Сессия по Древнему Востоку. Тезисы докладов», Тбилиси, 1971.

в присутствии которых был завершен обряд написания этой дарственной. В этом перечислении (KBo V 7 об. ст. 52—53) встречаются две пары придворных: 'главный над оруженосцами справа' (идеограммы GAL LÚ MEŠ IŠ ZAG-az) и 'главный над оруженосцами слева' (те же идеограммы с полуфонетическим написанием GÙB-la-az); 'главный над пастухами справа' и 'главный над пастухами слева' (идеограммы GAL LÚ MEŠ SIPAD с последующими полуфонетическими ZAG-az 'справа' или GÙB-la-az 'слева'[65], соответственно). Эта структура может быть истолкована благодаря многочисленным типологическим аналогиям в системах «советников» при царском дворе, где значимость оппозиции 'правый' — 'левый' на большом материале была впервые выявлена Хокартом[66]. Особенно наглядным является сходство указанного хеттского текста с отношениями в таких африканских обществах, как государство Йоруба, где, как отметил (на основании данных Фробениуса) еще Э. Кассирер в своем замечательном исследовании, опережавшем современную семиотику, все ритуалы основаны на «основном различии» (Grundunterschied) 'правого' и 'левого'[67]. Давно уже указанное исследователями противоположение «левых» и «правых» чиновников у Йоруба (Otun-Balogun, Otun-Bale, Osi-Balogun, Osi-Bale-, 'правый и левый Балогун и Бале' Otun-Iyalode 'правая Иялоде' и Osin(n)-Iyalode 'левая Иялоде', а также 'евнухи правой и левой сторон' и т. п.)[68] и у фон приводило к образованию целых систем, где справа и слева от царя располагалось по 6 «правых» (Migan) и 6 «левых» (Mew) министров[69], ср. также у баротсе Ngambela 'советника правой стороны' в противоположность сидящим слева от царя[70], у бали в Камеруне nzering nge 'вестник правой

---

[65] См. об этих идеограммах и их чтении: E. Laroche, Études de linguistique anatolienne. III. — «Revue hittite et asianique», t. XXVIII, 1970, pp. 35—36.

[66] A. M. Hocart, Kings and councillors, 2 ed. Chicago, 1970, глава XX; Его же, The Northern States of Fiji, pp. 27—31 и примеч. 1. Ср. В. В. Иванов, Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 5, стр. 114—115.

[67] E. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, 2 Teil, Berlin, 1925, S. 112. Ср. V. V. Ivanov, On Binary Relations in Linguistic and Other Semiotic and Social Systems, — «Logic, Language and Probability», Dordrecht-Boston, 1973, p. 197.

[68] H. A. Wieschhoff, Concept of right and left in African cultures, JAOS, vol. 58, 1938, № 1, p. 213; L. Frobenius, Und Afrika sprach. Bd I, Auf den Trümmern des klassischen Atlantis, Berlin, 1912, SS. 181 u. 279; O. and C. L. Temple, Notes on the Tribes, Provinces, States and Emirates of Northern Nigeria, Lagos, 1922, p. 112; M. Jeffreys, Dual Organization in Africa. — «African Studies», V. 1946, №№ 2, 5, pp. 97, 157 и след.; P. Morton-Williams, The Yoruba Kingdom of Oyo. — «West African Kingdoms in the Nineteenth Century», Oxford, 1967; J. F. Ade Ajayi and R. Smith, Yoruba Warfare in the Nineteenth Century, Cambridge, 1971, p. 14 («the Otun, commanding the right wing, the Osi, commanding the left wing»).

[69] M. Palaut Marti, Essai sur la notion de roi chez les youruba et les aja-fon, Paris, 1960, p. 166, ср. p. 32—33 и p. 141 (деление амазонок в Дагомее на правые и левые крылья, соотнесенные с делением на Migan и Mew); Его же, Le roi-dieu au Bénin, Paris, 1964, pp. 201—202, ср. p. 178 и 201.

[70] M. Gluckman, The Ideas in Barotse Jurisprudence, New-Haven-London, 1965, p. 30—31. Его же, The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia, 2 ed., Manchester, 1967, pp. 9—10.

руки'[71] и важные для исследования происхождения этих терминов 'дом правой руки', 'жену правой руки' и 'сына правой руки' у нгуни[72] при титуле прежней старшей жены вождя Ikohlo у зулусов[73]. Исходя из части указанных типологических сопоставлений, В. Г. Ардзинба в своей диссертации предположил связь деления сановников на правых и левых у хеттов с наличием той же оппозиции в ритуалах.[74]

Эту гипотезу можно подтвердить тем, что, судя по типологическим параллелям, деление советников на правых и левых зависело от их места (справа и слева от царя или вождя) в царском ритуале. У хеттов почетная роль правой стороны засвидетельствована уже в надписи Аниттаса и в других древнехеттских текстах (ср. 2 Bo TU 7 78 = KUB XXVI I 18[75]). С другой стороны, «als «links» betrachtet der Hethiter jene Worte und Angelegenheiten, die für den Betreffenden «ungünstig» sind, ein ungünstiges Licht auf ihn werfen. Sie können durch Ungeschicklichkeit, Unglück oder ungerechtes Handeln verursacht sein»[76]... ср. KUB XXI 42 IV 3—7 (§24): m[a]n-kán ŠA É.SÀ ŠA LUGAL GÙB-an uttar kuitki au[tt]eni šumeš-a para kuedanikki mematen[i] [n]ašmakán ^{LÚ} araš ŠA LUGAL GÙB-an uttar kugurnija-man anda ištamašzi *ANA* LUGAL-ma-at *UL* memai. 'Если вы во внутренних покоях у царя какое-либо 'левое' дело увидите и его вы дальше кому-нибудь перескажете, или если друг у друга 'левое' слово о царе в качестве тайны кто-нибудь услышит, но его царю не скажет'. Сходное негативное употребление термина 'левый' известно из хеттских судебных текстов[77], что имеет соответствие и в египетском (а также, возможно, с ними связанном нубийском) судебном словоупотреблении[78]. С этими данными согласуется и гипотеза о происхождении лув. ipala-/i- 'левый' из основы со значением 'кривой', подтверждаемая и сравнением с тох. B swālyai 'слева' (*p>w), A śālyi 'левый'[79].

---

[71] M. D. W. Jeffreys, Traditional Sources Prior to 1890 for the Grassfield Bali of Northwestern Cameroun. — «Afrika und Übersee», Bd 46, 1963, Hft 3 und 4, S. 312.

[72] M. Wilson, The Nguni People. — «The Oxford History of South Africa», ed. by M. Wilson and L. Thompson, I, South Africa to 1870, Oxford, 1969, pp. 119 a. 126.

[73] А. Т. Брайант, Зулусский народ до прихода индоевропейцев, М. 1953, стр. 258, 259, ср. стр. 124 и 126.

[74] Г. В. Ардзинба, Хеттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хеттского происхождения). Автореферат диссертации, М., 1971, стр. 22—25.

[75] Ср. перевод: F. Josephson, Ук. соч., p. 187.

[76] A. Kammenhuber, Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person. 2 Teil, «Zeitschrift für Assyriologie», N F, Bd 23, 1965, S. 191.

[77] K. Werner, Hethitische Gerichtsprotokole, Wiesbaden, 1967, S. 78.

[78] В. В. Иванов, Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. — «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 115 (там же дальнейшая литература вопроса), ср. на стр. 118 о хеттском боге Телепинусе. К типологии оппозиции правый-левый ср. также G. Dumézil, Mythe et épopée. Histoires romaines, Paris, 1973, p. 279, n. 1.

[79] B. Čop, Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnosci. Razred za filološke in literarne vede. Razprave, VIII), Ljubljana, 1971, стр. 3—5 и 23.

5. СМЕРТЬ И РОЖДЕНИЕ В ЦАРСКОМ РИТУАЛЕ ИЗЛЕЧЕНИЯ И ДРУГИХ ЦАРСКИХ РИТУАЛАХ

Рассказ хеттского царя Мурсилиса II (XIII в. до н. э.) о том, как он излечился от тотальной афазии, т. е. от болезни, мешавшей ему говорить[80], может служить иллюстрацией к замечанию Х. Г. Гютербока о том, что у хеттов не было медицины в собственном смысле слова[81]: она полностью растворялась в синкретической ритуальной практике, соответствовавшей разным специализированным видам деятельности в позднейших обществах. Ритуал лечения царя, описываемый Мурсилисом, представляет значительный интерес в том отношении, что он полностью соответствует общей схеме ритуала коронации, который в свою очередь имеет общий источник с ритуалом инициации; основной частью, совпадающей в этих и других структурно с ними схожих обрядах, является мотив умирания и возрождения царя[82]. Мотив умирания больного Мурсилиса особенно отчетливо прослеживается в том, как устраняются все те предметы, которые находились к прежнему (больному) человеку в отношении неотчуждаемой принадлежности: стол, на котором он обычно ел, сосуд, из которого он пивал, постель, на которой он обычно спал, его праздничные одежды, колесница и оружие. Леви-Брюль замечал, что «у меланезийцев чувство собственности на некоторые предметы непосредственно связано с осознанием личности и они почти совпадают друг с другом. «Я» каждого человека не представляется ни ему самому, ни другим как нечто строго ограниченное внешней поверхностью его тела; имеется некоторое количество предметов, сопричастных природе этого «я». Сюда относятся, кроме естественных выделений, предметы, произведенные человеком и находящиеся в постоянном его употреблении, — одежда, оружие, украшения. Мы видим, что в случае смерти владельца их уничтожают или одновременно с его кончиной, или чаще, когда порываются последние связи между умершим и той социальной группой, к которой он принадлежал»[83]. Эта коммуникационная (и вместе с тем семиотическая) функция

---

[80] См. издание: A. Götze und H. Pedersen, Muršiliš Sprachlähmung (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filolog. Meddelelser, XXXI 1), KØbenhavn, 1934.

[81] H. G. Güterbock, Hittite medicine, — «Bulletin of the History of Medecine», vol. XXXVI, 1962, № 2. Представляет интерес то, что травма повторялась в снах Мурсилиса, ритуальное лечение которого напоминает о психоанализе, ср. описанные еще Фрейдом случаи полной истерической немоты: S. Freud, Quelques considérations pour une étude comparative des paralysies motrices organiques et hystériques. — «Gesammelte Werke», Bd. 1, Werk aus den Jahren 1892—1899, London, 1952, pp. 44—45.

[82] A. M. Hocart, Kingship, 2 ed. London, 1970, pp. 70, 74, 77, 79—80, 83—84, 135, 150, 157, 159 (где впервые реконструирована общая инвариантная схема ритуала, т. е. знакового текста—последовательности функций, что по подходу было близко к осуществленной в те годы работе В. Я. Проппа о морфологии волшебной сказки).

[83] Л. Леви-Брюль, Выражение принадлежности в меланезийских языках, — в сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950, стр. 214—215; Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.-Л., 1941, стр. 457—458. В связи с описываемыми в этих работах меланезийскими способами язы-

привычных предметов как знаков тождества человека самому себе используется в ритуале излечения Мурсилиса для того, чтобы символизировать его смерть одновременно с принесением в жертву быка — его обрядового эквивалента (puḫugari, хурритский термин, заимствованный в хеттском в обрядовом значении, но в хурритском обозначающий член отношения обмена, в частности, ритуального, ср. исходное аккадское pūḫu 'ритуальный эквивалент'). Как и в ритуале коронации и в других родственных ритуалах, за обрядовой смертью следует обрядовое рождение. В частности, общим мотивом для всех этих ритуалов является обрядовое очистительное омовение, в ритуале Мурсилиса продолжающееся в течение 7 дней (священное число — универсальный параметр ритуалов) после отправления в культовый центр[84] жертвенного быка-эквивалента.

Ритуал лечения Мурсилиса в отношении целого ряда существенных деталей (в частности, в использовании жертвенного быка как эквивалента—puḫugari—быка) совпадает с хеттскими ритуалами замещения царя, которые осуществлялись (как и соответствующие ассирийские ритуалы) в тех случаях, когда царю грозила беда[85]. Ритуальный заместитель объявляется царем после того, как на него одеваются царские одежды и на него с помощью предметов, неотчуждаемых от царя, переносятся знаки царской личности. Ритуал замещения царя как по своей функции (замещения царя в момент смертельной опасности), так и диахронически происходит от ритуального убийства царя [86], связанного с его вторичным рождением: царь

кового обозначения неотчуждаемой принадлежности, сходными с адыгейскими и тунгусо-манчжурскими, представляют особый интерес и аналогичные конструкции в полинезийских языках: W. W. Schuhmacher, An approach to the mechanism producing the construction with a/o in Polynesia, —«General linguistics», vol. 10, 1970, N1. В языках с категорией неотчуждаемой принадлежности аффиксы этой категории означают идентичность личности и предмета, обозначающего соответствующий предмет; Х. К. Уленбек, Идентифицирующий характер поссессивной флексии в языках Северной Америки,— сб. «Эргативная конструкция предложения, стр. 207; С. Д. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, М.-Л., 1936, стр. 74—75; Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя. — «Вопросы языкознания», 1972, № 4, стр. 11. Об отношении «я» и вещей, находящихся в собственности, ср. также Т. Шибутани, Социальная психология, М., 1969, стр. 181 и 199 и след. (там же см. в этой связи об афазии, представляющей интерес как именно та болезнь, от которой лечился Мурсили). Представляет интерес вопрос о возможности интерпретации древнехеттских энклитических притяжательных местоимений в том же семантическом ключе. См. данные об универсальном характере категории неотчуждаемой-отчуждаемой принадлежности (рассматриваемой как относящаяся к поверхностной структуре): Ch. J. F. Fillmore, The case for case, сб. «Universals in linguistic theory», New York, 1968, pp. 61—81.

[84] В качестве типологической параллели к отправлению быка в культовый центр можно указать на ритуалы ньякьюса, бытующие до настоящего времени: M. Wilson, Communal Rituals of the Nyakyusa, London, 1959.

[85] См. детальный разбор хеттских (а в приложении — и ассирийских) текстов: H. M. Kümmel, Ersatzrituale für den hethitischen König (Studien zu Boğazköy-Texten, Heft 3), Wiesbaden, 1967. Сходство с царским ритуалом лечения Мурсилиса ускользнуло от внимания Кюммеля, что существенно обеднило его выводы.

[86] См. об этом в данной связи: В. В. Иванов, Из заметок о строении и функциях карнавального образа. — Сборник статей в честь 75-летия М. М. Бахтина, Саранск, 1973.

умирал в своем заместителе и рождался вновь. Об этом прямо говорится в одном из соответствующих хеттских ритуалов, где царь обращается к своему заместителю (рабу — военнопленному) со словами: kaša-ya-mu-za... EGIR-pa ḫašta 'Смотри! Меня вновь... (божество?) родило'[87]. Для интерпретации этих обрядов существенно установленное А. М. Хокартом равенство «death=birth=coronation»[88], что Хокарт, в частности, подтверждал выступающим в «Шатапатхабрахмане» одеянии царя во время коронации — 'рубашкой' владычества: «He thus causes him to be born from what is the outer caul of dominion. He then throws over him the mantle with 'Thou art the womb of sovereignty'. He thus causes him to be born from what is the womb of sovereignty[89]» Эти же представления обнаруживаются, по-видимому, и в других индоевропейских традициях, в частности, в славянском мифе о князе-оборотне Всеславе, родившемся в сорочке (caul)[90].

Для теоретического исследования этой карнавальной традиции «переворачивания ролей» (status reversal), о которой идет речь в указанной статье, особенно существенна последняя (5) глава (Humility and Hierarchy-the liminality of status elevation and reversal) книги: V. Turner, The Ritual Process, Chicago, 1969, pp. 167 и след. Выводы М. М. Бахтина о характере романского карнавала подтверждаются и недавними полевыми работами: A. H. Galt, Carnival on the Island of Pantelleria: Ritualized Community Solidarity in an Atomistic Society. — «Ethnology», vol. XII, 1973, № 3, pp. 325—339. Для доказательства наличия связи между ритуалом временного отречения царя и карнавальной традицией существенны также иранские данные, для которых в последнее время указаны соответствия и в древнем Восточном Туркестане, в области распространения тохар—в Карашаре и Куче, что доказывается китайскими источниками: «On relève aussi dans le Yeou-yang tsa-tsou que, à Qaraschahr, avait lieu au début de l'année une fête, P'o-mo-tcho, vraisemblablement très proche de celle de Koutcha avec danse masquée, et 10 du 10e mois un rite de renonciation du roi: celui-ci allait choisir un de ses chefs de tribu comme «roi de fiction» pour régner à sa place pendant un jour et une nuit. Une coutume comparable devait exister à Koutcha, évoquée par ce «roi de carnaval» Otanl, rappelant le même épisode de Naurouz iranien —héritier de la très antique fête de l'Akitu mésopotamienne», S. Gaulier, Aspects iconographiques des croyances eschatologiques dans le bassin du Tarim d'après deux documents Pelliot. — «Arts asiatiques», t. XXVIII, 1973, p. 178, n. 2.

[87] H. Kümmel, Ук. соч., 55, 36—37. Из двух возможных переводов, указанных Кюмелем ('родить' и 'открыть') следует предпочесть первый. Ср. связь значений слов ḫaššu — 'царь' и ḫaššatar 'род', а также ḫašaua — 'жрица — Старая Женщина', ḫaššatar 'род', см. В. В. Иванов, Категория «видимого» и «невидимого» в тексте. Еще раз о восточнославянских параллелях к гоголевскому «Вию». — «Structure of Texts and Semiotics of Culture», The Hague-Paris, 1973, p. 165.

[88] A. M. Hocart, Kingship, p. 84.

[89] Там же, p. 77, p. 79 и др. К обсуждаемому там же, pp. 79, равенству трона и чрева по данным древнеиндийских текстов, ср. J. Gonda, Notes on Names and the Name of God in Ancient India (Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 75, № 4), Amsterdam-London, 1970, p. 19: «the throne which, being the «navel and the womb of kingship...» 'makes the king»; ср. J. Aubayer, Le trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne, Paris, 1949, p. 177.

[90] R. Jakobson and M. Szeftel, The Vseslav Epos. — R. Jakobson, Selected Writings, vol. IV, pp. 341 и след.

6. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ВОЛКА КАК ДРЕВНЯЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА

Не соглашаясь с предложенным ранее автором объяснением § 37 хеттских законов, связанным с культом волка у хеттов[91], К. Уоткинс в своем исследовании общеиндоевропейских юридических формул возвращается к формуле zik-ya UR.BAR.RA kištat 'ты стал волком', которая в этом параграфе законов обращена к хетту, уведшему женщину, когда при этом убито 2 или 3 человека. По мнению Уоткинса, параллели можно найти в браке посредством похищения, предусматриваемом для кшатриев в древнеиндийских законах, и в ирландских эпитетах 'волк' по отношению к воину[92]. Поскольку эти сопоставления предполагают индоевропейский характер формулы, в свете увеличивающихся данных о пережитках общеиндоевропейских юридических формул в отдельных традициях[93] исключительный интерес представляет то, что подобные юридические формулы удается найти и в других архаических памятниках. Платон, сохранивший много следов пережиточных формул, употребляет дословно совпадающую с хеттской формулу λύκῳ γενέσθαι 'он стал волком' в том единственном месте, где ἱερεῖον у него относится к человеческим жертвоприношениям[94], что, несомненно, является глубоким архаизмом: ὡς ὁ γευσάμενος τοῦ ἀνθρωπίνου σπλάγχνου ἐν ἄλλοις ἄλλων ἱερείων ἑνὸς ἐγκατατετμημένου, ἀνάγκη δὴ τοῦτῳ λύκῳ γενέσθαι «когда (человек) отведает человеческих внутренностей, разрезанных на части и перемешанных с внутренностями других жертв, он становится волком». Если в греческом архаическом употреблении превращение в волка относится к человеческому жертвоприношению, а в хеттском — к убийству 2 или 3 людей, то в древнеисландской «умиротвори-

---

[91] В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963, стр. 23 (там же см. о грузинских параллелях). О «волчьих людях» в ритуалах у хеттов ср. L. Jakob-Rost, Zu einigen hethitischen Kultfunktionären, — «Orientalia», vol. 35, nova series, fasc. 4, 1966. S. 419; о римских аналогиях (в Луперкалиях) ср. В. В. Иванов, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии, — «Труды по знаковым системам», т. IV, Тарту, 1969, стр. 54.

[92] C. Watkins, Studies in Indo-European legal language, institutions. and mythology,—«Indo-European and Indo-Europeans», ed. by G. Cordona, H. M. Hoenigswald and A. Senn, Philadelphia, 1970, n. 7.

[93] E. Benveniste, Ук. соч. 2. Pouvoir, droit, religion. Paris. 1969, pp. 99—175; C. Watkins, Studies in Indo-European legal language; В. Н. Топоров. О двух праславянских терминах из области права в связи с индоевропейскими соответствиями.— «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков», М., 1973, стр. 118—154 (указанные там же данные о мифологеме 'шнур' могут быть существенны и для истолкования отмеченной выше связи между хет. išḫamai- 'песнь' и išḫamina- 'шнур').

[94] J. Casabona, Recherches sur le vocabulaire des sacrifices en grec des origines à la fin de l'époque classique (Publications des annales de la faculté des lettres Aix-de-Provance, nouvelle série, № 56), 1966, p. 34. О мифологическом превращении человека в волка у греков ср. L. Gernet, Anthropologie de la Grèce antique, Paris, 1968.

тельной присяге» речь идет о человеке, совершившем убийство несмотря на выполненный ранее обряд, превращающий врагов в сородичей: «тот из вас, кто нарушит заключенный мир и совершит убийство несмотря на принесенные обеты, тот пусть будет волком, гонимым и преследуемым везде, где люди охотятся на волков»[95]. Если хеттский контекст является юридическим, а древнегреческий ритуальным, то древнеисландский занимает промежуточное положение. Возможно, что сходный оборот сохранялся и в осетинском, судя по глаголу zbĭræγun 'оволчиться, озвериться'[96]; В. Ф. Миллером указан контекст z-biræγ I— (или ssĭ) 'он стал волком'[97], звучащий как перевод цитированной статьи хеттских законов. Изначально сакральный (а не чисто юридический) характер этих выражений очевиден: их связь с ритуальными и мифологическими представлениями о людях-оборотнях, становящихся волками (в частности, в славянских традициях)[98], еще заслуживает внимательного изучения. Для сопоставления именно с хеттским (и осетинским) материалом немалый интерес могут представить грузинские и общекартвельские (в частности, сванские) поверья о волках, основанные на представлении о параллелизме волчьей стаи и рода[99], ср. аналогичное уподобление в древнехеттском завещании Хаттусилиса I («ваш род — pankur[100]— да будет единым как волчий»).

Во всех рассмотренных случаях типологические сопоставления оказываются возможными благодаря наличию семиотических универсалий, которые могут помочь в истолковании древнего текста; последний, в свою очередь, важен для датировки древнейших примеров соответствующего универсального явления.

---

[95] А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, стр. 113—114; М. И. Стеблин-Каменский, Культура Исландии, Л., 1967, стр. 64; «Isländisches Recht. Die Graugans», Weimar, 1937, SS. 191—192.

[96] В. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь, т. 1, Л., 1927, стр. 351.

[97] В. Ф. Миллер, Язык осетин, стр. 134, § 87, 2. Но ср. возражения В. А. Абаева, там же, стр. 187, против языковой формы второго оборота (с повторением приставки при глаголе и имени).

[98] R. Jakobson and M. Szeftel, The Vseslav Epos. — R. Jakobson. Selected Writings, vol. IV. The Hague, 1966.

[99] G. Charachidzé, Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968, p. 482. Ср. о культе волка В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, и специальную работу Г. В. Церетели, еще остающуюся в рукописи.

[100] Относительно pankur как обозначения группы родственников см. N. Oettinger. Die militärischen Eide der Hethiter (Studien zu den Boğazköy—Texten. Heft 22). Wiesbaden, 1976, 5,39.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

W. BOEDER

(Universität Oldenburg)

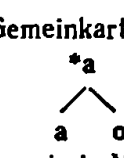
ÜBERLEGUNGEN ZUR HISTORISCH-VERGLEICHENDEN SYNTAX

Die historisch-vergleichende Syntax einer Sprachgruppe ist Teil einer Theorie der historischen Entwicklung dieser Sprachen, ihres gemeinsamen Ursprungs, ihrer Verwandtschaft und ihrer verschiedenen Entwicklung. Wie in der indogermanischen Sprachwissenschaft hat auch in der kartwelischen Sprachwissenschaft die historische Phonologie bisher den grössten Raum eingenommen. Die historische Phonologie liefert den entscheidenden Beweis für die Verwandtschaft von Sprachen. Die historisch-vergleichende Syntax spielt für diesen Beweis und für die Feststellung der einzelnen Verwandtschaftsverhältnisse fast keine Rolle. Abgesehen von einem Mann wie B. Delbrück haben die Indogermanisten die systematische Erforschung der indogermanischen Syntax meist sehr vernachlässigt. Dafür gibt es mehrere Gründe: Die indogermanischen Sprachen sind in ihren zentralen syntaktischen Strukturen nicht allzu verschieden voneinander. Ausserdem stand keine syntaktische Theorie vom Niveau der phonetischen und morphologischen Theorie zur Verfügung. Schliesslich aber ist auch die Etymologie nach allen Erfahrungen besser geeignet, um die genauen Verwandtschaftsverhältnisse einer Sprachgruppe zu rekonstruieren. — Die historische Phonologie behandelt den mehr «materiellen» Teil der Sprache. Wenn ein Phonem A zu B wird, wird es unter den gleichen Bedingungen i m m e r zu B, ähnlich wie bei einem naturwissenschaftlichen Experiment. Aber die Syntax ist mehr der Semantik verwandt. Ein neues Wort oder eine neue Bedeutung verändern nicht notwendig das alte System. Ebenso verändert eine neue syntaktische Konstruktion nicht notwendig die anderen syntaktischen Konstruktionen, und die Veränderung einer syntaktischen Regel muss nicht notwendig immer dann eintreten, wenn sie möglich ist. In der Terminologie der Transformationsgrammatik gesprochen handelt es sich um eine optionale Regel («optional rule»). Ein Beispiel: Georgische Konsekutivsätze können durch die Konjunktion რომ r o m «dass» eingeleitet werden. Wenn aber ein Demonstrativpronomen auf den Konsekutivsatz hinweist, kann die Konjunktion fehlen:

ისე შემხედა, მივხვდი ise šemxeda, mivxvdi
und: ისე შემხედა, რომ მივხვდი ise šemxeda, rom mivxvdi
'Er sah mich so an, dass ich begriff'.

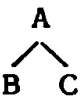
Derselbe Georgier kann beide Sätze benutzen, ohne dass der eine Satz dem einen Dialekt angehört und der zweite Satz einem anderen Dialekt. Wenn man die Hinzufügung von რომ r o m als einen historischen Prozess begreift, so ist diese Hinzufügung ein Fall von Sprachwandel. Aber im Gegensatz zu diesem syntaktischen Sprachwandel unterscheiden Lautveränderungen Dialekte voneinander. Es besteht ein prinzipieller Unterschied zwischen diesem Fall, wo ein Sprecher bald Gurisch, bald literarisches Georgisch spricht und also seinen «code» wechselt, und dem Fall, wo ein Sprecher die Konjunktion რომ r o m beim Konsekutivsatz hinzufügt oder weglässt[1]. Folglich haben die syntaktischen Veränderungen nicht den klar abgrenzenden Charakter der historischen Phonologie. Die Syntax ist durch die Koexistenz verschiedener Konstruktionen gleichen oder ähnlichen Inhalts gekennzeichnet. Das gilt insbesondere auch für die Wörter, die solche Konstruktionen bezeichnen. Šota Ɜiɜiguris Buch über die georgischen Konjunktionen (ქართული ენის კავშირები, თბილისი, 1973) beweist sehr deutlich, welche Variation in diesem Bereich möglich ist.

Von welcher Art ist nun eigentlich eine Theorie der Sprachgeschichte? Wenn man nur die historisch-vergleichende Phonologie betrachtet, sieht sie wie die synchron-deskriptive Theorie einer Sprache aus. Wie sieht eine solche Theorie aus, wann ist sie gut? Eine Theorie der Syntax des Georgischen ist z. B. dann gut, wenn sie alle Tatsachen der georgischen Syntax erfasst und ausserdem den Erfordernissen der allgemeinen Syntaxtheorie (Einfachheitskriterium usw.) entspricht. Die Theorie der historisch-vergleichenden Phonologie sieht zunächst ganz analog aus. Die regelmässigen Lautentsprechungen entsprechen in ihrem «Format» in hohem Masse den Regeln der Syntax. Man kann z. B. folgende Beispiele miteinander vergleichen. Es gibt eine regelmässige Beziehung zwischen georgisch **a** und mingrelisch **o** in den meisten Positionen. Diese regelmässige Beziehung wird dargestellt, indem man sagt, gemeinkartwelisch ***a** sei im Georgischen als **a** erhalten und im Mingrelischen zu **o** geworden:

[1] Selbstverständlich können verschiedene syntaktische Ausdrucksweisen auch verschiedenen Dialekten angehören. — Die Termini «Dialekt», «code» usw. sind in hohem Masse erklärungsbedürftig, aber im vorliegenden Zusammenhang reicht ein intuitives Verständnis aus.

Es gibt noch eine weitere interessante Analogie ausserhalb der Sprachwissenschaft: die Handschriftenstemmata der Philologen. Ein Stemma wie:

ist eine Theorie der Beziehungen zwischen den Handschriften A, B und C. Diese Theorie besagt, dass die Handschriften B und C Gemeinsamkeiten aufweisen, z. B. auch gemeinsame Fehler, die durch die gemeinsame Quelle A erklärt werden können. Die Fehler, die der Schreiber von B beim Abschreiben von A gemacht hat, entsprechen den Lautveränderungen einerseits und den syntaktischen Regeln anderseits. Aber es gibt bekanntlich Fälle, in denen die Überlieferung komplizierter ist. Der Schreiber von C kann z. B. auch von einer weiteren Quelle D abgeschrieben haben. Mit anderen Worten: C ist nicht unbedingt eine homogene Umsetzung von A. Genau diesen Fall gibt es auch in der Sprachgeschichte. Lange Zeit wusste man z. B. nicht, dass das Armenische keine iranische Sprache ist, sondern nur viele Wörter aus dem Iranischen entlehnt hat. Eine historische Theorie der armenischen Sprache kann sich also nicht darauf beschränken, einen bestimmten Teil des Wortschatzes auf eine Ursprache zurückzuführen. Eine Sprache ist in all ihren Teilen das Resultat einer komplexen historischen Entwicklung. Dementsprechend muss auch die Theorie der Geschichte einer Sprache verschiedene Theorien berücksichtigen, z. B. die Historie, die Sprachtypologie und die allgemeine Theorie der möglichen Sprachveränderungen. Unter einem bestimmten Gesichtspunkt liefern all diese Theorien Restriktionen für die Beschreibung der Geschichte der betreffenden Sprache. Dass solche Restriktionen notwendig sind und gegen allzu phantastische Spekulationen über Sprachgeschichte schützen, braucht hier nicht erläutert zu werden..

Im einzelnen sind u. a. folgende Arten von sprachwissenschaftlichen Restriktionen bei der syntaktischen Rekonstruktion von Belang:

a) die allgemeine Grammatiktheorie, die die möglichen grammatischen Regeln und Kategorien beschreibt und sprachliche Universalien feststellt;

b) die Theorie der Sprachtypen, die Erfahrungen über die notwendigen und wahrscheinlichen Zusammenhänge zwischen grammatischen Phänomenen einer Sprache sammelt und erklärt;

c) die Theorie des Sprachwandels, die festlegt, welche Übergänge aus einem Sprachzustand in einen anderen möglich sind;

d) die Etymologie der grammatischen Morpheme, der Konjunktionen usw., d. h. der sog. synkategorematischen Wörter.

Die Restriktionen sichern einerseits die Adäquatheit der Beschreibung, anderseits aber haben sie auch heuristischen Wert, und zwar ganz besonders in der Syntax, wo die Rekonstruktionsmöglichkeiten sehr beschränkt sind. Es ist kein Zufall, dass vergleichende Syntax bisher meist eine Aufzählung ähnlicher Phänomene in den verschiedenen verglichenen Sprachen darstellt, und nicht eine Darstellung ihres genetischen Zusammenhangs. Dies hängt mit

der erwähnten Variationsmöglichkeit im Bereich der Syntax zusammen. Deshalb muss hier besonderer Wert auf Absicherungen aller Art gelegt werden. Anderseits ist hervorzuheben, dass es sich im Prinzip nicht um heuristische Restriktionen handelt, sondern um solche der Theorie. Es geht also nicht um derartige empirische Grundsätze wie etwa die dass man (nach Möglichkeit) nicht nur sich selbst oder nur einen Sprachwissenschaftler oder überhaupt nur einen einzigen Informanten zu Rate ziehen sollte oder dass man für die Ursprache postulieren darf, was wenigstens in zwei (oder drei) Sprachen der betreffenden Sprachfamilie bezeugt ist (was allerdings ein zweifelhafter Grundsatz ist).

Zunächst einige Überlegungen zu vermuteten universalen Eigenschaften grammatischer Kategorien.

In vielen Sprachen gibt es die Erscheinung des sog. Synkretismus; d. h., zwei oder mehrere Kategorien, deren Existenz sonst gesichert ist, fallen formal zusammen, zu ihrem Ausdruck gibt es in bestimmten Umgebungen nur eine Form. Im Lateinischen gibt es z. B. zweifellos einen Dativ und einen Ablativ, aber im Plural aller Deklinationen fallen diese beiden Kasus zusammen. Ähnlich ist es in den anderen indogermanischen Sprachen. Im Altindischen gibt es ausserdem einen Dual und in diesem Numerus ist der Synkretismus noch stärker: Für acht Kasus gibt es nur drei Formen. Eine solche Erscheinung ist nicht rein morphologische Formvariation, sondern hat mit den grammatischen Kategorien zu tun, die durch die betreffenden Formen ausgedrückt werden. Man kann vielleicht folgendes Prinzip formulieren; Je grösser die Anzahl der positiven grammatischen Kategorien ist, die durch eine Form ausgedrückt werden, desto grösser ist die Wahrscheinlichkeit des Synkretismus. Der Plural bezeichnet die positive Kategorie der Vielheit; der Singular ist dagegen merkmallos, er bezeichnet keine Anzahl. Der Dual hat gegenüber dem Plural nicht nur das Merkmal der Vielheit, sondern auch das positive Merkmal der Zweiheit (als Spezialfall der Vielheit). So erklärt sich der starke Synkretismus im Dual. Das bedeutet, dass der Synkretismus des georgischen Typus კაც-თა k a c - t a (Genitiv, Dativ, Ergativ Plural von კაც- k a c - «Mann, Mensch») natürlich und ursprünglich ist und dass die Annahme einer älteren differenzierteren Pluraldeklination überflüssig ist.—Ein zweites Beispiel: Im Indogermanischen gibt es einen Richtungskasus, den Akkusativ, der gleichzeitig Kasus des direkten Objekts ist. In den Kartwelsprachen gibt es weder einen Akkusativ, noch einen Richtungskasus. Ort und Richtung sind neutralisiert. Ich vermute, dass ein innerer, semantischer Zusammenhang zwischen Akkusativ und Richtungskasus besteht und dass solche Sprachen, die keinen Akkusativ haben, auch keinen Richtungskasus haben (was nicht ausschliesst, dass bei den Postpositionen Ort und Richtung unterschieden werden). Das Fehlen eines Akkusativs und eines Richtungskasus in den Kartwelsprachen ist also als gleichursprünglich anzusehen.

Nun ein Beispiel für die Theorie der möglichen Sprachveränderungen. Hier ist noch wenig Zuverlässiges bekannt, aber sicher ist nicht j e d e Veränderung möglich, weder in der Phonetik noch in der Syntax. Es ist an-

scheinend z. B. kein Fall bekannt, in dem eine syntaktische Regel komplizierter geworden wäre[8]. Ein gutes Beispiel für dieses Problem ist die Regel für den Ergativ in den Kartwelsprachen. Im Georgischen und Swanischen lautet die Ergativregel vereinfacht etwa so:

$$\begin{array}{ccccc} \left[\begin{array}{l}\text{Nomen}\\ \text{Subjekt}\end{array}\right] & - & \left[\begin{array}{l}\text{Verb}\\ \text{transitiv}\\ \text{Aorist}\end{array}\right] & & \\ 1 & & 2 & & \\ \rightarrow \left[\begin{array}{l}1\\ \text{Ergativ}\end{array}\right] & & 2 & & \end{array}$$

D. h. bei einem transitiven Verb im Aorist steht das Subjekt im Ergativ. Im Mingrelischen dagegen lautet die Regel so:

$$\begin{array}{ccc} \left[\begin{array}{l}\text{Nomen}\\ \text{Subjekt}\end{array}\right] & \left[\begin{array}{l}\text{Verb}\\ \text{Aorist}\end{array}\right] & \\ 1 & 2 & \\ \rightarrow \left[\begin{array}{l}1\\ \text{Ergativ}\end{array}\right] & 2 & \end{array}$$

D. h. bei jedem Verb im Aorist steht das Subjekt im Ergativ (კოჩქ დოჭარუ ḳočk doč̣aru «der Mann hat geschrieben» und კოჩქ დოღურუ ḳočk doγuru «der Mann ist gestorben»). Für den klassischen Strukturalisten ergibt sich bei diesen beiden Regeln die Schwierigkeit, dass «Ergativ» in der ersten und zweiten Regel nicht dasselbe bedeuten. Ich kann hier auf dieses aus der vergleichenden Phonologie bekannte Problem nicht eingehen und möchte nur darauf hinweisen, dass die Termini der Strukturbeschreibung der beiden Transformationsregeln in ihrer Identität gesichert sind und dass deshalb auch die Regeln insgesamt vergleichbar sind. — Wenn man annimmt, dass für die gemeinkartwelische Grundsprache nur eine einzige Regel galt, und wenn das genannte Prinzip richtig ist, dann stellt die mingrelische Regel eine formale Vereinfachung dar (wie an der Zahl der Termini abzulesen ist) und die georgisch-swanische Regel ist ursprünglicher als die mingrelische (wie es wohl auch schon immer angenommen wurde). Es bleibt allerdings eine empirische Frage, ob das Prinzip der Regelvereinfachung allgemeingültig ist.

Es ist eine interessante Frage, inwieweit allgemeinere historische Tendenzen des Sprachwandels wissenschaftlich befriedigend erfasst werden können. So scheint es eine Tendenz der Entwicklung semantisch orientierter Kategorien zu mehr formalen Kategorien zu geben («Nominalklassen» werden zu grammatischen Genera, der «Casus activus» wird zum grammatischen Kasus und dgl.; vgl. dazu etwa die letzten Arbeiten von G. A. Klimov).

Ein letztes Beispiel soll zeigen, was Etymologie und typologischer Ver-

[8] Anderseits können neue Regeln hinzugefügt werden.

gleich bei syntaktischer Rekonstruktion hergibt. Für den Vergleich mit den Kartwelsprachen bieten sich seit langem die indogermanischen Sprachen an. Spätestens seit dem Buch von Tamaz Gamqrelize und Givi Maṭavariani (სონანტთა სისტემა და აბლაუტი ქართველურ ენებში. თბილისი, 1965) ist klar, dass die Übereinstimmungen zwischen dem Urkartwelischen und Urindogermanischen nicht zufällige Ähnlichkeiten sein können, sondern dass strukturelle Analogien bis in die Einzelheiten hinein bestehen. Auf dem Gebiet der grammatischen Kategorien haben G. Deeters und K. H. Schmidt schon sehr früh auf Analogien hingewiesen. Natürlich gibt es auch Unterschiede, z. B. im Kasussystem das Fehlen eines Akkusativs (d. h. eines besonderen Kasus für das direkte Objekt), im Verbalsystem die Objektszeichen und das სუბიექტური s a s x v i s o. In anderen Fällen ist aber noch unklar, ob der Unterschied ursprünglich ist. Ein Beispiel: Die drei Negationen georgisch არ a r, ნუ n u und უ -u- enstprechen indogermanisch *n e, * m ā, und *n̥. Aber wie ist georgisch ვერ v e r zu beurteilen, dessen Analogon auch im Swanischen existiert, nicht aber im Mingrelischen? Wenn mingrelisch ვარ v a r und georgisch ვერ v e r etymologisch identisch sind, kann *w e die alte Negation sein und zwar die Vollstufe zu georgisch უ-u-. Dann hätten wir die Proportion kartwelisch *w e: *w = indogermanisch*ne: *n̥.
(-რა -r a in georgisch ვერა v e r a, არა a r a ist wohl identisch mit რა r a im Sinne von «etwas»; vgl. die Etymologie von deutsch n i c h t, französisch n e... p a s u. dgl. Der formale Sachverhalt wird übrigens durch die Semantik von altgeorgisch ვერა v e r a bestätigt, wie an anderer Stelle ausgeführt werden soll).

Solche Analogien sind besonders dann von Interesse, wenn sie von den entsprechenden Phänomenen der benachbarten Kaukasussprachen abweichen. Das m. E. wichtigste Factum dieser Art im Bereich der Syntax ist folgendes: Die Kartwelsprachen haben als einzige unter den kaukasischen Sprachen im engeren Sinne wie die indogermanischen Sprachen untergeordnete Sätze (Konjunktionalsätze, Relativsätze), d. h. Sätze, deren Prädikat in der gleichen Form auftritt wie das Prädikat des Hauptsatzes. Die anderen kaukasischen Sprachen haben als Prädikatsformen der Unterordnung Partizipien, Infinitive, Gerundia. Auf Grund dieser allgemeinen Beobachtung erscheint der syntaktische Vergleich zwischen diesen Sprachen sinnvoller als der Vergleich mit beliebigen anderen Sprachen. Bei diesem Vergleich sind die meisten Analogien zu erwarten.

Mein Beispiel betrifft den Zusammenhang zwischen Konjunktionen und Pronomina in den indogermanischen und den Kartwelsprachen, insbesondere bei der Konjunktion «und». — Zunächst einige Fakten zu den indogermanischen Konjunktionen:

1) Aus der vergleichenden Morphologie der indogermanischen Sprachen ist seit langem bekannt, dass fast alle Konjunktionen pronominalen Ursprungs sind.

2) Die Konjunktion *k^{w}e «und» ist formal der reine Stamm des Relativpronomens. Vgl. die Proportion der lateinischen Wörter -q u e: q u o- =p a t r o n e (Vokativ): p a t r o n o-.

3) Jacob Wackernagel hat dargelegt, dass *k^{w}e nicht nur «und» bedeutet hat, sondern auch «wenn». Er nimmt an, dass *k^{w}e die älteste indogermanische Konjunktion ist.

4) Das Relativpronomen hat in bestimmten Kontexten deiktische Bedeutung, nämlich im sog. relativen Anschluss (z. B. lateinisch q u a m o b r e m «deshalb» usw.)[3].

5) Eine Analyse der verschiedenen Wörter für «und» in den indogermanischen Sprachen zeigt, dass auch andere Pronominalstämme wie y o- und n o- für «und» gebraucht wurden.

Der Zusammenhang zwischen diesen Fakten besteht in folgendem: Die deiktischen Pronominalstämme können sich auf vorhergehende Sätze bzw. Sachverhalte beziehen und werden dann zu Konjunktionen. Diesen Vorgang kann man sich zunächst an folgendem Beispiel klar machen:

Mt. 6,10. γενεθήτω τὸ θέλημά σου ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς

ხიყავნ ნებაჲ შენი, ვითარცა ცათა შინა, ეგრეცა ქუეყანასა ზედა.

xiqavn nebaj šeni vitarca cata šina, egreca kueqanasa zeda.

fiat voluntas tua sicut in caelo et in terra.

«dein Wille geschehe wie im Himmel (al)so (auch) auf Erden» (d. h. «...so geschehe er auf Erden»).

Das «so» kann die Bedeutung «und» erhalten (in der lateinischen Übersetzung steht e t). Die Genese von satzverbindendem koordinierendem u n d wäre dann durch folgende schematische Paraphrase darstellbar:

{ Ich (d. h. der Sprecher) sage: Satz 1.
{ So sage ich (auch): Satz 2.

→ Satz 1 und Satz 2

Dass auch subordinierende Konjunktionen so verstanden werden können, ist seit langem bekannt. Deutsch d a s und d a s s sind historisch (und phonetisch) dasselbe Wort. Im älteren Deutsch lautet der Satz:

Wenn du willst, komm her!

auch: So du willst, komm her!

(Vgl. noch lateinisch s i «wenn» neben s i - c «so»)

Eine genaue Analyse der Beziehung zwischen Demonstrativpronomina und Konjunktionen kann nur im Rahmen der Transformationsgrammatik durchgeführt werden. Hier genügt die Feststellung, dass der Zusammenhang zwischen den Pronomina und «und» in den indogermanischen Sprachen nicht zufällig ist.

Wie sieht es nun in den Kartwelsprachen aus? Die bekannteste Konjunktion ist georgisch და d a, mingrelisch დო d o. Die Etymologie von და d a kenne ich nicht, seine Syntax bietet noch eine Reihe Probleme, die ich nicht verstehe. Es ist aber von Interesse, dass das mingrelische Enklitikon და d a «wenn» bedeutet. Vgl.

---

[3] Vgl. Simon Qauxčišvili: ბერძნულ-ქართული სემასიური პარალელები. 4. რომელი. თბილისის უნივერსიტეტის შრომები, 30/I b (1947), 421—428. Griechisch ὅτι wird in Luk. 7,7 mit რომლისაგან r o m l i s a g a n übersetzt. Qauxčišvili bringt auch Beispiele für die anderen Kasus. Ich halte eine Entlehnung dieses syntaktischen Gebrauchs für nicht ausgeschlossen.

გოკონდა, ქმორთი gokonəda, kəmorti
«wenn du willst, komm her»

Weiter führt hingegen die Partikel -ც -c:

1) Sie ist enklitisch wie indogermanisch *k^{w}e;

2) sie tritt beim Relativpronomen auf, wie im Griechischen τε: რომელიც r o m e l i - c ~ ὅς-τε (in beiden Sprachen ist das Enklitikon nicht obligatorisch);

3) sie bedeutet «auch» (=«so» wie *k^{w}e, und zwar insbesondere).

4) bei der Negation, die wie in den indogermanischen Sprachen wiederholt wird: georgisch არც ... არც a r - c... a r - c ~ lateinisch n e- q u e... n e - q u e.

Nur in der Bedeutung «und» und «wenn» im üblichen Sinne tritt -c(a) nicht auf. Aber auch in den indogermanischen Sprachen ist ursprüngliches —*k^{w}e überall durch neue Wörter ersetzt worden, und zwar durch verschiedene Wörter, was auf sekundären Ursprung schliessen lässt. Die neuen Wörter für «und» sind alle keine Enklitika mehr, sondern stehen zwischen den Sätzen, die sie verbinden — wie georgisch და d a bzw. mingrelisch დო d o (und დე d a).

Mingrelisch თი -t i hat praktisch die gleiche Distribution wie -ც -c: a) მა-თი m a - t i ~ მეც m e - c «auch ich»; b) ვართი... ვართი v a r - t i... v a r - t i ~ არც... არც a r - c... a r - c.

Die Kartwelologen haben unter Hinweis auf ähnliche phonetische Varianten dieses -თი -t i mit georgisch -ც -c identifiziert[4] und den deiktischen Charakter von -თი - t i hervorgehoben, das im Mingrelischen Demonstrativpronomen ist und georgisch ის i s «jener; er» entspricht. Es scheint möglich, ein pronominales Element თ-t- zu isolieren, das funktional indogermanisch *k^{w}e entspricht. Eine abschliessende Beurteilung dieses Falles müsste natürlich alle Formen der Unterordnung in den Kartwelsprachen einbeziehen, insbesondere die als Relativpronomina auftretenden Frage- bzw. Indefinitpronomina რომელ r o m e l und რა r a bzw. ვინ v i n, aber auch თუ t -u (vgl. ან - u «oder»), dessen erstes Element sich vielleicht zu mingrelisch თი t-i verhält wie swanisch ლახ l a- x zu ალა a l a «dieser».

Der wesentliche Punkt bei diesem Beispiel ist nicht eine auf Analogie gegründete Etymologie (die wegen der geringen «Substanz» der verglichenen Elemente höchstens als möglich oder wahrscheinlich gelten kann). Ein solcher Fall wäre etwa altgeorgisch გინა, გინდა(ც) g i n a, g i n d a (c) im Sinne von ანდა a n d a «oder»; «oder» wird in vielen Sprachen durch eine zweite Person Singular des Präsens von «wollen» ausgedrückt (lateinisch v e l, litauisch n o r s usw.). Wichtig ist vielmehr, dass bei der Analogie von *k^{w}e und -c. bzw. -t eine ganze Serie von Analogien vorliegt (auch von rein formalen Analogien wie Enklise), die durch die Kombination von Etymologie, typologischem Vergleich und allgemeiner Syntaxtheorie (Theorie der Satzverbindung) zum Vorschein kommt.

[4] Vgl. die analoge Beziehung zwischen altgeorgisch დ ი „თუ tu» (<*di) und swanisch. დო d o bei V. Topuria: ძი ნაწილაკი ქართულში. ენამკის მოამბე. 14 (1944), 171—177.

Diese informellen Überlegungen betreffen nur sprachwissenschaftliche Gesichtspunkte. Darüber hinaus aber sind, wie gesagt, auch rein historische Tatsachen Bestandteil einer Sprachgeschichte. Plausibilitätsüberlegungen in diesem Bereich sind keineswegs trivial und sind auch für die Rekonstruktion der Syntax von Bedeutung, etwa bei «Substrat»fragen. Neben dem typologischen Vergleich zwischen Urindogermanisch und Urkartwelisch muss auch die entsprechende historische Frage gestellt werden, damit die Analogien ihr volles Gewicht bekommen. (Es muss also z. B. gefragt werden, welche Kontakte zwischen beiden Sprachgruppen historisch plausibel sind). Aber die Historie liegt meist ausserhalb der Forschungstätigkeit des Sprachwissenschaftlers und die Unabhängigkeit der Argumentation ist methodisch sicher von Vorteil.

აღმოსავლური ფილოლოგია ═══ ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

K. H. SCHMIDT

(Universität Bonn)

KASUS, PRÄVERB UND POSTPOSITION IN DEN KAUKASISCHEN SPRACHEN

G. Deeters hat das typologische Verhältnis des grammatischen Baus der ostkaukasischen Sprachen zu dem der westkaukasischen Sprachen auf die markante Formel gebracht: «Im übrigen aber bilden die OKS und die WKS ihrem Bau nach geradezu Gegensätze: die ersteren werden beherrscht von der Kategorie der Nominalklassen, haben ein unpersönliches Verbum und drücken die Beziehungen im Satz durch Kasus und Postpositionen aus; die letzteren sind synthetisch, mit einem polypersonalen Verbum und Präverbien statt Kasus zur Bezeichnung der syntaktischen Verhältnisse»[1]. Als Beispiel für die OKS sei auf das Awarische mit seinen «Orders»[2] verwiesen: An den mit dem Stamm des Wortes zusammenfallenden grammatischen Nominativ als «Grundform 1. Ordnung»[3] wird zur Bildung der «Grundform 2. Ordnung» oder «Ableitungsform 1. Ordnung» das Ergativmorphem gefügt; von dem so gebildeten Ergativ werden die übrigen Kasus als «Ableitungsformen 2. Ordnung» abgeleitet: Nominativ w a s 'Junge'→Ergativ w a s - a. - s→ Genitiv w a s - a. s - u - l, Dativ w a s - a. s - e, Lokativ 1 w a s - a. s - d a usw. Die fünf Lokativ-Serien sind jeweilig nach Lokativ (als Basis-Form), Allativ und Ablativ differenziert.

Das hier erkennbare «princip dvuch osnov»[4] stellt sich anders dar in der

[1] G. D e e t e r s, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, in: Revue de Kartvélologie 23 (1957) 13; im folgenden verwende ich die Abkürzungen KS=Kaukasische Sprachen, WKS=Westkaukasische Sprachen, OKS=Ostkaukasische Sprachen, SKS=Südkaukasische Sprachen, idg.=indogermanisch.

[2] Zum Terminus vgl. H. A. G l e a s o n, An Introduction to Descriptive Linguistics. Revised Edition (New York, 1966) 112.

[3] J. B e c h e r t, Zu den Teilen des einfachen Satzes im Awarischen, KZ 85 (1971) 134—177; das Zitat wurde S. 135 entnommen.

[4] Vgl. A. A. M a g o m e t o v, Tabasaranskij jazyk (Tbilissi, 1965) 97: «ot imenitelnogo padeža... obrazuetsja ergativ, a ergativ ležit v osnove kosvennych padežej». Die hier vorliegende morphologische Differenzierung ist das morphologische Gegenstück zu der von N. Trubetzkoy, Mélanges de Linguistique offerts à Charles Bally (Genf 1939) 78 erkannten syntaktischen Differenzierung: «il n'y a dans ces langues qu'un unique «cas déterminant immédiat» opposé d'une part à plusieurs cas déterminants non-immédiats et d'autre part à un cas non-déterminant («nominatif»)».

Klasse mit Ergativ auf .c a; in dieser werden Nominativ und oblique Kasus grundsätzlich durch die Ablautstufe des Stammes differenziert; der Ergativ bildet andererseits nicht die Grundlage für die übrigen obliquen Kasus, sondern wird vielmehr parallel zu diesen von der zweiten Stammform abgeleitet: Nominativ t u m a n ķ «Gewehr»→Ergativ t u n ķ—i—. c a, Genitiv t u n ķ—i l usw. L. I. Žirkov[6] hat diese Klasse als archaisch (a r c h a i - č e s k o e s k l o n e n i e) bezeichnet, und es ist wahrscheinlich, daß die «Wurzelflexion» als ältester erkennbarer Typus in dem Modell der OK-Grundsprache eine grundlegende Funktion zur Differenzierung von Rectus und Obliquus gehabt hat[8]. Nach dem Ausbau der auf Kasusmorphemen aufbauenden Deklination mit dem Ergativ an der Spitze wurde der morphonematische Wechsel der Stammformen als redundantes Merkmal weitgehend durch Ausgleich beseitigt[7]. Die Frage verdiente eine Einzeluntersuchung.

Die dem Awarischen als Beispiel für eine OKS fehlenden Präverbien[8] gehören umgekehrt zu den Korrelaten, die den Typus der WKS bestimmen. Die adygheische Grammatik[9] unterscheidet zwischen Richtungs- und Lokalpräverbien. Von letzteren wird ausgesagt, daß sie «annähernd die gleichen Funktionen erfüllen, wie die Lokalkasus in der Daghestan-Sprachen» (Rogava-Keraševa, 1. c. 114), was genauer zu untersuchen wäre.

Vom historischen Gesichtspunkt aus erweisen sich sowohl die Lokalpräverbien als auch die Lokalkasus als sekundär entstandene Transformationsergebnisse: in den WKS ist Tmesis von Präverb und Verb bei gleichzeitiger Inkorporation verbaler, nominaler, pronominaler, modaler u. a. Elemente eine geläufige Erscheinung[10]; die Belege von Tmesis sind aber relativ-chronologisch älter als die Univerbierung von Präverb und Verb. In den OKS deutet besonders das 'princip dvuch osnov' auf den sekundären Charakter auch der postponierten Lokalkasus hin[11].

---

[6] Avarsko-russkij slovar' (Moskau 1936) 169.

[8] Vgl. auch G. D e e t e r s, Die Kaukasischen Sprachen, in: Handbuch der Orientalistik 7 (Leiden-Köln 1963) 66f.; N. S. T r u b e t z k o y, Der Bau der ostkaukasischen Sprachen, in: Wiener Slavistisches Jahrbuch 11 (1964) 23—30, besonders 28f.; zu einem sprachtypologisch noch älteren Modell binärer bzw. fehlender Kasusflexion vgl. G. A. K l i m o v, K charakteristike jazykov aktivnogo stroja, VJ 1972/4, 3—12, besonders 10.

[7] Vgl. J. K u r l e o w i c z, The Notion of Morpho(pho)neme, in: W. P. L e h m a n n — Y. M a l k i e l (Hrsg.), Directions for Historical Linguistics (Austin-London 1963) 65—91, besonders 70f. «We call morphonemic a stage within a morphological (derivational) process or transformation, which is redundant from the morphological (semantic, syntactical) standpoint, but significant from the phonemic (diacritic) point of view».

[8] Vgl. A r n. Č i k o b a v a, I. I. C e r c v a d z e, Xunjuri ena (Tbilissi, 1962) 232: «zmna preverbs ar dairtavs da, mašasadame, am sašualebit ver gamoxatavs mokmedebis mimartulebas (an process) sivrceši (am mnišvnelobit gamoiqeneba adgilobiti brunvis pormebi saxeilsa)».

[9] G. V. R o g a v a, Z. I. K e r a š e v a, Grammatika adygejskogo jazyka (Krasnodar-Majkop 1966) 112 ff.

[10] K. V. L o m t a t i j e, zmnis inpiniturl çarmoebis ķvali jvel kartulši, IKJ 9—10 (1958) 111—119; Rogava-Keraševa 282ff.

[11] Vgl. auch G. I. M a č a v a r i a n i, The System of the Ancient Kartvelian Nominal Flection as compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European Langu-

Es liegt nahe, von den Transformen, d. h. den Lokalpräverbien bzw. Lokalkasus, auf ihren Operanden-Status als Satzadverbien zu schließen[12]. Als typologische Parallele bieten sich in diesem Zusammenhang die idg. Sprachen an, in denen Präpositionen und Postpositionen bzw. Präverbien ebenfalls aus Satzadverbien transformiert worden sind. Hierzu bemerkt J. Wackernagel: «Die prinzipiell altertümlichste Verwendung der Präpositionen ist die adverbiale, bei der sie nicht in näherer Beziehung zu einem andern Satzteil, sei es Nominalkasus, sei es Verbalform, stehen»[13]. Im Gegensatz zu Wackernagel betonen F. Sommer[14] und Karl Brugmann[15] die zeitliche Abfolge der Transformationen, die sich generativ folgendermaßen darstellen läßt:

1) VP→[Adv.+V]+[NP][16]
2) [Adv.+V]+[NP]→[V]+[Präpositionen/ Postpositionen+NP]

Brugmann bemerkt dazu: «Erscheint diese Art von engerem begrifflichen Verhältnis[17] insofern als eine ganz natürliche, als das Adverbium ja schon von Haus aus dazu diente, gerade das Verbum näher zu bestimmen, so beruht die zweite Art des Gebrauchs, die engere Verbindung mit einem nominalen Wort, auf einer syntaktischen Gliederungsverschiebung».

Die WKS und OKS unterscheiden sich von diesem Befund dadurch, daß den WKS die «Gliederungsverschiebung» fehlt, während die OKS ausschließlich «die engere Verbindung mit einem nominalen Wort» aufweisen. Die Transformationsergebnisse in den WKS und OKS sollten zu einer grundsätzlichen Überlegung Anlaß geben und auch für das Idg. zu der Frage führen, ob die Transformation von Adverbien zu Präpositionen/Postpositionen immer über Präverbien gelaufen sein muß.

Daß in den OKS über die Postpositionen hinaus einzelsprachlich auch Präverbien entwickelt werden konnten, zeigen die Samursprachen, in denen wir Lokalkasus neben Lokalpräverbien finden[18]. Umgekehrt kommen

---

ages, in: L. Dezsö, P. Hajdú (Hrsg.), Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages (Budapest 1970, 165—169), 167 «if we overlook the minor difference caused by the so-called postpositional cases of the North Caucasian languages, which are clearly secondary from historical viewpoint».

[12] Zu den Termini vgl. I. Fodor, The Rate of Linguistic Change (The Hague 1965) 11: «... the state of the language system before the changes is the operand, and the result of the changes the transform».

[13] J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax II (Basel 1926) 165.

[14] F. Sommer, Vergleichende Syntax der Schulsprachen (3. Aufl. 1931) § 51.

[15] Grundriß der vergleichenden Grammatik der idg. Sprachen II, 2, 1 und 2 (Zweite Bearbeitung: Straßburg 1911) 761.

[16] Abkürzungen: VP=Verbalphrase, V=Verb, NP=Nominalphrase.

[17] Gemeint ist «die Präverbierung» (K. H. S.).

[18] Vgl. B. Talibov, K voprosu o strukture imennych i glagol'nych osnov v lezginskich jazykach, in: Materialy pervoj sessii po sravnitel'no-istoričeskomu izučeniju iberijsko-kavkazskich jazykov (Machačkala 1969) 80—99; K. H. Schmidt, VJ 1972/4 24.

in den WKS Postpositionen auf, die allerdings in der Regel auf Nomina zurückgehen. Rogava-Keraševa, l. c. 91 bemerken dazu: «Količestvo nastojaščich poslelogov v adygejskom jazyke ograničeno, tak kak v nem funkciju poslelogov vypolnjajut glagol'nyje pristavki». Dem idg. Modell näher kommen die SKS, die Postpositionen neben Präverbien aufweisen. Diachron-typologisch verhalten sich die SKS in Hinblick auf die Reihenfolge der Transformationsprozesse dem Idg. isomorph:

1) VP→[Adv.+V]+[NP]
2) [Adv.+V]+[NP]→[V]+[Postpositionen+NP]

Beide Prozesse sind in historischer Zeit noch erkennbar: einerseits zeigt sich das nur relative Alter der Präverbierung an den altgeorgisch und svanisch vorliegenden Beispielen von Tmesis[19]; andererseits liegt die Fusionierung postpositionaler Elemente mit der vorangehenden Kasusform altgeorgisch noch nicht vor: altgeorgisch k a l a k - s a š i n a, k a l a k - i t - g a n, k a l a k - a d - m d e→neugeorgisch k a l a k - š i, k a l a k - i d a n, k a l a k - a m d e;[20].

Sieht man von den aus Postpositionen gebildeten Kasus ab, so ergibt sich für die SKS ein «grammatisches» Kasussystem, bestehend aus 4 Kasus im Singular, das von Maṭavariani, l. c. 166 für die SK-Grundsprache folgendermaßen angesetzt wird.

Singular: Nominative ∅ (*-i and perhaps *-e)
Ergative *-ad, *-d, *-n
Dative *-s
Genitive *-es$_1$, *-is$_1$ (*-s$_1$)

Die Differenzierung von Nominativ und Ergativ ist bei Personennamen neutralisiert. Nominativ und Ergativ sind in dieser Umgebung durch das merkmallose ∅-Morphem markiert[21]. Der altgeorgisch nach flektierendem Prinzip gebildete Plural[22] zeigt dem Singular gegenüber Reduzierung auf ein

---

[19] Vgl. K. H. S c h m i d t, Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen, in: Jubilejnyj sbornik G. S. Achvlediani (Tbilissi 1969) 96—105 mit weiterer Literatur; ders., Zur Sprachtypologie des Ossetischen, in: Revue de Kartvélologie 27 (Paris 1970) 161—168, besonders 160 f.; G. A. K l i m o v, Strukturno-tipologičeskie parallelizmy kartvel'skich i abchazsko-adygejskich jazykov, in: Fonetika, Fonologija, Grammatika. K semidesjatiletiju A. A. Reformatskogo (Moskva 1971) 198 f.

[20] G. A. K l i m o v, Sklonenie v kartvel'skich jazykach v sravnitel'no-istoričeskom aspekte (Moskva 1962) 14.

[21] Dieser Archaismus erinnert nicht nur an die adygheische Parallele, auf die Machavariani, l. c. 168 aufmerksam macht, sondern auch an die u. a. für Nomina propria geltende awarische Klasse mit Ergativ auf —.ca, wenn man davon ausgeht, daß es sich bei diesem Morphem um eine spätere Zufügung handelt, da die Opposition Nominativ vs. Ergativ bei den Appellativa dieser Klasse grundsätzlich bereits durch die unterschiedliche Ablautstufe der Stammform hinreichend differenziert war (s. o.).

[22] Vgl. K. H. S c h m i d t, Morphemstellungsprobleme, KZ 85 (1971) 178 ff.

binäres Modell, das aus Nominativ auf {*-en, -n} und Obliquus auf {-*et, -t} besteht; die geringere Differenzierung des Kasussystems macht den merkmalhaltigen Charakter des Plurals deutlich[23].

Mačavariani, l. c. 167 vergleicht das aus 4 Kasus im Singular bestehende System der SKS mit den «four basic cases of the Avar language (Nominative, Ergative, Dative and Genitive)». Die sicherlich sehr alte «symbolische»[24] Differenzierung von Nominativ und Ergativ durch Ablaut und das oben erläuterte «princip dvuch osnov» lassen allerdings den Schluß zu, daß für die OKS auf noch älterer Stufe ein an die tscherkessischen Sprachen erinnerndes binäres Kasussystem, bestehend aus Nominativ und Obliquus, relevant gewesen sein mag[25]. Die sich hierdurch als wahrscheinlich ergebende typologische Übereinstimmung zwischen dem vorhistorisch als binär anzusetzenden Kasussystem der OKS und dem Kasussystem der WKS[26] befindet sich in Einklang mit der Hypothese über genetische Sprachverwandtschaft der WKS und OKS, die durch den Aufsatz von N. S. Trubetzkoy, WZKM 37 (1930) 76—92 beträchtlich an Sicherheit gewonnen hat. Die in historischer Zeit erkennbare typologische Ähnlichkeit zwischen den WKS und den SKS[27] müßte demnach das Ergebnis späterer Transformationen sein, ein Fragenkomplex, der weiterer Überprüfung bedarf.

Wenn man die Frage nach dem Grund für die unterschiedliche Verteilung der älteren Satzadverbien in den WKS und OKS stellt, so muß man davon ausgehen, daß diese Elemente ein relativ junges Mittel zum Ausdruck der syntaktischen Verhältnisse darstellen. In den WKS (und in geringem Maße in den SKS) war schon vor der Transformation der Adverbien zu Präverbien die inkorporierte Verbalform durch präfigierte Elemente, wie subjektive und objektive Personalpräfixe, Reflexiv- und Reziprozitätsmorpheme oder Versionsanzeiger, modifiziert worden[28]. Dieser weitgehend durch Präfigierung gebildete Bau der polysynthetischen Verbalform scheint in den WKS mit fehlendem Ausbau der Deklination und Aufnahme der alten Satzadverbi-

---

[23] Vgl. J. H. Greenberg, Language Universals (The Hague 1966) 27: «distinctions existing in the unmarked member are often neutralized in the marked categories».

[24] Zum Terminus vgl. E. Sapir, Language (1921) Kapitel 6.

[25] Zur Herkunft der jüngeren tscherkess. Kasusmorpheme -ɕe und {-we, -wə} vgl. A. K. Sagirov, Sravnitel'naja charakteristika sistemy sklonenija v adygskich jazykach, in E. A. Bokarev (Redaktor), Voprosy izučenija iberijsko-kavkazskich jazykov (Moskau 1961) 46—71; als typologische Parallele zu dem vorhistorisch angesetzten OK-Operanden liegt das Idg. Tocharische vor, in dem 'eine Reihe sekundärer Kasus' an die idg. ererbte Obliquusform angefügt wurde (vgl. W. Krause-W. Thomas, Tocharisches Elementarbuch, Heidelberg 1960, 78; Verf., Agglutination und Postposition im Tocharischen, MSS 25, 1969, 105—112).

[26] Für das Abchasische und Abasinische lehrt K. V. Lomtatize, in: Jazyki narodov SSSR, 4. Iberijsko-kavkazskie jazyki (Moskva 1967) 109 und 131 fehlende Deklination.

[27] Vgl. Deeters 1957; Klimov 1971; Schmidt 1972.

[28] Vgl. G. Deeters, Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse 1931, 297; G. A. Klimov 1971, 197 f.; zum Überwiegen der Präfigierung in «Sprachen aktiven Baus», vgl. Klimov 1972, 7f.

en als Präverbien in die Verbalform zu korrelieren. Die westkaukasische Verbalform kommt denn auch den von den Theorien der Dependenzgrammatik und Valenztheorie beeinflußten und auf der Tiefenstruktur aufbauenden Definitionen von Satz bzw. Prädikat durch Fillmore nahe: «Danach besteht der Satz in seiner grundlegenden Struktur aus einem Verb und einer oder mehreren Nominalphrasen, von denen jede aufgrund einer bestimmten Kasusrelation an das Verb gebunden ist»[29] bzw. «The combination of cases that might be associated with a given predicate is the case structure of that predicate»[30]. Diese Definitionen lassen sich durchaus mit der von Deeters 40 Jahre früher gegebenen und nicht auf die Tiefenstruktur bezogenen Bestimmung des abchasischen «Grund Strukturgesetzes» vergleichen: «In der Regel stehen die nominalen Satzglieder ohne Ausdruck ihrer Beziehung zum Satzganzen wie isolierte Blöcke da, und nur vor der Verbalform wird auf sie durch Personalpräfixe, die auch Postpositionen tragen können, Bezug genommen»[31].

Umgekehrt scheint das von Haus aus unpersönliche Verbum der OKS, das allenfalls nur die im zugehörigen grammatischen Subjekt selektiv enthaltene Kategorie der Klasse durch präfigierte Klassenzeichen wiederaufnimmt, mit dem Ausbau der Deklination und der Transformation älterer Satzadverbien zu postponierten Kasus zu korrelieren. Zwischen diesen beiden extremen Typen gibt es verschiedene Zwischenstufen. Dazu gehören die SKS, die typologisch eine im Vergleich zu den WKS gemäßigtere Form des polysynthetischen Verbums aufweisen und sich gleichzeitig von dem WK-Typus durch den Ausbau eines postponierten Kasussystems entfernen. Andererseits wird eine Samursprache wie das Tabassaranische von dem OK-Typus differenziert: die postponierten Kasus werden als Präverbien am Verbum verankert; dadurch entsteht zusätzliche Konkordanz zwischen Verbum und Nominalphrase; der Ausbau einer auf den Agens bezogenen suffigierten Personalflexion erfolgt zusammen mit der Reduzierung der älteren mit dem grammatischen Subjekt konkordierenden Klassenflexion[32]. In Hinblick auf die von uns behandelten syntaktisch-morphologischen Mittel kommen die Normaltypen der WKS und OKS Skaličkas «typologischem Konstrukt» als «Bündel von aufeinander abgestimmten Erscheinungen»[33] näher als die SKS bzw. Samursprachen, die sich diachron-typologisch jeweilig in umgekehrter Richtung den OKS bzw. WKS angenähert haben.

---

[29] Ch. F. Fillmore, Plädoyer für Kasus, in: W. Abraham (Hrsg.), Kasustheorie (Frankfurt/M. 1971) 30=Übersetzung von Ch. F. Fillmore, The Case for Case, in: E. Bach, R. T. Harms (Hrsg.), Universals in Linguistic Theory (New York 1968).

[30] Ch. F. Fillmore, Types of Lexical Information, in: F. Kiefer (Hrsg.), Studies in Syntax and Semantics (Dordrecht-Holland 1969) 116.

[31] Deeters 1931, 295; vgl. G. A. Klimov 1972, 6, der für die «Sprachen aktiven Baus» feststellt: «imennye členy igrajut po preimuščestvu rol' konkretizujuščich oppozicij k sootvetstvujuščim affiksam skazuemogo» und s. A. Sommerfelt, Mélanges van Ginneken (Paris 1937)=Diachronic and Synchronic Aspects of Language (Second Printing: The Hague 1971) 67 zum Georgischen: «Les noms par lesquels on complète la forme verbale ne sont ni sujet ni régime, comme dans nos langues européennes modernes, mais ont des rapports spéciaux avec les éléments exprimés dans la forme verbale».

[32] Vgl. K. H. Schmidt, Probleme der Typologie, in: Homenaje a Antonio Tovar (Madrid 1972) 449 f.

[33] V. Skalička, Ein «typologisches Konstrukt», TLP 2 (1966), 157—163.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

Г. А. КЛИМОВ

АНОМАЛИИ ЭРГАТИВНОСТИ В ЛАЗСКОМ (ЧАНСКОМ) ЯЗЫКЕ

Перед настоящей статьей не ставится задача дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику синтаксической типологии лазского (чанского) языка, послужившей, в частности, одним из объектов разносторонних интересов Г. В. Церетели[1]. Она посвящена главным образом анализу основной специфики функционирующей в нем конструкции предложения, которая, как правило, квалифицируется в качестве эргативной. При этом исходным пунктом рассмотрения является неоднократно формулировавшийся в специальной литературе тезис, согласно которому картвельские языки представляют собой яркий пример типологического преобразования, результирующего в номинативизации их структуры.

Обычно принято считать, что в лазском языке нормы эргативности проводятся несколько более последовательно, чем в других картвельских (до недавнего времени подобного взгляда придерживался и автор). Падеж на -k, как правило, рассматривается здесь в качестве эргативного. Аналогичную квалификацию получает и конструкция предложения с подлежащим в форме данного падежа, не ограниченная в своем употреблении рамками каких-либо определенных временных форм обусловливающего ее глагольного сказуемого. При этом утверждается, что подлежащее при транзитивном глаголе-сказуемом выступает в падеже на -k, а при интранзитивном — в номинативе (окончание -∅).

Между тем, фактическая адекватность подобного решения способна вызвать некоторые сомнения уже в силу того обстоятельства, что ближайше родственный лазскому мегрельский язык обнаруживает особенно далеко зашедший процесс становления импликаций номинативного строя (как известно, в нем нет различия в морфологической трактовке подлежащего при транзитивном и интранзитивном глаголе-сказуемом, во многом унифицирована морфологическая структура транзитивного и интранзитивного

[1] См. Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 17, 19.

глагола). Однако более настораживающими оказываюстя факты самого лазского. Так, подлежащее при форме страдательного залога транзитивного глагола, естественно, оформляется здесь окончанием =∅ (ср. oxori-mušis adu dačxiri do oxori-muši daču 'в его доме занялся огонь и дом его сгорел'). С другой стороны, как это уже неоднократно отмечалось, в некоторых говорах атинского и вицийско-архавского диалектов противопоставление эргативного и «именительного» падежей в настоящее время оказывается полностью или частично снятым[2].

Прежде, чем обратиться к рассмотрению конкретного материала, необходимо отметить определенную условность используемых далее понятий транзитивного и интразитивного глагола, характерную для системы описания номинативных языков. Дело в том, что в отличие от представителей эргативного строя, в которых противопоставление обоих глагольных классов лексикализовано, т. е. находит определенное выражение как в плане семантики, так и в своих проекциях на синтаксический и морфологический уровни (ср. корреляцию эргативной и абсолютной конструкций предложения, различия морфологической структуры глагольных словоформ), и где семантико-формальная диффузность характеризует лишь встречающуюся в них непродуктивную группу так наз. «лабильных» глаголов, в лазском языке единая глагольная лексема сплошь и рядом обладает как переходной, так и непереходной семантикой. К тому же очень часто между транзитивным и интранзитивным глаголом здесь невозможно провести и какое-либо формальное различие. Поэтому для отграничения обоих в соответствии с широко распространенной практикой здесь применяется критерий сочетаемости ~ несочетаемости глагольной лексемы с дополнением в «прямом» падеже на -∅.

Если оставить в стороне отдельные замечания Г. Деетерса и Ж. Дюмезиля о запутанности в лазском употреблении эргатива[3], то до последнего времени в картвелистике по существу не обращалось внимания на факт использования здесь «эргативной» конструкции далеко за рамками построений с транзитивным глаголом, весьма необычный для представителей эргативного строя. Фактически же в нем остается незамеченным большое число интранзитивных глаголов, также задающих предложению эргативообразную схему. Даже самый поверхностный анализ текстового материала позволяет наметить по крайней мере три группы подобных глаголов, постоянно обусловливающих

---

[2] Ср. Н. Я. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. — Материалы по яфетическому языкознанию. II, СПб. 1910, стр. 77—78; А. С. Чикобава, Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами, Тбилиси, 1936, стр. 181, 214.

[3] См. G. Deeters, Das kharthwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der Südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930, стр. 98; G. Dumézil, Recits Lazes (dialecte d'Archavi). — Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV. Paris, 1967, стр. 3. Ср. также Г. А. Климов, Очерк общей теории эргативности, М., 1973, стр. 160.

модель предложения с подлежащим в падеже на -k и прямые аналогии которым нетрудно найти в других картвельских языках (естественно, что приводимые ниже для иллюстрации этого положения глагольные лексемы далеко не исчерпывают их общей совокупности).

Во-первых, это широкая группа, как правило, безобъектных глаголов непереходной семантики, характеризующаяся в финитных формах префиксальным признаком i- (ср. так называемые глаголы типа i-mera 'он царил' грузинской грамматики). Сюда входят, например, o-ǯicin-u 'смеяться', o-xel-u 'радоваться, веселиться', o-bgar-u 'плакать', o-čind-u 'чихать', o-хогоп-u 'плясать, танцевать', o-bir-u 'петь', o-ster(am)-u 'играть', o-paramit-u 'разговаривать', o-ḳus(in)-u 'стонать', o-čališ-u 'работать', o-xwam-u 'молиться', o-ǯer-u 'слушаться, соглашаться', o-badgal-u 'шуметь', mo-šwaǯin-u 'отдыхать', o-čalim-u 'хвастаться', o-patkal-u 'биться', o-pacxal-u 'трепетать, биться', o-nčwir-u 'плавать', o-dušun-u 'думать', o-simad-u 'думать', o-xesaṗ-u 'рассчитывать', соображать', o-ḳwir-u 'удивляться', o-pišman-u 'каяться' и мн. др. Ср. фразовые иллюстрации:[4] 1) mteli-k dido ixelu 'все очень обрадовались' (Г. Карт. 52_{26}); 2) zabuni-k ar kodiḳusinupa... 'как только больной застонет...' (G. Dum I, 124_3); 3) mžwabu-k škurnaten ipatkalu 'жаба от страха стала биться' (G. Dum. II, 145_{13}); 4) oxorǯa-k ɪǯicinu... 'жена засмеялась...' (G. Dum. II, 165_{43}); baba-muši-k imgaru 'его отец заплакал' (Г. Карт. 28_{26}).

Во-вторых, это семантически непереходные и обычно безобъектные глаголы, как правило, употребляющиеся без префикса i- (в их морфологической структуре обычно присутствует лишь показатель лица субъекта, а значительно реже—также косвенного объекта). Ср., в частности, o-mγor-(in)-u 'реветь, мычать', o-xirxin-u 'ржать', o-ṗeṭel-u 'блеять', o-lal-u 'лаять', o-čxi(r)-u 'кричать', o-qur(in)-u 'кричать, орать', o-ḳi(r)-u 'кричать' щебетать (о птицах)' o-ḳarḳal-u 'кудахтать', o-ḳrox-u 'квохтать (о наседке)', do-qir-u 'кукарекать', o-çir-u 'пищать', o-γaγal-u 'говорить (шумно)' o-beǯγ(in)-u 'сердиться, ругаться', o-(n)çḳial-u 'звенеть, звонить', o-patx-u 'встрепенуться', o-bandal-u 'шататься', o-nčḳwal-u 'плевать', o-psim-u 'pissare', o-ʒgum-u 'caccare', o-tqorin-u 'pedere' и др. Ср. следующие фразовые примеры: 1) papazi-k menčḳwalu em waxtis... 'тогда священник плюнул...' (А Чик. 28_{15}); 2) hemu-k-ti dolalu 'он и залаял' (С. Жгенти, 78_9); 3) mčxuri-k peṭelaps 'овца блеет' (А. Чик. 166_8); 4) onçḳialepe-k çḳiales 'колокольчики зазвенели' (С. Жгенти, 77_{23}); 5) mamulepe-k ḳijamtes 'петухи кричали (кукарекали)' (G. Dum. I, 29_6).

В-третьих, сюда же относится группа интранзитивных глаголов, как правило, предполагающих в составе предложения косвенное дополнение в

[4] Приняты следующие сокращения: Г. Карт. — Г. Картозия, Лазские тексты, Тбилиси, 1972; G. Dum. I.—G. Dumézil, Contes Lazes, Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, XXVII. Paris, 1937; G. Dum. II. — G. Dumézil, Récits Lazes (dialecte d'Arhavi), — Documents Anatoliens sur les langues et traditions du Caucase. IV. Paris, 1967; С. Жгенти — С. М. Жгенти, Чанские тексты (архавский диалект), Тбилиси, 1938; А. Чик.—А. Чикобава, Чанские тексты (хопский диалект), Тбилиси, 1929.

форме дательного падежа (в соответствии с этим в их морфологической структуре помимо субъектного показателя обычно содержится префикс косвенного объекта). Ср. такие глаголы как: o-ç̣kedin-u 'смотреть', o-xosar-u 'подсматривать', me-(n)k̦ap-u 'набрасываться', me-č̣iš-u 'догонять', me-č̣k̦om-u 'кусать', o-č̣ang-u 'царапать', o-xwar-u 'пользоваться', mešol-u 'помогать', o-ǯund-u 'целовать', o-xwel-u 'целовать', o-simin-u 'слушаться', o-quǯin-u 'слушаться', o-xweçin-u 'упрашивать, умолять', o-k̦itx-u 'спрашивать', o-ǯin-u 'прислоняться, напирать', o-qogor-u 'любить', o-ǯoxin-u 'звать', o-č̣and-u 'созывать', ge-č̣k̦im-u 'начинать', ge-k̦lim-u 'ухватываться', o-dušman-u 'враждовать', o-k̦ank̦-u 'стучаться', o-purčol-u 'шептать', o-stwin-u 'свистеть' и др. Фразовые иллюстрации: 1) padišai-k biči̦s uǯoxu 'падишах позвал парня' (С. Жгенти, 22_8); 2) padišai-k askeris uč̣andu 'падишах созвал солдат' (С. Жгенти, 45_{10-11}); 3) k̦atu-k moč̣angu Axmedis 'кошка оцарапала Ахмеда' (А. Чик. 104_2); 4) k̦oci-k oxorǯa-mušis axweçen 'муж упрашивает свою жену' (G. Dum. 11, 115_{20}); germak̦oči-k omγorinus kogjoč̣ku 'леший начал реветь' (G. Dum. I, 113_2).

Можно назвать также ряд глагольных лексем, нередко образующих в лазском построения с подлежащим как в форме падежа на -∅, так и в форме на -k (ср., в частности, o-sel-u 'вставать', 'подниматься', o-xcšk-u 'отпускать', o-sarxoš-u 'пьянеть', o-txoz-u 'гнаться, преследовать', o-k̦wandin-u 'просить, попрошайничать' и др.). В текстах засвидетельствованы и непредсказуемые случаи постановки подлежащего в падеже на -k при интранзитивном глаголе.

Однако, в рассматриваемой связи более целесообразно подчеркнуть одно более существенное обстоятельство. Оно заключается в том, что в лазском языке существуют по крайней мере две позиции, в которых оформление подлежащего флексией -k в принципе может, по-видимому, обусловливать любой интранзитивный глагол. Во-первых, это происходит в случае, если далее в составе предложения следует однородное (значительно реже — неоднородное) сказуемое, выраженное глаголом одной из выше перечисленных групп или транзитивным.: ср. 1) noγamisa-k beres naxolu do osterus kogjoč̣ku 'невеста подошла к парню и стала с ним заигрывать' (С. Жгенти, 19_8); 2) oxorǯa-muši-k idu do xuwarda komojonu 'его жена пошла и привела любовника' (С. Жгенти, 42_{35-36}); 3) bere-k... kogexedu, bozot kogoçixunu 'парень... сел и усадил перед собой девушку' (G. Dum., I, 9_{3-4}); 4) arkadaši-muši-k na ren, uçu... 'тот, который его приятель, сказал ему...' (А. Чик., 30_2); 5) Ali-k manǯagere-mušis mextu do uçu -ki... 'Али пришел к своему соседу и сказал ему...' (А. Чик., 89_{31-32};). Во-вторых, такое же явление встречается в случае, если при интранзитивном глаголе-сказуемом имеется обстоятельство в виде «деепричастной» формы глагола какой-либо из перечисленных групп: ср., напр., oxorǯa-k nçijalej—patkalej xoǯaše mendaxtu 'жена голося и с биением пошла к ходже' (G. Dum., II 130_{21}); badi-k xoroner-xoroneri oxoriša idu 'старик, приплясывая, пошел домой' (С. Жгенти, 57_{30-31}).

Если учесть охарактеризованную картину, то станет очевидным, что сфера функционирования падежа на -k в лазском оказывается чрезвычай-

но широкой. Облигаторность оформления им подлежащего не только транзитивных, но и большого числа интранзитивных глаголов-сказуемых (не приходится сомневаться, что сплошное обследование резко расширит список последних, использованный выше в иллюстративных целях), равно как и существующая возможность оформления им подлежащего при любом сказуемом, передающимся интранзитивным глаголом, сразу же ставит под сомнение адекватность его функциональной квалификации как эргатива. Если к тому же принять во внимание то, еще в 1939 г. подчеркнутое Г. В. Церетели обстоятельство, что в лазском он всегда является падежом имени субъекта[5], то оказывается значительно больше оснований определить его в качестве именительного, наличие которого поддерживается широким контекстом других импликаций номинативного строя, наблюдающихся в настоящее время в картвельских языках (ср. прежде всего наличие залоговой диатезы в морфологической структуре их транзитивного глагола, а также смешение субъектного и объектного рядов личных глагольных префиксов в единой субъектной функции и мн. др.). Нельзя не заметить, что в свете именно номинативной, а не эргативной функции этого падежа становится возможным весьма простым образом истолковать многие иначе не объяснимые для номинативизирующегося языка явления, начиная со столь фундаментального факта, каковым оказывается распространение конструкции с подлежащим на -k при сказуемом в форме всех глагольных времен, и кончая столь частным, как наращение флексии этого падежа на словарную форму местоименной лексемы типа muk 'сам' и artik-arti(s) 'друг друга'. Напротив, явно труднее квалифицировать в качестве номинатива лазскую падежную форму на -∅ (ср. mskweri 'серна', bere 'сын, парень', mc̣ima 'дождь', owro 'восемь', k̦aṭu 'кошка'), поскольку она выступает и в типологически несвойственной для именительного падежа функции оформления прямого дополнения. Если согласиться с точкой зрения о преимущественно номинативной типологии лазской языковой структуры, то будет естественным рассматривать -∅, с одной стороны, наряду с -k как алломорфу номинатива (ср. bere imṭu 'парень убежал' при bere-k ibgaru 'парень заплакал'), а с другой стороны, как единственную алломорфу аккузатива (ср. padišaik bere mendočku 'царь послал парня'), подобно распределению, имеющему место и в целом ряде других номинативных языков, в частности,—в некоторых индоевропейских (нельзя не вспомнить при этом аналогичные соображения И. И. Мещанинова относительно функций падежных флексий -k и -i в мегрельском[6]).

В соответствующем плане может быть решен и вопрос о структурном типе предложения с подлежащим, оформленным падежом на -k. Если при транзитивном глаголе-сказуемом он предполагает наличие прямого дополнения, то при интразитивном в нем последнему нет места (из приведенных выше фразовых иллюстраций должны быть оче-

---

[5] См. Г. В. Церетели, Указ. соч., стр. 17.

[6] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения, Л., 1940, стр. 217—218.

видным, что в этом случае не приходится говорить об эллипсе прямого дополнения). Поскольку по существу мы имеем здесь единую конструкцию предложения, обусловливаемую как транзитивными, так и интранзитивными глаголами, ее следует идентифицировать как номинативную.

Для большей полноты освещения вопроса об аномалиях эргативности в лазском языке целесообразно коротко рассмотреть и его диахронический аспект.

Уже сам факт функционирования здесь двух алломорф номинатива -k и -∅, последняя из которых совпадает с флексией аккузатива, позволяет предполагать в нем пережиток дономинативного прошлого этого языка. В этой связи следует напомнить, что принципиально сходные явления падежной парадигмы индоевропейских языков оказались достаточными в свое время для К. Уленбека, чтобы он смог сформулировать гипотезу об эргативной (точнее — активной) типологии древнейшего протоиндоевропейского состояния[7]. При этом наиболее вероятными представляются две следующие возможности: либо — флексия -k является историческим эргативом, оформлявшим подлежащее при транзитивном глаголе-сказуемом (и тогда приходится допустить, что она была в дальнейшем распространена и на подлежащее множества интранзитивных глаголов), либо — она исторически восходит к активному падежу, оформляющему в языках активного строя подлежащее при активном глаголе, передающем «одушевленное» действие (и тогда следует допустить, что рассматриваемая флексия частично сократила свою сферу употребления, поскольку ныне целый ряд глаголов «одушевленного» действия — напр. o-mṭin-u 'бежать', o-gzal-u 'отправляться', o-xtim-u 'идти', o-putx(in)-u 'лететь' и др. — обусловливает постановку подлежащего в падеже на -∅).

Механизм первой возможности в самых общих чертах уже затрагивался в специальной литературе на сходных фактах грузинского языка, обычно объясняясь при этом тенденцией к структурной унификации. Так, Г. Дееторс апеллирует в данной связи к распространению по аналогии (analogische Übertragung). По мнению Г. Фенриха, в основе распространения формы эргатива на подлежащее при интранзитивном глаголе в конечном счете лежит полифункциональность грузинского падежа с признаком -i>∅[8]. Однако попытки обоснования этой точки зрения до тех пор не смогут быть признаны удовлетворительными, пока не дается ответа на два следующих трудных вопроса: а) почему в условиях процесса номинативизации былой

---

[7] См. Х. К. Уленбек, Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков. — Сб. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 101—102. О перспективах идентификации древнейшего протоиндоевропейского состояния в качестве активного см. Г. А. Климов, Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского, Известия ОЛЯ АН СССР, № 5 (1973).

[8] Ср., напр., G. Deeters, Das kharthwelische Verbum, стр. 89; H. Fähnrich, Georgischer Ergativ im intransitiven Satz, «Beiträge zur Linguistik und Informationsverarbeitung». 10 (1967), стр. 41.

эргативной типологии языка происходило обобщение флексии исторического эргативного, а не абсолютного («именительного») падежа и б) почему такое распространение оказалось приуроченным к подлежащему при группе интранзитивных глаголов довольно строго определенной — как будет показано несколько ниже—семантики (интересно, что В. Т. Топурия называет их «активными, динамическими» глаголами, а Г. Хепп — «активными непереходными»)[9], а не самой различной, как то ожидалось бы в условиях процесса номинативизации?

Поэтому представляется целесообразным остановиться на второй возможности, которая пока не принималась во внимание картвелистикой. Между тем, в ее пользу, по-видимому, свидетельствует широкий комплекс архаических черт лазской языковой структуры, бегло перечисляемый в дальнейшем изложении. При этом более пристального внимания заслуживают два следующих имеющих сюда прямое отношение обстоятельства: а) семантика обусловливающих рассматриваемую конструкцию предложения глаголов и б) семантическая характеристика оформляемых падежом на k- имен существительных. Весьма определенное семантическое единство лексем, входящих в три рассмотренных в начале статьи глагольных группы, бросается в глаза. Вероятно, нетрудно заметить, что все это глаголы, передающие типичные действия «одушевленных» (активных) денотатов — verba movendi, verba affectuum, verba dicendi, verba putandi и т. п. Вместе с транзитивными глаголами, строго говоря, обозначающими также «одушевленное» действие[10], они объединяются в единый семантический класс, который без труда может быть исторически сопоставлен с классом активных («одушевленных») глаголов, как он представлен в языках активной типологии. Напротив, лазские интранзитивные глаголы «неодушевленного» действия обусловливают форму подлежащего с алломорфой номинатива -∅ и могут быть исторически сопоставлены с классом стативных («неодушевленных») глаголов, как он функционирует в представителях той же типологии. В то же время было бы естественным допустить, что группа лазских глаголов, хотя и обозначающих «одушевленное» действие, но тем не менее обусловливающая оформление соответствующего подлежащего в номинативе на ∅-, является новообразованием, обязанным своим существованием номинативизации языка. Думается, что одной из определяющих все остальное структурных черт процесса трансформации активного строя в номинативный и является перестройка оппозиции активных и стативных глаголов на транзитивные и интранзитивные, сущность которой сводится к переходу части активных (семантически интранзитивных) глаголов наряду со всеми стативными в разряд интранзитивных, в итоге которого на другом полюсе остается разряд транзитивных.

---

[9] См. В. Т. Топурия, К вопросу об общности грамматических новообразований в картвельских языках, «Иберийско-кавказское языкознание», т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 454—455; G. Höpp, Evolution der Sprache und Vernunft, Berlin-Heidelberg -N. Y. 1970, стр. 121, сн. 39.

[10] Об исторической выводимости категории транзитивности из более широкой категории «одушевленности» см., напр., J. Lyons, Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1971, стр. 359.

Вместе с тем, нельзя не увидеть и очень характерной семантики субстантивов, принимающих в лазском падежную флексию -k. Статистика показывает, что в подавляющем большинстве случаев последняя оформляет имена «одушевленных» референтов (в их представлении языками активной типологии, т. е. со включением в них обозначений не только людей и животных, но и растений), почти независимо от признака переходности~непереходности производимого ими действия. Так, в частности, в текстах, записанных Г. А. Картозиа на примерно 2955 случаев употребления падежа на -k имеется всего лишь 37 случаев оформления им имен «неодушевленных» денотатов. В Contes Lazes Ж. Дюмезиля соответствующие цифры составляют 528 : 1, в его же Récits Lazes — 949:20, в опубликованных С. М. Жгенти текстах имеем соотношение 2175:24, в текстах, изданных в 1929 г. А. С. Чикобава — 1664:50. Значительно менее выразительным оказывается соотношение случаев употребления падежа подлежащего на -k с транзитивными и интранзитивными глаголами-сказуемыми. Например, в Contes Lazes и Récits Lazes они образуют, соответственно, пропорции — 442:87 и 764:185, в текстах Г. А. Картозиа — 2425:530, в текстах С. М. Жгенти — 1847: 386, в текстах А. С. Чикобава 1321:393. Следует учесть при этом некоторую приближенность полученных цифр. Они, вероятно, могли бы свидетельствовать о еще большем удельном весе интранзитивных глаголов, обусловливающих постановку подлежащего в форме на -k, если бы ни то обстоятельство, что случаи проблематической квалификации глагола, как правило, засчитывались при подсчетах в пользу его транзитивности. Это относится, например, к таким часто встречающимся словоформам, как uçu (-ki) 'сказал ему, (что)' и tku(-ki) 'сказал, (что)', которые не предполагают наличия прямого дополнения в предложении и в соответствии с этим не могут его отражать в своей морфологической структуре. Уместно заметить, вместе с тем, что весьма немногочисленные примеры оформления данной флексией «неодушевленных» имен обязаны более или менее очевидной метафоре персонификации, характерной для языков номинативной типологии. Ср. arteγi γali-k mendiγu... 'одного унесла река...' (Г. Карт. 69_{27}), ixi-k zuγa kojoselu 'ветер поднял море' (181_{13}), ne ḳama-k č̣ḳoums ḥeja, neti xe-k č̣orums... 'ни кинжал его не режет, ни рука не берет...' (192_{31}), man dušuni-k kemč̣oru 'взяло меня раздумье' (214_{17}) и т. п.

Приведенные лазские факты дают основания предположить, что в прошлом за ними скорее должна была стоять лексическая оппозиция активных и стативных глаголов, обусловливавших активную и инактивную конструкции предложения, и системно координированная с историческим разбиением имен существительных на активные («одушевленные») и инактивные («неодушевленные»). Предполагаемое пережиточное функционирование этих явлений в лазском языке может оказаться далеко не полным комплексом сохранившихся в нем структурных признаков активного строя. Как известно, здесь до настоящего времени представлена очень широкая совокупность явлений, нахо-

дящихся в противоречии со схемой эргативной типологии и, наоборот, определенно укладывающихся в принципиальную схему активной[11].

Прежде всего, в специфике именно ее структуры находят здесь свою мотивацию некоторые другие факты лексического уровня. В частности, в новом свете предстают глагольные дублеты, до сих пор в большей или меньшей степени сохраняющие оттенок противопоставления «одушевленных» и «неодушевленных» актантов ситуации (нередко налицо тенденция к обобщению одной из парных лексем за счет другой):

«Одушевленный»		«Неодушевленный»	
onǯiru	'лежать	gedu	'лежать'
oškwidu	'тонуть'	o(n)ṭonu	'тонуть'
obadu	'стареть'	omǯwenu	'стареть'
gentxu	'падать'	melapu	'падать'
gobγu	'окружать'[12]	goṭḳu	'окружать'
donǯiru	'класть'	gedwalu	'класть'
očku	'посылать'	menǯγonu	'посылать'
očinu	'узнавать'	ognapu	'узнавать'
moqonu	'нести'	moγapu	'нести'
meguru	'показывать'	oçiru	'показывать
obonu	'мыть'	očxu	'мыть' и др.

Сравнение с другими картвельскими языками показывает, что в прошлом число противопоставлявшихся таким образом лексем в лазском было выше (ср., напр., o-bar-u 'дуть' при некотором различии груз. berwa и krola). В значительной степени обобщившимся и на «одушевленные» субстантивы является глагол melapu 'падать' (ср. сохранение более строгого различия между мегр. dontxapa и dolapa). Известны здесь и более сложные случаи выражения такой соотнесенности глаголов с актантами: так, например, если лексема o-nčwir-u 'плавать' сочетается преимущественно с именами «одушевленных» деятелей (а также лодки, корабля), то содержание 'лист плывет по реке' скорее передается построением γali-k mures purceli 'река несет лист'.

В рассматриваемом отношении не менее интересно основанное на аналогичной же оппозиции разграничение некоторых парных прилагательных типа: badi (//xčini) 'старый (одушевл.)' ~ mǯweši 'старый (неодушевл.)' genǯi 'молодой' ~ aγpe 'новый'. С точки зрения реализации принципов активного строя особенно показательны встречающиеся случаи трактовки как «одушевленных» не только названий людей и животных, но и обозначений растений: ср. badi koči 'старый человек', badi mtxa 'старая коза', badi binexi 'старая лоза' при mǯweši porča 'старая рубаха' (в сочетании с

[11] О разноуровневых импликациях языков активной типологии см.: Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, ВЯ, № 4, (1972).

[12] Ср. G. Dumézil, Récits Lazes, стр. 31.

одушевленными именами лексемы mǯweši и aγpe скорее означают соответственно 'прежний' и 'недавний').

На уровне морфологии (не говоря о возможности выведения флексий -k и -∅ соответственно из показателей активного и инактивного падежей) имеется особенно много фактов, способных получить свою историческую мотивацию в рамках структуры активного строя.

Так, в области именной морфологии следует также упомянуть, что притяжательные местоименные энклитики, функционирующие здесь при именах существительных, наиболее характерны именно для тех категорий субстантивов, которые в представителях активной типологии располагают посессивной флексией органической принадлежности: это — термины родства (nana-tkwani 'ваша мать', skiri-čkimi 'мое дитя', da-skani 'твоя сестра' и др.), обозначения частей тела (xe-muši 'его рука', ti-skani 'твоя голова', šuri-čkimi 'моя душа' и др.), названия некоторых других тесно связанных с человеком и животным реалий (oxori-čkuni 'наш дом', ǯoxo-skani 'твое имя', dulja-muši 'его дело' и др.).

Однако, особенно яркие явления, находящие свое место в рамках активной типологии и, напротив, оказывающихся в противоречии с нормами эргативности, налицо в лазской глагольной морфологии. В последней связи заслуживают быть отмеченными по крайней мере четыре обстоятельства. Во-первых, это исторически одноличный принцип спряжения, отчетливо выявляющийся по общепринятому в картвелистике признанию вторичности суффиксальных показателей 3-го лица субъекта. Во-вторых, обращает на себя внимание морфологическая структура транзитивного глагола, предполагающего наличие прежде всего показателя подлежащего, а не прямого дополнения, что характерно для эргативных языков (показатель последнего, как это имеет место и в представителях активного строя, выступает лишь при объекте 1-го или 2-го лиц). В-третьих, сюда примыкает немаловажный факт материальной и позиционной неразграниченности личных показателей прямого и косвенного дополнений. В-четвертых, в этом же ряду стоит и морфологическая структура интранзитивного глагола, включающая здесь личные показатели исторически субъектной серии, т. е. ряда w-, а не объектной, т. е. ряда m-.

Вероятно, не представляет труда увидеть далеко идущие соответствия большинству названных аномалий эргативности и в остальных картвельских языках. Все они позволяют взглянуть на доминативный компонент картвельской языковой структуры с новой точки зрения.

IV 1976

S. A. WURM

(Australian National University)

PAPUAN LANGUAGES AND LANGUAGE GROUPS: FROM FRAGMENTATION TO UNIFICATION

1. INTRODUCTORY REMARKS

Papuan Languages are spoken in what is usually called the New Guinea area, i. e. the New Guinea mainland and the islands adjacent to it, the islands of Halmahera, Timor, Alor and Pantar in the west, the Admiralty Islads in the north and the New Britain Archipelago and Bougainville Island in the east. Further east, there are a few Papuan languages in the Solomon Islands, as far east as the Santa Cruz Archipelago, and on the eastern Islands of Torres Strait, a Papuan language is located as well. This area is one of the linguistically most complex areas in the world. Extensive linguistic research work during the last two decades, mainly under the auspices of Australian and New Guinea-based institutions, has succeeded in clarifying and greatly simplifying the overall linguistic picture of the New Guinea area, but the multiplicity of its languages, the still very complicated linguistic situation, and the structural complexity of many of the individual languages are something quite extraordinary. It seems that the total number of distinct languages in the New Guinea area approximates, or even exceeds, one thousand—about one-fifth of all the languages of the world. Of these, approximately seven hundred are Papuan languages, while the remaining threehundred belong to the far-flung Austronesian language groups. Only some very vague connections may exist between Papuan languages and some other languages such as perhaps those of the Andaman Islanders in the Indian Ocean (Greenberg 1971).

Approximately 2,500,000 people speak Papuan languages, which gives an average figure of only a little over 3,000 speakers per language. In fact hundreds of languages are spoken by very much fewer people than this, many of them by only from a few dozen to a couple of hundred, because a large part of the total number of Papuan speakers use a comparatively small number of numerically strong languages. However, the numerically largest Papuan

language, Enga in the Western Highlands District of Papua New Guinea, has only 150,000 speakers, which is only approximately 6% of the total number of all speakers of Papuan languages.

Until just over two decades ago, the Papuan languages had been believed to be largely unrelated to each other, and to be a great conglomerate of hundreds of quite different, exceedingly complex, numerically small languages which apparently showed no genetic links with each other, or any language outside the New Guinea area. Only very few Papuan languages could be combined in mostly small groups of interrelated languages, but these groups seemed to show no obvious connection with each other. The term 'Papuan languages' or 'non-Austronesian languages' was therefore only used as a negative classificatory term to designate 'Papuan' languages as distinct from the Austronesian languages, without indicating the existence of a genetic link between them.

It had however been noticed already during that early period that many Papuan languages showed some typological and structural resemblances with each other which were greater than those sometimes noticed when comparing the typologies of unrelated languages in other parts of the world (Wurm 1954).

2. DEVELOPMENTS IN THE PAPUAN LINGUISTIC PICTURE FROM THE LATE FORTIES TO THE MID-SIXTIES

A very large amount of research work was carried out in the Papuan linguistic field after the late forties, mainly by linguists attached to the Australian National University and the New Guinea Branch of the Summer Institute of Linguistics, but also by Sydney University linguists during the earlier part of the period, and from the early fifties also by Dutch linguists working in former Dutch New Guinea until the change to Indonesian rule in 1962.

The immediate result of this work, especially in its earlier years, was the discovery and establishment of a number of mostly quite large groups of interrelated Papuan languages. At the same time, it was found that there was quite a number of Papuan languages, mostly members of the newly established large groups, which are spoken by comparatively large speech communities numbering close to, and over, 100,000 speakers in a few instances.

These discoveries produced a quite significant change in the earlier Papuan linguistic picture, though it still appeared that the Papuan languages belong to a considerable number of different, seemingly unrelated groups. By the mid-sixties the following groups were known or believed to exist:

The East New Guinea Highlands Phylum, then believed to be composed of one stock comprising four families and one family-level language isolate, one more distantly related family and three language isolates, though this picture changed and expanded as a result of subsequent work (Wurm, 1971). It was then believed to be almost entirely located within the three Highlands and the Chimbu Districts of Papua New Guinea though it is now known that languages linking with it occupy a far greater area.

The Ndu Family located in the Middle Sepik area between the Sepik and the north coast. Again, subsequent research showed the group to which it belonged to be of greater extent than at first believed.

The Ok Family in the geographical centre of New Guinea, stretching from the uppermost course of the Sepik River to the south almost to Lake Murray, and occupying the central Irian Jaya-Papua New Guinea border region.

The Awyu-Dumut Family in south-eastern Irian Jaya.

The Central South Coast or Kamoro-Sempan-Asmat Family located in the southern central coast and inland areas of Irian Jaya between Etna Bay in the west and the mouth of the Eilanden River in the east.

The Yaqay-Marind-Boazi, Yelmek-Maklew and Frederik Hendrik Island language groups in southeastern Irian Jaya. All three were recognized as language families soon after the mid-sixties (Voorhoeve 1968).

The Dani Family in the Baliem Valley area of the highlands of Irian Jaya.

The Ekagi-Woda-Moni Family located in and to the east of the Wissel Lakes region in the western part of the highlands of Irian Jaya.

A stock of languages on Timor and adjacent small islands, and on Alor.

The West Papuan Phylum containing the languages spoken in the northern half of Halmahera to the northwest of western Irian Jaya, and most of the languages of the Vogelkop Peninsula.

The Bomberai Peninsula Phylum situated in the Bomberai Peninsula in south-western Irian Jaya and overlapping into the Vogelkop Peninsula.

Just after the mid-sixties, the impression was gained that the groups mentioned in the last three paragraphs could be combined into a single phylum, and the name West Papuan Phylum was extended to cover them all (Wurm 1971; also Cowan 1965 and Anceaux 1958). This was later found to be not quite correct—only the first and the third belong together.

The North Papuan Phylum including the languages on the Upper Tor and the Tami Rivers in north-eastern Irian Jaya, and comprising some of the languages found between the two rivers.

The Sentain-Demta-Nimboran Phylum situated between the Upper Tor River and the Tami River sections of the North Papuan Phylum, and extending to the west and south.

Cowan (1957 a, b) suggested the combination of the two last-named phyla into one under the name North Papuan Phylum. This proposal was accepted by the present writer in Wurm 1971, but soon after the completion of its manuscript in mid-1968, research by C. L. Voorhoeve showed (Wurm 1971, December 1969 supplement) that some of the languages composing Cowan's North Papuan Phylum were comparatively closely related to the Central and South New Guinea Phylum established by the former (Voorhoeve (1968).

The existence of the following five additional groups was only tentatively suggested in the midsixties:

A group, of unknown extent, of interrelated languages in the Huon Peninsula area.

A group composed of several, or perhaps all, of the languages spoken by Kukukuku people in the Watut River and Menyamnya areas of the Morobe District and adjacent parts of the Eastern Highlands and Gulf Districts.

The Awin-Pare Family between the Upper Fly and Upper Strickland Rivers in the Western District.

The Left-May Family west of the May River, a southern tributary of the Upper Sepik River.

A group located in the Upper Sepik area.

It has been mentioned above, that the discovery of the existence of these predominantly large to very large groups, resulted in a remarkable change in the Papuan linguistic picture as it was thought to be before these discoveries. At the same time, this changed situation constituted a strong qualification of the previously purely negative classificatory meaning of the term 'Papuan Languages' (see 1.), though it appeared that Papuan languages still belonged to a quite extensive number of distinct groups which seemed to be unrelated to each other.

3. DEVELOPMENTS FROM THE MID-SIXTIES TO LATE 1969

Already during the establishment of the large groups mentioned in 2., there had been some signs that some distant relationships might link the members of different groups. For instance, the present writer suggested that there might be a distant relationship between the East New Guinea Highlands Phylum, the Huon Peninsula Group and the Dani Family (Wurm 1960), and perhaps also between the East New Guinea Highlands Phylum and the Binandere, Ok and Ndu Families (Wurm 1961, 1964). The possibility was also mentioned that the Ok, Awin-Pare and Awyu-Dumut Families might constitute a single large stock or phylum, and that the Kamoro-Sempan-Asmat Family might also be a member of it (Healey 1964). Earlier the present writer noticed that there seemend to be some relationship between the Ekagi-Woda-Moni and the Kamoro-Sempan-Asmat Families, with this relationship extending to a few other languages in the south-eastern part of what was then Dutch New Guinea (Wurm 1960). Capell (1962) made remarks about the possible relationship of the Ekagi-Woda-Moni Family to the Dani Family, and of both of them to the East New Guinea Highlands Phylum.

Greenberg (1960) suggested wide interrelationships between Papuan languages, with these relationships going beyond the New Guinea area to include the Andamanese and also the Tasmanian languages.

Most of these various suggestions were accepted by C. and F. Voegelin (1965) in their setting up a tentative macro-phylum which covered a large part of the New Guinea mainland.

The establishment, however tentative, of this very large group of interrelated languages constituted a further major step away from the notion that the term 'Papuan languages' implied that south-western Pacific languages referred to by this term were generally unrelated to each other. This macrophylum included a good portion of the Papuan languages known at the time at

which it was set up, and its members had been assigned (if only tentatively) the status of at least distantly interrelated languages. Further intensive work by S. Wurm, D. Laycock, C. Voorhoeve: T. Dutton, K. Franklin, K. McElhanon, J. Z'graggen and members of the Summer Institute of Linguistics, New Guinea Branch, between 1965 and 1969, produced a large amount of further evidence for the more definite establishment of this macro-phylum, and, at the same time, extended its limits far beyond the area proposed by C. and F. Voegelin, to take in about three-quarters of the New Guinea mainland, and to include well over half of the over 600 Papuan languages identified by that time. In the course of this, the existence of the South-East New Guinea Phylum (Dutton, 1969) and its membership to the macro-phylum was recognised, the geographically very extended Central and South New Guinea Phylum (Voorhoeve 1968) within the macro-phylum set up, and wide interrelationships in the Sepik area proposed. It was assumed (Wurm 1971)—though this later proved to be based on a misinterpretation of borrowed features—that the large group newly established in the Sepik area might perhaps also link with the macro-phylum. The presence of wider local connections between languages in the highlands areas of Irian Jaya was also discovered, and the Kukukuku Group which was recognised as a single stock of family and named the Anga Stock (or Family), was found to have clear links with the macro-phylum.

All this constituted a change of quite revolutionary dimensions from the earlier Papuan linguistic picture, and definitely shifted the term 'Papuan languages' from its status as a negative classificatory term towards that of a term denoting, for the greater portion of its area of applicability, apparently genetically interrelated languages of a definite type.

This fact resulted in a terminological dilemma which has not been solved to the present day. If the majority of the languages referred to by the previously negative classificatory term 'Papuan' had been found to be interrelated, should the term 'Papuan' be only applied to these in the light of what had been said in the above paragraph, and other 'Papuan' languages not related to exclusively by a different name or names, or should the term 'Papuan' be kept as a general term to refer to all non-Austronesian (and non-Australian) languages of the South-Western Pacific, with special names used to denote the separate, large groups of interrelated languages? This latter procedure seems to be the most appropriate, and makes the term 'Papuan languages' comparable in usage to, for instance, 'Amerindian languages'.

Late in 1969, the macro-phylum mentioned above which had been called the Central New Guinea Macro-Phylum was believed to constitute a super-phylum consisting of several interrelated but separate, phyla and phylum-level stocks and families which were as follows:

The East New Guinea Highlands Phylum.
The Central and South New Guinea Phylum
(including the Goliath Family).

The Finisterre-Huon Phylum.
The Madang Phylum.
The South-East New Guinea Phylum.
The West New Guinea Highlands Phylum.

The possibility of the presence of genetic links of members of the Central New Guinea Macro-Phylum with the following was thought to exist, with a high level of probability:

The Anga Stock.
The Adelbert Range Phylum,

and, with a low level of probability, with:

The Middle Sepik Phylum.
The Upper Sepik Phylum.
The Sepik Hill Family.

The latter three were believed to be interrelated and to possibly constitute a single phylum only, with evidence increasing in favour of this assumption.

4. DEVELOPMENTS SINCE 1970

The first strong evidence suggesting a possible closer connection between the East New Guinea Highlands Phylum and the Central and South New Guinea Phylum was produced by the independent classification, supported by some regular sound correspondences and other evidence favouring an assumption of genetic relationship, of the Duna language as a family-level isolate of both these phyla, by Wurm (Western Family: 1964, 1965, 1971) and Voorhoeve (in Wurm 1971, December 1969 Supplement; and in McElhanon and Voorhoeve 1970), and of the Foe language as a family-level isolate in the Central and South New Guinea Phylum (Voorhoeve, personal communication) and at the time, as a stock-level isolate of the East New Guinea Highlands Phylum (Wurm 1964, 1965, 1971) Also, Franklin (oral communication, later published in Franklin and Voorhoeve 1973) could demonstrate the existence of regular sound correspondences in many cognate words in Fasu of the then Central and South New Guinea Phylum, and Kewa, a member of the West-Central Family in the then East New Guinea Highlands Phylum.

Earlier, Wurm (1964) had shown the presence of striking typological agreements between languages of the East New Guinea Highlands Phylum, the Huon Peninsula Group and the Ok Family, with some of these agreements extending to the Binandere Family. These results were corroborated by McElhanon's (1967) findings who drew attention to structural similarities between languages of the Ok Family and the Huon Peninsula area which were separated from each other by the large bulk of the East New Guinea Highlands Phylum. Later, Voorhoeve (1969), in investigating the question of a possible genetic interrelationship between the Asmat language of the Central and South New Guinea Phylum, and the Sentani language in north-eastern Irian, Jaya, found evidence suggesting that the proto-language

from which elements in both were derived had been located somewhere in a lowland riverine area and suggested the Sepik or Ramu River basins as possibilities. At the same time, he noticed remarkable agreements between some lexical information on Madang District languages (Z'graggen 1971) and on languages of the Central and South New Guinea Phylum.

These discoveries were the forerunners of the second revolutionary change in the Papuan linguistic picture which took place during 1970 and 1971, and whose full effects and total extent began to become clear only towards the end of 1971 and during 1972 and 1973. The first major step in this was a hypothesis by McElhanon and Voorhoeve which postulated that the member languages of at least a few of the separate phyla included in the Central New Guinea Macro-Phylum could be shown to be members of a single phylum and relatively closely related to each other. To prove this hypothesis, they compared lexical items of the Central and South New Guinea Phylum and the Finisterre-Huon Phylum, intentionally leaving the geographically intervening East New Guinea Highlands Phylum out of consideration. In the course of this work, they succeeded in establishing interphylic cognate series for 53 items, out of a total of 85 compared (McElhanon and Voorhoeve 1970), with the sound correspondences between members of individual interphylic series quite clear and with these series constituting evidence of a relatively close genetic relationship between the languages concerned.

The authors regarded their results as impressive enough to suggest a modification of the notion of the Central New Guinea Macro-Phylum as a super-group consisting of a number of separate, only distantly interrelated, phyla, and proposed to replace it in part by a single very large phylum, the Trans-New Guinea Phylum which they provisionally regarded as composed of the stocks constituting the former Central and South New Guinea and the Finisterre-Huon Phyla, as well as the Binandere Stock and the Sentani Group, with the stocks making up the East New Guinea Highlands and the Madang Phyla, the Rai Coast Stock, and the Nimboran Group as potential additional members. Voorhoeve (personal communication) later also suggested the inclusion of the Wissellakes-Kemandoga Stock into this Trans New Guinea Phylum.

The present writer pursued McElhanon's and Voorhoeve's ideas and systematically compared lexical items of languages of the East New Guinea Highlands Stock, the major component of the East New Guinea Highlands Phylum, with the interphylic series established by McElhanon and Voorhoeve (1970). He found that the lexical equivalents in individual languages of the East New Guinea Highlands Stock which had been chosen for this work matched McElhanon's and Voorhoeve's interphylic cognate series in about three-quarters of the cases which was adequate proof of their membership to the new Trans-New Guinea Phylum. This work was extended to member languages of the Anga Stock, with equally good results. The systematic application of this procedure to languages of all the stocks belonging to member phyla to the former Central New Guinea Macro-Phylum made it possible for the present writer to undertake the reconstruction of a number of Trans-New Guinea

Phylum proto-forms (Wurm 1974), and to propose the inclusion of all the languages of the thereby now superseded Central New Guinea Macro-Phylum into a new extended Trans-New Guinea Phylum, with the exception of those of the Middle Sepik and the Upper Sepik Phyla, and the Sepik Family, whose similarities to Trans-New Guinea Phylum languages were then recognised as borrowed features, and which now form part of the newly established large Sepik-Ramu Phylum (see below) which does not appear to be related to the Trans-New Guinea Phylum. At the same time, work on these lines carried out by the present writer and C. L. Voorhoeve led to the inclusion of Papuan languages of the Vogelkop and Bomberai Peninsulas in Irian Jaya into the Trans-New Guinea Phylum, and demonstrated the presence of Trans-New Guinea Phylum lexical elements, on the basic vocabulary level, in language groups thought to be outside the Trans-New Guinea Phylum, such as most member groups of the Sepik-Ramu Phylum, the Kwomtari and Sko Stocks, and the West Papuan Phylum, as well as the East Papuan Phylum.

Another, in some respects perhaps even more revolutionary step away rom the Papuan linguistic picture extant in late 1969 was produced by the results of extensive fieldwork carried out by D. C. Laycock in the two Sepik Districts in 1970-71, during which virtually every one of the languages of those areas was assessed, a number of new languages discovered, and the last linguistically unknown parts of those areas surveyed. It became evident that of the previously known large groups in the area, the Upper Sepik and the Middle Sepik Phyla as well as the Sepik Hill Family were relatively closely interrelated, and that relationship existed between them and quite a few other languages and language groups of the region, though not with those of fthe Torricelli Phylum and also not with the Sko Family. Some members of the Trans-New Guinea Phylum are located in the Papua New Guinea-Irian Jaya border areas and occupy a portion of the extreme western and north-western part of the Western Sepik District: these are unrelated to the large new phylic group composed of the various groups referred to above, though they have to some extent been influenced by members of it. The same applies also to a few small groups and isolates. It was also found that the languages of the Ramu Phylum established by Z'graggen (1971) had relationship links with this large new phylum which therefore occupies much of the northern part of Papua New Guinea, in particular the Sepik and Ramu River basins, and has in the light of this been named the Sepik-Ramu Phylum (Laycock 1973).

Another decisive step away from the 1969 Papuan linguistic picture resulted from work undertaken by the present writer in the Papuan languages of the island world to the north-east and east of the mainland on the basis of earlier studies, his own material and materials kindly put at his disposal by A. Capell, G. Grace, A. Chowning and B. Hackman. Only two separate groups of interrelated languages had previously been known in that area, i. e. the Bougainville Phylum on Bougainville (Allen and Hurd 1965) and the Reef Islands-Santa Cruz Family (Davenport 1962, Wurm 1969, 1970), though the possibility of the existence of some relationship between a number of the

languages of the area, most of which had earlier been regarded as unrelated isolates, had been suspected (Capell 1969, Wurm, 1971). The present writer's recent work in the languages of the whole area indicated that they are all inter-related, and he proposed their inclusion in a newly established phylum, named the East Papuan Phylum, and outlined its internal composition (Wurm 1972). Some of his findings have recenlty been corroborated by E. Todd on the basis of extensive fieldwork in Solomon Islands Papuan language and the interrelationship of languages of that particular area found to be even closer than earlier assumed by the present writer.

The most recent major change in the 1969 Papuan linguistic picture was brought about by Voorhoeve's work in the languages and language classification of western and northern Irian Jaya (Voorhoeve and Anceaux 1974). The two most important aspects of Voorhoeve's work are as follows:

a) He found that most languages of northern Irian Jaya were interrelated and they, and also the languages of Timor, Alor and Pantar which constituted a stock and had been thought to belong to the West Papuan Phylum, could be included into the Trans-New Guinea Phylum.

Voorhoeve's findings produced a considerable extension of the Trans-New Guinea Phylum and, at the same time, led to a great reduction in the originally assumed size of the West Papuan Phylum.

The Timor-Alor-Pantar Stock languages which constitute the most recent addition to the Trans-New Guinea Phylum, contain strong West Papuan Phylum elements, and it does seem possible to argue for their relationship with either of these two phyla.

Another result of Voorhoeve's recent work has been the establishment of a few language isolates and two small phylic groups in northern Irian Jaya.

In the light of what has been said so far in this paper, the present picture of the grouping of the over 700 Papuan languages in the New Guinea area is as follows:

A) Major phyla:

1) The Trans-New Guinea Phylum which has about 480 member languages occupies most of the New Guinea mainland except for the greater part of the Vogelkop Peninsula, most of the westernmost part of the non-peninsular portion of Irian Jaya, north-western Papua New Guinea, a few very minor areas occupied by isolates, and the mostly coastal regions in which Austronesian languages are found.

2) The West Papuan Phylum (with 25 member languages) in the greater, northern part of the Vogelkop Peninsula. and on northern Halmahera.

3) The Sepik-Ramu Phylum (with 91 member languages) in the Sepik Districts and a western portion of the Madang District of Papua New Guinea.

4) The Torricelli Phylum (with 48 member languages) in a comparatively small northern part of the Sepik Districts.

5) The East Papuan Phylum (with 28 member languages) in the island world to the north-east and east of the mainland.

B) Minor Phyla:

1) The Sko Phylum-level Stock (8 languages) in the northern border area between Papua New Guinea and Irian Jaya.

2) The Kwomtari phylum-level Stock (5 languages) in the north-west of the West Sepik District of Papua New Guinea, with one of its geographically discontiguous members across the Irian Jaya border.

3) The Left May phylum-level Family (7 languages) to the south of the Kwomtari phylum-level Stock in the West Sepik District.

4) The Amto-Musian phylum-level Stock (2 languages) in the area between the Kwomtari phylum-level Stock and the Left May phylum-level Family.

5) The Geelvinck Bay Phylum (3 languages) in eastern coastal areas of the Geelvinck Bay and on Yapen Island in Irian Jaya.

6) The East Bird's Head Stock (3 languages) in an eastern portion of the Vogelkop Peninsula.

C) Isolates:

In addition to the major and minor phyla mentioned above under A) and B), about half a dozen Papuan languages can, at this stage of our knowledge, not be included in any group. The main reasons for this are inadequate information on them, and insufficient comparison of them with languages which are geographically widely separated from them. It seems likely that with an increase in our knowledge, most, perhaps all, of these isolates will eventually be found to be members of established groups, or to be combinable with each other into small groups. However, at present only some vague links can be seen, and it is not possible to say how far these may be the result of loans attributable to language contacts, or may be indicative of some very distant relationships.

These isolates are located in the West Sepik District of Papua New Guinea and in northern Irian Jaya, and one of them in the Morobe District of Papua New Guinea.

No major linguistically unknown regions are left in the New Guinea area today, but there are a few incompletely surveyed pockets, mainly in northern Irian Jaya, especially in the mountainous country between the eastern shores of the Geelvinck Bay, the Rouffaer and the Mamberamo Rivers, in parts of the Vogelkop Peninsula, and to the east of the Lake Plain in north-eastern Irian Jaya. Some additional Papuan languages may be on the islands west of Alor and Pantar in Indonesia the total number of as yet undiscovered Papuan languages is not likely to be more than thirty or so.

This picture as presented shows that, in the short span of twenty-five years or so, there has been a complete change in the notion indicated by the term «Papuan languages» from a conglomerate of very many, mostly seemingly unrelated, languages to a situation in which these languages belong to five major and six smallish groups, with half a dozen isolates as yet unclassified, and one of the large groups containing over two-thirds of all the Papuan languages and occupying most of the geographical extent of the Papua linguistic world and almost being the proto-type of Papuan languages in itself.

REFERENCES

Allen, J. and Hurd, C., 1965—Languages of the Bougainville District. Port Moresby. The Department of Information and Extension Services, in cooperation with the Summer Institute of Linguistics

Anceaux, J. C. 1958—«Languages of the Bomberai Peninsula». Nieuw Guinea Studiën. 2 : 109—21.

Capell, A., 1962 — A Linguistic survey of the South-Western Pacific. New and revised ed. South Pacific Commission, Technical Paper No. 136. Noumea.

Capell, A., 1969— «Non-Austronesian Languages of the British Solomons». Pacific Linguistics, Series A. 21 : 1—15.

Cowan, H. K. J., 1957a —«Prospects of a 'Papuan' comparative Linguistics». Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 113 : 70—92.

Cowan, H. K. J., 1957b — «Een tweede grote Papoea-taalgroepering in Nederlands Nieuw-Guinea». Nieuw Guinea Studiën. 1 : 106—18.

Cowan, H. K. J., 1965 — «The Oirata Language». Lingua 14 : 360—70.

Davenport, W., 1962 — Comments on A. Capell, «Oceanic Linguistics Today». Current Anthropology 3/4 : 400—2.

Dutton, T., 1969 — The Peopling of Central Papua. Pacific Linguistics, Series B. 9.

Franklin, K. ed., 1973 — The Linguistic Situation in the Gulf District and Adjacent Areas, Papua New Guinea. Pacific Linguistics, Series C. 26.

Franklin, K. and Voorhoeve C. L., 1973 — «Languages near the Intersection of the Gulf, Southern Highlands and Western Districts», In: Franklin, ed. 1973. 149—86.

Greenberg, J. H., 1960 — Indo-Pacific Etymologies. Mimeographed.

Greenberg, J. H., 1971 — «The Indo-Pacific Hypothesis». In: Sebeok, T. ed. 1971, 807—871.

Healey, A., 1964 — A Survey of the Ok Family of languages. Australian National University Ph. D. Thesis Section. Mimeographed.

Laycock, D. C., 1973 — Sepik Languages — Checklist and Preliminary Classification. Pacific Linguistics, Series B. 25.

McElhanon, K. A., 1967—«Preliminary Observations on Huon Peninsula Languages». Oceanic Linguistics 6/1 : 1—45.

McElhanon, K. A. and Voorhoeve, C. L., 1970 — The Trans-New Guinea Phylum: Explorations in Deep-level Genetic Relationships. Pacific Linguistics, Series B. 16.

Sebeok, T. A. ed., 1971 — Current Trends in Linguistics, Vol. 8: Linguistics in Oceania. The Hague: Mouton and Co.

Voegelin, C. F. and F. M., 1965 — Languages of the World: Indo-Pacific Fascicle Five. Anthropological Linguistics 7/9.

Voorhoeve, C. L., 1968 — «The Central and South New Guinea Phylum». Pacific Linguistics Series A. 16 : 1—17.

Voorhoeve, C. L., 1974 — The West Papuan Phylum: A Re-appraisal of the Facts. Pacific Linguistics, Series B. 31.

Wurm, S. A., 1954 — «Notes on the structural affinities of non-Melanesian (Papuan) languages». Die Wiener Schule der Völkerkunde: Festschrift zum 25-jährigen Bestand 1929—54. Vienna.

Wurm, S. A., 1960 — «The Changing Linguistic Picture of New Guinea». Oceania 31/2 : 121—36.

Wurm, S. A., 1961 — «The Linguistic Situation in the Highlands Districts of Papua and New Guinea». Australian Territories 1/2 : 14—23.

Wurm, S. A., 1964 — «Australian New Guinea Highlands languages and the distribution of their typological features». American Anthropologist 66/4, part 2 : 79—97.

Wurm, S. A. 1965 — «Recent comparative and typological studies in Papuan languages in Australian New Guinea». Lingua 15 : 373—99.

Wurm, S. A., 1969 — «The Linguistic Situation in the Reef and Santa Cruz Islands». Pacific Linguistics, Series A. 21 : 47—105.

Wurm, S. A., 1970 — «Austronesian and the Vocabulary of the languages of the Reef and Santa Cruz Islands — a preliminary approach». Wurm and Laycock, eds. 1970 467—553.

Wurm, S. A., 1971 — «The Papuan linguistic situation». In: Sebeok, ed. 1971. 541—657.

Wurm, S. A., 1972 — «The classification of Papuan languages, and its problems». Linguistic Communications, 6 : 118—78. Monash University, Melbourne.

Wurm, S. A., 1974 — «Developments in Papuan Genetic Linguistics since 1968». Papers in honour of A. A. Hill. Austin, Texas. In press.

Wurm, S. A. and Laycock, D. C. eds., 1970—Pacific Linguistic Studies in Honour of Arthur Capell. Pacific Linguistics, Series C. 13.

Z'graggen, J. A., 1971 — Classificatory and Typological Studies in Languages of the Madang District. Pacific Linguistics, Series C. 19.

აღმოსავლური ფილოლოგია ═══ ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

М. А. КОРОСТОВЦЕВ

КОЛХИДА И ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Смерть вырвала из наших рядов незабвенного Георгия Васильевича Церетели, ученого мирового масштаба, руководителя советской школы арабистики и семитологии. Это тяжелая и трудновосполнимая утрата для нашей отечественной науки.

Предлагаемая здесь вниманию читателя статья не случайна: я имел возможность обсуждать этот вопрос с покойным Георгием Васильевичем и с удовлетворением могу отметить, что наши мнения по этой проблеме не расходились.

По сведениям, сообщаемым Геродотом и рядом других античных авторов, древние колхи и египтяне состояли в этническом и лингвистическом родстве. Это дало повод некоторым современным ученым в какой-то степени поверить этим словам античных авторов и пытаться доказать правильность их мнения.

Итак, прежде всего остановимся на Геродоте. Что же говорит «отец истории» по этому вопросу?

«Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев. До этих-то народов — не дальше — дошло, по моему, египетское войско, так как в этих странах есть еще такие столпы, а дальше уже нет. Отсюда Сесострис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фасису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе.

Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать (об этом родстве), как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что по их мнению, колхи ведут свое

происхождение от воинов сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому, что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы... Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготовляют полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни и язык у них похож» (Геродот II, 103—105). Именно эти слова «отца истории» и легли в основу предположений об этническом и лингвистическом родстве колхов и египтян.

Прежде всего следует напомнить, что Сесострис — это греческая форма имени трех египетских фараонов XII династии, носивших имя Сенусерт. Тем не менее у античных авторов имя Сесострис обозначает не исторического фараона, а вымышленное лицо, фараона-героя, фараона завоевателя, совершившего ряд таких подвигов и завоеваний, который ни один из исторических фараонов не совершал. После этого предварительного примечания рассмотрим подробнее слова Геродота.

Рассказ Геродота о завоеваниях египетским фараоном земель до стран скифов и фракийцев, как и его поход в Колхиду — не подтверждается никакими источниками — ни египетскими, ни вне-египетскими и поэтому должен быть отнесен к сфере исторических мифов.

Слова Геродота о родстве колхов и египтян: «Я это понял сам еще прежде, чем услышал от других» свидетельствуют о том, что во времена Геродота представление о родстве колхов и египтян в каких-то кругах было более или менее распространено. Слова греческого историка о том, что египтяне, якобы, рассказывали ему о происхождении колхов от «сесострнева войска» крайне сомнительны: даже в V веке до н. э., т. е. во время пребывания Геродота в Египте, египтяне вряд ли знали Колхиду — по крайней мере ни в каких текстах нет никаких следов этого.

Очень серьезное недоумение вызывают следующие слова Геродота: сославшись на утверждения египтян о происхождении колхов от «сесострисова войска», Геродот заявляет: «сам я пришел к такому выводу, потому что они, (т. е. египтяне и колхи) — темнокожие с курчавыми волосами». Вообще говоря, Геродот известен как добросовестный и точный наблюдатель всего, что он видел сам. И поэтому в его словах две загадки: загадка первая: египтяне не были темнокожими, и не имели курчавых волос; загадка вторая: колхи также не темнокожие и волосы у них тоже не курчавые.

Отмечу, что первая из этих загадок совершенно необъяснима. Геродот путешествовал по Египту не менее четырех месяцев, видел египетский народ и общался со многими египтянами: он отлично знал, что египтяне — не темнокожие, и что волосы у них не курчавые. Эта загадка просто необъяснима. Что же касается загадки второй, то на нее уже обратил внимание в конце прошлого века П. К. Услар. Он пи-

сал о современном населении Колхиды, что оно «не имеет ничего общего с колхами, которых видел Геродот», «и что он, Геродот, «обнаружил» присутствие на Кавказском перешейке в эпоху глубочайшей древности наличие этнического элемента, который совершенно исчез с течением времени[1]. В подтверждение этого своего мнения П. К. Услар ссылается на проповедника христианства IV века н. э. Зеноба, говорившего о сопротивлении христианской пропаганде со стороны черных обитателей армянской местности Дарона, в верховьях реки Мурадчая, около Диадина, которых Зеноб называет индусами. Это свидетельство Зеноба П. К. Услар объясняет так: «эти индийцы странники, принадлежали, без сомнения, к числу темных индийцев, остатку древнейшего кушитского населения Средней Азии»[2]. Это объяснение научной ценности, конечно, не имеет, ибо никогда никаких кушитов в Средней Азии не было. Но вернемся к Геродоту. В подтверждение своей мысли о родстве колхов и египтян греческий историк добавляет, что его предположение доказывают общий для египтян и колхов (?!), обычай обрезания и одинаковый способ изготовления полотна. Этот «фактический» материал Геродота не имеет, конечно, никакой доказательной силы и поэтому мы его оставим в стороне, но интересно в словах Геродота утверждение о близости языков египтян и колхов. Эти слова очень интересны, но еще более сомнительны: доподлинно известно, что Геродот египетского языка не знал и вряд ли он знал язык колхов. Поэтому его суждения в этом вопросе не могут иметь веса. Но посеянное в древности зерно дало всходы в наше время: распространилось мнение о близости языка колхов и древних египтян. П. К. Услар выразил мнение, что изучение языков абхазов и убыхов может показать близость этих языков к египетскому[3]. К этому присоединился и А. И. Грен: после нескольких выкладок, претендующих на научную лингвистику, он пишет: «поэтому я едва ли ошибусь, если почту черноморские языки хамитскими»[4]. Десятью годами позже в эту научную легенду уверовал и Д. Гулия[5]: он собрал в своей книге ряд примеров и мнений разных лиц, фактов, предназначавшихся для подтверждения этой гипотезы. К сожалению, подобные гипотезы, и даже несравненно более фантастические как, например, недавно нашумевшая «гипотеза» о том, что ряд древних цивилизаций был создан не людьми, а «пришельцами из космоса» (кинофильм «Воспоминания о будущем»), имеют притягательную силу, состоящую именно в силу их фантастичности и необычности. У многих возникает вопрос: неужели в этой гипотезе об этнической и лингвистической близости колхов и египтян нет никакого

---

[1] П. К. Услар, Древнейшие предания о Кавказе, Зап. Кавк. Отд. Русского Географического Общества, Тифлис, Книга XII, 1881, стр. 403.

[2] Там же, стр. 420.

[3] Там же, стр. 403.

[4] А. Н. Грен, Краткий Очерк Истории Кавказского Перешейка, Киев, 1895, стр. 103.

[5] Дм. Гулия, История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925.

рационального исторического зерна, как могли, хотя бы и в древности, возникать такие мысли? Остановимся сначала на последнем вопросе — как могли возникнуть такие мысли? Надо сказать, что ответить на такой вопрос более чем трудно. Следует отметить, что в древности, помимо Геродота, эту близость так или иначе, упоминает и ряд других, более поздних античных авторов. Это Диодор Сициллийский, I, 55; Аммиан Марцеллин 22,8,24; Агафий II,18; Апполон Родосский IV, 277; Авиен 874; Валерий Флакк V, 418 и др. Видимо, в известной степени правомерно предположение П. К. Услара о том, что Геродот видел, именно видел, какие-то темнокожие этнические элементы. Этой проблеме полтора десятка лет тому назад посвятил специальную статью Т. Инглиш[6]. Рассуждения автора довольно запутанные, тем более, что он допускает какую-то связь между древними «черными» колхами и немногочисленными негроидными элементами Абхазии, о которых, однако, заведомо известно, что они потомки рабов, купленных в Константинополе около двух веков тому назад. Но автор приводит интересные данные о том, что имеются свидетельства историков, много позже Геродота, о том, что в тех же местах нередко встречались темнокожие люди; так, известный церковный деятель IV века н. э. Иероним называет Колхиду «второй Эфиопией», а Софроним, патриарх иерусалимский, живший двумя веками позже, сообщает о том, что на берегах Фазиса живут эфиопы. Наконец. Инглиш ссылается на арабского географа Истахри (X век н. э.), писавшего о «черных» хазарах на Северном Кавказе и на Волге. Как бы то ни было, во всех этих сведениях во всей их совокупности должна быть какая-то доля истины о «черных» или темнокожих людях. Конечно, вряд ли можно допустить, что эти «черные» люди были африканскими негроидами или вообще какими-либо выходцами из Африки. Объяснение этому факту дал маститый советский ученый акад. В. В. Струве: «северный Белуджистан населяли в древности племена, родственные дравидической семье народов, которые вследствие своего смуглого цвета отождествлялись греками с эфиопами»[7]. Именно отсюда и просачивались «черные» колхи на север, туда, где их видел Геродот и другие, писавшие о них.

Но в современной научной литературе возникло и «обратное», т. е. утверждение, что египтяне — выходцы из Кавказа. Известный английский археолог-египтолог Фл. Петри опубликовал работу о происхождении египетской Книги Мертвых[8]. В этой работе этот заслуженный английский археолог пытается сопоставить загробную топографию Книги Мертвых с реальной географией Кавказа и приходит к абсурдным и фантастическим результатам, что и показал очень наглядно и

---

6 T. English, Cushites, Colchians and Khazars, Journal of Near Eastern Studies, v. XVIII, Chicago, 1959, стр. 49—53.

7 В. В. Струве, История Древнего Востока, М.-Л. 1941, стр. 366.

8 Fl. Petrie, The Origins of the Book of the Dead, Ancient Egypt, 1926 (№ 2) June.

убедительно акад. И. И. Мещанинов в статье «Кавказ и Египет»[9]. Здесь излишне перечислять все статьи и заметки по этой более чем проблематичной проблематике и их критику — достаточно указать, что, как правило, они написаны людьми, далекими от египетской филологии, что более чем существенно для их оценки.

Перехожу к лингвистическому аспекту проблемы колхи-египтяне. Помимо уже упомянутых мнений П. К. Услара, А. Н. Грена и Д. Гулия в их духе высказывался и известный кавказовед Дирр. Он писал, что «хамито-семитические (и даже остальные африканские), кавказский и баскский языки стоят между собой в генетической связи: когда-то, в очень отдаленные времена, эти народы говорили на одном и том же языке и жили так близко друг от друга, что они могли позаимствовать друг от друга не только слова, но даже грамматические формы»[10]. Несмотря на фантастичность этого утверждения, оно в какой-то степени предвосхищает идеи современной ностратической гипотезы.

Переходя к конкретным делам, можно задать себе вопрос: существуют ли какие-нибудь данные, дающие основания прямо или косвенно предполагать о родстве языка колхов и древних египтян? И что такое язык колхов? Это язык древних абхазов или язык древних грузин?

Данных для сближения языков египетского и абхазского нет, и насколько мне известно, никаких научных работ в этом направлении не существует.

Что же касается сближения древнегрузинского языка и языка древних египтян, то данных для такого сомнения также никаких нет, как нет и научных поисков в этом направлении. Некоторым исключением являются труды акад. Н. Я. Марра. Общеизвестно, что он в 1908 г. опубликовал свое известное исследование, озаглавленное «Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими». В этом предварительном сообщении автор указал на основные, по его мнению точки соприкосновения грузинского языка с семитическими. Здесь незачем повторять Н. Я. Марра. Во всяком случае его точка зрения оказалась на поверку недоказанной и не получившей признания гипотезой. Исходя из своей платформы «яфетических» языков, он писал: «теоретическое родство египетского с абхазским не может подлежать сомнению, поскольку абхазский язык яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским»[11].

---

[9] И. И. Мещанинов, Кавказ и Египет. Обследование и изучение Азербайджана.

[10] Сборник материалов об абхазском языке, 1907 (Цитировано по Д. Гулия, История Абхазии, стр. 30).

[11] Н. Я. Марр, Абхазы и абхазоведение, стр. 168.

В наши дни, когда «новое учение о языке» является столь уже давно пройденным, и скажем без обиняков, далеко не блестящим этапом нашей науки, подобная аргументация теряет всякую научную убедительность. Итак, что же остается от предполагаемой близости кавказских языков и египетского языка? Скажем прямо, ровно ничего. Эти предположения были беспочвенны, в лучшем случае дилетантскими и нет никаких не только крупных, но и мелких, но проверенных языковых фактов, которые лили бы воду на мельницу. близости этих языков. Следует ли из всего сказанного, что в научном плане никакая генетическая близость между древнеегипетским языком и языками Кавказа не будет обнаружена и не может быть обнаружена? Такое утверждение было бы, несомненно, поспешно. В 1971 г. вышел в свет первый том капитальной монографии В. М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков», задачей которого является доказательство генетического родства шести больших языковых семей Старого Света — семито-хамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской и алтайской. Вряд ли необходимо пояснить масштаб и значение этого «опыта» для науки, но в принципе он предусматривает не только возможность такого сближения, но и фактическое существование генетического родства. Но это вовсе не решение проблемы «Колхида-Египет». Последняя является проблемой в историческом плане, на отрезке ощутимого и доступного историческому исследованию процесса, тогда как генетическое родство кавказских языков с семито-хамитскими языками — это проблема ностратического плана, находящегося за пределами доступной для исследования исторической науки глубинной «доистории». Эти по существу разные проблемы, образно выражаясь, в разных этажах исторического процесса.

Ответ на проблему Колхида-Египет, как она возникает у Геродота, в свете проверенных данных современной науки может быть решена только негативно.

IV 1976

G. E. WEIL, A.-M. GUÉNY
(Nancy, France)

LE MANUSCRIT DU PENTATEUQUE DE TBILISSI[1]

ASPECTS PALÉOGRAPHIQUE, CODICOLOGIQUE ET MASSORÉTIQUE

En octobre 1972, quelques mois avant que la mort ne vienne ravir le Professeur G. V. Tsérétéli, membre des Académies des Sciences de Géorgie et d'U. R. S. S., à l'affection de ses élèves et à l'admiration de ses amis, nous avions eu le privilège, A.-M. Guény et moi-même, de nous rendre à Tbilissi auprès de lui, dans cet Institut des Etudes Orientales dont il assumait la direction et qu'il avait si brillamment illustré. Invité par G. V. Tsérétéli à participer à l'étude critique et à l'édition du manuscrit du Pentateuque hébraïque sur lequel il travaillait à cette époque, nous avions pu consacrer quelques séances de travail en commun à tracer les grandes lignes du projet. A ce premier travail de défrichage devait succéder une enquête plus longue et plus minutieuse, consacrée à l'analyse paléographique et codicologique du manuscrit, destinée à ouvrir le champ à une étude concertée de ses aspects massorétiques et traditionnels. Notre second voyage en Géorgie, dont l'arrivée était fixée au 24 septembre, devait hélas être assombri par un télégramme nous annonçant son décès le 13 septembre 1973. Nous consacrerons cet article, qui était destiné tout d'abord à célébrer la joie de son soixante-dixième anniversaire, à rappeler aujourd'hui le souvenir du grand savant, mais aussi de l'homme juste, bon et droit qu'il avait été.

I

Le manuscrit du Pentateuque qui intéresse notre étude est conservé sous la cote: Heb. n°3, à l'Institut Kékélidzé, Institut des Manuscrits de l'Académie des Sciences de Géorgie[2]. Il y est arrivé après un périple de plusieurs si-

[1] Notre travail prend la suite de l'article magistral qu'avait consacré à ce manuscrit G. V. Tsérétéli: «The Tbilissi Codex of the Hebrew Pentateuch», ძოსეს ხუთო წიგნის თბილისური ებრაული ხელნაწერი. dans Philologia Orientalis I, Tbilissi, 1969, pp. 21—39.

[2] Nous voulons remercier ici le Professeur Hélène Métrévéli, directrice de l'Institut des Manuscrits de la RSS de Géorgie à Tbilissi dont l'aimable accueil et le sens de l'hospitalité ont su rendre si agréable et si productif notre séjour dans son Institut. Nos remerciements vont encore à nos collègues géorgiens de l'Institut des Etudes Orientales de l'Académie des Sciences de Tbilissi, et aux collaborateurs de l'Institut des Manuscrits qui surent être à nos côtés en toutes circonstances pour rendre nos recherches si fructueuses.

ècles dont nous connaissons avec certitude les trois dernières étapes. Ce manuscrit fut longtemps la propriété de la communauté juive de la ville de Laïlashi, dans la province de Lečhumi. De là, il fut transporté à Tbilissi, d'abord au Musée des Juifs de Géorgie, puis en 1938 au Département des Manuscrits du Musée de Géorgie (Musée Simon Djanashia) avant d'être conservé définitivement là où nous avons pu l'étudier dans les meilleures conditions. Un certain nombre de folios manquent depuis de nombreuses années, ainsi que le signalait J. Tschorni, et doivent être considérés comme définitivement perdus. Cependant, six folios avaient subi un sort différent, ces six folios (ff°. 43; 63; 64; 67; 77 et 78) ont été retrouvés à Oni où ils étaient restés entre les mains du Ḫakham de cette ville, Mosheh Ḫaḫiashvili, qui avait juridiction sur l'ancienne communauté de Laïlashi. Ils furent rapportés par les soins de Tsotné Kikvidzé, collaborateur de l'Institut des Manuscrits, et replacés dans le manuscrit d'où ils avaient été prélevés avant que celui-ci ne fût remis au Musée des Juifs de Géorgie. Le renom de sainteté et la légende miraculeuse qui s'attachaient à ce manuscrit firent que le Ḫakham d'Oni se refusa longtemps à se défaire des folios qui manquaient au manuscrit et sa mort qui suivit de quelques années la restitution des pages disputées a été rattachée par la ferveur populaire à l'abandon de ces reliques dans des mains profanes.

En dehors de l'article que lui a consacré G. V. Tsérételi[3], le manuscrit n'avait été mentionné, jusqu'alors, que dans la plaquette qui servait de guide à l'exposition du Musée des Juifs de Géorgie, dans un article de Trudy, Transactions of the Historical-Ethnographical State Museum of the Georgian Jews[4]; et enfin dans le Sephèr ha-Masa'ot de Jehudah Tschorni[5]. Parmi les critiques très acerbes que fait le voyageur à l'encontre des juifs de Lečhumi, dans son texte partie en hébreu, partie en yiddish, on trouve ces lignes consacrées au manuscrit qui nous intéresse:

> Il se trouve dans la communauté de Lečhumi un antique manuscrit du Pentateuque sur parchemin, d'écriture ancienne munie de la ponctuation, auquel il manque la page de garde ainsi que quelques folios du début et les deux folios de la fin. On ne sait qui a copié ce manuscrit mais on sait, par tradition, qu'il appartient depuis fort longtemps à cette communauté. Les marges sont ornées de lignes et de nombreux dessins faits de lettres, encadrés de parties de versets et je ne sais pour quelles raisons le scribe a copié dans les marges des versets et des parties de versets dont les mots n'ont aucun rapport entre eux, mais qui sont tous tirés des Prophètes et des Hagiographes.
>
> J'avais souhaité emporter le manuscrit hors de la communauté,

---

[3] Cf. note 1.

[4] Труды гос. Историко-этнографического музея евреев Грузии. People's commissariat for education of the Georgian SSR, Transactions of the Historical-Ethnographical State Museum of the Georgian Jews, vol. I, Tbilissi, 1940, II — 1941, III — 1945.

[5] Joseph Jehudah Tschorni, Journal de voyage dans les pays du Caucase ainsi que dans quelques autres pays de la steppe russe. St.-Pétersbourg, 1884, p. 146.

afin de le montrer à des spécialistes des études anciennes, mais tous les membres de cette petite communauté sont plus ânes et sots les uns que les autres, fanatiques à l'extrême et sans cervelle. D'abord, certains m'ont dit qu'ils ne demeurent sur terre que par le mérite de ce manuscrit, que Dieu les protège! D'autres, ensuite, m'ont dit qu'ils avaient fait le voeu de ne jamais laisser sortir l'ouvrage de leur village. Ils me racontèrent encore d'autres fables et d'autres légendes à ce sujet, dans lesquelles ils ont foi comme dans une Nouvelle Alliance, pour me refuser finalement de me le confier. Quel malheur pour moi, car entre leurs mains l'ouvrage va à sa perte, déjà la pourriture s'y est mise, dans quelques années il sera entièrement abîmé et il faudra alors l'enfouir dans une Genizah. Jusqu'à quels confins peut conduire le fanatisme...

Tschorni, dans son glacial jugement de ce qu'il appelle l'obscurantisme caucasien, ne rapporte rien des traditions populaires attachées à l'ouvrage. Tradition qui fait nommer Svanuri Biblia — la Bible de Svane — un manuscrit conservé dans le district de Lečhumi[6]. Tschorni ne rapporte pas non plus la ferveur populaire des Juifs autant que des non-Juifs attachée à cet ouvrage, qui voulait que les habitants du village fassent sortir le manuscrit en procession publique, en cas de sécheresse ou en cas d'inondation et aussi dans les temps de disette, d'incendie ou de guerre. Ce contexte ne semble pas négligeable à l'historien du texte s'il veut tenter de situer un manuscrit où ne figurent ni le nom du scribe, ni la date, ni le lieu où il fut rédigé, mais dont l'aspect général atteste la relative antiquité. Nous tenterons donc une recherche qui, selon les règles suivies pour la rédaction de notre Catalogue Général des Manuscrits de la Bible, se situera sur deux plans:

— nous établirons d'abord les caractéristiques, intrinsèques, codicologiques, paléographiques et massorétiques du manuscrit,

— puis, dans un deuxième stade, en recourant aux données auxiliaires de l'histoire, nous exposerons les hypothèses qui peuvent être soulevées à propos de l'histoire et des tribulations de l'ouvrage.

II — ANALYSE CODICOLOGIQUE ET PALEOGRAPHIQUE

Nous sommes en présence d'un manuscrit incomplet du Pentateuque, muni des signes de vocalisation et de cantilation de Tibériade, accompagné de la Massorah Parva inscrite dans les marges ainsi que de la Massorah Magna au haut et au bas des colonnes. Le manuscrit sur parchemin présente aujourd'hui 169 folios, d'une surface moyenne de 435×370 mm. formant 19 cahiers (1^{4v}; 2—18^{7}; 19?). Il a été rédigé d'une belle écriture livresque carrée orientale, sur trois colonnes à 21/22 lignes de justification, couvrant une surface écrite moyenne de 285×280 mm, à laquelle s'ajoutent deux lignes de Massorah Magna dans la marge supérieure et 2/3 lignes dans la marge inférieu-

[6] Nous reviendrons sur ce point dans nos conclusions.

re. Le manucsrit, dans son entier, montre les traces du mauvais état évoqué par Tschorni, ainsi que des taches rouges causées par les anciennes atteintes dues à la moisissure, et l'on doit penser que le fait d'être désormais conservé à l'Institut des Manuscrits a permis d'arrêter le processus de dégradation qui l'avait affecté avant son arrivée à Tbilissi.

Le Support

1. La qualité du Support

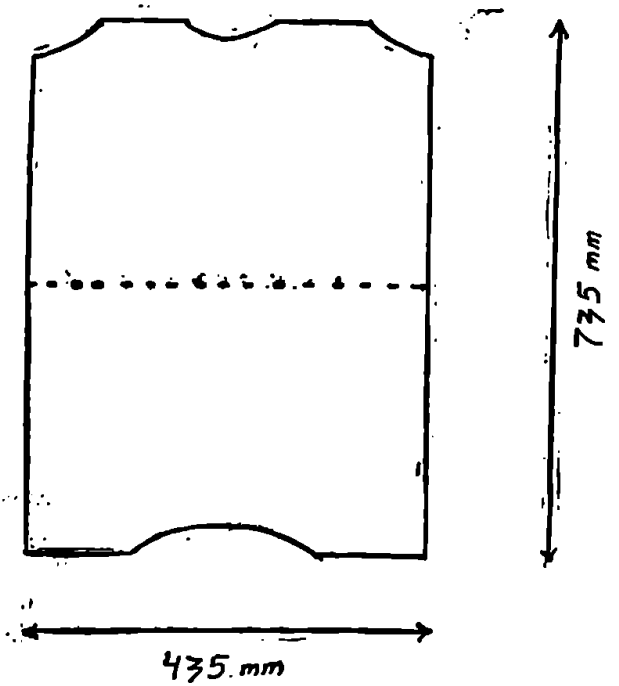
Le manuscrit a été rédigé sur un parchemin assez fruste et épais; de couleur jaune grisâtre, avec des parties accusant une coloration plus sombre. La couleur du parchemin varie avec le côté fleur ou chair du folio et permet assez bien de les distinguer, le côté chair présente une surface plus lisse et plus claire que le côté fleur. On remarque la présence, dans le parchemin, de trous en assez grand nombre dont certains sont d'origine. Dans les folios existants, le texte biblique a été copié de part et d'autre des échancrures sans que le contenu en soit affecté. Certains trous ou déchirures, cependant, sont dûs à la détérioration du manuscrit à cause des injures du temps et de la mauvaise conservation de l'ouvrage. On notera également que de nombreuses coutures anciennes se sont détériorées et ont été reprises par la suite, en général grossièrement, avec un fil à coudre beige et même, parfois, avec du fil rouge. Le folio 159a, dès l'origine, a été complété dans l'angle gauche bas, à partir de la 11-ème ligne, par un morceau de parchemin qui a été partiellement posé sur le recto du folio, pour ensuite être cousu en quatre endroits à gros points. Ce morceau rajouté porte la suite des piqûres et de la réglure du folio lui-même, et, au verso, le texte écrit se poursuit, du parchemin d'origine à la partie rapportée, sans lacune ni interruption. On notera enfin que les dimensions des bifolii pliés donnent à l'ensemble du codex des dimensions très proches d'une forme carrée, ce qui constitue un signe d'antiquité notoire.

2. Caractéristiques du Support

Certains bifolii entiers présentent un aspect particulier lorsqu'ils sont dépliés et, grosso modo, ils offrent l'aspect de la peau entière prélevée sur un petit animal tel qu'un agneau ou une chevrette et ceci bien que l'épaisseur du parchemin soit assez remarquable pour un animal si petit et par là si jeune. Les échancrures, qui affectent le parchemin sur les contours, loin de provenir de dégradations dues à des rongeurs comme on pourrait le penser à première vue, semblent indiquer l'emplacement de la tête, des pattes et de la queue de l'animal sur lequel la peau a été prélevée.

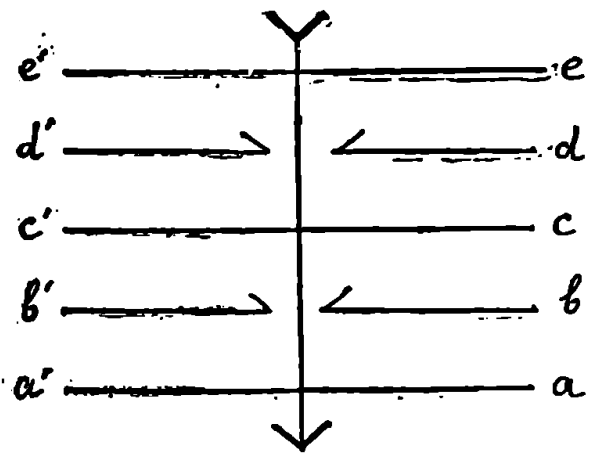
Agencement du Manuscrit

Le manuscrit est composé d'un ensemble de 19 cahiers. Tous les cahiers sont des quinions, complets ou aujourd'hui incomplets, à l'exception du cahier 1 qui est un quaternion d'origine, et du cahier 19 de type indéterminé aujourd'hui.

1. Composition des cahiers

Les cahiers כ à יז présentent un seul schéma scrupuleusement observé:

a'a =premier bifolium entier, bifolium extérieur, côté fleur à l'extérieur.

bb' = second bifolium composé de 2 folios à onglets

cc' = troisième bifolium entier

dd' = quatrième bifolium composé de 2 folios à onglets

ee' =cinquième bifolium entier, bifolium médian, côté chair à l'intérieur.

La règle des vis-à-vis: fleur/fleur et chair/chair est scrupuleusement observée pour chaque cahier.

Seuls, les cahiers, יג à יה sont des quinions complets composés de bifolii d'un seul tenant, pliés au centre pour former un cahier.

Le cahier [א], folio 1a-5b, était à l'origine un quaternion auquel il manque aujourd'hui les trois premiers folios originaux. Les folios 1 et 2 actuels représentent le bifolium médian de ce cahier. L'actuel folio 4 n'est pas d'origine, mais a été écrit par une main tout à fait différente pour remplacer le folio 7 original.

Ce cahier semble n'avoir comporté à l'origine que des bifolii d'un seul tenant. A l'analyse, il semble que ce cahier soit de la même main que le manuscrit lui-même, mais qu'il provienne d'un autre manuscrit, préparé par le même scribe. Il présente une série de différences notables avec les autres cahiers du manuscrit:

— dimensions différentes des folios
— dimensions différentes dans la réglure et le nombre des réglures
— Cahier כ quinion incomplet — manque le fol. b'.
— Cahier ג . quinion complet — en très mauvais état.
— Cahier ד . quinion incomplet — manque le folio a.
— Cahier ה . quinion incomplet—manque le folio a'.
— Cahier ו . quinion incomplet — manquent les folios bb' (à onglets)
— Cahier ז . quinion incomplet — manquent les folios a' et b'.
— Cahiers ח à ם . quinions complets.
— Cahier י . quinion incomplet — manquent les folios b' et d.
— Cahiers אי à יד quinions complets.
— Cahiers יו à יח . quinions complets dont les bifolii sont tous entiers et pliés.
— Cahier מי . le type de ce cahier est difficile à déterminer, il ne porte ni signature, ni réclame, il est incomplet de la fin, le texte s'arrête avant Deut. 32,10 et la fin du Deutéronome ne nous est pas parvenue. Ce cahier a peut-être été un quinion à l'origine, ce qui paraît l'hypothèse de travail la plus vraisemblable, en fonction du texte manquant. Dans la meilleure hypothèse, on doit penser que le manuscrit avait 188 folios à l'origine dont 169 ont été conservés et 19 ont disparu.

Deux autres cas sont cependent à examiner: si le dernier cahier avait été un quaternion, le manuscrit aurait eu 186 folios, et s'il avait été un trinion 184. En ce sens, nous nous sommes éloignés de l'hypothèse de G. V. Tsérételi qui pensait que le manuscrit avait 184 folios à l'origine.

2. Réclames

Tous les cahiers qui ont conservé le dernier folio original présentent au verso du folio a', dans la marge interne en bas de page, une réclame de la main même de celui qui a copié le texte. Le tableau récapitulatif, donné en fin de ce paragraphe, présente l'ensemble des relevés des réclames.

3. Signatures

Tous les cahiers ayant conservé leur premier folio d'origine en suffisamment bon état présentent une signature au recto du folio a, dans la marge interne en haut de la page. Le tableau récapitulatif, donné en fin de ce paragraphe, présente l'ensemble des relevés des signatures. On notera à propos de la méthode de notation des signatures deux particularités intéressantes:

— les signatures sont surmontées d'un signe ˇ pour marquer le symbole chiffré

— pour noter les chiffres au-dessus de la dizaine, le scribe a opéré l'inversion des symboles: אי, כי, גי, etc... marquant le refus de noter le groupe יה, considéré comme un élément du Tétragramme divin que le scribe note הי comme c'est le cas dans la Massorah Parva du Manuscrit B 19a de Léningrad, sans que pour autant l'inversion des symboles numériques ait été généralisée.

Tableau récapitulatif des cahiers

Nº. Cah.	Folios	Type	Sign.	Folios	Réclame	Folios	Remarques
1	1a — 5b	quaternion	—		בימ[ין]	5b	Incomlet
2	6a — 14b	quinion	ב	6a	אברהם	14b	Complet
3	15a — 24b	quinion	ג	15a	כי נס	24b	Complet
4	25a — 33b	quinion	[ד]		מלפני	33b	Incomplet
5	34a — 42b	quinion	ה	34a	—		Incomplet
6	43a — 50b	quinion	ו	43a	אחם	50b	Incomplet
7	51a — 58b	quinion	ז	51a	—		Incomplet
8	59a — 68b	quinion	[ח]	—	ויקמו	68b	Complet
9	69a — 78b	quinion	[ט]	—	וכי תקֿ	78b	Complet
10	79a — 86b	quinion	[י]	—	—		Incomplet
11	87a — 96b	quinion	אי	87a	להיות	96b	Complet
12	97a — 106b	quinion	כי	97a	כל	106b	Complet
13	107a — 116b	quinion	גי	107a	נתן	116b	Complet
14	117a — 126b	quinion	די	117a	וישמע	126b	Complet
15	127a — 136b	quinion	הי	127a	ויקרא	136b	Complet
16	137a — 146b	quinion	וי	137a	לאב	146b	Complet
17	147a — 156b	quinion	זי	147a	התורה	156b	Complet
18	157a — 166b	quinion	[חי]	157a	לא	166b	Complet
19	167a — 169b	?					Incomplet

Rédaction du Manuscrit

1. Réglures

Pour copier le texte, le scribe a tracé systématiquement les réglures horizontales à partir des piqûres visibles dans les marges extérieures et inférieures, non rognées du codex et les réglures verticales à partir de piqûres visibles en haut et en bas des folios. Les réglures, tant verticales qu'horizontales, sont soigneusement tracées pour le texte biblique, pour la Massorah Magna, ainsi que pour certains calligrammes. Elles ont été systématiquement tracées sur le recto des folios pliés, ce qui est apparent à l'examen minutieux des feuillets.

On notera que dans le premier cahier (fol. 1—5) on compte 23 lignes réglées, la dernière ligne d'écriture est comprise dans le cadre réglé. Dans le reste de l'ouvrage (fol. 6 à fin) on compte 21 lignes réglées, la dernière ligne d'écriture n'est pas comprise dans le cadre réglé. On peut penser que, malgré la parfaite liaison du texte biblique, le premier cahier a pu être destiné d'abord à une autre copie de la Bible, de la main du même scribe qui, ne l'ayant pas utilisé, s'en est servi pour le codex que nous étudions présentement.

2. Piqûres

Les piqûres correspondent exactement à la réglure. Elles ont été pratiquées systématiquement dans les marges extérieures et intérieures, au haut et au bas des folios, sur le recto des folios pliés, leur forme triangulaire indique l'usage d'un poinçon en forme d'alène. Il faut noter que les piqûres figurent également dans les marges intérieures sur les onglets des folios de ce type.

3. Disposition du texte

a. Surface d'Ecriture — Colonnes

Le texte entier du Pentateuque est écrit sur trois colonnes, à l'exception du Cantique de la Mer et du Cantique de Moïse qui sont écrits en pleine page selon les règles propres à la disposition de ces textes. G. V. Tsérétéli ayant largement traité ce problème, nous ne le reprendrons pas dans cet article[7].

Dans le premier cahier du codex, le nombre de lignes écrites par colonne est de 22. Dans ce même cahier, les dimensions moyennes d'une colonne sont de 290 mm ×71 mm. La surface moyenne d'écriture pour ce cahier varie entre : 290 mm × 280 mm et 290 mm × 245 mm.

Dans les cahiers suivants, le nombre de lignes écrites par colonne est de 21. Les dimensions moyennes d'une colonne sont de 300 mm ×74 mm. La surface moyenne d'écriture varie entre: 300 mm ×270 mm et 285 mm ×280 mm.

Les listes de la Massorah Magna sont écrites sur deux lignes dans les marges supérieures et sur deux à trois lignes dans les marges inférieures.

b. Les Lignes

Les lignes écrites sont le plus souvent complètes, plus parce que les dépassements dans les marges sont usuels, que parce qu'elles sont volontairement complétées. Dans les quelques cas où les lignes ont été complétées, le scribe a utilisé, soit des lettres dilatées (fol. 85a), soit des signes de remplissage assez semblables à des yod plus ouverts, écrits au milieu de la ligne (fol. 85b).

c. Ecriture

On peut observer deux types très distincts d'écriture dans ce manuscrit. Pour le texte biblique: on note une écriture livresque, de type carré oriental, où apparaissent des différences assez marquées entre les pleins et les déliés. Les

[7] Cf. G. V. Tsérétéli, «The Tbilissi...» o. c. pp. 28—31.

hé notamment ont une forme très évoluée, le jambage gauche est nettement séparé du linteau de la lettre, ce qui permet de différencier aisément les hé des hèt dont les deux jambages verticaux égaux sont bien liés au linteau avec lequel ils forment deux angles droits aux angles adoucis. Cette écriture se rapproche de l'écriture livresque des textes bibliques en provenance de Palestine et d'Egypte. Elle est cependant trop recherchée pour être considérée comme appartenant pleinement au type palestinien carré et assez anguleux des Xe et XIe siècles, dont la rapproche cependant la forme de l'aleph et de certaines lettres finales. La différence marquée entre le dalet et le rèsh au jambage contourné; le shin trop rond à la base, la potence du nun et le linteau du pé trop horizontaux, différencient par trop cette écriture des modèles connus de l'égyptienne carrée des Xe et XIe siècles. Certaines affinités avec des manuscrits babyloniens ne sont pas à négliger.

On devra considérer l'écriture de notre manuscrit comme un modèle oriental original vraisemblablement de la fin du XIe ou du début du XIIe siècle où l'on trouve déjà les éléments qui caractériseront par la suite l'écriture proprement sépharad.

On notera que l'écriture carrée livresque du manuscrit a une hauteur moyenne de 7,5 à 8 mm. Le lamed à l'intérieur du texte a une hauteur moyenne de 12 mm et le lamed ornemental, en première ligne, de 35 mm. La largeur moyenne des lettres est de 4 mm pour le yod et le wav, et de 7,5 à 8 mm pour les autres lettres. L'épaisseur moyenne du trait est de 1,5 mm pour les linteaux des lettres et de 1 à 1,5 mm pour les jambages. L'étude de l'attaque arrondie des lettres nous fait penser que le scribe a utilisé un calame fait d'un roseau taillé.

L'écriture de notre manuscrit se rapprocherait assez pour la forme et pour les dimensions de celle du manuscrit du Pentateuque copié à Kufa en 1022 (7 mm, 15 mm et 30 mm) qui est le n° 59 de la IIe collection de Firkowitsch[8]. Nous aurions là d'assez heureuses informations pour attester l'origine de notre manuscrit si l'on pouvait accepter comme indiscutable un colophon issu de cette collection. On peut encore rapprocher, pour leurs dimensions ou pour leurs formes, les caractères de notre codex de l'écriture du manuscrit des Prophètes acheté en 1058 (?) ou de celle du manuscrit des Hagiographes relié en 1130 (?) qui sont les numéros 1283 et 34 de la IIe collection de Firkowitsch. A l'appui de l'hypothèse que nous venons de formuler quant à une écriture de transition avec le modèle sépharad des XIe—XIIe siècles, on pourra utilement comparer l'écriture de notre manuscrit avec celle du manuscrit des Prophètes Harley 5720 du British Museum qui, selon Margoliouth[9], représente cette écriture au stade de transition.

Pour la Massorah: la seconde écriture est celle de la micrographie massorétique: on peut reconnaître dans le commentaire la trace de plusieurs mains bien que celles-ci ne soient pas toujours faciles à distinguer. Cette écriture,

[8] Le colophon de ce manuscrit et des suivants ainsi qu'un fac-similé de chacun de ces manuscrits a été édité par Paul Kahle dans son Massoreten des Westens, I, Stuttgart, 1927.

[9] G. Margoliouth, Catalogue of the Hebrew and Samaritan manuscripts in the British Museum, I. Londres, 1965, n° 123, p. 90.

généralement de type semi-carré, tend dans un certain nombre de folios à présenter une forme plus cursive de type mashayt.

Exemples de mains différentes:

— folio 1; 2; 3a: la Massorah Magna des marges supérieures et inférieures est d'une main différente de celle qui a tracé le commentaire au folio 3b et suivants où la Massorah est écrite sans décoration.

— folio 40b; 41a; 44a : les listes d'hapax dans les marges inférieures ont été rajoutées avec un calame plus fin que celui qui a permis d'écrire la première Massorah Magna. La main qui a noté ces hapax est manifestement différente de la première main qui a rédigé la Massorah Magna.

D'une manière générale, on peut dire que deux mains au moins ont noté la Massorah, l'une très fréquente d'une écriture micrographique assez arrondie, l'autre qui apparaît plus sporadiquement se caractérise visiblement par des attaques beaucoup plus anguleuses, particulièrement remarquables pour les lamed. Deux alphabets de la première écriture et un alphabet de la seconde, qui est surtout visible dans les calligrammes géométriques, ont été reproduits en annexe.

d. Encre

L'encre du texte consonantique biblique est noire, plus ou moins soutenue selon l'état de conservation des différents folios. L'encre de la vocalisation ainsi que celle de la Massorah sont différentes et même varient assez fréquemment dans la Massorah, témoignant ainsi du travail de plusieurs mains. Il faut noter que l'encre ne présente aucun caractère corrosif et que par là même sa composition doit être considérée comme strictement végétale, à l'exclusion de tous sels minéraux et que de cette façon elle répond exactement aux règles suivies par les scribes des manuscrits sacrés.

Décoration

Notre manuscrit présente sur quelques folios des ornementations parmi lesquelles on distingue deux types principaux. Le premier est représenté par des calligrammes micrographiques, de formes géométriques et qui, du point de vue de l'ampleur, vont du simple cadre renfermant le décompte massorétique des versets d'un livre jusqu'à encadrer un folio complet ou même deux folios en vis-à-vis. Au bas du folio 169b dans le milieu du cadre, on notera que les calligrammes forment, pour la seule fois, des éléments d'objets stylisés que l'on retrouve plus tardivement dans des enluminures ornant des Bibles copiées en Espagne.

Le second type d'ornementation est le dessin géométrique coloré que l'on peut assimiler à une sorte d'enluminure très primitive. Celle-ci va, dans notre manuscrit, de la simple forme géométrique colorée à la stylisation d'un bâtiment de type oriental. Ces dessins colorés marquent généralement la fin d'un livre. Nous allons relever les principales ornementations dont nous donnerons la situation dans le manuscrit, ainsi qu'une brève decsription.

Les Alphabets[10]

LETTRES INITIALES ET MEDIANES

f° 100a	f° 60a	f° 1a
א	א	א
ב	ב	ב
ג	ג	ג
ד	ד	ד
ה	ה	ה
ו	ו	ו
ז	ז	ז
ח	ח	ח

[10] Nous devons remercier M. M. Walterspieler, dessinateur-cartographe à l'Institut de Géographie du CNRS de Nancy, pour la réalisation technique des planches paléographiques à partir des relevés qu'Anne-Marie Guény a opéré à Tbilissi sur le manuscrit. Pour des raisons de format d'édition, les caractères ont été légèrement réduits à la photographie.

6° 100a	6° 60a	6° 1a
ט	ט	ט
י	י	י
כ	כ	כ
ל	ל	ל
מ	מ	מ
נ	נ	נ
ס	ס	ס

ʃ° 100a	ϐ° 60a	ϐ° 1a
ע	ע	ע
פ	פ	פ
צ	צ	צ
ק	ק	ק
ר	ר	ר
ש	ש	ש
ת	ת	ת

LETTRES FINALES

f° 100a	f° 60a	f° 1a
		
		
		
		
		

LAMED ORNEMENTAUX

f° 100a	f° 60a
	

MICROGRAPHIE. LETTRES INITIALES ET MEDIANES

6° 3a	6° 75a	6° 5a
		
		
		
		
		
		

6° 3a

6° 75a

6° 5a

6° 3a	6° 75a	6° 5a
		
		
		
		
		
		
		

MICROGRAPHIE LETTRES FINALES

6° 3a	6° 75a	6° 5a
		
		
		
		
		

— Fol. 1b—2a: les marges supérieures, inférieures et externes sont occupées par un cadre en micrographie composé, à partir du commentaire massorétique, exclusivement de type géométrique, le motif principal en est une série d'arcades et de figures arrondies en forme de poire ou de gouttes d'eau, alternativement inversées. Ce calligramme, bien que géométrique, diffère par ses formes des calligrammes que nous trouverons par la suite dans le manuscrit.

— Fol. 3a: dans la marge inférieure, la place a été laissée libre entre deux lignes suffisamment espacées pour des calligrammes qui n'ont jamais été réalisés.

— Fol. 77b—78a: nous trouvons un très grand calligramme dans les deux folios en vis-à-vis. Ce calligramme, semblable à celui que l'on trouve au seul fol. 43a, est un large cadre en micrographie qui occupe les marges supérieures, inférieures et externes des deux folios. Comme au folio 43a, ce sont des formes géométriques contenues dans les cadres pratiquement à la dimension des marges. Les marges supérieures présentent une série continue de carrés dans lesquels sont inscrites des arcades. On trouve inséré systématiquement, dans chaque cercle, un cercle beaucoup plus petit. Dans les marges inférieures, les mêmes arcades renferment chacune deux petits losanges accolés et disposés côte à côte verticalement. Les calligrammes des marges externes sont très simples, deux lignes parallèles délimitent un cadre compartimenté en carrés dans lesquels s'inscrivent, seules, les diagonales formant les losanges.

— Le Cantique de la Mer: au fol. 54b—55a. Ces deux folios sont ornés en vis-à-vis de calligrammes dans les marges supérieures et inférieures. Dans les marges supérieures, les grands cadres rectangulaires renferment des demi-cercles non fermés traversés en leur milieu par deux lignes horizontales. Dans les deux marges inférieures, dans deux grands cadres, on peut voir également inscrits en alternance, cercles, losanges horizontaux et ellipses dans lesquelles est inscrit chaque fois un losange vertical.

Les ornementations décrites ci-dessus représentent les ornementations types de ce manuscrit et que l'on retrouve avec quelques variantes encadrant d'autres folios. On peut citer, semblables à quelques détails près aux calligrammes des folios 77b—78a et des folios 54b—55a, les folios 102b—103a; 139b—140a et 145b—146a.

Il faut cependant accorder une attention particulière au très beau calligramme du fol. 169b qui orne le texte du Cantique de Moïse. Dans la marge supérieure s'inscrit, toujours exécuté en micrographie massorétique, un grand cadre calligraphique compartimenté en carrés dans lesquels s'inscrivent des arcades où sont logés deux losanges verticaux accolés côte à côte. Dans la marge inférieure, le cadre est divisé en trois parties rectangulaires: le rectangle central est occupé par les dessins très stylisés de deux objets qui semblent appartenir aux représentations des instruments du Temple de Jérusalem, sans doute les pelles et les pinces qui servaient à enlever les cendres de l'Autel. De part et d'autre de ce dessin, les deux rectangles sont occupés par des calli-

grammes très simples, sorte de tissage de mailles se croisant en diagonales et formant des losanges.

La partie centrale du folio, constituant une sorte de marge médiane laissée libre par l'écriture en stiques du Cantique de Moïse, est décorée d'un calligramme qui semble inspiré d'un motif végétal naïf. Deux lignes verticales constituent sa limite par rapport au texte. Deux autres lignes verticales en constituent l'axe ou la tige. A cette tige se rattachent 13 paires d'éléments ovoïdes horizontaux rappelant la disposition des feuilles de myrtes disposées de part et d'autre de la tige, telles que les représentait la peinture naïve. Au haut de cette tige, deux triangles opposés par la pointe ainsi que deux très petits demi-cercles semblent symboliser le calice d'une fleur.

2. Les enluminures

Au folio 78a, dans la deuxième colonne, à partir de la quatorzième ligne qui porte la fin de l'Exode, les sept dernières lignes de la colonne sont occupées par une enluminure naïve. Celle-ci représente, sous forme très stylisée, une synagogue orientale ou peut-être le Temple de Jérusalem. Cette enluminure est composée d'un cadre rectangulaire plein, surmonté d'un dôme doré. Les parties pleines du cadre sont compartimentées en petits triangles imbriqués, colorés assez vivement en turquoise, bleu, rouge, rouge bordeaux et or. A l'intérieur de l'enluminure est inscrit le décompte massorétique des versets du livre de l'Exode.

Aux folios 103a et 140a, on trouve des cadres simples, naïvement enluminés. Ils se composent uniquement d'un linteau reposant sur deux montants dont la base s'achève en biseau. La partie pleine est colorée de la même manière qu'au folio 78a. Au folio 103a, elle occupe les quatre premières lignes de la troisième colonne précédant le début du livre des Nombres, alors qu'au folio 140a, dans la troisième colonne, elle occupe une hauteur de cinq lignes à partir de la huitième ligne et encadre le décompte massorétique des versets du livre des Nombres.

III — LE TEXTE ET LE COMMENTAIRE

Contenu détaillé

GENÈSE — Gen. 3,24 (הארם וישכן) à 50,26 (fin)
du fol. 1a (col. 1, ligne 1) au fol. 42b (col. 3, dernière ligne)
Le texte présente les lacunes suivantes:
Avant le fol. 1a: Gen. 1,1—3,24 (הארם וישכן)
Après le fol. 12b : Gen. 20,9 (התאתי) à 21,23 (ועם הארץ)
Après le fol. 24b Gen. 31,49 (כי נסתר) à 32,24 (ויעברם)
Après le fol. 42b : Gen. 49,31 (ושמה) à 50,26 (fin). Le fol. 4: Gen. 7,22 (אשר כהרבה) à 9,10 (חית הארץ) est d'une autre main.

EXODE — Ex. 1,1 à 40,38 (fin), du fol. 43a (col. 1, ligne 1) au fol. 78a

(col. 2, ligne 14). Le texte présente les lacunes suivantes :
Après le fol. 43b Ex 2,14 (ויירא) à 3,16 (אתכם ואת העשוי)
Après le fol. 49b Ex. 9,33 (והכרד) à 10,24 (עמכם)
Après le fol. 58b : Ex. 19,9 (ויגד) à 21,31 (יעשה לו)

LÉVITIQUE Lev. 1,1 à 27,34 (fin), du fol. 78a (col. 3, ligne 1) au fol. 103a (col. 2, ligne 14)
Le texte présente les lacunes suivantes :
Après le fol. 81 b : Lev. 5,24 (לאשר) à 7,12 (אם על)
Après le fol. 83b Lev. 8,36 (ובניו) à 10,7 (לא תצאו)

NOMBRES Nmb. 1,1 à 36,13 (fin), du fol. 103a (col. 3, ligne 5) au fol. 140a (col. 3, ligne 8). Le texte est complet dans le manuscrit.

DEUTÉRONOME Deut. 1,1 à 32,10, du fol. 140a (col. 3, ligne 15) au fol. 169b (pleine page, dernière ligne).
Il existe une lacune après le fol. 169b, depuis Deut. 32,10 jusqu'à la fin du volume.

Le texte de la Bible

1. Le texte consonantique

Le travail d'édition du Pentateuque de Tbilissi relevant de la compétence de nos collègues géorgiens, nous ne nous sommes pas arrêtés très longtemps à cette analyse que G. V. Tsérétéli a déjà esquissée dans son article. On notera, comme c'est le cas dans tous les anciens manuscrits, de nombreuses variantes dans les leçons pleines ou défectives sans que pour autant ces divergences nous apportent des indications fondamentales.

2. La vocalisation et l'accentuation

Dans ce domaine, nous n'avons pas non plus poursuivi d'enquête systématique, laissant ces recherches à nos collègues géorgiens qui les ont prévues dans leur programme. Cependant, nous avons remarqué un net manque de méthode dans la notation du meteg. On doit signaler que le meteg, lorsqu'il est adjoint en première syllabe à une vocalisation pataḥ, n'est pas noté à côté de la voyelle [ָ] mais au-dessous [ֲ], notation qui ne peut cependant pas faire confondre ces deux signes avec le qameṣ si caractéristique dans le manuscrit de Tbilissi.

3. La disposition massorétique

Nous renvoyons, pour l'analyse de la disposition exigée par la tradition pour le Cantique de la Mer et le Cantique de Moïse, à l'analyse faite par G. V. Tsérétéli. Nous avons, pour notre part, relevé systématiquement la présentation des divisions en péricopes hebdomadaires et des divisions en sedarim du cycle de lecture triennal.

a. Les Parashiot

Deux mains différentes ont noté la division en péricope hebdomadaire, la plus courante note פרש, selon l'usage, dans la marge en face du premier verset de la parashah. Ces indications ont été notées à l'aide de signes de type mashayt qui ressemblent beaucoup, en type et en dimension, à ceux qui ont servi à noter la Massorah. L'indication hébraïque est entourée d'un dessin très simple exécuté à l'encre noire et au calame, composé de deux demi-cercles dont s'échappe, en haut et en bas dans le sens vertical, une ligne tremblée. La seconde main a noté פת en trois endroits en traçant les deux lettres hébraïques sous forme évidée, deux lignes noires continues délimitant un espace blanc entre elles pour faire apparaître une lettre évidée. On trouve cette notation au début de Gen. 18,1, Gen. 23,1 et enfin Gen. 25,19. On reconnaît dans cette façon de tracer les caractères hébreux évidés l'une ou l'autre main qui a tracé dans le manuscrit un certain nombre de ס pour marquer les sedarim de l'ancienne division triennale. La note פת doit être l'abréviation du mot araméen פתיחה signifiant début et dont l'usage en ce sens n'est pas attesté par ailleurs. Si nous jugeons de l'usage qui a été fait de ce terme au sens d'Introduction à un cours ou à un exposé dans le Talmud et le Midrash, le mot petiḥah doit être considéré ici comme connotant le sens de parashah, mais il marque la confusion entre cette acception particulière et le sens premier du terme qui désignait le verset d'introduction qui marquait, dans l'antique lecture triennale palestinienne, le début d'une péricope[11]. L'usage de cette abréviation conduit le chercheur à proposer une origine palestino-égyptienne pour cette notation dans le manuscrit.

b. Les Décomptes des Versets

Ils ont été notés à la fin de toutes les parashiot de deux mains différentes, soit avec des caractères hébreux évidés semblables à ceux qui ont été décrits précédemment, soit avec des caractères hébreux simples. En fin de Gen. 28, 9, 44,17, 47,27; Lev. 15,23; Deut. 7, 11, 11,25, 25,19, 31,30, le scribe qui écrit à l'aide des caractères les plus simples a ajouté au chiffre hébreu lui-même, les symboles mnémoniques donnant le nombre des versets. Ces symboles ajoutés tardivement sont semblables à ceux que nous connaissons par ailleurs et n'apportent aucune indication nouvelle, nous n'avons relevé aucune divergence entre les indications des nombres de versets dans le manuscrit de Tbilissi et ceux que nous connaissons par ailleurs dans la Massorah. La façon dont les décomptes des versets ont été introduits dans le texte, entre les parashah ou dans la marge, montre bien leur insertion tardive.

c. Sedarim

Plusieurs mains semblent avoir tracé les samekh évidés qui notent de façon peu systématique les sedarim de la lecture triennale. Sous Nmb. 15,1, on trouve même un samekh rédigé d'un simple trait noir, marqué d'un point en son centre. Pour permettre au lecteur de vérifier la notation des sedarim sui-

[11] Cf. Ch. Perrot, La lecture de la Bible dans la Synagogue. Les anciennes lectures palestiniennes du Shabbat et des fêtes, in Collection Massorah, Hildesheim, 1973.

vie dans le manuscrit de Tbilissi, nous donnons ci-après le tableau que nous avons établi et que nous avons complété à l'aide des chiffres en hébreu donnés dans notre édition de la Biblia Hebraica Stuttgartensia après chaque ס׳ On remarquera que les scribes qui ont inscrit le signe des sedarim les ont souvent oubliés. Des divergences apparaissent dans certains sedarim que nous allons énumérer, divergences dont on retrouve parfois trace dans quelques manuscrits anciens.

Gen. 36,1 vraisemblablement confondu avec Gen. 37,1

Gen. 42,1 n'est noté ni dans le manuscrit Vatican 448
ni dans le manuscrit Urbinate 2 du Vatican

Ex. 12,1 vraisemblablement confondu avec Ex. 12,29

Ex. 15,27 vraisemblablement confondu avec Ex. 16,4

Ex. 19,1 vraisemblablement confondu avec Ex. 19,6 qui est omis dans le manuscrit II Firkowitsch 17

Dt. 31,1 vraisemblablement confondu avec 30,11, mais 31,1 est noté aussi dans le manuscrit Madrid 1 de la Bibliothèque de l'Université de Madrid

Tableau des sedarim

GENESE

Gn. 5,1	ר
Gn. 9,18	ח
Gn. 14,1	יא
Gn. 15,1	יב
Gn. 19,1	יז
Lacune : Gen. 20,9—21,23	
Gn. 24,1	כ
Gn. 24,42	כא
Gn. 25,1	כב
Gn. 27,1	כד
Gn. 29,31	כז
Gn. 30,22	כח
Lacune : Gen. 31,49 à 32,24	
Gn. 33,18	לא
Gn. 35,9	לב
Gn. 36,1	L=Gn. 37.1 לג
Gn. 38,1	לד
Gn. 39,1	לה
Gn. 40,1	לו
Gn. 41,38	לח
Gn. 42,1	L=Gn. 42,18 לט
Gn. 43,14	מ
Gn. 46,28	מב
Gn. 48,1	מג
Gn. 49,1	מד
Gn. 49,27	מה

EXODE

Lacune : Ex. 2,14—3,16	
Ex. 4,18	ו
Ex. 8,16	ז
Lacune : Ex. 9,33—10,24	
Ex. 11,1	ט
Ex. 12,1 L=Ex. 12,29	י
Ex. 15,27 L=Ex. 16,4	יג
Ex. 19,1 L=Ex. 19,6	יד
Lacune : Ex. 19,9—21, 31	
Ex. 22,24	יח
Ex. 23,20	יט
Ex. 26,31	כא
Ex. 37,1	לא

LEVITIQUE

Lv. 4,1	ב
Lv. 5,1	ג
Lacunes	Lv. 5,24—7,12 Lv. 8,36—10,7

LEVITIQUE

Lv. 10,8	ו
Lv. 11,1	ז
Lv. 14,33	יא

Lv. 17,1	יד
Lv. 19,23	יז
Lv. 27,1	כה

NOMBRES

Nu. 3,1	ג
Nu. 5,1	ה
Nu. 6,22	ז
Nu. 7,48	ח
Nu. 10,1	י
Nu. 11,23	יב
Nu. 15,1	טו
Nu. 17,16	יז
Nu. 25,1	כב
Nu. 27,15	כה
Nu. 31,1	כח
Nu. 35,9	לג

DEUTERONOME

Dt. 4,41	ו
Dt. 10,1	י
Dt. 11,10	יא
Dt. 12,20	יב
Dt. 14,1	יד
Dt. 15,7	טו
Dt. 22,6	כא
Dt. 23,10	כג
Dt. 24,19	כד
Dt. 31,1	L=Dt. 30,11 כח
Dt. 31,14	כט

Lacune : Dt. 32,10—fin

4. La massorah

Que ce soit pour le commentaire de la Massorah Magna ou pour les rappels de notes de la Massorah Parva, nous n'avons pas trouvé de différences notables avec les manuscrits massorétiques classiques tels que le manuscrit d'Alep ou le manuscrit B 19a de Léningrad.

Pour donner une image exacte de l'état de la Massorah Magna du manuscrit de Tbilissi, nous avons fait deux relevés à deux pages différentes que nous allons donner avec notre commentaire.

f°. 42b
Gn. 49,14—49,31

Angle haut droit, au-dessus des deux premières colonnes on trouve présentée en une ligne ornementée, au-dessus et au-dessous, par les sigles ל pour לית — il n'y en a pas — et כ pour כותהון — d'autre — une liste d'expressions hapax qui n'apparaissent dans la Bible qu'une seule fois précédées de la particule עַל et qu'une seule fois de la particule אֶל.

לית כוח	עַל-אֲחִיהָ	Gn. 48,22
לית כוח	אֶל-אֲחִיהָ	Gn. 45,17
לית כוח	עַל-אָוֶן	Ps. 56,8
לית כוח	אֶל-אָוֶן	Job. 36,21
לית כוח	עַל-אַרְצוֹת	Ez. 32,9
לית כוח	אֶל-אַרְצוֹת	Jer. 28,8
לית כוח	עַל-אִדּוֹ	Esr. 8,17
לית כוח	אֶל-אִדּוֹ	Esr. 8,17

On notera que les seules références qui justifient la reprise de cette liste ne figurent pas dans le folio. Il s'agit de références tirées d'une liste alphabétique que l'on connaît par ailleurs et qui a pour titre:

א"ב סן חר חר, חר אל וחר על וליח רכוחהון

Liste alphabétique de deux cas uniques (dans la Bible) dont le premier est muni de la particule אל et l'autre de la particule על.

Angle haut gauche, au-dessus de la troisième colonne:

לְמַס ד וסנה

ויס שכסו לסבול	Gn. 49,15
ולא הוריש ריהוסע	Jos. 16,10
ויעלם שלמה רסלכים	IR 9,21
וחביאו דרברי היסים	2 Chr. 8,8

Nous avons édité dans notre MG, sous le n° 1937, une liste du même type dont le titre est לְמַס-עֵבֶר נ (Gn. 49, 15; Jos. 16,10 et IR. 9,21) notée sous 1R. 9,21 dans le ms. L. La liste que nous avons éditée exclut 2Chr. 8,8 qui n'a pas l'expression construite לְמַס עבר. La liste du ms. de T[12] plus générale s'intéresse à la seule expression לְמַס. Il faut noter que le scribe écrit לסבל de Gn. 49,15 avec un waw alors que le TM n'en a pas.

Angle bas droit, au-dessous de la première colonne.

לְאסור ג סל וסנה

קרסא רפסוק	ויברכם ביום ההוא	Gn. 48,20
רחכיוצר	לאסור	Jer. 18,5
ראס חפרו	לאסור	Jer. 33,19

Nous avons édité cette même liste trouvée sous la même référence dans notre MG sous le n° 358. la forme des références du livre de Jérémie est très différente de celle du ms. T, par ailleurs le texte de L n'a pas וסימנה dans son titre. On notera une fois encore que la liste de T n'est pas liée directement à un mot du folio.

Milieu bas, au-dessous de la seconde colonne.

יגורנו ב וסימנה

גר גרור	Gn. 49,19
לעלות לעם	Hab. 3,16

Cette liste n'existe pas dans L qui ne donne que les rappels de la note בּ dans la MP sous les deux références. Cependant, dans le ms. de T cette liste fait double emploi avec la note massorétique בּ en marge de Gn. 49,19 à laquelle est adjointe la même référence à Hab. 3,16.

שְׁלוּחָה ג וסימנה

סנחה הוא שלוחה	Gn. 32,19
נפתלי אילה	Gn. 49,21
ואראה והנה יד	Er. 2,9

Nous avons édité la même liste, trouvée sous Gn. 32,19 dans le ms. L, dans notre MG sous le numéro 240. Il n'y a pas d'appréciables différences dans les références, mais le titre de la liste de L ajoute une notion intéressante שְׁלוּחָה ג ב כל וחר הס—Cette expression existe trois fois: deux fois avec une leçon pleine (Gn. 32, 19; Ez. 2,9) et une fois avec une leçon défective (Gn. 49, 21). Ce qui est contraire à la leçon du ms. de T, leçon que la plus grande part des manuscrits a communément admise, T sous Gn. 49,21 a שלוחה au lieu de שלהה.

Angle gauche bas, sous la troisième colonne.

גְּבָעוֹת עוֹלָם ג וסימנה

ברכות אביך גברו	Gn. 49,26
וסראש הררי קדם	Dt. 33,15
עסר ויסורר ארץ	Hab. 3,6

Cette liste n'existe pas dans le ms. L où cependant son enseignement est attesté en note dans la MP. Dans le ms. T, si la liste figure bien dans le folio, par contre aucune note n'a été reportée à son sujet en MP. Le scribe a écrit ברכת et ויסרר avec une leçon pleine, alors que ces mots ont toujours une leçon défective, il n'a pas tenu compte non plus de la leçon défective de גבעת dans Gn. 49,26.

f°. 99a
Lv. 24,22—25,13

Haut du folio, sur l'ensemble des trois colonnes.

הוֹצֵא ה בקריה וסימנה

ויאסרו האנשים אל לום	Gn. 19,12
הוצא את הסקלל אל סחוץ	Lv. 24,14
ויאסרו אנשי העיר אל יואש	Jdc. 6,30
הסה סיסיבים את לבם	Jdc. 19,22
ויאסר לאשר על הסלתחה	2R. 10,22
וחר: והוצא את עסי בני ישראל	Ex. 3,10

Nous avons trouvé une liste semblable sous la même référence dans le ms. L, que nous avons éditée dans notre MG sous le numéro 802 avec le titre réduit הוֹצֵא ה. On doit noter que la liste de T ne concorde pas avec un enseignement qui se trouve dans une des colonnes de la même page. Cette liste est suivie de deux notes tirées d'une liste d'hapax qui servent ici de remplissage et ne s'adressent pas non plus à des enseignements du folio.

לְפָרֹשׁ לית כותיה	Lv. 24,12
סָרַשׁ לית כותיה	Nu. 15,34

Angle droit bas du folio, sous la première colonne.

בַּגֵּר כָּאֶזְרָח ג וסימנה

ונקב שם יי׳ סות	Lv. 24,22
משפט אחד יהיה	Lv. 24,22
וכל ישראל וזקניו	Jos. 8.33

Nous avons trouvé une liste semblable sous la même référence dans le ms. L, que nous avons publiée dans notre MG sous le numéro 804 avec le titre réduit כגר כאזרח ג. Si la liste figure bien dans le ms. T dans le folio où est copié Lv. 24,22, on notera que le scribe n'a pas noté de Mp dans la marge.

Milieu bas, au-dessous de la deuxième colonne.

חַג – יי ו וסימנה׃

בנעריכו ובזקניכו	Ex. 10,9
באספכם את	Lv. 23,39
ויאספו הנה חג יי.	Jdc. 21,19
כיום חגשו ליום סופר	Hos. 9,5

Nous avons trouvé une liste semblable sous Ex. 10,9 dans le ms. L, que nous avons publiée dans notre MG sous le numéro 435 avec le titre réduit חג-יי ר. On notera à nouveau le décalage de la liste massorétique avec le texte qu'elle est censée commenter.

Angle gauche bas du folio, sous la troisième colonne.

חֲזָרְעוֹ ב בקריה וסימנה

ויובל הוא שנת החמשים שנה	Lv. 25,11
וביח לא חבנו וזרע	Jer. 35,7

Nous n'avons pas trouvé de liste semblable dans la MM du ms. L. Mais cet enseignement massorétique se retrouve cependant sous les deux références notées dans la MP marginale.

Nous conclurons cette enquête sur les listes massorétiques du ms. T, étudiées à travers les deux sondages pratiqués en constatant que celles-ci ne diffèrent pas fondamentalement des listes que l'on trouve dans les manuscrits massorétiques classiques. Nous avons retrouvé le même usage des scribes qui orthographient les mots vocalisés avec ḥolem avec une leçon pleine pour faciliter la lecture sans tenir compte de la leçon textuelle. Une remarque plus importante, que nous avons faite pour la datation du texte, est l'utili-

sation de l'abréviation יי pour noter le nom divin tétragramme יהוה à l'inverse de ce que l'on trouve dans les manuscrits massorétiques anciens C, A et L. Les listes massorétiques comme les notes marginales ont été rajoutées au texte consonantique avec les voyelles et les signes de cantilation dans un second mouvement par un autre scribe. Nous en avons la preuve de deux façons. La première se trouve aux folios 111 et 112 qui n'ont pas été vocalisés et pratiquement pas munis de Massorah par le scribe qui était chargé de ce travail, comme s'il avait oublié à cet endroit d'exercer son art. La seconde par quelques mentions trouvées en MP dans le manuscrit où le scribe de ce commentaire note pour une divergence existant entre la note massorétique qu'il rapporte en marge et la leçon du texte existant déjà dans le manuscrit: טעה הסופר—le scribe s'est trompé-. Ces deux exemples démontrent que la Massorah du ms. T n'a pas le pouvoir normatif qu'elle avait encore dans les manuscrits plus anciens. Nous avons encore constaté de très nombreux décalages entre le commentaire massorétique et le texte qu'il doit commenter. Des notes marginales manquent qui devraient rappeler à différents endroits les enseignements du commentaire massorétique donné en haut et en bas de page. Des divergences existent entre la leçon textuelle et les notes de la MP données en marge, on retrouve ces mêmes divergences avec les enseignements de la MM colligée dans le manuscrit. Ces faits que nous avons constatés confirment notre opinion: le commentaire massorétique n'a pas été rapporté dans ce manuscrit dans un but normatif comme c'est le cas dans les manuscrits plus anciens,i l a été apporté par un souci de respecter une tradition, peut-être une mise en page traditionnelle et, dans ce cas, la compilation du commentaire massorétique n'aurait plus eu qu'une finalité esthétique. Cette dernière conclusion n'enlève rien à la qualité de l'ouvrage, elle doit permettre seulement d'apprécier les limites d'une datation possible.

IV—CONCLUSIONS

Nous devons maintenant reprendre les éléments de l'analyse à laquelle nous avons soumis le manuscrit du Pentateuque de Svane et voir de quels critères nous disposons pour établir son origine et les grandes lignes de son histoire. Quels sont les éléments irréfutables dont nous disposons?

Données géographiques et historiques explicites

Sur le plan des données écrites, le scribe ne nous a laissé aucune mention le concernant ou précisant le lieu et la date de rédaction du manuscrit dans les pages de l'ouvrage ou entre les différentes parties du Pentateuque. La disparition des feuillets en début et en fin du codex a pu provoquer la disparition d'un colophon, des contrats de vente ou de la possible dédicace qui apparaissent dans la plupart des manuscrits anciens.

La seule épigraphe que nous avons retrouvée dans le manuscrit a été inscrite sur l'onglet du folio 95a sur le bord replié de l'onglet en prolongement du recto. Ces lignes n'ont pu être inscrites à cet endroit qu'à une époque où le manuscrit avait déjà perdu sa reliure et où l'onglet était devenu pleinement accessible. Sur une première ligne en lettres semi-carrées de forme presque rabbinique tracées de façon malhabile, on lit sur une ligne:

1) סימן סכוחאיס חהלה לאל כבר הבנחי לפי קוסן דעחי סרסוי הספר הקדוש

suivi du verset de Job 19,27, sur une deuxième ligne, en grande écriture carrée malhabile:

2) אשר אני אחזה לי ועיני ראו ולא זר כלו כליחי בחיקי

qu'il nous semble falloir comprendre ainsi:

> Signe de Kutaïssi, louange à Dieu, j'ai aussitôt compris dans les limites de ma science, par les mentions du livre saint: Que je verrai Dieu moi-même, mes yeux le verront non ceux d'un autre, mon esprit s'épuise d'attente en moi.

En dehors de l'indication géographique apportée par tradition orale désignant l'ouvrage comme étant la Swanuri Biblia et de l'assurance que Tschorni nous donne d'avoir eu le manuscrit entre les mains à Lečḫumi, la mention de Kutaïssi, cité proche de Laïlashi, portée sur l'onglet du folio 95a, est la seule donnée géographique explicite que nous possédions au sujet de ce manuscrit.

Données codicologiques

L'analyse a mis en évidence d'une part la forme presque carrée du codex qui plaide pour sa relative antiquité et d'autre part sa composition systématique en quinion qui va dans le même sens.

La nature même du parchemin qui semble avoir été prélevé sur des animaux de petites tailles et les folios à onglet composant les cahiers donnent l'impression que l'ouvrage a été rédigé dans une région où les peaux étaient soit peu abondantes, soit d'un prix élevé. Des statuts des parcheminiers dans le monde du Moyen Age occidental, groupés autour des Universités, on peut inférer que les écoles de scribes et les Universités traditionnelles dans le monde sémitique devaient promouvoir la fabrication de parchemins en abondance et provoquer le mouvement d'un important marché de peaux destinées à porter de l'écriture. La forme et la nature des peaux qui ont servi à composer notre manuscrit tendraient plutôt à confirmer l'opinion que l'ouvrage a été rédigé dans une région où la peau et le parchemin étaient peu abondants et provenaient d'animaux de petites tailles que l'on trouve dans des élevages de montagne, dans des régions où l'on rencontre peu de grandes écoles de scribes. Doit-on pour autant mentionner ici la référence au Tj Megillah IV, 5 qui signale l'existence d'un רב שמעון ספרא דטרנגט—rab Siméon le scribe de Derbent—si l'on peut attester le nom de cette localité, hors de Palestine, comme étant la vieille capitale du Daghestan dans le Caucase oriental, où rab-

Siméon aurait exercé son office dans des conditions semblables à celles qu'a connues le scribe de notre manuscrit ? Nous ne pensons pas qu'il soit nécessaire d' aller aussi loin dans le temps, mais ne pouvant résoudre l'origine géographique du manuscrit, la question devait être posée.

Données paléographiques

Les tracés des réglures, la forme des caractères attestent l'origine orientale du manuscrit. La disposition du texte en trois colonnes, les lignes d'écriture remplissant l'espace réservé des colonnes et les signes de remplissage servant à compléter ces lignes quand cela s'avère nécessaire, attestent sa relative antiquité. Un usage modéré de quelques lettres dilatables pour compléter certaines lignes du texte appuie notre hypothèse d'une écriture dans une période de transition. Certains usages scripturaires, que nous avons relevés, vont dans le même sens. Il s'agit d'usages scripturaires qui relèvent de règles de la théologie pratique, mises en application par les scribes juifs des textes sacrés à la fin du XIe et au début du XIIe siècle. Le premier est l'utilisation permanente du sigle יי à la place du Tétragramme divin dans les références des listes de la Massorah Magna. Le second est une extension de cette pratique qui, excluant le groupe יה pour noter dans la signature hébraïque le 15e cahier-יה-à cause de la proximité de ce chiffre avec une partie du Tétragramme, provoque la permutation de tous les symboles des chiffres au-dessus de la dizaine.

L'écriture nous oblige à rattacher ce manuscrit au groupe des manuscrits qui ont été copiés dans le Proche-Orient, soit en Egypte, soit en Palestine, plus difficilement en Perse. Aucune particularité du texte ou de sa rédaction ne permet de trancher la question sur le plan géographique, même si le bâtiment de type oriental trouvé dans les enluminures confirme bien son origine orientale. Sur le plan codicologique et paléographique nous ne pouvons que conclure en disant: ce manuscrit ne peut avoir été écrit avant la dernière décade du XIe ou même avant le début du XIIe siècle.

Les tribulations du manuscrit

Nous avons conclu que le manuscrit de Tbilissi a été rédigé au XIIe siècle en Palestine ou aux confins de celle-ci dans une région où étaient encore sensibles les lectures triennales palestiniennes et les sigles araméens qui désignaient les péricopes; dans une région aussi où l'enlumineur pouvait dessiner d'un premier jet un bâtiment avec sa coupole typique du style syro-byzantin dont le modèle était journellement sous ses yeux. Il nous faut essayer enfin de rassembler quelques données qui devraient permettre aux chercheurs de comprendre pourquoi ce manuscrit du Pentateuque finit par arriver dans les mains inexpertes des membres de la communauté juive de Laïlashi, au grand effroi de Tschorni.

Venu du sud-ouest, apporté peut-être par une famille juive qui avait dû s'établir en Géorgie à une époque que nous ignorons, rien ne peut de prime abord justifier l'arrivée du manuscrit en Svanétie. Si des légendes orales rap-

portent que les habitants de ces régions furent à l'origine des Juifs qui se convertirent au Christianisme, on ne peut pas tenir grand compte de ces récits que rien n'étaye et auxquels G. V. Tsérétéli nous avait conseillé de n'attacher aucune foi. De toute façon, la Svanétie n'est pas une terre de passage. C'était un pays pauvre, si pauvre même que les habitants de cette contrée allaient jusqu'à franchir les hautes chaînes du Caucase pour louer leurs services aux Tatars du versant nord, pourtant guère plus favorisés eux-mêmes. La pauvreté de la Svanétie provenait de l'isolement presque total auquel était condamnée cette région entre la haute chaîne des montagnes du Caucase et la chaîne parallèle du Leïla. La Svanétie ne communique avec le reste du monde que par deux voies impraticables sept mois sur douze qui passent l'une par la périlleuse vallée de l'Ingour et l'autre par le col plus accessible de Laptari qui traverse à 2830 mètres la chaîne du Leïla. L'isolement de ces régions explique aussi le bas niveau culturel de ses habitants, leur médiocre économie rurale et leurs moeurs violentes dont témoignent les tours carrées qui dominent leurs maisons. Même leur religion fut un objet de curiosité à cause du mélange curieux de toutes les croyances de l'Orient. Toutes ces raisons nous empêchent d'admettre un seul instant l'existence d'une colonie juive en Svanétie. Cet établissement serait beaucoup plus admissible à Zanaw où les Juifs résidaient déjà aux temps d'Alexandre de Macédoine ou encore à Mtzkhéta, la vieille capitale, puis à Tbilissi à partir du IVe siècle. Le statut des Juifs au Moyen Age était tel qu'en dehors du Proche-Orient, on ne trouve pas de colonies juives essaimées loin des grandes routes de passage, ce qui exclut a priori la Svanétie. Nous avons posé comme principe que le manuscrit du Pentateuque n'a pas été rédigé en Géorgie mais qu'il y fut apporté par une famille ou une communauté qui était venue s'y établir. Deux régions semblaient propices à leur établissement en Colchide ou dans le Caucase méridional, le long des voies de transit. Ce sont les deux routes qui empruntent les seuls passages normaux permettant de traverser la haute chaîne du Caucase en excluant les passes au-dessus des neiges, empruntées parfois par les cavaliers. La première est la route de Grouzie par le col de la Croix qui relie le versant septentrional, depuis les Gorges du Darial jusqu'au bassin de la Koura en empruntant la vallée qu'a creusée son affluent l'Aragvi. La seconde par le col de Mamisson rejoint latéralement vers l'ouest la vallée du Rion pour descendre Kutaïssi. C'est donc plutôt au long de cette route que nous chercherions les lieux où fut apporté, pour la première fois, le manuscrit. Il ne peut s'agir de Laïlashi qui n'est pas encore citée au XVIIIe siècle par les géographes et particulièrement pas par l'historien géographe géorgien Wakhushti Bagrationi. Le manuscrit peut-il alors avoir été conservé à Kutaïssi depuis son arrivée en Géorgie? C'est possible mais il faut noter que l'épigraphe inscrite sur l'onglet du folio 95a parle de Kutaïssi et que la ville était nommée Kutatissi jusqu'au XVIe siècle. Cette constatation n'infirme pas la possiblité que le manuscrit ait été conservé dans cette ville avant le XVIe siècle, il est plus vraisemblable que la mention inscrite sur un manuscrit dont la reliure était abimée ait pu être portée seulement après le XVIe siècle. Nous pensons donc

que le manuscrit finit ses pérégrinations en Transcaucasie non loin de la région dans laquelle Tschorni, pour la première fois, en fin du XIXe siècle, le décrit. Aucune chronique géorgienne ancienne, aucun voyageur n'a rapporté dans ses relations de voyage en Géorgie la mention de l'existence d'un manuscrit hébreu célèbre avant la publication du livre de Tschorni. Alors pourquoi ce manuscrit est-il nommé Swanuri Biblia? Les raisons nous semblent avoir été révélées par le Dr. V. Silogawa, assistant à l'Institut des Manuscrits. Il nous a fait remarquer qu'à l'époque où des corps avancés des hordes mongoles se dirigeaient vers la Géorgie, nombreux furent les manuscrits anciens, Evangiles, Bibles ou autres manuscrits en grec, en slave et en géorgien qui furent apportés au monastère de Kala en Svanétie pour échapper au pillage. On peut penser que devant la terreur que provoquait l'arrivée des pillards, le manuscrit du Pentateuque hébreu fut emporté par ses propriétaires Juifs, poussés par la même terreur, vers cette terre de refuge à l'écart de tout, où il acquit le nom que la tradition orale lui attribue encore. Revenu dans la vallée du Rion, il garda son nom et perdit celui de ses origines. Il n'arriva pas directement à Laïlashi qui n'a pas de communication directe avec la Svanétie, mais il dut demeurer un certain temps à Kutaïssi pour suivre enfin ses derniers propriétaires lors de leur établissement à Laïlashi.

Le manuscrit que nous avons étudié représente un beau codex ornemental qui a pu, à l'origine, avoir été écrit pour l'usage particulier du mécène qui l'avait commandé ou d'une synagogue à laquelle il le destinait. L'absence de notes, de titre courant, de corrections, d'essais de plume même, nous empêche de penser que ce manuscrit a été destiné à l'étude ou même a servi à un usage culturel public, dans les premiers siècles de son existence. Ce fut seulement après son arrivée dans la province de Lečhumi qu'il fut très souvent manipulé pour des besoins profanes, sans pour autant avoir servi systématiquement à un usage didactique. Les fréquentes manipulations auxquelles il fut soumis par la suite, que l'on doit au mysticisme et aux superstitions de ces régions, sont celles que nous a rapportées la tradition populaire et qui sont bien loin du but auquel pouvait avoir été destiné un manuscrit massorétique.

ABRÉVIATIONS UTILISÉES

A = Manuscrit de la Bible d'Alep, ponctué par Aaron ben Asher en ± 930 vraisemblablement à Tibériade.
C = Manuscrit des Prophètes du Caire, copié et ponctué par Mosheh ben Asher en 895 à Tibériade.
L = Manuscrit B 19a de Léningrad, copié et ponctué par Shemuel ben Ya aqob en 1008/1009 à Fostat.
T = Manuscrit de Tbilissi, sujet de notre étude.
MG = G. E. Weil, Massorah Gedolah, Rome 1971.
MM = Massorah Magna, désigne les listes en haut et en bas des folios.
MP = Massorah Parva, désigne les rappels de notes dans les marges latérales.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

М. Н. БОГОЛЮБОВ

АРАМЕЙСКИЕ ТРАНСКРИПЦИИ ИРАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЭЛАМСКИХ ДОКУМЕНТАХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ПЕРСЕПОЛЯ

Употребление Š-знаков в аккадском письме и буквы Šīn в арамейском для передачи иранского [č] получило продолжение в послеахеменидских арамейских письменностях, став отличительной чертой эпиграфических памятников сасанидского времени, составленных на парфянском языке. Усвоенный сирийской письменностью этот орфографический прием нашел отражение и в ряде арабских написаний иранской лексики, содержащей [č].

В отличие от парфянских надписей в среднеперсидской письменности — в пехлевийском курсиве, надписях, Псалтири, в значении [č] применена буква Ṣade. В связи с противоположением парф. Šīn и ср. перс. Ṣade Эйлерс заметил, что точно также в ахеменидское время вавилоняне передавали иран. [č] через š, тогда как эламиты через ṣ[1].

Ср. в сасанидских надписах:
парф. Ššmk — ср.-п. Ṣšmk
парф. šyhr — ср.-п. ṣtry
парф. šygwn — ср.-п. ṣygwn
парф. šyty — ср.-п. ṣyt'k,
в ахеменидских надписях:
др.-п. Činčixriš — аккад. ši-in-ša-aḫ-ri-iš — элам. 'ṣi-in-ṣa-ak-ri-iš,
др.-п. Č(a)išpiš — аккад. ši-iš-pi-iš — элам. ṣi-iš-pi-iš,
др.-п. Čiçantaxma — аккад. ši-it-ra-an-taḫ-ma — элам. ṣi-iš-šá-an-tak-ma,
др. -п. Aspačanah — аккад. as-pa-ši-ni — элам. áš-ba-ṣa-na.

Приспособление Ṣade в среднеперсидском письме для выражения [č] можно было бы принять за внеарамейскую инновацию, не связанную с какой-либо письменной традицией. Имеются и фонетические основания для придачи Ṣade значения [č], поскольку звуки [ṣ] вавилонского и арамейского воспринимались как [č] в древнеперсидском: аккад. Nabû-ḳudurri-

[1] W. Eilers, Semiramis. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte, 274. Band, 2. Abhandlung. Wien, 1971, S. 59 Anm. 109.

uşur, арам. Nbwkdrşr — др.-перс. Nabukudrraċara. Однако всеже существует арамейский письменный памятник ахеменидского времени, хотя и единственный, который содержит пример употребления Şade в значении иран. [č]. Имеется в виду давно известная арамейская надпись на круглой печати из сердолика[2], которая в чтении И. Н. Винникова содержит следующий текст: ḫmr znh zy Mtrştr[3] «эта печать (лица по имени) Miθra-čiθra-».

Şade в Mtrştr на месте [č] объединяет эту арамейскую надпись со среднеперсидским письмом, отличая ее от остальных арамейских текстов ахеменидской эпохи. Из Mtrştr следует также, что среди арамейских писцовых школ существовала такая, которая не придерживалась аккадской традиции в передаче иран. [č] с помощью Š(ī̆n). Сообразуясь в этом отношении с эламской практикой, писцы этой школы применяли для обозначения иран. [č] букву Şade.

Некоторое представление об орфографических особенностях арамейских написаний, зависевших от эламского оригинала, дают теперь арамейские глоссы в эламских документах из крепостной стены Персеполя.

В сорока пяти из Персепольских эламских крепостных табличек содержатся глоссы, писанные по-арамейски. Двадцать восемь из них в чтении Боумана опубликованы, в нескольких случаях частично, в труде Халлока «Persepolis Fortification Tablets»[4].

Апеллятивы иранского происхождения выступают в глоссах в орфографии, принятой в имперско-арамейском: [p]tp PF 858 *piθra- «рацион», hmrkr' PF 281 *hmāra-kara- «счетовод», mgwš' PF 1798 др.-перс. maguš «маг». Однако на написание иранских имен собственных без сомнения оказали влияние их эламские транскрипции. На эламский лад с Mem на месте иранского сонанта [w] написаны следующие имена:

Md[wš] — элам. Mi-du-iš PF 1809, которое Э. Бенвенист[5] отождествил с авест. vīduš- «знающий»;

'rtm[. .]'— элам. Ir-du-mas-da PF 1801, представляющее *Rta-wazdah- «получающий пропитание от Rta (Истины)», авест. Ašavazdah-, греч. Ἀρταυάσδης.

Эламскую транскрипцию имени [Ma]-um-na-ka PF 1825, в которой И. Гершевич[6] видит *xwamnaka- из *xwafnaka- «сонный», воспроизводит арам. Hmnk PF 1825 из Hm(m)nk *hwamnaka-.

---

[2] O. Blau, Ueber einen aramäisch-persischen Siegelstein. ZDMG., 18, 1864, S. 209; F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 216.

[3] И. Н. Винников, Об одной арамейской печати в собраниях Государственного Эрмитажа в Ленинграде. Краткие сообщения Института народов Азии, № 86, изд. «Наука», Москва, 1965, стр. 18—19 и рис. 1 и 2.

[4] Richard T. Hallock, Persepolis Fortification Tablets. The University of Chicago Oriental Institute Publications, vol. XCII, The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, 1969.

[5] E. Benveniste, Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966, p. 88.

[6] I. Gershevitch, Amber at Persepolis. Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata. Roma, 1969, p. 203.

В эламской табличке PF 1791 упомянуто лицо по-имени Mi-iš-ša-ba-ad-da. Бенвенист[7] возвел Miššabadda Mitrabada к *Miça-pāta-, *Miθra-pāta- «защищенный Митрой», ср. арам. Mtrpt *Miθra-pāta-[8]. Но в арамейской глоссе при PF 1791 вместо ожидаемого *Mšpt находится Mšbd. Хинц[9] высказал предположение, что Mšbd воспроизводит не *Miça-pāta-, а *Miça-bāda- «Mithra-Hag» (?) с компонентом bāda-, отражающем др.-инд. bādh- «жать, теснить». Необходимость в этом искусственном образовании отпадает, если принять, что арам. Mšbd передает др.-перс. *Miça-pāta- в соответствии с его эламским написанием Mi-iš-ša-ba-ad-da- при употреблении букв Bet и Dalet в значении древнеиранских глухих. На этом же основании арам. Sp(?)t при элам. Sa-ba-ad-da PF 173 можно вывести из др.-перс. *sa-pāta-[10] «спасенный собакой», так и из др.-перс. *sa-pāda-» с ногами, как у собаки», ср. авест. Spō-pad-.

Вышеприведенные примеры говорят о том, что в канцеляриях, где по-преимуществу употреблялась эламская письменность, писцы-арамеи при передаче иранских имен собственных следовали эламским письменным образцам, не различая, в частности, по звонкости-глухости буквы BGDKPT и используя Mem для иранских [m] и [w], [xw].

В связи с проблемой зависимости арамейских написаний от эламских образцов особое значение приобретают имена лиц, содержащиеся в Книге Есфири. Как и в глоссах, апеллятивы иранского происхождения выступают в ней в регулярных написаниях: dt (Есф. 1:8) «закон» — др.-п. dāta-, элам. da-at-tám, da-ad-da; prtm (Есф. 1:3) «сановник» — др. п. fratama-, элам. pir-ra-tám-ma PF 36; gnz (Есф. 3:9) «сокровищница» — др. -иран. *ganza-, элам. kan-za-um; ptgm (Есф. 1:20) «повеление» — др. -п. *pati-gāma-, элам. bat-ti-ka-maš «весть» PF 654; ptšgn (Есф. 3:14) «копия» — др. иран. *pati-čagna-, элам. bat-ti-zi-ik-nu-š(e) PF 231, krps (Есф. 1:6) род ткани — др. иран. *karpāsa-, вед. karpāsas, н.-перс. karbās. Регулярную форму имеют также следующие личные имена: Trš «ta(ra)-rašah- «одолевающий зло»; Hmdt' *hamā(ta)-dāta- «рожденный от брата по матери», Hmn— *Hamāna- — патрон. на -āna- от первого компонента имени Hamā-dātā- (из *hamāta-dāta-); Pršndt' — арам. Pršndt, «frašam-dāta- «тот, для которого создано прекрасное»; 'spt' *as(pa)-pāta- «спасенный конем»; Pwrt' «paru-wrāθa- = *pawrāθa- (с диссимиляцией r — r) «имеющий много друзей», Prmšt' *framr̥šta- (с выпадением r перед št) «забывший»; Wyzt' *wahyaz-zāta «рожденный лучшим»; 'rydt' *arya-dāta-, *arī-dāta- «иранец по рождению»; 'rydy *arya-> *arī-+d+-aya-; 'rysy *arya-> *arī-+s+-aya-; Krks *karkāsa-, авест. Kahr-kāsa-, н.-перс. kargas «гриф» — элам. Kar-ka-iš-ša; Kršn' *kr̥šna- «черный», вед. Kr̥ṣṇa- — элам. Kur-iš-na; Htk *hāta-ka— элам. Ha-ud-da, авест. han-: hāta- «заслуживать».

---

[7] E. Benveniste, там же, стр. 88, 89.

[8] R. A. Bowman, Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970, № 2 : 2.

[9] W. Hinz, Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973, S. 51.

[10] Ср. Ptspk в Авроманском пергаменте, которое отражает *pāta-spaka- «спасенный собакой» или pāta-aspa-ka- «спасенный конем» подобно 'spt' (Есф. 9 : 7) *as(pa)-pāta- «спасенный конем».

Следуя этим нормам, можно вывести Štr из *čiθra- «природа», «блеск»; Ztr из *zāθra- «рождение»; Tršyš из *ta(ra)-rašah-: *ta(ra)-rašiš- «тот, кто преодолевает вред»; Zrš (f.) *zaričā ср. авест. Zairičī-(f).

Иранское происхождение нижеследующей группы личных имен не вызывает сомнений, но также ясно, что записаны они в иной, отличающейся от имперско-арамейской, орфографии. По поводу Mhwmn теперь с уверенностью можно сказать, как о воспроизводящем эламское написание Ma-u-man-na PF 1988 древне-иранского *wahu-manah- «с доброй мыслью». Также Mmwkn/Mwmkn, казавшееся искусственным, прекрасно читается по-ирански, если допустить, что буквы Mem и Kar в данном случае обозначают соответственно также иран. [w/hw/xw] и [g] подобно эламским знакам, содержащим M и K. Форма Mmwkn отразила бы, например, элам. *Ma-ma-u-ka-na (ср. элам. Ma-mu-ik-ka) — патроним на -āna- от *waxw-auga(t)- «благоречивый», ср. авест. bərəzy-aogət «mit lauter Stimme», авест. miθō-aog- «fälschlich redend», или же *waxw-auga(h)- «с доброй силой»; в то же время форма Mwmkn передавала бы элам. *Ma-u-ma-ka-na — патроним на -āna- от *wa(h)u-maga- «с хорошими дарами», ср. элам. U-iš-da-ma-ka-na — патроним на -āna- от *ušta-maga- «с желанными дарами»[11], элам. U-maka *hu-maga- «с хорошими дарами»[12]. Имена Mrs, Mrsn' имеют Mem на месте иран. [hw] подобно эламским Mar-ša *hwarsa- из *hu-warsa- «с красивыми волосами», Mar-še-na, *hwars-aina- — патрон. на -aina- от *hu-warsa-.

Наряду с Kṛš Kuruš, Bgbḫš Bagabuxša-, Hyw Huyawā (др.-п. u[yw]', элам. ú-i-ya-ma) несбъясненное Hdsh могло иметь оглассовку Hudusā. Если принять, что Dalet в Hdsh употреблен в значении иран. [l], то Hdsh в звучании *Hulusā явится вариантом к авест. Hutaosā «та, у которой красивые бедра», парф. Xwdws, греч. Ἀτόσσα. Оба варианта этого имени представлены в крепостных табличках формами на -ānā-: Ú-du-sa-na-*Hutuθānā-, Ú-tam-sa-na- *Hutaθānā-. Dalet на месте иран. [l], если исходить из элам. ú-du-sa°, не мешает сближению Hdsh с *Hutusā-. Конечная буква He в Hdsh в качестве mater lectionis поддерживается написаниями Ḫrbwn' (Есф. 1:10) и Ḫrbwnh (Есф. 7:9).

Группа [xš-] в Xšayāršā передана по-эламски полностью: Ik-še-ir-ša. Также в полном составе, но с метатезой, группа [xš] встречается в именах: Ša-ak-ša-ba-ma *çaxšapāwā из *xšaçapāwan- «сатрап», Ša-ak-ša-ba-nu-iš *çaxšabānuš из *xšaçabanu- «с блеском власти», Ša-ak-ša-ka *çaxšaka из *xšaçaka-, Ša-ak-ši-ya *çaxšiya из *xšaçiya-, авест. xšaθrya- «властитель». С утратой [x] группа [xš-] отразилась в именах Ša-at-ra° *(x)šaθra°, Ša-at-ra-ba-ma *(x)šaθrapāwa-, Ša-at-ra-ba-nu-š *(x)šaθrabānu-, Ša-at-tar-ri-da др.-п. Xšaθrita. И если Štr (Есф. 1:14) отражает именно эламскую графику, то оно подразумевает *(x)šaθra, а не *čiθra. Также и Ztr (Есф. 1:10) как вариант от *Štr может воспроизводить *čiθra, а не *zāθra-.

---

[11] E. Benveniste, там же, стр. 95; Gershevitch, там же, стр. 244.
[12] Иначе: I. Gershevitch, там же, стр. 240.

Труднообъяснимое 'dmt' (Есф. 1:14) может быть теперь представлено как *ad(wa)-wāda- «ведущий по пути», «проводник», ср. элам. Har-ri-ma-da *ārīya-wāda- «ведущий иранцев»[13]; Ḥrbwn' (Есф. 1:10), Ḥrbwnh (Есф. 7:9) является, возможно, патронимом на -āna- от *xara-pāwa- «стерегущий ослов».

К Bgt' (Есф. 1:10) примыкает элам. Ba-ka-da, а также финик. Bgd' (Абидос, V—III в. до н. э.), которое объясняется из baga-dāta-[14]. Соответственно, Bgtn(') (Есф. 2:21; 6:2) при элам. Ba-ka-tan-na и арам. Bgdn[15] наряду с *baga-dāna-[16] может быть понято как патроним на -āna- от предшествующего уменьшительного *Baga-dā(ta-).

Компоненты *baha(h)- «сияние», авест. bå̊ŋha- AirWb. 962 и *kāta-, «слава», авест. -kāta-, осет. kadæ «слава», возможно, содержатся в Bzt' и 'bgt' (Есф. 1:10), если прочитать последние соответственно как *bāhaz-zāta- «рожденный в сиянии», ср. элам. Za-a-da-da *čai(ta)-dāta-[17] «рожденный в блеске», и *upa-kāta- «со славой», ср. элам. U-ba-ka-ma *upa-kāma-[18] «с желанием».

Исключительный интерес представляет арамейская надпись šsḫmr на булле ахеменидского времени—*xšatraḫmar в чтении Гётце и *xšaçahmāra- в чтении Хинца[19]. Поскольку группы -ḥm- и -xm- соотносятся как диалектальные, то для šsḫmr допустимо чтение *šaçaxmāra- «государственное казначейство». Важно, однако, что др.-перс. xšaça- передано здесь по эламскому образцу—šs, ср. элам. šaššam для др.-перс. xšaçam.

Предположение о зависимости некоторых библейских транскрипций от эламского письма высказали Дюшен-Гийемен[20], Альтхейм и Шгиль[21]. Также Бенвенист, возводя библ. Htršt' (Езд. 2:63; Неем. 7:65) к* Ātr-šāta-, указал на то, что др. -иран. āt(a)r- регулярно передается через Hattar-, Hatrur- в эламском письме[22]. Иранские личные имена в арамейских глоссах эламских крепостных табличек из Персеполя, в Книге Есфири, а также Mtrṣtr и šsḫmr на печатях со всей определенностью указывают на существование арамейской писцовой школы, расходившейся в принципах передачи звуков иранской речи с арамейско-аккадской, выявляя на письме подражание эламским образцам. Письменные приемы писцов-арамеев, работавших в эламских канцеляриях, могли получить продолжение и выявиться впоследствии в пехлевийской письменной системе.

---

[13] I. Gershevitch, там же, стр. 183.

[14] H. Donner-W. Röllig, Kanaanäische und aramäische Inschriften. Bd. II. Wiesbaden, 1968, № 49 : 42.

[15] A. Cowley, Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C., Oxford, 1923, № 17 : 1.

[16] E. Benveniste, там же, стр. 80.

[17] I. Gershevitch, там же, стр. 251.

[18] E. Benveniste, там же, стр. 94.

[19] W. Hinz, там же, стр. 42.

[20] J. Duchesn-Guillemin, Les noms des eunuques d'Assuéres. Muséon, LXVI, 1953, pp. 106, 108, n. 6.

[21] F. Altheim und R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lieferung II, Frankfurt am Main, 1963, S. 203, 204.

[22] E. Benveniste, Titres et noms propres en Iranien ancien. Paris, 1966, p. 120.

IV 1976

JOACHIM OELSNER

(Friedrich-Schiller-Universität Jena)

PROBLEME DER ENTWICKLUNG DER ARAMÄISCHEN SCHRIFT IN NORDMESOPOTAMIEN

Aramäische Denkmäler der Zeit vom 3. Jahrhundert v. u. Z. bis zum 3. Jahrhundert u. Z. sind noch immer recht selten. Abgesehen von den—häufig kurzen— Inschriften aus Hatra, deren Zahl inzwischen in die Hunderte geht[1], sind aus Nordmesopotamien bis jetzt nur vereinzelte Texte bekannt; die bei den Ausgrabungen von Assur bereits Anfang dieses Jahrhunderts gefundenen Inschriften sind zum größten Teil noch nicht veröffentlicht[2]. Für die Entwicklung der aramäischen Schrift ist es von Bedeutung, die verfügbaren Dokumente in eine zeitliche Folge zu bringen. In einem früheren Beitrag zu Fragen der aramäischen Schriftentwicklung[3] waren wir, wenn auch mit Bedenken, der von A. Maricq aufgestellten Anordnung der Denkmäler[4] gefolgt. Sie sei hier nochmals wiederholt: Inschriften von Sari[5] (Jahr 147 der Se-

[1] Die Veröffentlichung der bei den iraqischen Ausgrabungen gefundenen Texte erfolgt in der Regel durch Fuad Safar in der Zeitschrift «Sumer» (arab. Teil), seit Bd. 7 (1951); zuletzt Bd. 28 (1972) 26 f: Nr. 293 und 294. Bearbeitung von Nr.1—206 : A. Caquot, Syria 29 (1952)—41 (1964). Darüber hinaus gibt es zahlreiche weitere Beiträge zum Verständnis der Texte. Einige kurze Inschriften schon bei W. Andrae, Hatra (Leipzig 1908—1912=Wiss. Veröff. der Deutschen Orientges. 9, 21) I S. 28, Abb. 45; II Bl. 54, S. 161—164, Taf. XIII, XXIII.

[2] Überblick und teilweise Bearbeitung: P. Jensen, Erschließung der aramäischen Inschriften von Assur und Hatra, Sitzungsberichte der Preuß. Akad. der Wiss. 53 (1919) 1042—1051, Taf. VI—VII; W. Andrae—P. Jensen, Aramäische Inschriften aus Assur und Hatra aus der Partherzeit, MDOG 60 (1920) 1—51; S. ferner W. Andrae, MDOG 22 (1904) 49—52. In Umzeichnung veröffentlicht ist nur eine Steinplatte, Fundnummer 1707 (=Sitzungsberichte, Taf. VII=MDOG 60,13) vgl. ferner das Photo des Deckels eines Weihrauchbrenners (=Fundnummer Ass. 2777) bei R. Frye, Persien (Zürich 1962=Kindlers Kulturgeschichte 10) S. 196 o.; russ.; P. Фрай, Наследие Ирана (М., 1972), ИЛЛ ир. 50. Eine Studie der Texte kündigt an B. Aggoula, Berytus 18 (1969) 85.

[3] S. J. Oelsner, Bemerkungen zur schriftgeschichtlichen Einordnung der Inschriften aus Armazi, Wiss. Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Univ. Jena, Ges.-und Sprachwiss. R. 22 (1973) 429—438. Es war damals nicht möglich, näher auf diese Fragen einzugehen.

[4] Dargelegt von J. Pirenne, Syria 40 (1963) 123—127, besonders S. 126f.

[5] Publiziert von H. Pognon, Inscriptions sémitiques de la Syrie, de la Mésopotamie et de la région de Mossoul (Paris 1907) Nr. 60, neue Bearbeitung: M. H. Боголю-

leukidenära [SÄ]=165/4 v. u. Z.) — Hassan Kef[6] — Abra al-Saghira[7] (195 SÄ=117/6 v. u. Z.) — Assur (1. Jh. u. Z.) — Hatra (2. Jh. u. Z.). Ein erneutes Überdenken der Problematik hat uns davon überzeugt, daß diese Ansicht nicht aufrechtzuerhalten ist. Die Ehrung des verstorbenen großen Semitisten Giorgi V. Tsereteli bietet eine Gelegenheit, sie erneut zur Diskussion zu stellen, da dieser Wissenschaftler im Zusammenhang mit seinen Arbeiten zu den in Armazi auf dem Boden der Georgischen SSR gefundenen Inschriften wiederholt auch auf diesbezügliche Fragen zu sprechen kam.

Beim Bemühen, die entsprechenden Texte in eine chronologische Folge zu bringen, muß von den datierten Inschriften ausgegangen werden. Glücklicherweise trägt eine ganze Anzahl von ihnen Daten, besonders die isoliert gefundenen Denkmäler gehören dazu. Dennoch besteht über die Lesung der Jahreszahlen keine einheitliche Ansicht, bedingt durch verschiedene Interpretation der Zahlzeichen für «Hundert». Während in der Inschrift von Sari (s. o. Anm. 5) Pognon und Bogoljubov die Jahreszahl als 547 [+1/2?] lesen, entschied sich A. Maricq (und J. Pirenne folgt ihm darin)[8] für 147, was bei der Umrechnung 236/7 u. Z. bzw. 165/4 v. u. Z. ergibt[9]. Letzteres erscheint jedoch, auch aus paläographischen Gründen, zu früh[10].

Worauf sind diese abweichenden Ansätze zurückzuführen? In den nordmesopotamischen Ausprägungen der aramäischen Schrift wird das Zahlzeichen für «Hundert» durch ein dreieckiges Gebilde ausgedrückt, an dessen rechter Spitze sich häufig ein kleiner senkrechter Strich befindet[11]. In der Inschrift von Sari nun, wo das Zeichen ziemlich kursiv wirkt, befindet sich am rechten Schenkel noch ein durch zwei im Winkel aneinanderstoßende Linien

---

6 o в, О двух арамейских надписях из собрания Поньона, Восточная Филология, II, Тбилиси, 1972, 48—54. Dazu s. u. Anm. 34. — In dem o. Anm. 3 genannten Beitrag wurden von uns die Daten irrtümlich nach dem Beginn der Seleukidenära in Syrien (Herbst 312 v. u. Z.) umgerechnet. Auszugehen ist jedoch von der babylonischen Zählung (Beginn 1. Nisan 311), s. dazu auch F. Altheim — R. Stiehl, Die Araber in der alten Welt, Bd. IV (Berlin 1967) 252.

[6] Pognon a. a. O. Nr. 61. Auch nach der neuen Bearbeitung durch Bogoljubov s. Anm.) 5), S. 51—53, bleibt der Text weithin unklar, da er stark beschädigt ist.

[7] Publiziert von Fuad Safar, Sumer 10 (1954) 145 ff. arab., s. besonders S. 148, Umzeichnung S. 151 (wiederholt Syria 40, 125). — Die beiden von Fuad Safar, Sumer 17 (1961) 36—42 arab., veröffentlichten Inschriften waren Maricq noch nicht bekannt, dazu s. u. bei Anm. 22f.

[8] S. o. Anm. 4 und vgl. besonders die Abbildung ebd. 130, wo verschiedene Formen des Zeichens zusammengestellt wurden.

[9] Die Umrechnung der Daten erfolgt nach R. A. Parker — W. H. Dubberstein, Babylonian Chronology 626 B. C.—A. D. 75 (Providence) Rhode Island 1956=Brown University Studies XIX).

[10] Auf diese Schwierigkait weist auch J. Teixidor, Syria 43 (1966) 94, hin, obwohl er Maricqs Lesung akzeptiert. Sein Lösungsvorschlag — Annahme der Arsakidenära, die 64 Jahre nach der Seleukidenära beginnt (s. Anm. 12) — ist jedoch nicht annehmbar; in den Fällen, in denen sie allein gebraucht wird (Nisa), ist sie mit dem iranischen Kalender verbunden, während in Nordmesopotamien der babylonische Kalender verwendet wird.

[11] Vgl. die Abbildung Syria 40 (1963) 130; dort fehlen jedoch Formen aus Assur, für die Jensen, Sitzungsber. (s. o. Anm. 2) Taf. VI=MDOG 60,25, eine dreieckige Form ohne diesen Strich ansetzt (s. Anm. 28).

gebildeter Zusatz, wodurch noch ein kleineres Dreieck entsteht. Es bereitet keine Schwierigkeiten, in dieser Ergänzung das Zahlzeichen für «5» zu sehen, womit sich eine Lesung «500» ergibt. Da diese Datierung auch in paläographischer Hinsicht keine Schwierigkeiten bereitet, dürfte einer Interpretation der Jahreszahl als 547 [+1/2?] der Vorzug zu geben sein.

Unter den in Hatra gefundenen Inschriften befindet sich ebenfalls eine Anzahl, die mit Daten versehen ist. Jedoch bestehen auch hier Probleme bei der Lesung. Die Vervielfachung der Zahl «Hundert» erfolgt — durch kleine senkrechte Striche, die rechts neben das dreieckige Zahlzeichen gesetzt werden. Während man zunächst den kleinen unmittelbar am Dreieck angesetzten Strich bei der Summierung der Hunderter nicht berücksichtigte, ist aus historischen Erwägungen heraus neuerdings eine Chronologie für die Herrscher von Hatra vorgeschlagen worden, bei der dieser im allgemeinen bei der Jahreszählung einen Wert hat[12]. So wurde z. B. die Inschrift Nr. 82, in der ein König Sanatruq erwähnt wird, bisher ins Jahr 388 SÄ = 77/78 u. Z. datiert, nun aber ins Jahr 488 SÄ = 177/8, oder in Nr. 36 wird 549 SÄ = 238/9 u. Z. statt 449 = 138/9 gelesen (die Inschrift bezieht sich auf die Tochter eines anderen Königs Sanatruq, Sohn des 'Abdsimya).

Diese neue Chronologie geht nicht nur von den datierten und undatierten Inschriften, in denen Herrscher genannt werden, aus, sondern versucht auch, die sonstigen, leider nicht allzu zahlreichen Angaben der antiken und orientalischen Überlieferung damit in Einklang zu bringen. Sie beinhaltet, daß der in literarischen Quellen als letzter Herrscher vor der Zerstörung der Stadt genannte Sanatruq mit der gleichnamigen Person der Inschriften, die eben erwähnt wurde, identisch ist. Darüber hinaus wird dessen Vater 'Abdsimya mit dem bei Schriftstellern bezeugten Barsimya, einem Zeitgenossen und Gegner des Septimius Severus am Ende des 2. Jhs. u. Z., gleichgesetzt.

Hatra wurde 240/1 u. Z. von den Sassaniden unter Schapur I. erobert und zerstört. Nach der bisherigen Datierung ergab sich, daß aus dem letzten Jahrhundert des Bestehens der Stadt kaum datierte Inschriften gefunden wurden, während jetzt umgekehrt gerade diese spätere Periode recht gut bezeugt erscheint. Dies entspricht dem zu erwartenden Sachverhalt, worin man ein Indiz zugunsten der Umdatierung sehen mag. Die von Fuad Safar[13] aufgestellte Herrscherliste sieht folgendermaßen aus (zu berücksichtigen ist, daß die Regierungszeiten nur auf Schätzungen beruhen, die datierten Inschriften liefern nur wenige Fixpunkte):

---

[12]. Fuad Safar, Sumer 28 (1972) 3—17 im arabischen Teil. Auf der Grundlage der damals veröffentlichten Inschriften Nr. 1—206 hatten schon F. Altheim — R. Stiehl, Die Araber in der alten Welt, Bd. IV (Berlin 1967) 265—268, eine Herrscherfolge für Hatra aufgestellt, wobei sie von den früheren Zeitansätzen ausgingen. J. Teixidor, Syria 43 (1966) 93—97, versuchte die bis zum Ende der Stadt bestehende Überlieferungslücke durch Annahme der Arsakidenära wenigstens teilweise aufzufüllen, s. o. Anm. 10.

[13] Vgl. die Tabelle a. a. O. S. 17, die auch die genealogischen Beziehungen zwischen den Herrschern zeigt. Ob diese in allen Fällen der Nachprüfung standhalten, ist noch zu untersuchen. Wir vermerken im folgenden nur die in den zitierten Texten bezeugten Filiationen. Die nicht als Herrscher bezeugten Angehörigen der königlichen Familie werden beiseitegelassen. Auf die Vokalisation der Namen wird verzichtet.

85—105 Nšryht(I.),Titel: mry' «Herr» (Nr. 194 — Groβvater des Snṭrwq; 274 — Vater des Nṣrw)

105—115 Wrwd, Titel: mry' (Nr. 123; 233; 266; 267)

115—135 Nṣrw, Titel: mry' (Nr. 82 — in einer Inschrift des Snṭrwq vom Jahre 488 SÄ; 194—Vater des Snṭrwq, 196, 197, 199, 250, 274; die gleichnamige Person in Nr. 272, 3 ist wohl davon zu trennen)

136—145 Nšryhb (II.), Titel: mry' (Nr. 272—449 SÄ; 252?)

146—154 M'nw, Titel; mry' (Nr. 288—460 SÄ)

155—165 Wlgš, Titel: mr' (Nr. 140; 285), Titel: mlk' dy 'rb «König der Araber» (Nr. 193; vgl. 276; nach Fuad Safar dieser Titel seit 158 u. Z.)

166—190 Snṭrwq (I.) Titel: mry' (Nr. 232), mlk' dy 'rb (Nr. 82—vom Jahre 488 SÄ; 194 — Sohn des Nṣrw, des Sohnes des Nšryhb; 196, 197, 199, 232; nach Fuad Safar König seit 167 u. Z.)

190—200 'bdsmy', Titel: mlk' dy 'rb bzw. mlk' (Nr. 36, 79, 195, 203, 287—als Vater des Snṭrwq; 223; 290 — vom Jahre 504 SÄ)

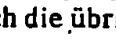
200—241 Snṭrwq (II.), Titel mlk' dy 'rb bzw. mlk' (Nr. 79, 144, 195, 203, 229—vom Jahre [5]40; 287; Kinder von ihm werden erwähnt; Nr. 28, 36 — vom Jahre 549 SÄ; 195, in diesen 'bdsmy', der «Thronfolger»; 37, 139, 198[14].

Zu den vorstehend genannten Belegen für die Herrscher, wobei den Datierungen die neue Lesung zugrundegelegt wurde, kommen noch einige datierte Texte, in denen keine Herrscher erscheinen, deren zeitliche Einordnung also ausschließlich von der Lesung der Jahreszahl abhängt. Legt man die neuen Lesungen zugrunde, ergäbe sich folgende Liste: Nr. 241 (409 SÄ), 244 ([4]15 SÄ?, die Zahl der Hunderter ist verloren), 294 (420 SÄ?, die Hunderter sind beschädigt), 108 (422 SÄ, nur Datum erhalten), 243 (429 SA), 293 (400+ [x] SÄ), 65 (498 SÄ), 34 (546 [+1—3?] SÄ), 35 (549 SÄ). Besondere Probleme werfen Nr. 62 und 80 bei der neuen Lesung auf. Das führt zurück zur Ausführung des Zahlzeichens für «Hundert». Wie bereits angedeutet befindet sich meist ein kleiner senkrechter Strich an der rechten Ecke des dreieckigen Zeichens (). Eindeutig ist die Bedeutung in einer Inschrift im Duktus von Hatra, die in Dura-Europos gefunden wurde[15]. Hier werden (Z. 4) «100 Denare» erwähnt, wobei das Zeichen in der angegebenen Form ausgeführt ist. Da die Inschrift außerdem in einer griechischen Fassung vorliegt, ergibt sich eine zusätzliche Kontrollmöglichkeit. S. ferner u. zur Inschrift von Abra al-Saghira (o. Anm. 7).

[14] Der in Nr. 21 bezeugte König 'tlw wird von Fuad Safar (im Anschluß an J. T. Milik) als Herrscher von Adiabene betrachtet, dazu s. Altheim-Stiehl a. a. O. 263—265 (mit weiterer Lit.). Auch bei Fuad Safars Rekonstruktion der Herrscherliste besteht die Möglichkeit, ihn in die Reihe der Könige von Hatra einzuordnen, etwa zwischen Sanatruq I. und 'Abdsimya.

[15] S. A. Caquot, Syria 30 (1953) 245f, No 3 (zwei weitere gleichartige Texte von diesem Fundort sind unergiebig); H. Donner, in: H. Donner-W. Röllig, Kanaanäische und aramäische Inschriften (Wiesbaden 1962—1964) Nr. 257; eine Abbildung Syria 19 (1938) 148, s. auch S. 147—152.

Für die Schreibung der Zahl «200» sind uns keine Beispiele bekannt. Für die höheren Zahlen «300»—«500», die in den Datierungen der hier zur Debatte stehenden Inschriften vorkommen, ergibt sich die bereits angedeutete Problematik. Leider gibt es kaum unabhängige Zeugnisse, die eine eindeutige Lösung erlaubten. Damit kommen wir wieder zu Hatra Nr. 62 und 80. Leider läßt sich auf dem veröffentlichten Photo von Nr. 62[15a] nicht mit Sicherheit erkennen, ob sich am Hunderter-Zeichen ein Strich befindet oder nicht. Wenn es der Fall ist, wie es uns scheint, dann kann demselben kein Wert zukommen, da eine Lesung «576» ausgeschlossen ist. Man käme damit in die Zeit nach der Zerstörung der Stadt Hatra (das Jahr derselben, 240/1 u. Z., entspricht 551 SÄ). Die Jahresszahl kann also nur 476 SÄ gelesen werden. Etwas anders liegt der Fall bei Nr. 80. Auch hier kommt wohl dem Strich am Hunderter-Zeichen kein Wert zu, da die vier Zählstriche auf der vorhergehenden Zeile stehen (Z. IIf); zu lesen wäre demnach 449 SÄ, obwohl 549 prinzipiell möglich ist.

Die Sache wird dadurch kompliziert, daß gelegentlich eine Nebenform des Zeichens erscheint, bei der alle Zählstriche vom Dreieck getrennt sind, der kritische Strich an der Spitze also fehlt (z. B. , Nr. 272). Die Belegstellen sind: Nr. 65 (498 SÄ), 108 (422 SÄ), 272 (449 SÄ), 293 (400 [+x] SÄ). Die Erwähnung von Nšryhb mr [y]' in 272, 3 ordnet diese Inschrift in das System der Herrscher ein: wenn sie ins Jahr 449 SÄ datiert wird[16], dann können die Texte des Königs Sanatruq II. nicht gleichzeitig sein. Wie oben gezeigt wurde, ist die Entwicklung der Titulatur der Herrscher von Hatra von «Herr» zu «König (der Araber)» unbestreitbar. Das bedeutet für eine Inschrift wie Nr. 36, da sie jünger sein muß, die Lesung der Jahreszahl als «549», wonach dann auch die übrigen Daten zu bestimmen sind. Betrachtet man jedoch die Photographie dieses Textes[17], so sind Unterschiede in der Ausführung des Striches am Dreieck und der vier übrigen Striche unverkennbar. Bei unvoreingenommener Betrachtung wird man geneigt sein, ersteren bei der Summierung zu vernachlässigen, so wie es bisher in der Regel geschah. Entsprechendes gilt dann auch für die Mehrzahl der übrigen datierten Texte[18].

Versuchen wir eine Zusammenfassung und Deutung des Befundes. Gegen die neuerlich vorgeschlagene Datierung können in paläographischer Hinsicht einige Bedenken nicht unterdrückt werden. Sie beruhen vor allem auf Nr. 62 und 80, da dem fraglichen Strich am Hunderter-Zeichen in diesen Fällen kaum Bedeutung zukommen kann, wie es dabei jedoch für die anderen Texte vorausgesetzt wird. Andererseits legen Texte wie Nr. 272, wo die Aus-

---

[15a] Sumer II (1955) Tafel nach S. 14 arab.

[16] Sollte die Abbildung Sumer 24 (1968) S. 25 arab., auf eine Photographie zurückgehen, dann wäre dies eine grundlegende Stelle. Eine Lesung 349 erscheint dort ausgeschlossen. S. auch u. Anm. 19.

[17] Syria 32 (1955) 274. Die Wiedergaben in der Erstpublikation, Sumer 8 (1952) 191f arab.; 9 (1953) 19 engl., sind für diese Frage unzureichend.

[18] Ähnlich ist z. B. auch Nr. 289, 2. Seite, Z. 4 (=Sumer 27, 1971, Tf. 2—3, 2. Abb. von links) zu bewerten. Die Zahl der Hunderter in Nr. 290, I ist auf dem Photo Sumer 27, Taf. 9 arab., leider nicht erkennbar; die oben gegebene Lesung folgt Fuad Safar.

führung eher eine Lesung «449» statt «349» erwarten läßt, die Spätdatierung nahe[19].

Eine eindeutige Entscheidung erscheint uns beim heutigen Kenntnisstand noch nicht möglich. Im Falle der Frühdatierung gehören die mit Jahreszahlen versehenen Inschriften in den Zeitraum von 309 — 476 SÄ=3/2 v. u. Z. — 165/6 u. Z., wobei vorauszusetzen ist, daß eine Anzahl undatierter Inschriften auch noch aus den letzten Jahrzehnten der Existenz der Stadt stammt[20]. Dann ist jedoch auffällig, daß der letzte inschriftlich sicher bezeugte Herrscher, Sanatruq II., etwa ein Jahrhundert vor dem Ende der Stadt gelebt hat und die späteren Könige kaum eigene Zeugnisse hinterlassen haben.

Geht man von der neuen Chronologie Fuad Safars aus, so lösen sich diese Schwierigkeiten. Dann gewinnen wir eine relativ gut bezeugte Folge von Herrschern seit dem Ende des I. Jhs. u. Z. bis zur Zerstörung der Stadt. Der durch datierte Inschriften dokumentierte Zeitraum schrumpft dann auf eineinhalb Jahrhunderte, auf die Jahre 409—549 SÄ=98/99—238/9 u. Z., zusammen[21]. Obwohl damit die Geschichte Hatras überschaubarer wird, lassen sich die paläographischen Bedenken vorerst nicht völlig beseitigen. Vielleicht kann eine gründliche Untersuchung der Entwicklung der Buchstabenformen aller Texte in dieser Frage weiterführen. Dadurch, daß nur ein Teil von ihnen in Photographie veröffentlicht ist, wird dies jedoch erschwert.

Von der Datierung der Inschriften von Hatra hängt auch die Lesung der Jahreszahlen zweier weiterer, in der Umgebung gefundener Inschriften ab: der von Sa'diya[22] und der von Qabr Abu Na'if[23]. Beide sind im Duktus von Hatra geschrieben. In ersterer ist am Ende von Z. 1 das Hunderter-Zeichen verloren, davor stehen vier Striche, die Zahl ist also mindestens «400». Obwohl entsprechend der Problematik von Hatra eine Erhöhung um «100» prinzipiell denkbar ist, bleibt es vorläufig bei der Datierung 436 SÄ. In der anderen Inschrift ist die Jahreszahl deutlich lesbar, vor dem mit Strich versehenen Dreieck stehen noch drei Striche. Sollte sich die Spätdatierung für Hatra bestätigen, dann wäre auch hier statt der bisherigen Lesung «348» eine Erhöhung auf «448» erforderlich. Unberührt davon bleibt, daß der Text mit Hatra gleichzeitig ist.

---

[19] In neuem Licht würde die Problematik erscheinen, wenn der Nšryhb mr[y]' von Nr. 272, 3 mit Nšryhb rbyt' dmrn («Verwalter unseres Herrn», s. Altheim-Stiehl — o. Anm. 12—261 f) zu identifizieren wäre. Das würde die Frühdatierung stützen, ließe jedoch den Gebrauch des Titels, der sich normalerweise auf Herrscher bezieht, unerklärt.

[20] Dies wird bestätigt durch den Fund von drei lateinischen Inschriften aus der Zeit des Kampfes gegen die Sassaniden, s. D. Oates, Sumer 11 (1955) 39—43 engl.

[21] Bei Spätdatierung kann Nr. 79 nicht auf den Sieg Hatras über Trajan 117 u. Z. (so Altheim-Stiehl — o. Anm. 12—243—250) bezogen werden.

[22] Publikation: Fuad Safar, Sumer 17 (1961) 36—40 arab., maßgebliche Bearbeitung: Altheim-Stiehl, Die Araber in der alten Welt, V/1 (Berlin 1968) 79—84; s. auch A. Caquot, Syria 40 (1963) 12—14; J. Teixidor, ebd. 41 (1964), 273—279; Bogoljubov (o. Anm. 5) 53f.

[23] Publikation: Fuad Safar, Sumer 17 (1961) 41f arab., Taf. 2 (Photo und Umzeichnung); Bearbeitung: Altheim-Stiehl a. a. O. IV (1967) 252; s. auch A. Caquot, Syria 40 (1963) 14. — In der Zahl «48» (Z. 2) weicht das Zeichen für «5» etwas von der üblichen Ausführung ab.

Notwendig ist noch eine Bemerkung zu der o. Anm. 7 genannten Inschrift von Abra al-Saghira, datiert 195 SÄ. Da sie nur aus einer Datierung besteht, darf vermutet werden, daß es sich um ein Fragment handelt (vgl. Nr. 108 von Hatra). Sie ist nur in Zeichnung veröffentlicht, so daß nicht zu entscheiden ist, ob etwa am Ende von Z. 1 noch Zählstriche verloren sind (an den Zeilenanfängen fehlt nichts), so daß die Jahreszahl sich erhöhen könnte[24]. Für das frühe Datum, von dem jetzt auszugehen ist, erscheinen die Buchstabenformen schon ziemlich entwickelt.

Die in Assur gefundenen Inschriften in aramäischer Sprache (s. o. Anm. 2) erstrecken sich über einen längeren Zeitraum. Der Bearbeiter, P. Jensen, konnte eine ältere und eine jüngere Gruppe unterscheiden[25]. Zur ersteren gehört u. a. Kalksteinstele, deren Datum leider nicht sicher gelesen werden konnte; J. Euting schlug 224 SÄ=88/87 v. u. Z. vor[26], während Jensen auch 324 bzw. 424 SÄ in Erwägung zieht [27]. Ein weiteres, leider beschädigtes Datum liefert der in Photographie zugängliche Deckel eines Weihrauchbrenners[28], die Zahl der Hunderter vor dem dreieckigen Zeichen ohne Strich ist abgebrochen ([x mal])100+96).

In den jüngeren Texten aus Assur werden die Hunderter etwas abweichend von Hatra geschrieben. Die Zählstriche werden hier nicht vor das Hunderter-Zeichen gesetzt, sondern auf dem rechten oberen Schenkel des Dreiecks, beginnend an der rechten Spitze, angebracht. Bezeugt sind fünf solche, was schon von Jensen «500» gelesen wurde; die Daten bewegen sich zwischen 511 und 539 SÄ[29]. Die Inschriften aus Assur sind also etwa gleichzeitig mit denen von Hatra[30]. Das Abbrechen beider Gruppen im 2. Viertel des 3. Jhs. u. Z. könnte mit den gleichen historischen Ereignissen zusammenhängen.

Fassen wir die Ausführungen zusammen, so ergibt sich für die epigraphische Bezeugung des Aramäischen im nördlichen Mesopotamien folgendes Bild:

Abra al-Saghira: Ende des 2. Jh. v. u. Z. (oder später?)

Assur: seit Anfang des 1. Jh. v. u. Z. (?) — 1. Hälfte 3. Jh. u. Z.

Hatra: bei Frühdatierung Ende 1. Jh. v. u. Z. — 1. Hälfte 3. Jh. u. Z.,

---

[24] Nach Sumer 10 (1954) 148 arab. handelt es sich um eine Steinplatte mit den Abmessungen 45×26×15 cm.

[25] Vgl. die Schrifttafel Sitzungsberichte (o. Anm. 2) Taf. VI=MDOG 60 (1920) 25 und dazu ebd. S. 22f.

[26] MDOG 22 (1904) 51 Anm. (Fundnummer Ass. 1072, vgl. auch o. Anm. 2). Euting gibt 89/88 nach der syrischen SÄ.

[27] MDOG 60, 23 (hier wird betont, daß sie mindestens ein Jahrhundert älter ist als die im folgenden bei Anm. 29 genannten Texte).

[28] Veröffentlicht von Frye (s. o. Anm. 2). Jensen gibt in seiner Schrifttafel (s. o. Anm. 25) das Hunderter-Zeichen als Dreieck ohne Strich wieder (der Wert ist heute gesichert!).

[29] S. Jensen, Sitzungsberichte (o. Anm. 2) 1042 f; MODG 60, 22f. Zur Ausführung vgl. das o. Anm. 2 genannte Faksimile der Steinplatte mit Gedenkinschriften, Ass. 17071.

[30] In diesem Zusammenhang kann auch auf die Erwähnung eines'šrbl «Aššurbel» (wahrscheinlich sowohl Name eines Gottes als auch eines Tempels) in Hatra-Inschriften (s. Nr. 34, 3; 35, 4; 38, 4) hingewiesen werden (in den Inschriften aus Assur wird der Gottesname allerdings mit S, nicht Š geschrieben).

bei Spätdatierung Ende 1. Jh. — 1. Hälfte 3. Jh. u. Z.

In den gleichen Zeitraum gehören auch die Inschriften von Sa'diya und Qabr Abu Na'if.

Sari: etwa gleichzeitig mit den jüngeren Texten aus Hatra und Assur. Die Inschrift von Hassan Kef (s. o. Anm. 6) wurde bisher aus der Betrachtung ausgeschlossen. Da die Jahreszahl am Anfang von Z. 1 verloren ist, ist eine exakte Datierung nicht möglich, auch ist sie noch zu wenig verständlich. Unsicher erscheint uns auch, ob sie paläographisch tatsächlich jünger als Sari einzuordnen ist[31]. Darüber hinaus sind hier auch Buchstabenformen zu finden, die diese Inschrift in die Nähe des in der Inschrift von Garni (Armenische SSR)[32] bezeugten Schriftduktus rücken (vgl. z. B. die Form des Š [33]), aber auch solche, die aus Armazi (Georgische SSR) bezeugt sind (vgl. H, Ḫ, '). Andererseits stimmen z. B. ', G, Z in Hassan Kef (und Sari) mit den Formen von Hatra und Assur überein, während Garni hier mit Armazi zusammengeht.

Aus dem Gesagten ergibt sich, daß die noch immer schwer verständliche Inschrift, die bei Hassan Kef gefunden wurde, abweichend von der bisherigen Zuordnung zur nordmesopotamisch-nordtigridischen Schriftprovinz besser als Zeugnis für einen ostkleinasiatischen aramäischen Schriftduktus zu betrachten ist[34]. Dieser weist danach sowohl Beziehungen zu Nordmesopotamien als auch zu Armenien auf. Ebenso wie in der Inschrift von Garni kann man hier hinsichtlich der Schriftentwicklung Zwischenstufen auf dem Wege nach Georgien, nach Armazi, sehen. Das spärliche Material erlaubt es noch nicht, diese näher zu verfolgen. Es ist zu hoffen, daß neue Funde eines Tages hier weiterführen.

Auch anscheinend belanglose Fragen der Schriftentwicklung und Chrono-

---

[31] Vgl. Syria 40 (1963) 126 im Anschluß an Pognon (o. Anm. 5) 116.

[32] Publikation: А. Г. Периханян, Арамейская надпись из Гарни, Историко-филологический журнал, Ереван, 1964, 13, 123—138.

[33] Der Wert des Zeichens ergibt sich zweifelsfrei daraus, daß in Garni der Königsname Wlgš, nicht Wlgs zu lesen ist (vgl. z. B. Hatra Nr. 140), s. auch Bogoljubov (o. Anm. 5) 49f. In der Schrifttabelle unseres o. Anm. 3 genannten Beitrages, S. 433, wurde versehentlich die überholte Lesung S eingesetzt. Wenn das Zeichen Hassan Kef Z. 2 und 8 den Lautwert S besitzt, so ähnelte dies dem Duktus von Armazi. —Die Form des Š in der Inschrift von Sari läßt sich sowohl als Weiterentwicklung der hier genannten Form als auch der von Hatra erklären.

[34] Das gilt vielleicht auch für die Inschrift von Sari. Die o. Anm. 5 genannte neue Bearbeitung hat uns nicht völlig überzeugt. Einige Bemerkungen dazu: das zwischen Z. 2 und 3 stehende dy sollte besser zu Z. 2 (statt 3) genommen werden, da die Zeile sonst nur teilweise beschrieben ist. Das ergäbe mwtb' dy «Postament, das...», worauf ein Verbum im Perfekt folgen sollte («errichtete» o. dgl.), eine entsprechende Lesung ist uns allerdings nicht gelungen. Auch der Lesung Z. 3/4 Anfang können wir nicht folgen. Ein Personenname Yšm'' Ih' Z. 4/5 erscheint ungewöhnlich. Obwohl Z. 5 eine Lesung 'lh' möglich ist, darf vielleicht auch entsprechend zahlreichen Parallelen aus Hatra an 'l ḥy' «für das Leben» (und Personenname, Z. 6, wahrscheinlich mit L beginnend) gedacht werden, die erhaltene Spur des ersten Buchstabens von Z. 5 schließt dies nicht aus. Sowohl bei Lesung H als auch bei Ḫ entspricht die Buchstabenform Armazi. — Zu der auf der anderen Seite des Steines von Sari angebrachten kleineren Inschrift s. Pognon a. a. O. III, Taf. VI.

logie können für den historischen Erkenntnisprozeß Bedeutung besitzen. Für Bereiche wie den Staat von Hatra z. B. besteht das Quellenmaterial zum überwiegenden Teil aus den an Ort und Stelle gefundenen Inschriften. Sie in die richtige zeitliche Ordnung zu bringen, bildet eine Voraussetzung für die Untersuchung der gesellschaftlichen Entwicklung dieses Bereiches. Und damit wiederum wird seiner Einordnung in die Gesamtgeschichte Vorderasiens der Weg bereitet. Als ein kleiner Beitrag dazu wollen die vorstehenden Ausführungen verstanden werden.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

К. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НОВОАРАМЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1. Новоарамейский язык отражает современный этап арамейского языка, для которого характерно следующее:

1. 1. По фонологии: слабость фарингальных согласных, частичная утрата эмфатических звуков, выход из употребления закона спирантизации, в силу которого поствокальный смычный произносился как щелинный, тенденция к упрощению геминатов и к сужению долгих гласных, развитие явления сингармонизма. К тому же, в языке засвидетельствовано существование новых согласных, которые ранее не встречались не только в древнеарамейском, но и в среднеарамейском языке (аффрикаты, абруптивные согласные).

1. 2. Для морфологии новоарамейского языка типично развитие аналитических форм. Именно эти последние превалируют над синтетическими формами, которые в глаголах все еще встречаются. Для новоарамейского глагола характерно образование временных форм с помощью отглагольных имен, утеря рефлексивных пород и передача страдательного залога посредством описательных форм. Исчезла разница между состояниями (статусами) имен; имя, стоящее в status emphaticus-е, с точки зрения детерминации, является нейтральным, а имя в status absolutus-е воспринимается как чистый глагол.

1. 3. В области синтаксиса следует отметить свободный порядок членов предложения, употребление относительной частицы в качестве союза в сложно-подчиненных предложениях, передача прямого и косвенного дополнения с помощью одной и той же частицы, выражение сравнительной степени имен прилагательных аналитическим способом и др.

1. 4. Для новоарамейской лексики характерно большое количество заимствований из арабского, курдского, турецкого, азербайджанского, персидского языков (не говоря о тех старых заимствованиях, которые новоарамейский язык получил «по наследству»).

2. Новоарамейский язык, носители которого встречаются на довольно обширной территории (от антиливанских гор до урмийского озера),

содержит много диалектов. Особенное разнообразие диалектов встречается среди арамейского населения в горах Курдистана и Иранского Азербайджана, где они проживают наиболее компактно. Вышеприведенные языковые признаки не присущи всем диалектам в равной мере: то или иное явление в одних диалектах представлено слабо, в других вовсе не прослеживается. или существует в совершенно измененном виде. И только с учетом всех языковых факторов можно говорить об определенном диалекте или группе диалектов.

3. Об отдельных диалектах новоарамейского языка, об их взаимоотношениях и связях с древнеарамейским не раз высказывалось мнение после того, как начали серьезное изучение данного языка (начало ему было положено трудом Th. N ö l d e k e, Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan, Leipzig, 1868). Сначала же было ясно, что речь одной части носителей новоарамейского языка является продолжением древнего западноарамейского, тогда как язык второй части арамейцев ближе стоит к древним восточноарамейским диалектам. К западноарамейскому относится речь арамейцев, проживающих в антиливанских горах, названная по имени самого большого арамейского села—Малулы. Исследователи данного диалекта в один голос признают его близкое родство с арамейскими диалектами палестинских христиан и иудеев[1].

Наибольшее количество сегодняшних носителей арамейского языка говорят на диалектах, близко стоящих к среднему восточноарамейскому. Поэтому условно все эти наречия известны под названием ново-восточноарамейского (Neu-Ostaramäisch) языка и именно его деление на отдельные диалекты представляет собой особенную трудность. В этом отношении интересны высказывания ученых, пионеров изучения новоарамейских диалектов, таких как Th. Nöldeke, E. Prym, A. Socin, M. Lidzbarski.

Nöldeke отмечает явную разницу между речью тур-абдинских яковитов и урмийских несторпан (по данным других лиц)[2]. Там же указана значительная разница в речи арамейцев Гавара, Ботана, Тиари и других районов Курдистана, но об их выделении в отдельные диалекты, или об их объединении в единый диалект ничего не говорится.

Prym и Socin в восточноарамейском выделяют три диалекта: 1. урмийский, 2. курдистанский и мосульский (диалект несторианских горцев и халдейцев) и 3. тур-абдинский[3]. Таким образом, здесь дана первая классификация восточных новоарамейских диалектов.

A. Socin в предисловии к арамейским текстам, изданным им в 1882 г., в отдельный диалект выделяет речь христиан-арамейцев, проживающих в Саламасском районе, севернее урмийского озера (по Socin'у диалект Сипур-

---

[1] См., напр., A. S p i t a l e r, Grammatik des neuaramäischen Dialekts von Ma'lūla (Antilibanon), Leipzig, 1938, стр. XXI—XXII; так же, F. R o s e n t h a l, Die aramaistische Forschung seit Theodor Nöldeke's Veröffentlichungen, Leiden, 1964, стр. 104.

[2] Th. N ö l d e k e, Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan, Leipzig, 1868, стр. XXIV—XXV.

[3] E. P r y m und A. S o c i n, Der neuaramäische Dialekt des Tur-Abdin, Bd. I, Göttingen, 1881, стр. VI.

гана и Хусравы). У него же курдистанский диалект (речь несторианских горцев) елится на диалекты Ботана, Джилу, Тиари, а речь халдейцев мосульского р-на, отмечена под названием Фелихи (Fellīḥī-Dialekt). Впервые здесь выделена арамейская речь евреев Захо[4].

M. Lidzbarski, в результате изучения восточных новоарамейских рукописей отмечает, что данные диалекты делятся на 2 главные группы: тур-абдинскую (Ṭōrānī) и речь арамейцев Курдистана и Мосула[5].

Сравнительно полная классификация современных восточных арамейских диалектов была представлена A. J. Maclean-ом[6]. Согласно ей, восточноарамейские диалекты (имеются в виду диалекты, расположенные восточнее Тур-Абдина) составляют четыре группы: урмийскую, северную, аширатскую и южную. В каждую группу входят от трех до пяти диалектов.

G. Bergsträsser из восточноарамейского (Ostaramäisch) выделяет урмийское наречие с родственными ему диалектами Курдистана и Азербайджана под названием «восточносирийский» («Ostsyrisch»)[7]. В результате остается тур-абдинский диалект, который Bergsträsser, видимо, считает «западносирийским». Аналогичное деление диалектов предложил и Н. Юшманов[8].

Fr. Rosenthal современные арамейские диалекты рассматривает под двумя названиями: «Das Neu-Jungaramäisch» («Новый молодой арамейский»), имея в виду западноарамейский (т. е. речь деревень Малулы, Джуб-Адина и Баха) и «Das Neu-Ostaramäisch» («Новый восточноарамейский»), включающий все остальные арамейские диалекты[9].

В 1958 году нами была представлена новая схема классификации современных восточноарамейских диалектов (т. н. ассирийских), в основном, опирающаяся на схему Maclean-а, в которую были внесены некоторые изменения[10].

4. В последнее время на разных арамейских диалектах опубликован целый ряд заслуживающих внимания исследований и текстов. Прежде всего здесь следует назвать тур-абдинские тексты, изданные покойным H. Ritter-ом[11], а также исследования и тексты на арамейских диалектах Тур-Абдина, Урмии, Захо, Малулы и урмийских и саламасских евреев (А. Габриелова, К. Церетели, I. Garbell, J. Friedrich, H. J. Polotsky, J. B. Se-

---

[4] A. Socin, Die neu-aramäischen Dialekte von Urmia bis Mosul, Tübingen, 1882, стр. V—VIII.

[5] M. Lidzbarski, Die neuaramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin, Bd. I, Weimar, 1896, стр. VII.

[6] A. J. Maclean, Grammar of the Dialects of Vernacular Syriac, Cambridge, 1895, стр. XIII.

[7] G. Bergsträsser, Einführung in die semitischen Sprachen, Darmstadt, 1963, стр. 89.

[8] Н. В. Юшманов, Ассирийский язык и его письмо.—Письменность и революция, I, М.-Л., 1933, стр. 115, § 3.

[9] Fr. Rosenthal, Ib., стр. 160—169, 255—262.

[10] К. Г. Церетели, Очерк сравнительной фонетики современных ассирийских диалектов, Тбилиси, 1958, стр. 214—215.

[11] H. Ritter, Tūrōyō, die Volkssprache der syrischen Christen des Tūr ʿAbdīn A: Texte, Bd. I, Beirut, 1967; Bd. II, Beirut, 1969; Bd. III, Beirut, 1971.

gal, Akio Nakano, O. Jastrow, V. Cantarino, R. Hetzron, F. Pennacchietti, E. Cerulli). Совсем недавно O. Jastrow издал материалы по неизвестному до настоящего времени арамейскому диалекту — сиртскому (Вост. Анатолия, вилайет Сиирт)[12]. Следует отметить, что именно при изучении речи арамейцев, переселившихся в Советский Союз из Восточной Анатолии, был нами выявлен т. н. ванский диалект[13], представляющий речь арамейцев, проживающих в Ванском вилайете.

В течение многих лет мы имели возможность систематически записывать тексты на восточноарамейских диалектах, а также прослушивать, записанные на магнитофонную пленку, тексты на диалектах Тур-Абдина, Захо и Малулы*. Изучение соответствующих материалов и специальной литературы убедило нас в необходимости составления новой схемы классификации современных арамейских диалектов. Мы попытались предусмотреть все более или менее известные нам арамейские диалекты и разгруппировать их по характерным для них признакам.

5. Новоарамейские диалекты составляют три основные группы (ветви), в которых в свою очередь можно выделить отдельные подгруппы и диалектные единицы. Эти группы: Западная, Центральная и Восточная, что̀ подтверждается их изучением как в синхронном, так и в историческом аспекте.

6.1. Западный арамейский, который объединяет речь трех сирийских деревень — Малулы, Джуб-Адина и Баха фонологически характеризуется: наличием звонких эмфатических согласных (ẓ, ḍ) рядом с глухими (ṭ, ṣ); переходом иногда ларингального смычного (') в фарингальный звонкий (ʿ): emʿa «сто» <em'ā; сдвигом звонких в соответствующие спиранты в начале слова d>ḏ, g>ḡ(ǧ), k>k̲(ḫ), t>t̲, p>p̄(f), *b>b̲. Этот последний снова >b; в середине и конце слова звóнкий смычный становится глухим (b>p, d>t, g>k), даже если они удвоены (bb>pp). В этой же позиции из глухих смычных сохраняется только k, а t>č (соответственно, удвоенный tt>čč). Что же касается глухого смычного p, он во всех позициях заменяется спирантом f (поэтому pp>ff). Спирантизованные согласные обычно сохранены. Исключение составляет b̲, который всегда встречается в виде смычного b. Таким образом, в Малуле *b* встречается лишь взамен спирантизованного b̲ (ср. выше). Спирантизованные согласные засвидетельствованы и после дифтонгов (ay, aw): payt̲ā «дом», но наряду с mawt̲ā «смерть» встречается и ḫawkapta «звезда».

6.2. Морфологические особенности: окончание имен женского рода в виде -ča (<-tā); окончания имен множественного числа: муж.

---

* В этой связи приношу свою глубокую благодарность уважаемым коллегам А. Шпиталеру (Мюнхен) и д-ру Akio Nakano (Токио), а также студентам Тбилисского университета Г. Чиковани, М. Тхинвалели и Л. Твалчрелидзе.

[12] O. Jastrow, Ein neuaramäischer Dialekt aus dem Vilayet Siirt (Ostanatolien). ZDMG, 121/2, 1971.

[13] К. Г. Церетели, Образцы современной ассирийской речи. (Ванские тексты). — Семитские языки, I, М., 1963, стр. 202—219.

рода -ōуа, -ōу, -ō; женск. рода -ōṯa, -уōṯa; различие рода у количественных числительных во множеств. числе; употребление -aḥ в качестве притяжательного местоименного суффикса I л. мн. числа (payṯaḥ «наш дом»); вопросительное местоимение mōn «кто?»; относительное местоимение ti; сохранение видового спряжения глаголов; использование префиксов имперфектива при образовании I и II лиц грамматических времен от партиципиальных форм; напр., n-ḏōḥek «я смеюсь», č-izreb «ты заключен» (в III лице здесь, как и в других диалектах, личные показатели не употребляются).

6. 3. В области с и н т а к с и с а следует отметить: расширение функции част. l; наряду с функциями nota dativi и nota accusativi, она выражает и притяжательность (рядом с ti); употребление прилагательных муж. рода, стоящих в stat. absolutus-e, в качестве наречий; применение причастий страдательного залога для передачи давнопрошедшего времени.

6. 4. В л е к с и к е отмечается обилие арабских слов и выражений.

7. l. **Центральный арамейский** подразумевает речь арамейцев (resp. сирийцев) Тур-Абдина, которую ее носители называют туройо (ṭurōyo).

П о ф о н о л о г и и для нее характерны: наличие не только глухих эмфатических (ṭ, ṣ), но и звонких (ḍ ~ ḏ); существование геминированных согласных, в том числе и спирантизованных (mirre «сказали», beynaṯṯe «между ними», moqaḏḏe «они сожгли»).

7. 2. П о м о р ф о л о г и и следует отметить: композиты, компоненты которых представляют собой имена, стоящие в status emphaticus-e ('ezzo-ṭūro «газель»); окончание имен женского рода -to ~ -ṯo ('armalto «вдова», malakṯo «царица»); внутреннее множественное число имен (zənǧir «цепь» > мн. ч. zinéǧər, ḥàyyan «животное» > мн. ч. ḥayénən); образование нового префиксального артикля: u- (ед. ч. муж. р.), i- (ед. ч. жен. р.), a- ~ ann- (мн. ч.); образование сравнительной степени прилагательных: ṭōwo «хороший», a ṭāw «лучший», mayīro «горький» и māyir «горше»; употребление неопределенного артикля ḥā (ед. ч.) и kmo (мн. ч.) (ḥā zlām «ein Mann», kmo səsye «Pferden»); сохранение старого числительного māṯe «200», что является двойственным числом от имени *mə'ā «сто» (хотя в мидинском наречии. как и в других новоарамейских диалектах—tremo < tre«2»+mo «100»). Наряду с самостоятельными местоимениями встречаются их энклитические формы: -no «я», -na «мы», -hət и -hat «ты», -hatu «вы», -yo «он», -ne «они». В местоимениях, указывающих отдаленные предметы, засвидетельствована частица k, характерная для древнеарамейского языка: hāwok «тот», hāyek «та», hānek «те». Рядом с самостоятельными указательными местоимениями употребляются энклитические формы, как -āno (ед. ч. м. р.), -āti (ед. ч. ж. р.), -āni (мн. ч.) (u-malkāno «этот царь»). В основе спряжения глаголов лежат лишь причастия (действительного и страдательного залогов). Нередко встречаются предлоги нового образования, как gab «с» (< gabbā < ganbā «сторона») и др.

7.3. В области лексики заслуживают внимания заимствованные слова, большая часть которых вошла из турецкого, арабского и курдского языков. (По сведениям исследователей, тур-абдинские арамейцы наряду со своим родным языком говорят по-турецки, по-курдски (курманджи) и по-арабски[14]).

8.1. **Восточноарамейская ветвь** особенно богата диалектами. По фонологии для данной группы диалектов характерны: «упрощение» эмфатических согласных (эмф. ṭ>абруптив. t, ṣ>s), хотя в сииртском диалекте засвидетельствованы оба эмфатических; утеря фарингального ', часто '>', а ḥ>ḥ, за исключением сииртского и мосульского диалектов, где ḥ встречается наряду с ḥ; возникновение абруптивов (p, t, k, č: pḥšå «война», tḥå «три», uča «девять» и др.); двусогласное начало (напр., в именах действия и причастиях страдательного залога: qṭala, qṭila и др.); утеря геминации и упрощение старых геминатов (иногда наряду с этим прослеживаются случаи вторичной геминации); переход спирантизованного ṯ в l, š, h, χ в курдистанских диалектах; веляризация гласных; сингармонизм.

8.2. Морфология. В количественных именах числительных утеряны формы женского рода (исключение составляет «одна»—gda). Видовое спряжение глагола целиком заменено временным спряжением, в основу которого кроме причастий легли также инфинитивы (за исключением сииртского диалекта). Отсюда—большое количество временных форм. Для данного спряжения характерны широкое употребление субстантивного глагола для образования глагольных форм; различение глагольных форм с точки зрения продолжительности действия в настоящем и прошедшем временах: моментальное (конкретное) и дюративное (общее) действие (biktāveli и ki kātiv «пишет», biktāveva и ki kativ-va «писал»); употребление причастий действительного залога в форме status emphaticus-a (кроме сииртского диалекта); образование статических глаголов с помощью причастия страдательного залога и verbum substantivum-a; образование инхоатива с помощью инфинитива и глагола hāvi «иметь» (vīli birqāda «стал танцевать»); увеличение количества слабых глаголов за счет геминированных по причине упрощения геминатов (tā'im<tmm «кончать», «завершать»), окончание мн. числа повелительного наклонения слабых глаголов (verba tertiae infirmae) -mun. Наречия образуются с помощью окончания -ā'it (parsā'it «по-персидски», sūrā'it «по-сирийски» и т. д.), а также употребляются прилагательные женского рода, стоящие в status emphaticus-e: qamēta «первая» и «раньше». Наблюдаются новообразованные частицы, как напр., lkis «к» (<l—rota dativi+gissā «сторона»).

8.3. Из области синтаксиса следует обратить внимание на случаи употребления турецкого изафета, когда к определяющему присоединяется местоименный суффикс, соответствующий определяемому: урм. Mar-Šimun qoyšūnu «войско Мар-Шимуна» (букв. «Мар-Шимун войско-его») и некоторые другие.

8.4. Из лексики следует отметить множество турецких, азербайджанских и персидских слов. (Арабская лексика большей частью проник-

[14] H. Ritter, Türoyo, I, стр. 18.

ла через турецкий и персидский языки). В курдистанских диалектах изобилует курдская, в ванском и сиртском диалектах — турецкая, в диалектах, распространенных на территории Ирана — азербайджанская и персидская лексика. Встречаются также целые выражения иноязычного происхождения (кальки): перс. pādišahi kerdän «стать царем» (букв. «делать царя»)>mālkūtā ʔvid, перс. ẖam ẖordän «заботиться» (букв. «съедать заботу») >урм. ẖam ʔẖi.

9. Выше нами были выделены характерные признаки всех трех основных групп (трех ветвей) новоарамейских диалектов. Однако этим отнюдь не исчерпывается специфика (единство фонологическо-грамматических признаков, характерных для данного диалекта) той или иной группы (ветви) диалектов. Разница особенно ярко выражена между западными и восточными арамейскими диалектами. Центральная же группа (ветвь) занимает среднюю позицию между ними: она имеет общие признаки как с западным, так и с восточноарамейским; так, напр., для тур-абдинского диалекта, как и для малула характерны: наличие эмфатических согласных и фарингального ʿ, ā>ō, количественные числительные в обоих родах (в ед. ч.), возникновение согласного h в начале местоимения II лица, образование прошедшего времени непереходных глаголов с помощью вербального прилагательного и др.; с восточными диалектами туройо объединяет тенденция употребления местоимений в качестве определенного артикля, образование притяжательных местоимений; спряжение глаголов на основе отглагольных имен, употребление местоименной энклитики для образования личных форм глагола и т. д. Говоря о взаимоотношениях центральных и восточных арамейских диалектов, следует уделить особое внимание нововыявленному наречию Сиирта, которое обнаруживает много общего с центральными диалектами, хотя условно мы и причислили его к восточной ветви новоарамейского языка.

10. Что же касается положения вещей в пределах одной группы диалектов, различие между отдельными диалектами или подгруппами диалектов в основном, как об этом уже говорилось выше, фонологического характера, хотя оно (различие) прослеживается и на других уровнях. В западноарамейском различают речь жителей деревень Малулы, Джуб-Адина и Баха[15]. На существование различных диалектов в центральном арамейском (туройо) указывают H. Ritter и O. Jastrow[16]. Восточноарамейская группа, как уже отмечалось, делится на множество диалектов.

Некоторую трудность создает определение места недавно выявленного арамейского диалекта сииртских христиан в представленной классификации. Вилайет Сиирта расположен между Ванским и Мардинским вилайетами, а южнее него (юго-восточнее) находится та часть Курдистана, где живущие арамейцы-христиане говорят на т. н. мосульском диалекте. Ин-

[15] A. Spitaler, Ma'lūla, стр. 206, § 183, a; ср. F. Rosenthal, Ib., стр. 165.

[16] H. Ritter, Tūrōyō, I, стр. 7; O. Jastrow, Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts von Midin im Tur ʿAbdin, Bamberg, 1967, стр. VIII.

тересно отметить, что языковые факты, характерные для сиртского диалекта, насколько их можно было установить по статье и материалу, опубликованным Jastrow-ым, распределяются между арамейскими диалектами туройо, Вана и Мосула. Таким образом, здесь встречаются признаки, характерные как для центральных (тур-абдинских), так и для восточных (ванский, мосульский) диалектов. Особый интерес представляет глагол — основное ядро грамматической структуры языка, который фактически дает возможность разделить все арамейские диалекты на три группы (этому, как мы уже видели, способствуют и другие факты): 1. спряжение глагола по аспектам (хотя наряду с этим развиты и партицинпиальные формы), 2. спряжение глагола по временам, в основе которых лежат только причастия (действительного и страдательного залогов), 3. спряжение глагола по временам, основой которого являются три отглагольных имени — два причастия и инфинитив. Диалект Сиирта, как и туройо, для спряжения использует лишь причастия, но в отличие от последнего, от причастия страдательного залога образуются два времени: претерит и перфект (в туройо же лишь претерит), как это характерно и для восточных диалектов. Интересно заметить, что в сииртском диалекте, как это явствует из текстов, представленных Jastrow-ым, для выражения объекта при переходных глаголах употребляется перфект в значении претерита (как и в восточноарамейском!): drēlennе «я засыпал их» <drēlen-le), а не претерит, где I и II лица якобы образованы по аналогии с настоящим временем[17].

Наподобие восточноарамейских диалектов в сииртском наречии будущее время образуется от форм настоящего с применением приставки bet (ср. сиирт. bet 'āzen и урм. bit āzin «пойду»). Аналогично и образование повелительного наклонения: сиирт. plọṭ «выйди!» (муж. и женск.), мн. ч. pluṭon «выходите!» (plūṭen), ср. урм. ед. ч. pluṭ и мн. ч. plūṭun (ср. тур. qṭal и qṭālu).

Вышесказанное, а также данные фонологического характера дают нам основание сииртский диалект причислить, условно, к ветви восточноарамейского языка (пока не будет опубликовано достаточное количество материалов).

11. Думаем, как бы ни решался вопрос об определении «новых диалектов» в новоарамейском языке, одно уже можно считать установленным: современные арамейские диалекты образуют три резко отличимые друг от друга группы (ветви): западную (Малула и др.), центральную (арамейская речь Мидиата, Мидина и других местностей Тур-Абдина) и восточную (сииртский, мосульский, тиарийский, ванский, урмийский и др. диалекты).

В эту классификацию диалектов арамейцев-христиан входит и арамейская речь евреев, которая относится к восточной ветви, поскольку у них общая грамматическая структура.

---

[17] O. Jastrow, Dialekt aus dem Sīirt, стр. 218, § 3. 3.

12. Большой интерес представляет соотношение новоарамейского языка со староарамейским, связь его диалектов с их «непосредственными предками» (среднеарамейскими диалектами), которые были распространены в Палестине, Сирии и Месопотамии в I—XIII веках. Этот вопрос требует специального изучения.

IV 1976

А. С. ЛЕКИАШВИЛИ

ДВА ТИПА СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМ ЧИСЛА ИМЕН В СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

Цель настоящей статьи — выявить те признаки суффиксальных форм, которые должны учитываться при реконструкции прасемитской падежной системы, а также при трактовке вопроса об ее отношении к парадигме имен в хамитских языках.

Показатели -āt (мн. ч.) и -ān(i), -ajn(i) (дв. ч.) можно считать общесемитскими. Остальные формы наличествуют либо в большинстве языков данной семьи, либо в некоторых ее представителях (-ū [na]/-ī [na], -an, -ūt, -ānū/ī).

В языках, различающих падежные формы, в двойственном и множественном числе именительбный падеж противостоит родительному-винительному[1]:

Именительный	Родительный-Винительный
Дв. ч. -ān(i)	-ajni, -īn
Мн. ч. -ātu(-n/-m)	-āti(-n/-m)
-ūtum	-ūtim
-ānū	-ānī

При диахронической интерпретации этих форм специалисты расходятся во мнениях.

Некоторые авторы утверждают, что суффиксы -āt и -ū(na), -ī(na) возникли вследствие удлинения гласного элемента окончания единственного числа: āt<at, ū<u[2]. Согласно W. Vycichl, -āt восходит к *-awat, что увязывается с показателем мн. числа -w-t[3] в египетском. По его мнению, в двойственном и множественном числе в свое время выражались те же категории, с теми же функциями и порядком расположения элементов, что и

[1] Ге'ез стоит обособленно, здесь мн. ч. на -ān, -āt образует форму винительного падежа (-a).

[2] C. Brockelmann, GVG I, § 241 a; E. Speiser, JAOS 56, № 1 (1936), p. 41; S. Moscati, RSO 29 (1954), p. 50—51.

[3] W. Vycichl, RSO 33 (1958), S. 178.

в единственном числе: основа (показатель числа), падежное окончание, элемент индетерминации.

Предполагая стяжение звукосочетаний āju>ā, āji>aj, ūu=ū, ūi>ī, Vycichl историю указанных форм представляет следующим образом:

	Мужской род		Женский род	
Дв. ч. И.	ibn-ā-ni	*bin-āj-u-ni	ibn-at-ā-ni	*bin-at-āj-u-ni
Дв. ч. Р.-В.	ibn-aj-ni	*bin-āj-i-ni	ibn-at-aj-ni	*bin-at-āj-i-ni
Мн. ч. И.	ban-ū-na	*ban-ū-u-na	ban-āt-u-n	*ban-āt-u-n
Мн. ч. Р.-В.	ban-ī-na	*ban-ū-ī-na	ban-āt-i-n	*ban-āt-i-n[4]

По словам S. Moscati, указанные выше звукоизменения в классическом арабском прослеживаются не всегда (например, āj u, āji переходят в ā'u и ā'i). Автор подчеркивает флективность арабского (и родственных ему языков, что предполагает многозначность аффиксов) и возведение окончаний двойственного и множественного числа к показателям числа и падежа ставит под сомнение[5].

Как утверждает J. Kuryłowicz, отношение формы qatlatu к qatlātu восходит к оппозиции прилагательное: абстрактное имя.

Ассоциация абстрактного имени на -ātu с формами, лишенными этого суффикса, и применение прилагательного в функции имени существительного повлекли за собой переход контраста прилагательное: абстрактное имя в противопоставление субстантив: абстрактное имя с дальнейшим развитием абстрактная форма >собирательная форма> множественное число.

Суффиксы -ū, -ī, по мнению Kuryłowicz'a, получены из -uu̯+u, -uu̯+i вследствие закономерной утраты u̯ и протосемитской контракции u+u>ū, u+i>ī. Суффикс -uu̯ прослеживается в окончании -ūtu, которое служит для образования абстрактных имен (в эфиопском, еврейском и аккадском) и мн. числа от прилагательных мужского рода (в аккадском)[6].

K. Petráček интересующий нас вопрос рассматривает в рамках арабско-египетского единства. Считая морфемы женского рода (ед. ч.) и множественного числа на -u агглютинативными, он констатирует изоморфизм и материальную идентичность арабских и египетских форм женского рода (ед. ч.), двойственного и множественного числа мужского рода.

---

[4] W. Vycichl, RSO 28 (1953), S. 71ff.

[5] S. Moscati, RSO 29 (1954), p. 178—180.

[6] J. Kuryłowicz, L'apophonie en sémitique, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, § 291.

Множественное число			Женский род	
арабский muslim	египетский sn	основа	арабский	египетский
Ø	Ø	морфема муж. рода	ед. ч. -at дв. ч. -ā мн. ч.	-t морфема ж. рода -j „ дв. числа -ū/w-t „ мн. ч. ж. рода
-ū		показатель мн. числа		
-na		определенный артикль		

Petráček сюда относит также арабскую морфему мн. ч. числа женского рода, в которой восстанавливает ū/w-at (>āt): muslim-ū/w-at(-u-n)>muslim-āt(-u-n). Аналогичный процесс он видит в арабских глагольных и именных формах: jaḫwafu>jaḫāfu, ṣalwatun>ṣalātun. На этом основании выдвигает тезис об изоморфизме и симметричности морфем мн. числа в означенных языках: -ū/w-at//-ū/w-t[7].

В связи с этим отметим следующее: -ū не является однозначным, что свойственно флективному элементу (muslim-ū-na им. падеж, мн. число).

При анализе окончания -āt необходимо учесть, что в семитских языках показатели рода и числа имеют фиксированную позицию в слове, при чем второй элемент следует за первым: kabīr-at-ā-ni), katab-at-ā (основа+показатель рода + морфема числа).

Трудно согласиться с мнением K. Petráček о развитии -āt из *-ū/w-at. Относительно перехода звукосочетания CwV>CV укажем, что вопрос о чередовании ā/w, j в «слабых основах» до сих пор остается открытым.

С учетом оппозиций, образуемых именными формами, соответствующую систему можно охарактеризовать несколько иначе.

Реконструировать падежные суффиксы -u,-i в двойственном числе невозможно (ср. S. Moscati). То же самое относится и к множественному на -ū/-ī. Об этом свидетельствует тесная связь между этими формами; как известно, в аккадском в сопряженном состоянии (имя+род. пад.).они оканчиваются на -ā/-ī (дв. ч.), -ū/-ī (мн. ч.), в отличие от множественного с суффиксами -āt, -ūt, -ānū, выступающих, как правило, без флексии[8].

Исходя из этого, можно выделить два типа форм, в основе оппозиции которых лежит наличие/отсутствие специальной морфемы падежа. 1) множественное на -āt, -ān, -ūt, -ānū: основа+показатель числа/рода+морфема падежа/+элемент детерминации/; 2) множественное на ū/-ī и двойственное число: основа (дв. ч. ж. р.+показатель рода)+признак числа/падежа (+окончание отдельно взятого имени)[9]. Что касается изоморфизма, то он имеет место в пределах типа

---

[7] K. Petráček, Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz, Wrocław-Warszawa-Kraków 1965, S. 227—229.

[8] W. Soden, GAG, Roma 1969, § 64.

[9] А. С. Лекиашвили, Падежная система в семитских языках, Тбилиси 1970, § 21.

I

-āt, -ān, -ūt, -ānū суффиксы числа/рода

-u... морфема падежа

(-n/-m) элемент детерминации

II

Мн. ч.		Дв. ч. м. р. Дв. ч. ж. р.
-ū	-ā	суффиксы -at суффикс ж. рода
-ī	-ī	числа/падежа -ā числа/падежа

(-na -n|i|)

окончания status absolutus

IV 1976

Ю. Н. ЗАВАДОВСКИЙ

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭМФАЗЫ В АРАБСКИХ ДИАЛЕКТАХ МАГРИБА*

«Арабский языковый союз» унаследовал эту корреляцию видимо еще из общесемитского языка[1]. Однако в арабском языке она получила особо важное развитие[2]. Но, конечно, не все фазы языка одинаково ее развили. Мы знаем, например, что сулаймиты (потомки Баний Сулайм) артикулируют эмфатические фонемы менее ясно, чем хилалиты (т. е. потомки Баний Хилāл); поэтому в так наз. хилалитских говорах, корреляция эмфазы имеет более солидную основу для выделения коррелятивных пар[3]. Наоборот, на маргинальных ареалах она может быть частично или даже полностью утрачена, как это имеет место в некоторых деревенских говорах или в мальтийском диалекте. Однако, это явление скорее исключительное и свидетельствует о разрушении системы арабского консонантизма, чем о чем-либо другом.

В свете новейших лингвистических исследований явление эмфазы должно было бы приобрести, наконец, какую-то ясность. Работы американских дескриптивистов, которые отличаются от европейских работ как раз своим стремлением к четкости, в конечном счете запутывают вопрос систематическим игнорированием европейских ученых трудов. Такую предвзятую позицию в свое время отметил в своей блестящей критике работы З. Хэрриса Жан Кантино[4]. Мы вспомнили этот эпизод в связи с работой У. Лэна, который с предельной ясностью казалось бы изложил проблему эмфазы в каирском говоре[5]. Однако, далеко не все факты, приводимые американским лингвистом, на поверку оказываются такими простыми, как они ему представляются.

Нам нечего возразить относительно первого его основного поло-

---

* В статье по техническим причинам символы ḍ, ġ, ḷ и т. д. передаются знаками *ḍ*, *ġ*, *ḷ* и т. д. (Ред.)

[1] Н. В. Юшманов, Теория эмфатических согласных в семитских языках, «Известия АН СССР», 15 апр., 1925.

[2] Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 154—155. Он называет ее: «Эмфатическая корреляция веляризации».

[3] W. Marçais, Les parlers arabes, in «Initiation à la Tunisie», Paris, 1950, стр. 214.

[4] J. Cantineau, Etudes de linguistique arabe, Paris 1960, Réflexions sur la phonologie de l'arabe marocain, стр. 241 ssq.

[5] W. Lehn, Emphasis in Cairo Arabic, «Language», 39 (1963), I, стр. 29—39.

жения, что эмфаза никогда не встречается, как единственный признак одного только микросегмента в любом окружении[6]. Этим самым определяется характер эмфазы как явления коррелятивного, пронизывающего всю систему согласных и накладывающего на нее добавочную систему, противополагающуюся основной.

В диалектах Магриба в самом деле встречается большое количество эмфатических согласных, которые не имеют соответствующих графем в литературном языке и мало известны даже специалистам. Если /ϑ/ известно было уже в диалектах древней Аравии, а/ẓ/[7], /ɬ/ и —/ṛ/ у чтецов Корана, то /ḳ/, /g/, /b/, /f/, /ṣ/, /ḥ/, /v/, /ɛ/, /ṭ/, /m/, /n/, /w/ в литературном языке никогда не отмечались.

Профессиональные фонетисты склонны рассматривать все эти диалектальные фонемы как варианты неэмфатических фонем или как «вторичные» эмфатики («secondary emphatics»), оставляя за четырьмя апикальными /ṭ/, /ḍ/, /ṣ/, /ḍ/, название «первичных» («primary emphatics») только потому, что они одни традиционно признаны и закреплены графемами[8].

Примеры /ṭiṉ/ «глина» и /tīn/ «фиги» из египетского диалекта часто цитируют для доказательства контрастности эмфатических и простых отдельных фонем, входящих в каждое из этих двух слов. Но У. Лэн как раз резонно возражает против этого на том основании, что все микросегменты в обоих примерах различны. Причина, по его мнению, кроется в специфике арабской графики, которая выражает /t/ X /ṭ/, но не /i/X/i/ или /n/ X /ṉ/. В русском написании можно было бы выразить только оппозицию гласных /тин/ X /тын/. Когда традиционно признанные эмфатические апикальные не встречаются, тогда другие микросегменты не могут быть распознаны как эмфатические. Иными словами, точность дескриптивных работ по арабской диалектологии нарушается сохранением в подсознании традиций классической орфографии, т. е. диахроническими соображениями[9].

На деле мы встречаем в диалектах Магриба ряд эмфатиков: /b/, /g/, /ẓ/, /ż/, /ṉ/, /l/, /ṛ/, которые могут явиться самостоятельными фонемами, а не вариантами или изменениями, обусловленными коартикуляцией, так как они часто противополагаются с дифференцирующей функцией соответствующим неэмфатическим коррелятам, например:

(h*a*bh*a*b) 'легонько подуть (о ветре)' x (ḥ*å*bḥ*å*b) 'лаять'[10]

(sb*a*g) 'он опередил' X (sb*å*g) 'скачки'[11]

---

[6] W. Lehn, op. cit. стр. 30.

[7] (ẓ) вместо (ʒ) появляется в словах (ẓ-ẓiẓāṭ al-mustaqīm) (J. Cantineau, Etudes, стр. 46; Landberg, Hadramoût, Leiden, 1901, стр. 239), но остается нейтральным в отношении корреляции сонорности (D. Cohen, Le dialecte arabe ḥassānīya de Mauritanie, Paris 1963, стр. 20). NBI (Ẓ) здесь нигде не соответствует классической графеме ﻅ; Гэрднер (W. H. T. Gairdner, The phonetics of Arabic, Oxford, 1925, стр. 12) отмечает эту графему (*d*) и мы следуем за ним.

[8] R. S. Harrel, The phonology of colloquial Egyptian Arabic, New-York 1957, стр. 71—72.

[9] W. Lehn, op. cit., стр. 33.

[10] J. Cantineau, Etudes, Le parler d'el-Ḥamma de Gabès, стр. 70.

[11] J. Cantineau, Hamma, стр. 69.

gbəl 'он принял' X /gbāl/ 'перед'[12]
zhar 'флёрдоранж, цветки апельсинового дерева' X /zẖār/ 'удача'[13]
/walla/ 'он вернулся' X /wālla/ 'если, или'[14]
/bred/ 'он остыл' X /bṛād/ 'он подпилил напильником'[15]

Прочие эмфатики возникают, насколько известно, только как варианты фонем, вызываемые коартикуляцией, т. е. под влиянием других эмфатических согласных: /ḳ/, /Θ/ /ṣ̌/, /ḥ̤/, /f/, /v/, /ɛ/, /m/.

Во всяком случае только эти согласные эмфатики нам встретились в текстах. Однако, поскольку мы имеем дело с эмфазой как с корреляцией, то вероятно и все прочие фонемы в принципе могут эмфатизироваться.

В действительности для некоторых рядов фонем возникают затруднения. По Ф. Марсэ, существует абсолютная несовместимость между мускульным усилием для артикуляции фонем, велярных, увулярных, фарингальных и ларингальных, и усилением, которое делается для реализации эмфазы, ибо центры локализации этих движений находятся слишком близко один от других[16]. Указанные ряды, следовательно, нейтральны в отношении корреляции эмфазы.

В настоящее время для нескольких арабских диалектов Востока были все же отмечены эмфатические фарингалы[17].

В каирской койнэ, по У. Лэну, не только встречаются эмфатические /ḥ̤/ и /ɛ/ (мы отмечаем их соотвественно /ḥ̤/ и /ɛ/), но составляют оппозиции со своими простыми коррелятами, на что ему указал профессор лингвистики Каирского университета 'Абдарраҳмāн Аййӯб:—ḥ̤amma/ /'прыщ'x/ḥamma/' он искупался' /ḥ̤urra/ 'свобдная'x /ḥurca/' 'болезненная', /ɛāmṛ/ 'Амр' (и. с.) x /ɛam/ 'дядя'; /ɛumə/ 'глубина' x /ɛunɔ/ 'шея'[18].

Они могут отмечаться и для Магриба.

В исходной позиции эмфаза не релевантна, т. е. остается нейтральной и обычно не отмечается в «фонетически» записанных текстах:

(waḥ ⁻ˢṭ—ṭāṛf—d⌣—l—ḥdid)[19]

Для целей фонологии конечный /f/ в слове /ṭāṛf/ следовало бы отметить /f/.

Корреляция эмфазы распространяется не только на систему согласных, но охватывает и все соседние гласные, производя среди них новые пертурбации.

Характер гласных, которые испытывают на себе влияние смежных

---

[12] D. Cohen, Le dialecte arabe ḥassānīya de Mauritanie, Paris, 1963, стр. 22—23.
[13] W. Marçais. Le dialecte arabe parlé à Tlemcen, Paris, 1902, стр. 15.
[14] D. Cohen, Ḥassānīya, op. cit., стр. 23.
[15] J. Cantineau, Ḥamma, стр. 70.
[16] Ph. Marçais, L'articulation de l'emphase dans un parler maghrébin, AIEO VII, 1948, стр. 7.
[17] H. Blanc, Studies in North Palestinian Arabic. Jerusalem 1953, стр. 71—72.
[18] W. Lehn, op. cit., стр. 31.
[19] W. Marçais, Textes de Tanger, Paris 1911, стр. 17.

эмфатических согласных, ощущается с особой ясностью: они почти все звучат с типичной заднерядной тональностью и огублением. Их часто квалифицируют как темные, тяжелые, веляризованные в противоположность светлым, легким, палатальным, которые не подлежат эмфатизации.

Чаще всего с эмфатическими согласными встречаются:

/i̯/, /ę̯/, /u̯/, /o̯/, /å̯/,

например:

it̯ɪ̯r	'он полетит'
s̯ę̯f	'середина лета'
r̯u̯bi	'красная глина'
r̯o̯d	'цель'
r̯å̯mi	'кудрявый'

Нередко, при быстром прослушивании, эмфаза С проходит незамеченной и только эмфатизированный тембр соседнего V позволяет обнаружить ее наличие[20].

Здесь, следовательно, возникает интересный переплет с явлениями сингармонизма, которые мы рассматриваем отдельно.

На примерах текстов Такруны видно, как прогрессирует эмфаза, будто бы, перескакивая через нейтральный С:

šɛär̯ - ha̯-ltdli[21] (h)

dår̯bå̯[22] (b)

fo̯-r̯-r̯mål[23] (m)

На деле прогрессия эмфазы не нарушается, а образует сплошные сегменты — «эмфатические занавески» противопоставляемые неэмфатическим:

Эмфаза для согласных микросегментов /h/, /b/ и /m/ нейтрализуется, либо по своей локализации, либо позиционно и потому не релевантна для нормального акустического восприятия; она составляет почти ультразвук, который можно либо отмечать точкой, либо не отмечать.

Появление за нейтрализованным С гласного заднего ряда составляет добавочную корреляцию третьей степени, долженствующую «перестраховать» перцепцию эмфазы в этом месте, если передача ее затруднена для средств одного консонантизма.

Самой собой разумеется, что в эмфатических сегментах могут встретиться и другие гласные, в частности гласные смешанного ряда, а также /ɪ̯/, /ɨ̯/, /a̯/ из переднего ряда.

По У. Лэну, минимальный охват эмфазы представлен секвенцией ÇV[24].

---

[20] Ph. Marçais, L'articulation..., стр. 7.

[21] W. Marçais, Textes arabes de Takroûna, Paris, 1925, стр. 159.

[22] W. Marçais, Takroûna, стр. 41.

[23] Takroûna, стр. 131.

[24] W. Lehn, op. cit., стр. 31.

Он, следовательно, описывает явление эмфазы, как прогрессивную контактную ассимиляцию, свойственную всей системе согласных и переходящую на систему гласных.

У. Лэн наблюдал эти явления для египетского диалекта, но мы не думаем, чтобы от этого дело изменилось в приложении их к диалектам Магриба.

Среди односложных сегментов он не встретил контрастов: весь слог должен быть либо эмфатическим, либо простым:

ÇVÇ	X	CVC	
/ṛab/ 'господь,	X	/rab/	'он пустил ростки';
/ẓūr/ 'лжесвидетельство'	X	/zūr/	'посети!'

В двухсложных сегментах оба слога могут быть либо эмфатическими /ṛāɔiḍ/ 'военный чин', либо простыми /raɔid/ 'спящий', но могут и установиться контрасты: первый слог Эмфатический X второй Простой или первый слог Простой X второй слог Эмфатический:

/ṛā X gil/ 'человек'
/búk X ṛa/ 'завтра'[25]

Те же явления можно обнаружить и на примерах диалектов Магриба. Резкая смена контрастных сегментов и составляет, видимо, основной принцип всякой корреляции. У. Лэн не наблюдал секвенций VÇ, что он подчеркивает, и видит в С своего рода 'вершину' эмфатического сегмента, от которой прогессивно распространяется эмфаза: $\overline{ÇV}$

Прогрессивное распространение эмфазы хорошо наблюдается на примерах диалектов Магриба:

ya-ṛâṣūllaḥ[26]
u-qṛ̂âṭ—ṣ-ṣū́kkū́ṛ[27]
X ẹ̄s - sū́kkū́ṛ[28]

При рассмотрении материала У. Лэна создается впечатление, что он работал на сегментах, не превосходящих отдельные слова, для которых его наблюдения вполне уместны, но коль скоро мы переносимся на текстовую ленту, можно заметить, что эмфаза охватывает сегмент в синтагме, соответствующий иногда слову не только с энклитиками, но и с проклитиками:

ɛ[a]la-$\overline{ṛâṣ}$ i-u-ɛên-i[29]
qṛîb-—ṛ — ṛâbbi[30] /ṛ-Ll/ →

[25] W. Lehn, op. cit. стр. 32.
[26] Takroûna, стр. 15.
[27] Takroûna, стр. 9.
[28] Takroûna, стр. 169.
[29] Takroûna, стр. 143.
[30] Takroûna, стр. 131.

А это значит, что эмфаза распространяется и регрессивно.

На опыте, который мы поставили, информатор, имевший суданский диалект в качестве родного языка, выдавал начальные эмфатизированные сегменты слов с ассимилированным артиклем начиная их с гласных заднего ряда /aṭ—ṭåbīḫ/; неэмфатизированные сегменты он неизменно начинал с гласного переднего ряда /es—sūdân/.

Для диалектов Магриба в записях В. Марсэ можно видеть немало примеров регрессивной эмфатизации для V, CV, CVC и пр. сегментов:

/ɛ[a]la—ṛåṣ—ha/X/ ɛ[a]la zdĕ̊r—ha/[31]
/ḫdâṭ—ṭåṛf—munnu[32] /X/ uḫdâṭ/[33]
/bå̊b—å̊llā/[34]

(эмфатизировано обычно только второе слово; оно вызвало эмфазу первого).

Мы поэтому считаем, что утверждение В. Лэна относительно направления продвижения эмфазы несколько опрометчиво.

На основании указанных примеров, мы видим, что эмфаза расползается во все стороны, начиная от ее «вершины». Поскольку эмфаза есть явление активное, маркированное, она должна остановиться, дойдя с каждой стороны до своей границы.

«Вершину» эмфатического сегмента всегда составляет тот микросегмент, который вызывает эмфазу во всем сегменте; все прочие фонемы получают эмфатическую окраску от контакта с ними. Фонемы, находящиеся до вершины подготавливают наращение эмфазы, а фонемы, находящиеся после вершины подготавливают ее затухание.

Здесь следует строго различать понятие «вершины» в плане синхронном и в диахронии. Для синхронного плана «вершину» могут составить только те фонемы, которые сами способны эмфатизироваться без семантического влияния.

Например, слова, содержащие сонанты /r/, /l/:

/ɛaſṛiṭ/ 'дух, джинн' х кл. ΣIFRIT (Тлемсен)
/ẓå̊llâš/ 'коническое дно амфоры' (Маразиг)
/kåṣṣår/ 'разбить' (Бенгази) х кл. KSR
/ṣåkkår/ 'закрыть' (Триполи) х кл. SKR

В синхронии «вершина» эмфатического сегмента /—ṣṣólṭån/ будет находится в /l/, в связи со сказанным выше: для диахронического плана «вершина» будет в /ṭ/ посколько кл. корень SLṬ содержит эмфатический сегмент в R[3]. Наличие двух вершин, по одной для каждого слога, вероятно, обеспечило эмфазу во всем сегменте, включая /n/ слога — /ṭån/, которое позиционно не релевантно[36].

---

[31] Takroûna, стр. 163.
[32] Takroûna, стр. 159.
[33] Takroûna, стр. 159.
[34] Takroûna, стр. 113.
[35] Takroûna, стр. 11.
[36] Takroûna, стр. 53.

Но это можно понять только так, что эмфаза вызывается двумя причинами. В случае синхронной эмфазы мы имеем дело с явлением фонетического порядка; в случае диахронической эмфазы, подсознание подсказывает какие-то аналогии и даже без аналогий просто стремится к выделению эмфатического сегмента, в случаях не мотивированных одними законами фонетики. Мы будем называть это явление «психологической эмфазой».

Такая эмфаза встречается при восклицаниях (1), в звукоподражаниях (2), в иностранных словах (3):

Примеры: 1 /b͡åbə/ 'папа, папочка!' (Джиджелли)
/uskûṭ/ 'тише! молчи!' (Бенгази)
/å͡llå͡/ 'боже!'

2 Мы уже отмечали среди «чужих звуков» звуки, которые артикулируются с необычно сильной эмфазой. Они составляют добавочную чисто психологическую корреляцию совершенно ненужную для фонологии, но, видимо, стилистически оправданную напр., hå*bb*-hå*bb* «гав-гав» (Джиджелли).

3 Эмфаза в данном случае отражает усилие, с которым стараются воспроизвести иностранное произношение, Так в ранних романских заимствованиях (латынь) все /t/ переданы через /ṭ/, а все /c/ через /q/ и т. п.

При геминациях в синхронии вершина эмфатического сегмента приходится на обе геминаты одновременно и влияние ее расходится по сторонам:

VC CV
l—hå*ṭṭ*å͡y*a*
ed—dîn—*s*and—å*ll*a—las*l*ûm[37]
mɛå—ṭṭ*ol*ba[38] X yə*ṛ*boṭh*a*—mɛåh[39]

Эмфаза в принципе охватывает сегмент, соответствующий слову с проклитиками и энклитиками, иногда образуя длинные отрезки, если несколько слов, охваченных эмфазой, следуют одни за другими:

ukêybd*a*—iṭkêy'f mɛå—*ṛ*âṣ*o* ukẹiṣêyfoṭ—
ṭṭo*ṛṛ*áḥ iḡṭblo—kå̱s—dā̱ṭ*d*y[40]

Для нас впрочем гораздо важнее знать как далеко может распространиться эмфаза или вернее, что может ее остановить в своем продвижении.

Во-первых, ясно, что ее границами может явиться абсолютное начало слова или фразы, также как и конец ее, или хотя бы резкая остановка голоса. Этот случай нас мало интересует, ибо это больше чем очевидно.

---

[37] Takroûna, стр. 7.
[38] V. Loubignac, Textes arabes des Zaër, Paris, 1952, стр. 89.
[39] V. Loubignac, Zaër, стр. 81.
[40] W. Marçais, Tanger, стр. 23.

Впрочем надо иметь в виду, что корреляция эмфазы никогда не затрагивает гласный в исходной позиции, который остается позиционно нерелевантным, даже если этот гласный /i/:

/bạ̊rnūṣ ʒạ̊r̥ʒūr̥i/ 'желтый бурнус' (Маразиг)
/iṣạ̊lli/ 'он будет молиться' (Маразиг)

В случае резкого возникновения на границах эмфатического сегмента неэмфатической завесы с огласовкой переднего ряда, эмфаза может ее преодолеть в синтагме, если гласный находится в том же слоге, который содержит эмфатическую согласную фонему: /ɛom̥-i—ma nəmši—mɛå—kum[41]/.
«никогда (дословно: «жизнь моя») я не пойду с вами».

iṣ*i*m «он будет поститься» (Маразиг)
iṭ*i*r «он полетит» (Маразиг)

Наоборот, наличие гласного /i/ в соседнем слоге вызывает нормально резкий обрыв эмфазы 1, 3.

ṣå*ll*ạ̊ṭ—ni r̥åbbi «господь меня поразил» (Маразиг)
al—limîn—u—liṣ*ạ̊r̥* «направо и налево»[42]

Эмфаза в этом случае как бы останавливается противоположной, идущей ей навстречу неэмфатической «волной». Резкость обрыва может быть сглажена промежуточным согласным, который остается нейтральным будучи позиционно нерелевантным к эмфазе.

Таков первый /b/ в сегменте /r̥åb/ из примера 2; в контакте с /bi/ он нейтрализуется, хотя при раздельном произношении мы должны получить /r̥åb/.

Встреча эмфатиков с (i) вызывает полную дезэмфатизацию в контакте и частичную в дистактных сочетаниях:

Ç>ˀ /žạ̊r̥/ 'сосед' X/žĭrân/ 'соседи' (Маразиг)
/slạ̊g/ 'борзые' X/sˁlūgi/ 'борзая' (Маразиг)
/zˁr̥ạ̊bi/ 'ковры' X/zarbīya/ 'ковер' (Маразиг)

ÇV>ˀ /sgạ̊f/ 'потолок, крыша' X/sgtʃa/ 'пристройка, вестибюль' (Маразиг)

ÇÇV<ˀ /šag*l*ạ̊b/ 'перевернуть' X/lešeglīb (маçдар) (Маразиг)
Хороший пример:
/kạ̊r̥r̥ạ̊r/ «повторять» X маçдары /tekrīr/, /takr̥ạ̊r̥/ Маразиг)
при встрече с /i/ *маçдар* дезэмфатизируется, при встрече с (a)—эмфатизируется.

ÇÇ>Ç /žar̥r̥ạ̊d/ 'собиратель саранчи' X žar̥ārīd (мн) (Маразиг)
/u/ и /o/ не нарушают распространение эмфазы:

---

[41] W. Marçais, Takroûna, стр. 23.
[42] Takroûna, стр. 5.

/šâṛṛ/ 'зло' X/šṛûṛ/ (мн.) (Маразиг)
/gˡuṭṭ/[48] 'я ошибся'

Поскольку кл. корень GLṬ содержит эмфатический сегмент в R^3, эмфаза продвинулась назад в R^2; она остановилась на нейтральной фонеме /ġ/.

Расползание эмфазы, следовательно, сдерживается наличием звука /i/ по сторонам; она невозможна вообще в соседстве с гласными переднего ряда, если они позиционно не нейтральны.

Эмфаза стало быть содействует возникновению в смежных сегментах явлений сингармонизма.

---

[48] Takroûna, стр. 47.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

О НАДПИСЯХ И ЛИЦЕВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА СОСУДАХ ИЗ САМАРРЫ

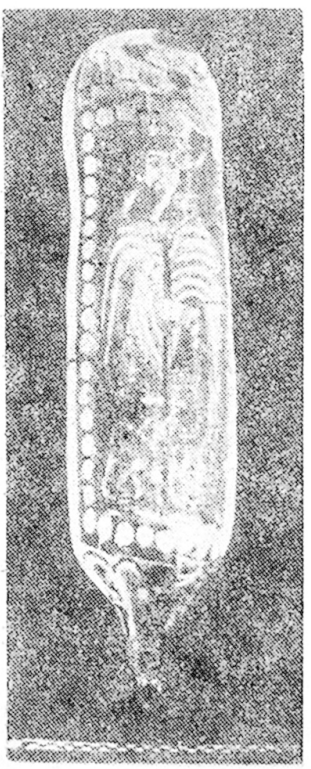
В 1912 г. в Ираке германская археологическая экспедиция исследовала руины Самарры, временной столицы аббасидских халифов, которая была резиденцией правителей менее шестидесяти лет (221—279/836—892 гг.). Под полом разрушенного дворца Джаусақ ал-Ҳақāнй, именно юго-западного крыла крестообразно расположенных зал центрального корпуса дворца, отделенного двором от главного зала гарема, найдены 1 целый и несколько фрагментов кувшинов особой формы с лицевыми изображениями на одной из сторон и синими арабскими надписями куфи. Размеры цилиндра с заостренным основанием: 80—85×20 см; наверху круглое отверстие. Табл. (Рис. 1—2). 3 фрагмента кувшинов без росписи, но с надписями курсивом, написанными кистью, одно слово — каламом. Сосуды открыты германской археологической экспедицией в 1912 г., один фрагмент — департаментом древностей в Ираке перед мировой войной 1941 г.[1]

Э. Херцфельд описал эти цилиндрические сосуды необычной формы с заостренным выступом под дном и лицевыми росписями, которые интерпретировал согласно с куфическим написанием слова مسمس на целом сосуде[2] и на одном фрагменте[3]; на фрагменте, кроме того,

[1] E. Herzfeld. Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra-Berlin, 1912, S. I; Die Malereien von Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. 3-Forschungen zur islamischen Kunst, Berlin, 1927, s. 84—95, pls. LXXXIII—LXXXV, figs. 67—68; Mitteilungen über die Arbeiten der zweiten Kampagne von Samarra. Der Islam, V, 1914, pp. 199 f. План дворца: K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture, II. Oxford, 1940, pp. 237 ff., plan in fig. 194; Seton Lloyd. Jausaq al-Khaqani at Samarra: a new reconstruction. Iraq, XX, 1948, pp. 73—80; E. Kühnel. Samarra. (Staatliche Museen in Berlin, Bilderhefte der Islamischen Abteilung, Heft 5). Berlin, s. d., s. 22; H. Viollet. Samarra. EI, IV, p. 140—143.

[2] См. изображения: D. S. Rice. Deacon or drink: some paintings from Samarra re-examined. Arabica. Revue d'études arabes, t. V, fasc. 1, Janvier 1958, Leiden, Pl. I a b; III, C.

[3] D. S. Rice. Op. cit., Pl. III, C; IV, B [две начальные буквы того же слова; III, D (-III, C) — по копии Э. Херцфельда].

Наверху (слева направо): знак № 1, знак № 2.
Внизу (слева направо): Рис. № 1, рис. № 2.

четко вылисаны синим круглый начальный мӣм, среднее положение буквы в виде ромба (Рис. 3), средний лӑм конечная буква типа ẋӑ.

Так как на целом сосуде изображен священнослужитель или монах, Херцфельд счел مشمس за определение фигуры помощника «шаммӑса» (слово арамейского происхождения) и усматривал связь с манихейством, последователи которого тайно жили при халифском дворце.

Мнение Э. Херцфельда блестяще опроверг Д. С. Райс, привлекая литературные параллели и миниатюры к «Маḳӑмам» ал-Ḥарӣрӣ из рукописей Британского Музея и Национальной библиотеки в Париже. Д. С. Райс правильно прочел курсивно написанное слово مطبوخ (причастная форма от корня طبخ «он готовил кушанье (варил, жарил, пек)»; Э. Херцфельд прочел его неправильно مطوح[4]. Д. С. Райс перевел مطبوخ «сгущенный виноградный сок» или «вареное вино», «называемое еще ṭилӑ'»: طلاء— «вино сгущенное...»[5]. По Э. Лэну, مطبوخ *вареный... сорт* منصف [т. е. *вина* или *питья, вареного до того, как половина его испарилась*»]. منصف—причастная форма II пор. от корня نصف «он взял половину того, он разделил того, он разделил то пополам»[6]. У ал-Аẋṭаля есть выражение ṭӑбиẋахӑ: «кипятят его [вино] несколько раз в больших горшках—ḳудӯр»[7].

Для обоснования чтения مشمس Д. С. Райс цитирует слова ал-фӣрӯзӑбӑдӣ: «Это название для вина, происходит от слова šammӑs имени диакона христианской церкви и оно значит: вино выращенное и выхоженное шаммӑсом..., но в основном... значение: опьяняющее питье»[8]. (рис. 4—5). Вывод Д. С. Райса: надписи на выкопанных Германской экспедицией сосудах *маṭбӯẋ* и *мушаммас* означают названия содержавшихся в них сортов вина[9]. Заключение подтверждается надписью другим почерком на фрагменте, выкопанном в Самарре сотрудниками Департамента Древностей перед мировой войной 1941 г. (рис. 6): سعدان отдельно ниже; التى من الشاط وكرم المرأة «которое с берега реки и виноградника женщины» «Са'дӑн».

Последнее слово—имя собств. м. На фрагментах без росписи, с названиями вин *маṭбӯẋ* и *мушаммас*, есть имя احمد بن موسى, быть может, имя келаря, виноградаря или купца; таков был, вероятно, Са'дӑн. (Рис. 5—6).

---

[4] D. S. Rice. Op. cit., p. 10—21.

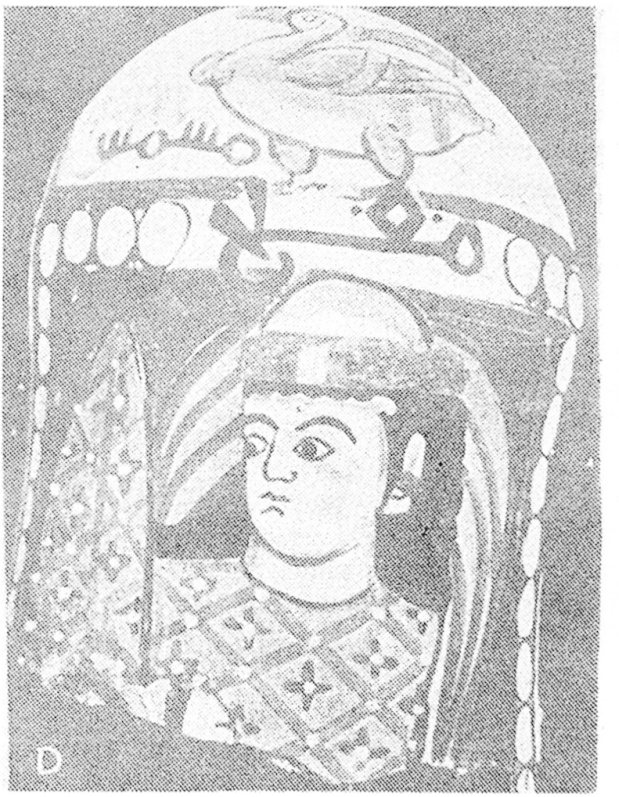
[5] Гиргас, стр. 485; И. Ю. Крачковский, Вино в поэзии ал-Ахṭаля (1932). Избр. соч., II, 1956, стр. 426; см. еще стр. 417, 418, 421—432, 479. (Д. С. Райсом не привлечено).

[6] Lane, Op. cit., V, p. 1822.

[7] И. Ю. Крачковский, Ук. соч., II, стр. 422.

[8] D. S. Rice, Op. cit., p. 22, n. 2, 3; 23.

[9] D. S. Rice, Op. cit., p. 23, n. 3; 24; Pl. V, c.

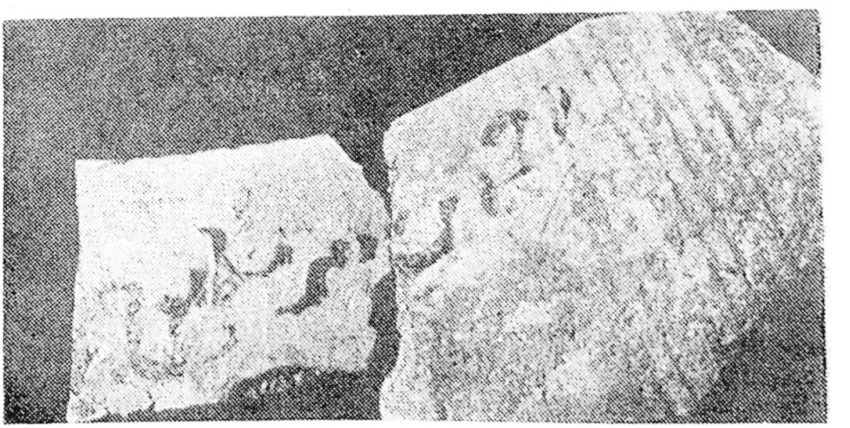

Рис. № 3, № 4.

На фрагменте сосуда с изображением молодой фигуры по грудь, которую Э. Херцфельд и Д. С. Райс считали женской, а Ж. Соваже считал изображением юного, безбородого мужчины[10], (рис. 2), (к чему я присоединяюсь), кроме слова مشمس на сфероидальной поверхности сосуда левее середины росписи, над головой фигуры четкими штрихами тщательно выведено (знак № 2). По Херцфельду, это имя собственное одного ранга с احمد بن موسى. Д. С. Райс подтверждает, что это—хорошо известное арабское мужское имя مفلح, которое носил, между прочим, Муфлих, известный военачальник халифских войск[11].

فلح I пор. имеет значение «он преуспевал, благоденствовал»;...[12] «иметь успех, преуспевать»; مفلح «имеющий успех, преуспевающий удачный»...[13].

Корень فلح «побеждать врага»...[14] интересно сопоставить с пояснением Э. Лэна к причастной форме مفلح [*Rendered successful or victorious; and safe or secure*»...][15]. К толкованиям В. Ф. Гиргаса и Х. К. Баранова ближе первое значение: «сделанный успешным или победительным (т. е. победителем)».

Глядя на напряженное, не женственное лицо молодого человека, у которого вдоль правого плеча поднимается часть узко-овального предмета, кажется, что видишь воина, держащего щит, может быть победителя в военных упражнениях, которые и разыгрывались на огромном майдане к востоку от дворца Джаусақ ал-Хақáни. В таком случае слово مفلح явилось бы пояснением к изображению, но тогда зачем на том же кувшине написано еще مشمس?

Читавшие это слово до сих пор не учли, что вторая (ромбическая) буква имеет две ясных точки по сторонам боковых выступов (см. рис. 3; знак 2), то-есть, эту букву можно принять за қāф (фā с двумя точками мне не известно).

Только проф. А. Громан в своей рецензии на указанную ниже в примечании 1 книгу Э. Херцфельда «Die Malereien von Samarra» по палеографическим деталям предположил, что слова на этих сосудах вписаны двумя каллиграфами, заметил также,... ромбическое фā, охваченное двумя точками...», но необходимого вывода не сделал[16].

Начертание (знак 2) можно огласовать, учитывая обе точки, иначе: مُقَلِّح (от корня قلح), причем важно второе значение по словарю Э. Лэна: «*what qualities have been tried or proved*»[17], т. е. «качества кото-

[10] D. S. Rice, Op. cit., p. 18, n. 2, 3.
[11] D. S. Rice, Op. cit., p. 25—26.
[12] Гиргас, стр. 627.
[13] Баранов, стр. 779.
[14] Баранов, там же.
[15] Lane, Op. cit., VI, p. 2438.
[16] A. Grohmann, Orientalistische Literaturzeitung, 1929, No 6, s. 480—481.
[17] Lane, Op. cit., VII, p. 2556.

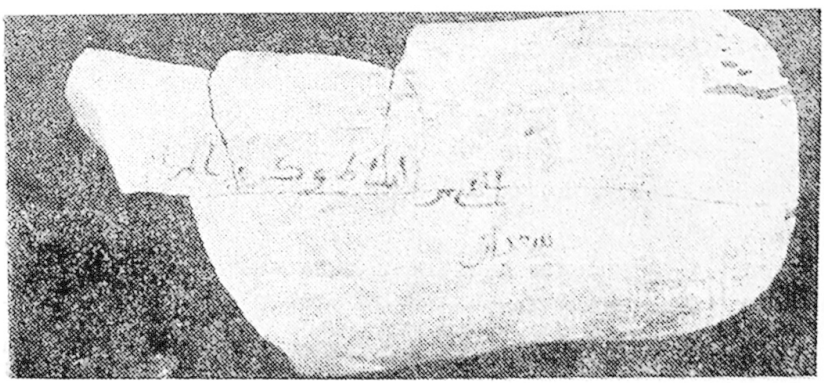

Рис. № 5, № 6.

рого были испытаны, проверены». Это значение отнюдь не идет в разрез с названиями *маṭбӯх* и *мушаммас* в качестве определений сорта вина, причем повторяется даже причастная форма одного из них.

В переводе Д. С. Райса описана лавка виноторговца: у Йāқӯта[18] рассказано, как виноделл (*ḥammār*) пробует вино из раскупоренных при посетителях сосудов и потом подает его гостям. Д. С. Райс иллюстрировал этот рассказ тремя миниатюрами в XII-ой «мақāме» ал-Ḥарӣрӣ[19], но он не привлек миниатюру к «мақāме» XII (№ 25) ленинградской рукописи С 23, где изображен Абӯ Зайд в лавке виноторговца в селении ʿĀна, с дополнительными подробностями[20].

Я полагаю, что тщательно выписанное на самом видном месте слово مقلح означало отборное качество «испытанного, проверенного» сорта до густоты вываренного или выдержанного на солнце вина مشمس[21].

Таким образом, богатая «винная» терминология арабов по фрагменту кувшина из раскопок в Самарре с изображением юного мужчины дополняется не прочтенным ранее термином *муқаллаḫ*.

Еще два слова относительно связи лицевых изображений и надписей на тех же винных кувшинах. Для сосуда с вином *мушаммас*, которое, по словам ал-Фӣрӯзābāдӣ, выращивали представители христианского клира, довольно естественно изображение иерарха в монашеской одежде с посохом в руке. Среди добытых черепков еще три аналогичных фрагмента зарисовал Ф. Херцфельд: мужское лицо в фас и одеяние того же типа, фигуру по грудь без верхней половины лица и убора, руки с посохом[22]. (Эти фигуры напоминают изображения отшельников на фреске в погребальной пещере Ḫирбат ал-Мирд)[23]. Следовательно, на дворцовой пирушке были использованы еще два или три кувшина вина типа *мушаммас*, подобных сохранившемуся, то-есть, в сумме 4 сосуда.

Кувшин, на котором написано *мушаммас* и *муқаллаḫ*, причем последнее слово неправильно читали как имя собственное мужа Мифлаḫ, ни в коем случае не мог быть украшен изображением молодой

---

[18] Yakut, Mu'ǧam al-buldān, ed. Cairo, 1906, pp. 121 f.; D. S. Rice, Op. cit., p. 28.

[19] D. S. Rice, Op. cit., p. 29—31, pls. VI—VIII.

[20] Рукопись Института народов Азии АНСССР, с 23, текст на стр. 75, миниатюра — стр. 76. 'Ана — городок в Ираке; см.: И. Ю. Крачковский. Ук. соч., II, стр. 421 сл.: «Сорта вина, изготовление и покупка, время и обстановка пирушки» (терминология).

[21] D. S. Rice, Op. cit., p. 22, n. 2, 3; A. S. Fulton, Fīrūzābādī's «Wine List», BSOAS, XII, 1948, pp. 579—585.

[22] Op. cit., pl. II, B, C, E.

[23] G. R. H. Wright. The Archaeological Remains at El Mird in the Wilderness of Judea. Biblica, vol. 42, Roma, 1961, p. 12, 13, Pl. VII.

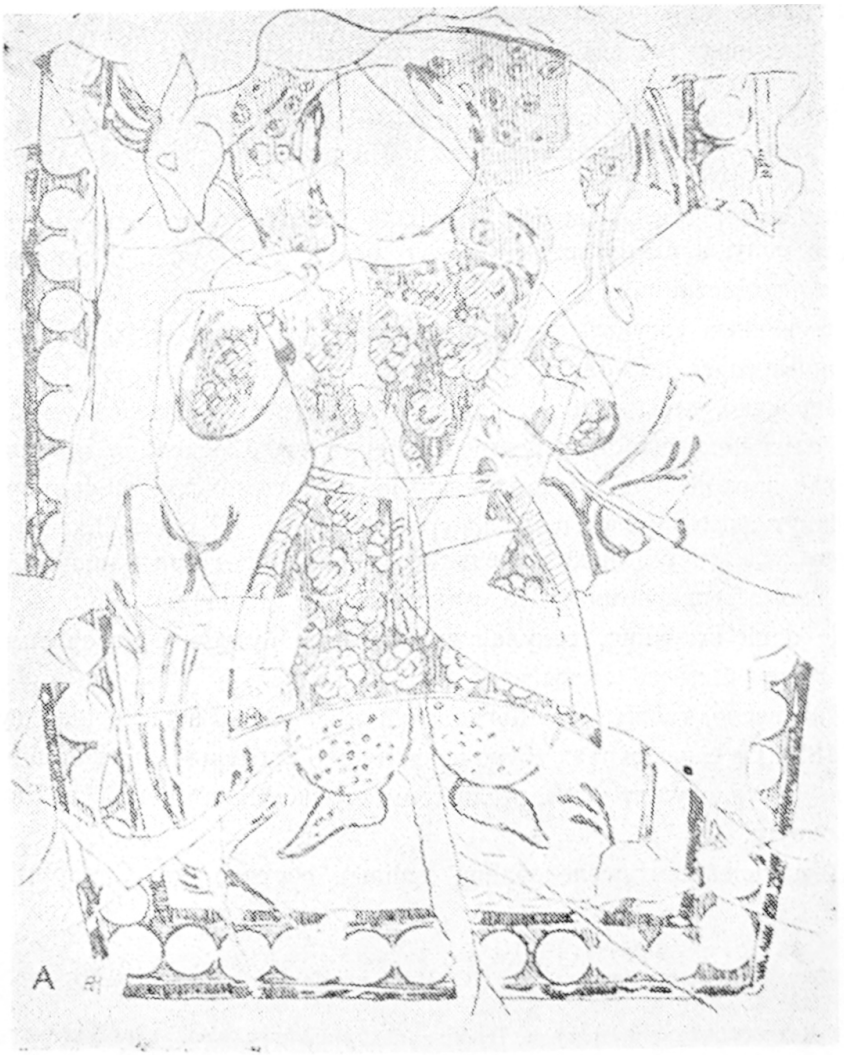

Рис. № 7: Фрагмент сосуда с изображением фигуры, несущей пятнистое животное.

женщины, для которой не применимо имя Мифлах. Это несомненно воин; на зарисовке Э. Херцфельда над линией излома видна часть кисти, перекрытой ремнем: воин явно держит щит, нижняя половина которого изчезла на погибшем черепке[24].

В параллель к изображениям монахов вполне возможно, что здесь изображен один из архангелов (Гавриил?), представление о которых из ветхого завета перешло в христианство[25]. Сине-полосатые детали позади головы должны изображать изгибы крыльев «небесного воина»[26].

Не выяснен до сих пор сюжет на фрагментах сосуда с изображением фигуры в фас, несущей на плечах пятнистое животное[27] (рис. 7).

Э. Херцфельд полагал, что это — Азаде, возлюбленная Бахрам Гура. Д. С. Райс по деталям одежды определил мужскую фигуру. Рядом с монахами и крылатым архангелом, написанными на кувшинах, следует видеть здесь фигуру «пастыря доброго», несущего на плечах слабую овцу, как это принято у арабских пастухов[28]. Этот кувшин, судя по композиции и обрамлению, принадлежал к рассмотренной группе винных сосудов, но, к сожалению, верхняя часть, где писали названные сорта, погибла.

Вероятно, весь комплект винных сосудов был завезен во дворец халифа из какого-то монастыря. Самарра была основана на территории, где прежде существовали деревни и христианские монастыри.

Йāқӯт рассказывает о монастыре Мар Мāри у моста Басйф около Самарры, в котором люди веселились и пили полными чашами до утра[29]. Кроме вышеупомянутого «виноградника женщины», так выяснился еще один источник, откуда удивительные бутыли с отборными винами могли быть занесены в халифский дворец.

Интересно также, что багдадский поэт Сибṭ ат-Та'авйдй (ум. в 583/1187 г.) в своих стихах точно назвал вино «дочерью епископов и диаконов»[30], что служит доказательством стойкости традиций в Багдаде и его округе.

В дальнейшем исследовании винных сосудов из Самарры сле-

---

[24] D. S. Rice, Op. cit., Pl. III, D.

[25] Новый энциклоп. словарь Ф. А. Брокгауз-Ефрон, т. III, стр. 323—324.

[26] Ср. изображение патриарха Теофила на миниатюре александрийской хроники: Charles Diehl. Manuel d'art byzantin. т. 1, Paris, 1925, pp. 76, 77, Fig. 24. Архангел Михаил, деталь мозаики в Равенне: Ф. А. Брокгауз-Ефрон. Новый энциклопедический словарь, т. XXVII, табл.; Вл. Ракинт, Там же, т. XXVI, столб. 876—877.

[27] D. S. Rice, Op. cit., p. 18, Pl. IV, a.

[28] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л., 1966, стр. 13, табл. 10, 11.

[29] Йāқӯт, II, стр. 700.

[30] И. Ю. Крачковский. Христиане и христианские термины у мусульманского поэта XII в. Петроград, Христианский Восток, 1922, т. VI, вып. III, стр. 275 сл.

дует обратить внимание на какие-то знаки (буквы или цифры), неясно проглядывающие над словом سمس (ΛTPI?) (рис. 3) на воспроизведении юного воина по рисунку Э. Херцфельда, может быть также справа позади утки. Для проверки необходимо изучить подлинник, который нам не доступен, так же, как и текст неопубликованного доклада на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.[31].

[31] B. Otto-Dorn (Heidelberg), Zur Deutung der «Bildsäulen» von Samarra. См.: Труды Междунар. Конгресса Востоковедов, Москва, т. II, 1963, Секция VI, стр. 46; В. А. Крачковская. О надписях и лицевых изображениях сосудов из Самарры. Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной научной конференции Восточного факультета, посвященной 50-летию Великого Октября. Изд-во Ленинградского Университета, Л., 1967, стр. 20—21.

IV 1976

J. KNOBLOCH
(Universität Bonn)

DIE ÜBERSETZUNG VON JUNGAWEST. *aēta- m., aētā- f.*

Seit der Untersuchung durch Chr. Bartholomae (IF 12, 1901, 136—141) gilt die Ansicht, der Dual a ē t a hätte im Awestischen 'Schuld und Strafe' bezeichnet. Man kennt ja die Besonderheit indogermanischer Wortbildung, daß von einem zusammengehörigen Begriffspaar nur der eine Teil genannt und als Ersatz für den anderen die Dualendung gebraucht wird: jungawest. p i t a r ə 'Vater (und Mutter)', gathisch s a v ā 'Nutzen und Schaden', wie aind. M i t r ā, das für das Götterdvandva M i t r ā v á r u ṇ a u steht, hom. Αἴαντε 'Aias und Teukros'. Es bleibt aber immerhin fraglich, ob Schuld und Strafe in ihrem Verhältnis als Ursache und Wirkung in gleicher Weise für eine solche grammatische Ellipse eines Gliedes aus einem paarig verbundenen Gesamtbegriff geeignet sind.

Die Überlegungen Bartholomaes (a.a.O., S. 139) gehen jedenfalls andere Wege: «Die Grundbedeutung des idg. *o i t o- m. ist 'Teil, Anteil'». Er versteht weiters a ē t a als «'die beiden Anteile', die auf den, dessen Tat vor Gericht gezogen ist, auf Grund eben dieser Tat entfallen, ihm gebühren, d. i. 'Schuld und Strafe'». Daß die Pehlewiübersetzung dieser Deutung nicht günstig ist, sieht Bartholomae, ohne daraus die Konsequenz zu ziehen: sie sei eben «nicht genau». War einmal dieser Bedeutungsansatz geschaffen, so darf man es Indogermanisten, die nicht die iranistischen Kenntnisse Bartholomaes hatten, nicht verdenken, wenn sie aus seinem Altiranischen Wörterbuch den Ansatz 'Strafe' (als 'das gebührende Teil') übernehmen, obgleich diese Bedeutung nach Bartholomae nur in Ableitungen — angeblich — belegt ist. Gemeint ist jungawest. a ē t ā - f. 'Strafbarkeit', nach Bartholomae durch Haplologie aus *a ē t a t ā- entstanden.

Der Frahang i oīm, Kap. 5 a (ed. Reichelt, S. 20) bietet die folgende Stelle mit der Dualform a ē t a:
k o a s t i t k a-ē š ō v i v i š d ā t ō? y ō a ē t a p a i r i a r ə š r a f r a z ā n a i t i. «Wer ist ein ausgezeichneter [*v i š ā t ō] Richter?»

Die Antwort übersetzt Bartholomae mit «Wer Schuld und Strafe aus der Verhandlung zu ermitteln weiß». Spielt bei einem 'salomonischen Urteil' wirklich das Strafausmaß mit? Mit Hilfe der Pehlewiübersetzung läßt sich

der wirkliche Gedankengang herstellen: k ē [h a č]ā n d ā t a s t ā n h a č s r a v a p ē f r ā č d ā n ē t «Wer die Entscheidung aus der Aussage [s r a v- engl. 'statements'] heraus erkennt». Dies betrifft aber den jeweiligen Anteil an einer umstrittenen Sache, so daß man nun auch den Frahang-Text übersetzen darf: «Wer die beiden Anteile [des Klägers a r ə ϑ a- und des Beklagten a r ə ϑ a v a n-] aus der Klage (a r ə ϑ r a-) erkennen kann. Die hiermit gewonnene Bedeutung steht erst am Beginn einer Entwicklung, durch die aus idg. *o i t o- 'Teil' ein forensischer Terminus technicus wird. Eine feminine Form dazu, nämlich idg. *o i t ā- ist in Yasna 8,4 zu finden: y a s č a a ē t a ē š ą m m a z d a y a s n a n ą m p ə r ə n ā y u n ą m a i w i. z ū z u y a n ą m i m ą v a č ō n ō i ţ v î s a i t e f r a m r ū i t e a ē t ą m ā y ā t u m a n a h e j a s a i t i, was nach Bartholomae (a. a. O., S. 137 u. 140) heißen soll: «Wer von den mündigen Mazdayasnern, wenn er dazu aufgerufen wird, sich weigert diese Worte aufzusagen, der verfällt in die Strafe dessen, der sich mit Zauberei befasst». Diese Übersetzung hat auch Fritz Wolff, Avesta (Strassburg 1910), S. 30, übernommen, obwohl Bartholomae für sie nichts Besseres ins Treffen zu führen weiß als die aus Heynes Deutschem Wörterbuch 3,951 geschöpfte deutsche Redensart 'n u n h a t e r s e i n T e i l'; das von ihm postulierte * a i t a t ā- soll 'Strafbarkeit' bedeutet haben. Der Ansatz ist unnötig, da man auch bei dieser Stelle durchaus mit der alten Grundbedeutung auskommt: a ē t ą m ā y ā t u m a n a h e j a s a i t i «it in partem magi», d. h. «gilt als Zauberer». — Da sich, wie Bartholomae festgestellt hat, sowohl der Pehlewi-Glossator wie der Sanskrit-Übersetzer hinsichtlich der substantivischen Geltung von a ē t ą m, das sie als die homonyme Pronominalform verstanden haben, im unklaren waren, können diese Texte zur Lösung des Problems nichts beitragen: Pehlewi ā·k i y ā t ū k ĭ h r a s ā t «gelangte zur Zauberei», Skt. t a ṃ s ā r ā k ṣ a s ĭ- p r ā p n u y ā t «den würde die Dämonin erwischen» [Bartholomae hat p r a p n u y ā t ohne Längestrich; Herr Kollege F.-R. Hamm hat mir freundlicherweise zum Verständnis verholfen]. Für die hier ermittelte Redewendung a ē t ą m ā... j a s a i t i 'it in partem' spricht, daß auch die Sanskritwurzel g a m - mit doppeltem Akkusativ die Bedeutung 'jemand für etwas halten' annimmt.

Bartholomae bringt noch einen weiteren Beweis für die von ihm angenommene forensische Bedeutung bei: das Adjektiv jungawest. a ē t a h m ā y a v-, das nach ihm 'schuldig' heißen soll. In Vidēvdāt 15, 1o steht geschrieben: y e z i č a a ē š a y ā k a i n e m a š y ā n ą m p a r ō f š a r ə m ā ţ t a r ō d a x š t ə m p a r ā i t i t a r ō a p ə m č a u r v a r ą m č a a ē t a h m ā y u š p a i t i v a r š t a š y a o ϑ n a, was Bartholomae (a.a. O., S. 138 u. 141) folgendermaßen übersetzt: «Und wenn das Mädchen aus Scham vor den Menschen heimlich die Regel (wieder) hervorruft, heimlich durch Wasser und Kräuter, so ist es (das Mädchen) für die begangenen Taten verantwortlich». In ihren Zusammenhang gestellt, ist diese Vorschrift jedoch anders zu deuten. Zuvor ist die Rede von Schuld, die jedenfalls beide Täter trifft, hier jedoch könnte die Frage auftreten, ob das Mädchen

durch die bloße Duldung des Beischlafs schuldig wird: die hier gegebene Antwort besagt, daß das Mädchen erst durch eine Abtreibung in Schuld verstrickt wird.

Geschieht dies nicht, dann hat der junge Mann für sein Tun einzustehen und für das Kind zu sorgen, bis es groß geworden ist — dem Mädchen wird kein Vorwurf gemacht. Die von Bartholomae (a. a. O., S. 140) gegebene Zerlegung von a ē t a h m ā y u š (=a ē t a- + m ā y a v- 'seinen Anteil messend') besteht zu Recht, man braucht von dieser wörtlichen Bedeutung aus keine weiteren hypothetischen Wandlungen zu konstruieren, die zu 'verantwortlich' führen sollen: der Begriff der Teilhabe kann hier im Awestischen ebenso geprägt worden sein, wie in lat. p a r t i - c e p s. Daher wäre zu übersetzen: «so nimmt sie durch die begangenen Taten Anteil (an der Schuld)». So liest man es auch in der Pehlewi-Übersetzung: p a ō i k u n i š n v a r z a p a r v i n ā s «der werden die begangenen Taten zur Sünde».

In Vidēvdāt 15,21 und den nachfolgenden Stellen ist wieder a ē t a h m ā y u š zu lesen, das seit K. Geldner KZ 25(1881) 195 mit 'verpflichtet' übersetzt wird, was dem Sinne nach zweifellos stimmt. Aber auch hier möchte ich den Begriff der 'schuldigen Leistung' in Abrede stellen. Es handelt sich um eine trächtige Hündin und ihre Wartung (h a r ə θ r ə m): Ahura Mazdah entscheidet, wem ihre Pflege zufällt, wenn sie in einer Gemeinde (desweiteren in einem Kamelstall, einem Pferde-, Rinder- oder Schafstall) ihre Lagerstätte sucht. Die Aufgabe der Wartung wird jeweils dem Erbauer oder Eigentümer dieser Stallungen zuteil, fällt ihm zu, wie ein Teil bei einer Teilung.

k a h m ā t̰ ... h a r ə θ r ə m b a r ā t̰ «von wem soll sie Pflege empfangen?»; y ō h ē a ŋ h a t̰ n a z d i š t ə m n m ā n ə m u z d a s t a ē t a h m ā y u š p a i t i h a r ə θ r ə m «Wer sein Haus ihrem Lager am nächsten gebaut hat, kommt für die Pflege auf». In der Pehlewiübersetzung steht a š p a ō i a p a r s a r d ā r ī h «er wird ihr zur Obhut».

Somit hat aus der Wortfamilie um a ē t a- der Begriff der 'Strafe' auszuscheiden. Eine andere Frage ist, wie gr. αἴτιος 'schuldig' zu seiner Bedeutung gelangt ist; wenn die awest. Bedeutung auch als Elementarparallele nicht mehr in Betracht kommt, wird von *a i- t o- s 'Teil' auszugehen sein, wobei der Schuldige (zunächst, bevor seine Tat erwiesen ist) korrekterweise als 'Beteiligter' bezeichnet worden wäre.

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

დავით კოტეიძე

„შაჰ-ნამეს“ ქართული ვერსიების ლექსიკის საკითხები

„შაჰ-ნამეს“ ქართული ვერსიები მუდამ წარმოადგენდა და წარმოადგენს ჩვენი მეცნიერების საკვლევაძიებო საგანს. ლიტერატურული თუ ენათმეცნიერული თვალსაზრისით ჯერ კიდევ ბევრი საკითხია შესასწავლი და გასარკვევი. თითქმის ხელუხლებელია „შაჰ-ნამეს“ ქართულ ვერსიებში გაერთიანებული იმ თხზულებათა ლექსიკა, რომლებიც დღემდე გამოუქვეყნებელია. გამოცემული ტექსტების ლექსიკის კვლევაც მიუხედავად იმისა, რომ მასზე დიდი მუშაობა აქვს ჩატარებული პროფ. იუსტინე აბულაძეს, ალაგ-ალაგ შეესებასა და დაზუსტებას მოითხოვს.

ამ თვალსაზრისით ჩვენი ყურადღება მიიქცია სიტყვა ხერჩენმა. იგი ლექსიკონში, რომელიც იუსტინე აბულაძეს ეკუთვნის, შეტანილი და განმარტებული არ არის; მას ვერც საკუთარ და გეოგრაფიულ სახელთა საძიებელში ვხვდებით (შედგენილია სტ. ჩხენკელის მიერ).

უნდა ვიფიქროთ, რომ აღნიშნული სიტყვა მხედველობიდან გამორჩათ, ან იგი გაუგებრად მიიჩნიეს.

სიტყვა ხერჩენი ბეჟან-მანიჟავის ეპიზოდში გვხვდება:

პილტანმა ჯაჭვის კალთა სარტყელშია ჩაიმწყვდია,
ძაღი სთხოვა შემოქმედსა, მკრმე ღონესა მან ასწია,
სერჩენისა ჭალაშიგან, ვითა ბურთი, გაისროლა,
მიწა დაძრა, ამას გვანდა, ვითა ზეცით ჩაუგდია (4331).

აქ ლაპარაკია იმ ლოდის გადაგდებაზე, რომელიც ბეჟანის ორმოს (ჭას) ეხურა[1]. ქართულ ტექსტში სერჩენი გეოგრაფიულ ტერმინადაა გაგებული („სერჩენისა ჭალაშიგან“). სპარსულში ზემოთ წარმოდგენილი სტროფის საბადლოდ შემდეგი იკითხება:

زاسپ اندر آمد گو شیر نر — زره دامنش را بزد بر کمر
زیزدان زور آفرین زور خواست — بزد دست و آن سنگ بر داشت راست
بینداخت بربیشهٔ شهر چین — بلر زید از ان سنگ روی زمین

[1] ადგილი გვხვდება აკაკი შანიძის მიერ დამუშავებულ ნაწილში: შაჰ-ნამე, ქართული ვერსიები, ტომი II, თბილისი, 1934, გვ. 188.

ცხენიდან ჩამოქვეთდა მამაცი, ხვადი ლომი,
ჯაჭვის კალთა სარტყელში ჩაიწყვედია;
ძალის გამჩენ ღმერთს ძალი სთხოვა,
დაჭრა ხელი და ის ლოდი მართლაც ასწია
და ჩინეთის ქვეყნის ჯალაში გასტყორცნა;
მიწას ზედაპირი იმ ლოდისაგან აკანკალდა
(იგულისხმება ისეთი სიძლიერით დაუცა მას)[2].

ჩანს, ქართული ტექსტი მცირე გადახვევების მიუხედავად სწორად გადმოსცემს სპარსულის აზრს.

ტექსტების შედარებით ცხადი ხდება, რომ ქართულის სერჩენი სპარსულ **შაჰრე ჩინს** (شهر چين) ეთანატოლება (ჩინეთის ქალაქი, ქვეყანა, მხარე), მაგრამ ძნელადაა სავარაუდო, რომ სიტყვა შაჰრ შერად ან სერად გადმოსულიყო, თუმცა XVI—XVII საუკუნეებში, როცა ლექსითი ვერსიები ფორმდებოდა, აღმოსავლური (სპასული და თურქული) ენებიდან სიტყვათა შემოსვლა კლასიკურ პერიოდში განმტკიცებულ წესებს არ ექვემდებარება და, შესაძლებელია, ზოგჯერ ამა თუ იმ შემოსული სიტყვის ფორმის თვალსაზრისით მოულოდნელობის წინაშეც აღმოვჩნდეთ.

სერჩენის მნიშვნელობის ძიებისას ჩვენი ყურადღება მიიპყრო ვარიანტმა, რომელიც, როგორც ეს ნაჩვენებია მოსკოვის ტექსტში[3], საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის C 822 ხელნაწერს დაუცავს. იგი XV საუკუნის შუა წლებით თარიღდება. აღნიშნულ ხელნაწერში شهر چين شيث-ის ნაცვლად იკითხება. شير چين شيث (ჩინეთის „ლომის ჯალა").

ჩინ რომ ძველი ფორმით ჩენ-ად წაეკითხათ, ეს შეუძლებელი არ არის, თუმცა ძეგლი სხვა შემთხვევებში მას „ჩინეთად" გადმოცემს: ზღვას გავალ **ჩინეთისასა** (3742,2). პროზაულ ტექსტში გვხვდება **ჩინი**: სრული ხვარისა და **ჩინისა** ქვეყანა (გვ. 370,4).

ასევე შეუძლებელი არ არის სიტყვა **შირ** ძველი ფორმით ყოფილიყო წარმოდგენილი (შერ), მსგავსად მთელი რიგი სიტყვებისა, როგორიცაა, მაგალითად, ფეროზი და სხვ.

აქედან წარმოდგებოდა **შერჩენი**; ხოლო შემდეგ შ-ს ჩ-საგან ძლიერი განმსგავსების (დისიმილაციის) ნიადაგზე უნდა იყოს გაჩენილი **სერჩენი**.

ისიც უნდა აღინიშნოს, რომ სპარსულ ტექსტებში ზოგჯერ ასოებს, ამ შემთხვევაში შ (ش)-საც, ხშირად წერტილები აკლია. გამორიცხული არ არის შესაძლებლობა, რომ მთარგმნელის ტექსტს აქ წერტილები აკლდა და ასო **შ** მას ს-დ წაეკითხა.

მაშასადამე, **სერჩენი**, რომელი კონტექსტიდან მიღებულადაც არ უნდა ვიყვარაუდოთ ის, გეოგრაფიულ ტერმინს წარმოადგენს და ჩინეთის ქვეყნის ჯალას (შესაძლებელია „ლომის ჯალას") უკავშირდება[4].

ეს მცირე ექსკურსი იმის მაჩვენებელია, რომ ჯერ თვით გამოცემული ტექსტების ლექსიკაზედაც არ შეიძლება მუშაობა დამთავრებულად ჩაითვალოს და ცხადია, გამოუქვეყნებელი ტექსტების მიმართ უფრო მეტი ითქმის.

---

[2] ვსარგებლობთ ჩვენ მიერ შედგენილ ქრესტომათიაში წარმოდგენილი ტექსტით (ტ. 1, 1963. გვ. 105), რომელიც „შაჰ-ნამეს" თეირანულ საიუბილეო გამოცემას ეყრდნობა.

[3] Фирдоусй, Шāх-Нāме, т. V, М., 1967, გვ. 71.

[4] რუსულ თარგმანში, რომელიც ს. ბ. ბანუ-ლაშუთის მიერაა შესრულებული, კონტექსტი شهر چين شيث გადმოთარგმნილია როგორც чаща лесная: Ту глыбу, схватив, приподнял он тотчас и в чащу лесную ее зашвырнул (ტ. III, გვ. 178).

აღმოსავლური ფილოლოგია = ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGIA ORIENTALIS

IV 1976

Г. Б. ДЖАУКЯН

АРМЯНСКИЙ И ЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Вопрос о взаимоотношении армянского и кавказских языков привлекал внимание многих исследователей. О влиянии этих языков друг на друга и об обоюдных лексических заимствованиях говорилось неоднократно. Почти во всех работах по сравнительной грамматике армянского языка и отдельных кавказских семей, по истории отдельных языков Кавказа — как индоевропейских, так и неиндоевропейских — этот вопрос так или иначе затрагивался. Можно выделить несколько точек зрения.

Представители традиционного сравнительного языкознания — в том числе классической индоевропеистики и сравнительной картвелистики — исходя из положения, что армянский является индоевропейским языком, а кавказские языки образуют более или менее связанные семьи языков (картвельскую, абхазско-адыгскую, нахско-дагестанскую), сводили изучение взаимоотношений этих языков к трем основным проблемам — выявлению и изучению кавказского субстрата в армянском языке, обоюдных заимствований, литературных и разговорных калек в лексике и фразеологии.

Н. Я. Марр, выдвинул положение о двуприродности армянского языка — сначала как языка, сочетающего индоевропейские элементы с кавказскими, затем как переходной стадии от яфетической к индоевропейской (прометеидской) — фактически поставил вопрос о генетических связях армянского и кавказских языков. Многие ученые в 1930—40-х годах стали изучать вопрос о взаимоотношениях армянского и кавказских языков с генетической точки зрения. Эту точку зрения развивал, например, А. Мурвалян.

Своеобразную позицию занимал Г. А. Капанцян, исходящий из гипотезы двуприродности армянского языка — скрещенности в нем индоевропейских и «азианических» элементов (с преобладанием «азианического» компонента). При этом следует сказать, что у понятия «азианических языков» нет четкого генетического содержания. Тем не менее Г. А. Капанцян проделал значительную работу в области изучения связей армянского языка как с древними мертвыми языками

Передней Азии, так и с кавказскими (особенно картвельскими) языками.

Новые веяния в индоевропеистике, значительные достижения сравнительной картвелистики и сравнительно-сопоставительного изучения абхазско-адыгских, нахских и дагестанских языков, развитие сравнительно-типологических исследований, результаты типологического сопоставления индоевропейских и картвельских языковых особенностей, теория универсалий, дальнейшие уточнения понятия языковых союзов, успехи ностратической теории и более глубокое изучение вопросов отдаленного родства, новая постановка вопроса родственности языков, усовершенствование методики сравнения и ареальной лингвистики и т. д. — все это дает основание для пересмотра некоторых традиционных положений и более глубокого, всестороннего изучения вопросов армянско-кавказских взаимоотношений. В этой связи интересна концепция аллогенеза языков, выдвинутая акад. Г. В. Церетели[1].

Перед исследователями армянско-кавказских взаимоотношений в настоящее время стоит задача строгого разграничения различных типов и пластов общих элементов, стратификации лексических совпадений и установления их источников, определения условий и хронологических рамок различных периодов взаимовлияний. Для правильных выводов должны быть установлены как все проявления элементарного и отдаленного родства, языковых союзов, случайных совпадений, независимых параллелизмов и типологических общностей, так и все типы лексических взаимовлияний: языковые контакты и влияние субстрата, заимствования друг у друга и из третьего источника, непосредственные и опосредствованные, устные и литературные.

Очень важно изучение взаимоотношений армянского языка с различными семьями кавказских языков. Пока в лучшем положении находится изучение армяно-картвельских языковых связей. Менее изучены армянско-нахско-дагестанские языковые связи. Что касается армянско-абхазско-адыгских языковых взаимоотношений, то в этой области почти ничего не сделано. Кроме субъективных причин, здесь играет роль также объективная причина — меньшая интенсивность армянско-западнокавказских связей. Достаточно сказать, что в своей «Истории армянского языка», основанной на данных «Этимологического словаря армянского языка», Р. Ачарян, приводя 47 картвельских и 12 северокавказских заимствований, среди последних указывает лишь на одно заимствование из западнокавказского источника — арм. ez «один» (ср. каб. зы «один»). По мнению Р. Ачаряна, это слово было заимствовано жителями одной из северозападных армянских областей и затем использовано авторами грекофильской школы в качестве грамматического термина[2].

---

[1] Ср. Г. В. Церетели, О языковом родстве и языковых союзах, «Вопросы языкознания», 1968, 3, стр. 3—18.

[2] Р. Ачарян, Этимологический словарь армянского языка, 2, Ереван, стр. 653.

Можно условно выделить три основных слоя армянско-западнокавказских совпадений: межсемейные, межъязыковые и общелитературные.

Под межсемейными совпадениями подразумеваются проявления элементарного и, если встать на точку зрения новейшего вариантаностратической теории, отдаленного родства, а также древнейшие контакты индоевропейских и западнокавказских языков, соответственно отраженные и в армянском[3].

Под межъязыковыми совпадениями следует понимать общие слова, являющиеся результатом субстратного влияния (кавказского субстрата в армянском и общего субстрата в армянском и западнокавказском) и заимствований (непосредственные и опосредованные заимствования друг у друга или из третьего источника).

Под общелитературными совпадениями понимаются элементы интернациональной лексики и слова, заимствованные из русского и других языков литературным путем.

В настоящей статье в центре внимания находятся совпадения второго слоя. Совпадения первого слоя приведены в нашей книге «Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков (Ереван, 1967) и здесь будут затрагиваться лишь частично. Изучение третьего слоя не входит в наши задачи.

Относительно индоевропейско-западнокавказских совпадений можно сказать то же, что было сказано нами о взаимоотошении хурритско-урартской и западнокавказской и хурритско-урартской и восточнокавказской семей: «Все имеющиеся совпадения, если исключить недостоверные этимологии и сравнения, можно объяснить либо как наследие «элементарного» или «третьестепенного» родства, либо как заимствования и влияние одинакового субстрата»[4].

Ниже приводится ряд характерных армянско-западнокавказских пареллелей первого слоя. Среди них в первую очередь следует выделить междометия, звукоподражания и детские слова, обычно независимо друг от друга имеющие место в различных языковых семьях. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

---

[3] Здесь не исключены случайные совпадения.

[4] Г. Б. Джаукян, Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков, Ереван, 1967, стр. 171. При сборе материала для настоящей статьи были использованы, кроме работ армянских исследователей (работы Р. А. Ачаряна, «История армянского языка» Г. А. Капанцяна и некоторые исследования А. А. Мурваляна), также важнейшие из работ по кавказским и, в частности, западнокавказским языкам, в том числе словари соответствующих языков, материалы сборников «Иберийско-кавказское языкознание», «Языки Северного Кавказа и Дагестана» (1—2), «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков» (М., 1961), исследования А. Дирра, Н. С. Трубецкого, Ж. Дюмезиля, Х. Фогта, Ю. Месароша, Р. Лафона, А. Х. Куйперса, У. С. Аллена и П. К. Услара, Н. Я. Марра, Н. Ф. Яковлева, А. Н. Генко, Г. П. Сердюченко, П. Чарая, А. С. Чикобава, Г. В. Рогава, К. В. Ломтатидзе, Б. Х. Бгажба, Б. В. Шинкуба, Б. Х. Балкарова, Г. А. Климова, М. А. Кумахова, А. К. Шагирова и др.

Арм. dada (ванск. д.), dado (хойск. д.) «(старшая) сестра», dade (ванск. д.), «сестра!», dado (хиз. д.) «отец» (и.-е.*dhē-, *dhē-dh(ē)-) — детское слово для обозначения старших членов семьи — абх. д и (а) «мама!», абаз. д а д а «дедушка», каб. д а д э «дедушка», при адыг. т э т э - ж ъ «дед, дедушка».

Арм. пап (ерев., казахск. д.) «мать», папе (мушск. д.), папа (ванск, д.), папе (муш. д.) «мать» (и.-е.*папа и др. «мать и т. п.») — абх. н а н «мама!», абаз. н ы н а «бабушка», адыг. н э н э ж ъ «бабушка», каб. н а н э «бабушка, старая женщина».

Арм. kku «кукушка» (и.-е. *kuku- — название кукушки по звукоподражанию) — абх. а к у к у, абаз. к/ в ы к / в а, адыг. к у к к у, каб. к / ы г у у г у «кукушка».

Арм. krunk «журавль» (*gurong- или *gērung- от и.-е. *ger- «хрипло кричать») — адыг. к ъ э р э у, каб. к ъ р у, абаз. к ъ ы р л ю (шк. д.), к ъ р у «журавль» (заимствование? Ср. абх. а н к / а).

Арм. pʿučʿ, pʿčʿel «дуть» (и. -е.*phu- «дуть») — адыг., каб. е п щ э н «дуть» (п щ э «дуй»).

Арм. уорор (диалектные pupu, bʿubʿu), «удод» (и.-е. *ерор, *орор — название удода по звукоподражанию)— абх. а б ж ь о у б ж ь ы к ь, абаз. у а п/у а п/ «удод».

Считая излишним дальше останавливаться на звукоподражаниях общего характера, лишенных «местной» окрашенности (ср. арм. xṙal, xṙxṙal «храпеть», абх. а х ы р х ы р б ж ъ «храп», арм. bzēz «жук», bzzal, «жужжать» — абаз. б ы ж «жук» и т. п.), укажем на два случая, близкие к детским словам и звукоподражаниям. Первый случай — сходство в обозначениях родственных отношений, близких к детским словам; ср. арм. han «бабушка» (и. -е. *(H)an — обозначение предка мужского или женского пола) — абх. а н, абаз. а н ы, убых. н э, каб. а н э, адыг. н ы «мать)». Второй случай—сходные повторы со скрытой звукоподражательностью; ср. арм. kokord «горло, глотка» (от и.-е. *gʷer- «глотать», откуда арм. ker «еда»)— абх. а к/ы р/к ы, абаз. к ъ ы р к ъ ы «горло, глотка»; арм. kakaz «заика» — адыг. к ъ ы к ъ ы, каб. к ъ ы к ъ «заика».

Кроме детских слов и звукоподражаний имеется значительное количество других совпадений первого слоя — местоименные и глагольные корни, некоторые именные формы и т. п.

Арм. acel «нести, вести» (и.-е. *ag'- «гнать, двигать, вести») — абх. а- а г а р а, абаз. (а) г а р а «вести».

Арм. amis «месяц» (и.-е. *mens- «месяц, луна») — абх. а- м з а, абаз. м з ы, убых. м ы д з э, адыг., каб. м а з э «луна».

Арм. awaz «песок» [и.-е. *(bh)sə-bh- от *bhes- *psā(i)-, *psō(i)-; ср. лат. sabulum «песок»] — абх., абаз. с а б а, адыг. с а п, каб. с а б э «пыль».

Арм. cʿax «ясень; ветвь, сук; хворост, дрова» (при cʿakʿ «ветвь, сук» в cʿakʿ-at «большой кривой нож для отрезания ветвей, садовый нож», cʿ akʿi «колючий кустарник, колючка, «держи-дерево», диал. cʿakʿan «бо-

рона» (и.-е.*(s)ḱakhā «согнутая ветвь, соха, плуг»)[5] — абх. а ц/а а ц / л а, абаз. (тап. д.) ц/ах, (шкир. д.) ц/аг/та «береза».

Арм. erku «два» (и.-е. *dṷōu «два») — абх. а-шу-ба абаз. г/у - б а, убых. т/к ъ у а, адыг. т/у ы, каб. т/у у «два».

Арм. end «вместе, вместе с» (и.-е. *anti «напротив») — убых. а н - ц у ъ «перед».

Арм. jiwn «снег», jmeɫn «зима» (и.-е. *g'hei- «зима, снег») — абх. а-ж ы н, абаз. г ъ н ы, адыг. к/ы м а ф. каб. щ/ы м а х у э «зима».

Арм. jor «овраг» (*g'hoɥero- от и.-е. *g'heu- «лить»?) — абаз. к/в а- р ы «овраг»(?).

Арм. kov «корова» (и.-е. *gᵘou- «крупный рогатый скот») — каб. г у у «бык-производитель»[6] при убых. г у м а, адыг. ч э м ы, каб. ж о м «корова»[7].

Арм. (диал.) lokᶜ «(широкий) шаг» (и.-е. *lek-/*lok- «член, конечность тела; сгибать, крутить; прыгать, барахтаться»; ср. англ. leg «нога»)— абх. а- щ а п/ы, абаз. щ а п/ы, убых. л ъ а, л ъ а к ъ в а, адыг. л ъ э, л ъ а к ъ о, каб. л ъ э, л ъ а к ъ у э «нога».

Ср.-арм. mančᶜ «ребенок, мальчик» (и.-е. *men-k /*mn-k- «маленький»?) — абх. а- м а ч/, убых. мыч/(ы), м э ч/,адыг. м а ч/ᶜэ, каб. м а- щ ъ э «малый, незначительный», абх. и м а ч/н ы, абаз. м а ч/, адыг. м а к/у э, каб. м а щ/э у «мало».

Арм. malᶜil «маленькая вошь» (и.-е. *math- «кусающий червь, вредное насекомое») — абх. а - м а т/, абаз. м а т ы «змея»[8].

Арм. mi «не» (и.-е. *me «не»)—абх., абаз., -м. убых. м(а), адыг. каб. мы — «не».

Арм. na «он», ayn «тот», -n (опред. артикль), and «там» (и.-е. *e-no-, *no- «тот») — убых. а н а - н «там».

Арм. ni-, n- «низ» в n-stim «сажусь; сижу» и др. (и.-е., *nei-, *ni- «низ»)— адыг. н ы д ж ы, каб. н ы д ж э «низменная местность вдоль берега реки, пойма реки» при абх. а - г а, убых. н г э, а - н г э «берег моря, побережье».

Арм. pinčᶜ «ноздря» (при pᶜnčᶜel «фыркать, пыхтеть») —абх. а - п ы н- ц/а, абаз. п ы н ц/а при адыг., каб. п э «нос»[9](?).

Арм. siseɫn «горох» (*k'eik'-er- при и.-е. *k'ik'er-«горох» из какого-то

---

[5] По В. М. Илличу-Свитычу, «Проблемы и.-е. языкознания», 1964, стр. 4, является ностратическим корнем, наличествующим в и.-е. и семитском.

[6] G. D u m é z i l, «Annali d'Istituto orientale di Napoli», 1963, стр. 17.

[7] Ср. также цез. г ъ у р о, хв. г ъ в а л о «скот», гин. г ъ в е р о, гунз. г ь а р а «корова» и другие формы в дагестанских языках.

[8] Корень имеется также в картвельских и нахско-дагестанских языках, причем в картвельских только со значением «червь», в нахско-дагестанских — «червь» и «змея».

[9] Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., 5, стр. 1058, соглашается с Г. Гюбшманом в том, что груз. pinčwi является заимствованием из армянского (если только wi- отражает окончание двойств. числа среднеармянского и некоторых арм. диалектов). Следует указать на общий звукоподражательный характер корня (диссимиляция pᶜ>p в. pinčᶜ от *pᶜinčᶜ-, pᶜnčᶜel?).

источника?) — абх. а к/ы р к ъ в ы д, абаз. к ы р к/-ы л а ш, (ндж. гов.) к/ы р к/ы р л а ш «горох»,

Арм. tal «давать» (и.-е. *dō-, də- *«давать») — абх. а - т а р а, абаз. а - т - р а, убых. т э, адыг. каб. т ы н «давать».

Арм. *ti- «большой, великий» (в ti-ezerk^{c} «вселенная, космос» от ezr, мн. ч. ezer-k^{c} «край», ti-kin «госпожа, сударыня» от kin «женщина, жена», tēr<ti-ayr «господин, хозяин» от ayr «мужчина, муж») (и.-е. *dei- «сиять»? ср. лит. dìdis «большой, великий»)—абх. а - д у, абаз. д у «великий», убых. и э - д э «очень, более», адыг. д э д э, каб. д ы д э «очень, совсем, совершенно»[10].

Арм. tiw «день» (*diu̯- при *dje̯u̯- «бог», от и. -е. *dei- «сиять») — адыг., каб. т х ь э «бог».

Арм. t^{c}anal «мочить, смачивать, увлажнять», t^{c}ac^{c} «мокрый, влажный» (и.-е. *tā-/*tə- «таять, растворяться, течь, исчезать») —абх. а - т / а т / а абаз. т/а т/а «мягкий, слабый», убых. т/ы, а - т/ы «жидкий, текучий, редкий, сочный», адыг., каб. т/а т /э «мягкий, слабый, расслабленный» при адыг., каб. т/к у н «таять, плавиться».

Среди совпадений второго слоя следует выделить сперва слова хайасского и урартского происхождения. Хайасский язык, по мнению автора статьи, принадлежащий к древнеанатолийским (хетто-лувийским) языкам и выступающий в армянском языке в виде субстрата — побочного индоевропейского слоя[11], как известно, был распространен на северо-западной части Армянского нагорья, с севера граничащей со страной каскоз. Последние многие исследователи отождествляют с предками адыгских народов, которые с VIII века нашей эры были известны также под названием к а с а г о в (к а ш а г и, к о с о г и). Если даже отрицать связь этих двух названий на основании их исторической отдаленности[12], все же не исключена возможность контактов между хайасцами и предками западнокавказских народов. К сожалению, данные хайасской ономастики очень скудны— не больше четырех десятков собственных имен. Подавляющее большинство хайасских имен и названий можно объяснить на древнеанатолийской почве, некоторые имеют хурритские параллели, однако можно указать на влияние также адыгского элемента. Название города Aripša, в котором мы раньше видели суффикс -ša (ср. Ḫaješa, Qadkuša или Qadmaša), в настоящее время склонны объяснить на адыгской почве, как Ari-pša, где -pša=адыг., каб. п с ы «вода». Хотя название города Arḫita можно объяснить на хетто-лувийской почве (ср. хетт., иер. -лув. arḫa- «граница»), но не исключена

---

[10] Корень имеется также в других кавказских языках, в урартском и хурритском, ср. G. B. D j a h u k i a n, Armenische Miszellen, «Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata», II, Roma, 1969, стр. 70—71.

[11] Ср. G. B. D ž a h u k i a n, The Hayaša language and its relation to the Indoeuropean languages, «Archiv orientální», 1961, 3; и Г. Б. Д ж а у к я н, Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964.

[12] Н. Г. В о л к о в а, Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, М., 1973, прим. 9.

возможность также другого объяснения: ср. абх. а р х а, абаз. р х ъ а, «равнина» и -т а «место» (бзыб. диал.) в топонимах. Многие индоевропеизмы западнокавказских языков следует, по-видимому, объяснить хайасским влиянием.

Западнокавказские племена не входили в непосредственную сферу урартского политического влияния, однако не исключается возможность урартского языкового влияния на них, особенно посредством грузинского и других языков. Некоторые из нижеприведенных совпадений, особенно в случае наличия картвельских параллелей, можно объяснить именно как урартское достояние.

Значительное место среди совпадений занимают также слова иранского происхождения, хотя для армянского и западнокавказских языков имели место различные иранские источники.

При определении различных типов совпадений второго слоя следует иметь в виду индоевропейское происхождение армянского слова и степень закономерности его перехода, степень распространенности слова в западнокавказских и других кавказских языках, закономерность соответствий между различными западнокавказскими языками, состав, степень многозначности, количество производных слов и т. п.

Арм. a(ł)x «замок; петля; имущество, толпа, племя, народ», a(ł)xel «запирать» (<?[13]<и.-е. *alek- «запирать, защищать») — абх. а - х ш у а р а, абаз. х ъ г/в а р а «закрывать».

Арм. ar^{c}n «берег, край» (<?<и.-е. *aро «от», откуда арего- «берег»)— абаз. (тап. д.) а- п х х ъ а «берег».

Арм. aragaz, eragaz «сеть для ловли дичи, силки» — абх. а р а г у а «западня».

Арм. arcat^{c} «серебро» [*rg'ǝto- от и.-е. *ar(e)g' - «блестеть»]—абх. а-р а д з н ы, а - р а з н ы, абаз. р ы з н а при убых. д э с в э н ы, адыг. т ы ж ь ы н, каб. д ы ж ы н «серебро»[14].

Арм. argel «препятствие, запрет, тюрьма» [и.-е. *ar(e)k-? при *areg- «запирать», *aleg- «защищать») — абх. а р к р а, абаз. а р к/р а «закрывать».

Арм. aṙu «ручей» (и.-е. *sru-) — абх. а - р ш а ш «поток»(?).

Арм. bak «двор, хлев, загон, овчарня; окружность, круг» —абаз. (< каб.) б а к ъ, каб. б э к х «хлев»[15].

---

[13] Через вопросительный знак обозначается предполагаемое слово какого-то и.-е. языка, служившего источником для армянского.

[14] Корень имеется также в картвельских и дагестанских языках. Р. Л а ф о н, «Revue hittite et asianique» III, 10—11, стр. 91—92, предполагает и.-е. происхождение. Чарая, «Об отношении абхазского языка»..., 1911, стр. 11, считает абхазские слова заимствованными из армянского. С. М. Х а й д а к о в, «Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков», 1973, стр. 77, предполагает для дагестанских слов некавказские источники и указывает на армянское слово.

[15] Армянское и западнокавказские слова заимствованы из картвельского источника; ср. груз. bak̆i «скотный двор, загон», чан. bak̆i «ясли». Для армянского ср. Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., 1, 1972, стр. 391.

Арм. (диал.) bzik «клочок, кусок», bzik-bzik anel «разорвать на клочья» — адыг. б з ы г ъ, каб. б з ы г ъ э «ломоть, кусок».

Арм. c^{c}ul «бык» — абх. а - ц в., абаз., убых. ч в ы, адыг. ц в ы, каб. в ы «бык»[16].

Арм. čet, čēt «поколение, потомство; (диал.) петух, петушок», (диал.) čut «цыпленок» — адыг. ч э т ы, каб. д ж э д «курица»[17].

Арм. ez «один»—абх., абаз. э-н ы «однажды, раз», абх. а-д э у ы «один, какой-то», абаз. з а к/ы, з а д ж в ы, убых. з э, з а, адыг., каб. з ы «один», адыг. е - ж ь, каб. е - э ы «сам»[18].

Арм. geri «пленный, пленник» — абаз. г ъ а р «плен», убых. а г ъ а р ы «раб.», каб. г ъ э р «пленник, раб».

Арм. getin «земля» — абх., абаз. а д г ъ ы л «земля»[19].

Арм. gišer «ночь» (*ǥeikero-? при и.-е. *ǥekero-, *ǥespero- «вечер») — адыг. ч э щ ы, каб. ж э щ ь «ночь»[20].

Арм. gut^{c}ay, gut^{c}an «плуг»—абх. а к у а т/а н а, абаз. к/в а т а н «плуг»[21].

Арм. ji «лошадь, конь» (*g'heios «резвый» от и. -е. *g'hei' «гнать, бойко двигать(ся)»; ср. др. -инд. haya-ḥ «лошадь, конь») при dzi «лошадь, конь»— абх. а - ч ъ ы, абаз. ч ъ ы, убых. ч ы, адыг., каб. ш ы «лошадь, конь»(?).

Арм. kakač^{c} «мак, тюльпан» — абх. а-к/ а к/ а ч/ «полевой цветок, мак», абаз. (шкар. д.) к/а к/а ч «цветок»[22].

Арм. kay «лагерь, место стоянки; состояние», kay «есть, существует,

---

[16] Сравнение армянского слова с абхазским и аварским словами принадлежит Н. Я. Марру, «Изв. Акад. наук», 1917, стр. 315. Корень имеется также в дагестанских языках. Если прав А. Мейе («Mémoire de la Société de Linguistique de Paris», 1925, 19, стр. 20), сравнивающий арм. слово с греч. σκύλαξ «щенок, собака», то следует предположить изменение значения армянского слова под влиянием кавказских языков, или может быть, их общего источника.

[17] Совпадение может быть случайным. Ср. также абх. а-к у т ы, абаз. к/в т/ч «курица» и адыг. э т а к ъ э, каб. э д а к ъ э «петух» при картв. *katam — «курица». Имеются параллели также в некоторых дагестанских языках.

[18] Х. Педерсен возводит арм. слово к и.-е. *sem-g'ho, что принимает Ю. Покорный, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, 1959, стр. 902. Р. Ачарян, Этим. сл. арм. яз., 2, стр. 653, считает заимствованием из западнокавказского источника.

[19] Происхождение армянского слова неясно. Не исключено его восхождение, через какой-то кентумный и.-е. язык, к и.-е. *g'hdem. Абхазское и абазинское же слова заимствованы из грузинского, соответствующий корень которого может быть достоянием отдаленного родства.

[20] У Ногмова и Шегрена встречается форма д ж е щ, у Атажукина — ж е ш и р ь; ср. Г. Ф. Т у р ч а н и н о в, «Языки Северного Кавказа и Дагестана», 2, М.—Л., 1949, стр. 46—47. Для перехода г > (д)ж ср. каб. т е н д ж и з «малое (внутреннее) море» из тюркского источника.

[21] Слово имеется также в картвельских и дагестанских языках. Р. Ачарян, Этим. сл. арм. яз., I, 1971, стр. 587, считает арм. слова заимствованиями из картвельского источника. Однако другие исследователи делают обратное предположение или допускают наличие третьего источника.

[22] Абх. и абаз. слова считаются заимствованиями из груз. qaqač̣o «мак», которое Р. Ачарян, Этим. сл. арм. яз., 3, стр. 876, считает заимствованием из армянского.

стоит, является»—абх. ' а - к/ а л а р а при адыг., каб. /э в щ ы/ э н, и/ э н «быть, существовать»[23].

Арм. kir «известь»—абх. а - к ъ ы р, абаз. (тап. д.) к ы р б ы д ж ь г/- а с, (шк. д.) а - к / ь ы р «известь»[24].

Арм. knčiřn [knčiř, knǰiřn, knǰiwr(n)] «запутанный узел; затруднение; предательство; узы; воля, мысль; морщинка» — абх. а к ъ / ы р а, абаз. а й д ь ы р а, (шк. д.) к/ а ч/ ч а «морщина»[25].

Арм. mec «большой, великий» (и.-е. *meg'- «большой, великий») —абаз. (шкар. д.) м а ч ъ ы «большой» (при тап. д. д у, абх. а д у).

Арм. mocak «комар» — абх. а м а ц а, абаз. м а ц а, убых. м а ц/ э, адыг. м а ц, к а б. м а ц / э «саранча»[26].

Арм. orb «сирота» (и.-е. *orbho- «сирота; одинокий)» — абх. а - и б а, абаз. й ы б а, каб. и б э «сирота»[27].

Арм. piš, pšnul, (диал.) plšel, plzel «пристально смотреть» — абх. а- п ш р а, абаз. (а) п ш р а, при убых. п л ъ э, адыг., каб. п л ъ э н «смотреть»[28].

Арм. psemn, p^{c}uš «колючка» (<?<и.-е. *peuk'-/*puk'- «колоть; пихта»?) — абх. а - п с а, абаз. п с а, убых. п с ы, адыг. п с е й ы, каб. п с е й «пихта».

Арм. p^{c}uxr. «рыхлый», p^{c}xrel «растолочь, крошить» (при p^{c}šur «крошка», p^{c}šrel «растолочь, крошить», p^{c}oši «пыль») — адыг. п ш а х ъ о, каб. п ш а х ъ у э «песок»[29](?).

---

[23] Ср. урарт, ka- «вставать, являться (?)» (по И. М. Дьяконову, Урартские письма и документы, М.-Л., 1963, стр. 89) при ka(i) «перед». К. В. Ломтатидзе, К вопросу о генезисе основы к/а- «быть, существовать» в абхазском языке, «Труды АНИИЛЛИ», XXVII, 1956, стр. 226, возводит абх. глагол к а-к ъ а «место».

[24] Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., 3, стр. 1206—1207, считает арм. слово аккадским заимствованием (ср. др.-евр., арам. gîr, араб. jîr и т. п.), а кавказские слова возводит к армянскому (одновременно указывает на турецк. kireç и другие тюркские слова, без выяснения их отношения ко всем этим формам).

[25] Арм. ayt^{c}iř (at^{c}iř), akčiř, akčiwř, ačiw'r стоят далеко по значению: y-ayt^{c}'irs kal «стоять на цыпочках, чтобы хорошо слушать».

[26] Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., 4, стр. 1102, считает арм. слово заимствованием из кавказского (дагестанского) источника, имея в виду лак. м и/ч я к, цах. м и ч а к, уд. м о ц / а к, «комар», однако удинское слово явное заимствование из армянского, а остальные формы вряд ли могут быть прямым источником армянского. По-видимому, налицо звукоподражание: ср. и.-е. *mok'o-, *mak'o — с суффиксами *-k o-, *-lo- (др.-инд. maśaka- «жигалка, комар» и др. (Н. Ф. Я к о в л е в, Грамматика кабардино-черкесского лит. языка, М.,-Л., 1948, стр. 273, в кабардинском выделяет приставку ма:при щ/э «вошь»).

[27] Корень распространен также в картвельских и нахско-дагестанских языках.

[28] Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., I, 1971, стр. 455, с некоторым сомнением связывает с приведенными армянскими словами также арм. blšanal «плохо видеть».

[29] Р. А ч а р я н, Этим. сл. арм. яз., 6, стр. 1291, считает p^{c}uxr заимствованием из кавказского (картвельского) источника, имея в виду груз. pxwieri «рыхлый», pxwna «крошить» и т. п. Однако ср. урарт. i-pḫ-u- «разбивать, сломать, разрушать», которое может быть общим источником кавказских и армянского слов (ср. также урарт. ipsuše, встречающееся в следующем контексте: «Халди мне даровал ḫututuḫi (=удачу?), и сражение, и ip suše». Ср. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 290.

Арм. seam (поздн. sem, seam, sem — обычно в мн. ч.) «порог» — абх. а - щ в х ы м с, ш в х ъ ы м с а «порог»[30].

Арм. tap^{c} «равнина», tap^{c}el «выравнивать», tap^{c}ak «плоский» — каб. т а ф э «небольшое ровное пространство, покрытое травой».

Арм. xoz «свинья» — абх. а - х ъ в а, абаз. х ъ в а, убых. х ъ в а, адыг. к ъ о, каб. к х ъ у э «свинья»[31].

Арм. xuz-, xzel «отделять, разрывать, отрезать, нарушать», xoyz, xuzel «резать, отрезать, стричь; гнать» — абх. а - х/ ы з б а, абаз. х/ в с-п а «нож».

Арм. zzuel «пренебрегать; ругать, мучить; чувствовать отвращение, гнушаться» — абх., абаз. з а з, убых. з э з э, адыг. з э з ы, каб. з э з «желчь»[32].

---

[30] Армянские слова, по всей вероятности, заимствованы.

[31] Корень имеется и в других кавказских языках. Р. Ачарян, Этим. сл. арм. яз., 3, стр. 540, указывает на кабардинское слово, но считает совпадение случайным. Для западнокавказских слов можно допустить звукоподражание.

[32] Если западнокавказские слова связаны с картвельскими (груз. zez-/ziz- «тошнить, чувствовать отвращение» при сван. sisg-), то груз. zizγl «отвращение» не заимствовано из армянского, как полагает Р. Ачарян, Этим. сл. арм. яз., 2, стр. 940; тогда прав И. Абуладзе, указывающий («Сборник трудов Института языка АН Арм. ССР», 3, 1948, стр. 297—300) также на груз. zezwa «тошнить», выделяющий корень zez-/ziz- и считающий арм. слово заимствованным из грузинского.

IV 1976

სერგი ჯიქია

ოსმალური იურიდიული დოკუმენტები

„აღმოსავლური ფილოლოგიის" I ტომში (თბილისი, 1969) დაიბეჭდა ჩვენი წერილი „ოსმალური იურიდიული დოკუმენტები XVIII საუკუნის პირველი ნახევრის ქართლში", სადაც გამოცემულია რამდენიმე ოსმალური ჰუჯათი. ამ წერილში საკმაოდ ვრცლად გვაქვს შესწავლილი ჰ უ ჯ ა თ სიტყვის წარმოშავლობა, მისი სესხება ქართულში და აგრეთვე ამ სიტყვის შინაარსობლივი რაობა (ქ. (ჰ)უჯათ-ი← თურქ hüccet ‖ hüccāt←არაბ. huǧǧat 'საბუთი', 'არგუმენტი', ჩვენს შემთხვევაში — 'შარიათის სასამართლოს განაჩენი'). ამავე წერილში მოთხრობილია იმის შესახებ, რომ ოსმალებმა 1723 წელს შეძლეს დროებით (1723—1735 წწ.) დაეკავებინათ ქართლის სამეფო და დაემყარებინათ ქართლში თავიანთი ხელისუფლება. 12 წლის განმავლობაში ოსმალებმა მოახწრეს, ძირითადად უკვე არსებულის საფუძველზე, ქართლის დაყოფა ოსმალურ ადმინისტრაციულ ერთეულებად (სანჯაყი, ნაჰიე) და ჩაატარეს ქართლის ვრცელი სასოფლო-სამეურნეო, გეოგრაფიულ-დემოგრაფიული აღწერა ფისკალური მიზნებით. სათანადო დავთარი თბილისის ვილაიეთისა ინახება თურქეთის რესპუბლიკის მინისტრთა საბჭოს არქივში (სტამბოლი, ხელნაწერი №897/-418). საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის კ. კეკელიძის სახელობის ხელნაწერთა ინსტიტუტში დაცული ზემოაღნიშნული ჰუჯათების მიხედვით ირკვევა, რომ ოსმალებმა ქართლში ოსმალური სასამართლო წყობილება შეიოლეს, რომელშიც სამართალწარმოებას საფუძვლად ედო შარიათი (şarī'at), ე. ი. მუსლიმური რელიგიური პრინციპები. ამავე ჰუჯათებიდან ჩანს, რომ ქართლი დაყოფილი იყო სამ სამოსამართლო ერთეულად, ე. ი. სამ საყადიოდ: თბილისის, გორისა და თრიალეთის. ზემოაღნიშნულ წერილში გამოცემული იყო 6 ჰუჯათი — 5 თბილისის ყადისა და 1 გორისა[1].

ცხადია, რომ ასეთი დოკუმენტების გამოცემა მრავალმხრივ ინტერესს იწვევს. ჰუჯათების მასალებზე ვეცნობით იმდროინდელი ქართველი საზოგადოების დამოკიდებულებას მუსლიმთა საღმრთო წიგნის — ყურანის ცალკეულ შეხლებზე დამყარებულ კანონებთან და სასამართლოს წესებთან. შარიათის სასამართლოში გარჩეული სისხლის სამართლისა და სამოქალაქო საქმეებიდან

[1] გორის საყადიოს კიდევ ერთი ჰუჯათი სათაურით «Турецкий судебный документ XVIII в.» გამოაქვეყნეთ კრებულში Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник — 1969. Москва, 1972, გვ. 142-144.

ჩანს მაშინდელი საზოგადოების ეკონომიური მდგომარეობა, სოციალური ურთიერთობა და საყოფაცხოვრებო სურათები. ასეთი დოკუმენტების გამოცემა მნიშვნელოვანია აგრეთვე საქართველო-ოსმალეთის კულტურულ-პოლიტიკურ ურთიერთობათა, ოფიციალური ოსმალური ენის ისტორიისა და დიპლომატიკის საკითხების შესასწავლად. იურისტი-სპეციალისტი, რა თქმა უნდა, ამგვარ დოკუმენტურ მასალებს სხვა თვალსაზრისითაც გამოიყენებს. ჰუჯათები გვაცნობენ ოსმალურ სასამართლო პროცესს: მოწმეთა სასამართლოში გაწვევას, მათ მიერ ჩვენების მიცემის წესებს, მხარეთა უფლებებს და სხვ.

ამჟამად ჩვენ ვაქვეყნებთ კიდევ გორის საყადიოდან გაცემულ სამ ჰუჯათს, რომლებიც საქ. სსრ მეცნიერებათა აკადემიის კ. კეკელიძის სახელობის ხელნაწერთა ინსტიტუტშია დაცული.

Tur d 153. ფორმატი—29×11 cm; ტექსტი: 18×10 cm; ქაღალდი: თეთრი, ჭვირნიშნიანი.

ტექსტი

[დამოწმების ფორმულა]: الامر كما ذكر فيه نمقه الفقير اليه
سبحانه و تعالى احمد المولى خلافه بكورى عفى عنه
[მრავალკუთხა ბეჭედზე:] احمد بندهٔ خدا

1) كورى قضاسنه تابع ادين نام قريه ساكنلرندن انوقه نام ذميه مجلس شرع خطير لازم الشريعتده ينه قريهٔ 2) مزبوره ساكنلرندن باعث هذا السفر بابونه نام ذمى مواجهسنده اوزرينه دعوى و تقرير كلام 3) ايدوب تاريخ كتابدن مقدم معلوم الحدود بر قطعه باغمى مسمور بابونهيه رهن قومشدم 4) قرق غروشه نجه مدت باغمى ضبط ايدوب رهن وضع ايتديكم باغمى بكا ورمده تعلل ايدر 5) بحسب الشرع الشريف سؤال اولنوب تقرير و موجب شرعيسى اجرا اولنمسى مطلوبمدر 6) ديدكده غب السؤال مسفور بابونه جوابنده فى الحقيق ذكر مرورايدن باغى مسفوره 7) اوغالرى زازا و ايوانه نام ذميلردن اشترا ايلدم ديو جواب ويريجك مسفور بابونه 8) نام ذميدن تقرير مسفور فى مبينه بينه طلب اولندقده احرار رجالدن ذكره و بابا 9) ولد اوديا[2] نام ذميار لاجل الشهاده مجلس شرعه موجودان اولوب استشهاد اولندقلرنده فى الحقيق 10) ذكر مرور ايدن باغى مسفور بابونه مدعيه مسفوره انوقه و اوغللرى زازه و ايوانه نام ذميلردن 11) التمش غروشه اشترا ايدوب اون سنهدر ضبط ايدر بزلر بو خصوصه بو وجه اوزره شاهدلروز 12) و شهادت دخى ايدريز ديو هر برلرى اداى شهادت شرعيه ايلدكلرنده بعد التعديل 13) و التزكيه شهادتلرى مقبوله اولمغين موجبنجه مدعيهٔ مرسومه[3] نام ذميه بيوجه معارضهدن 14) منع برله ما هوالواقع بالطلب كتب اولندى فى اليوم الثالث عشر من جماز الاخر لسنه ستة و اربعون و مائه و الف

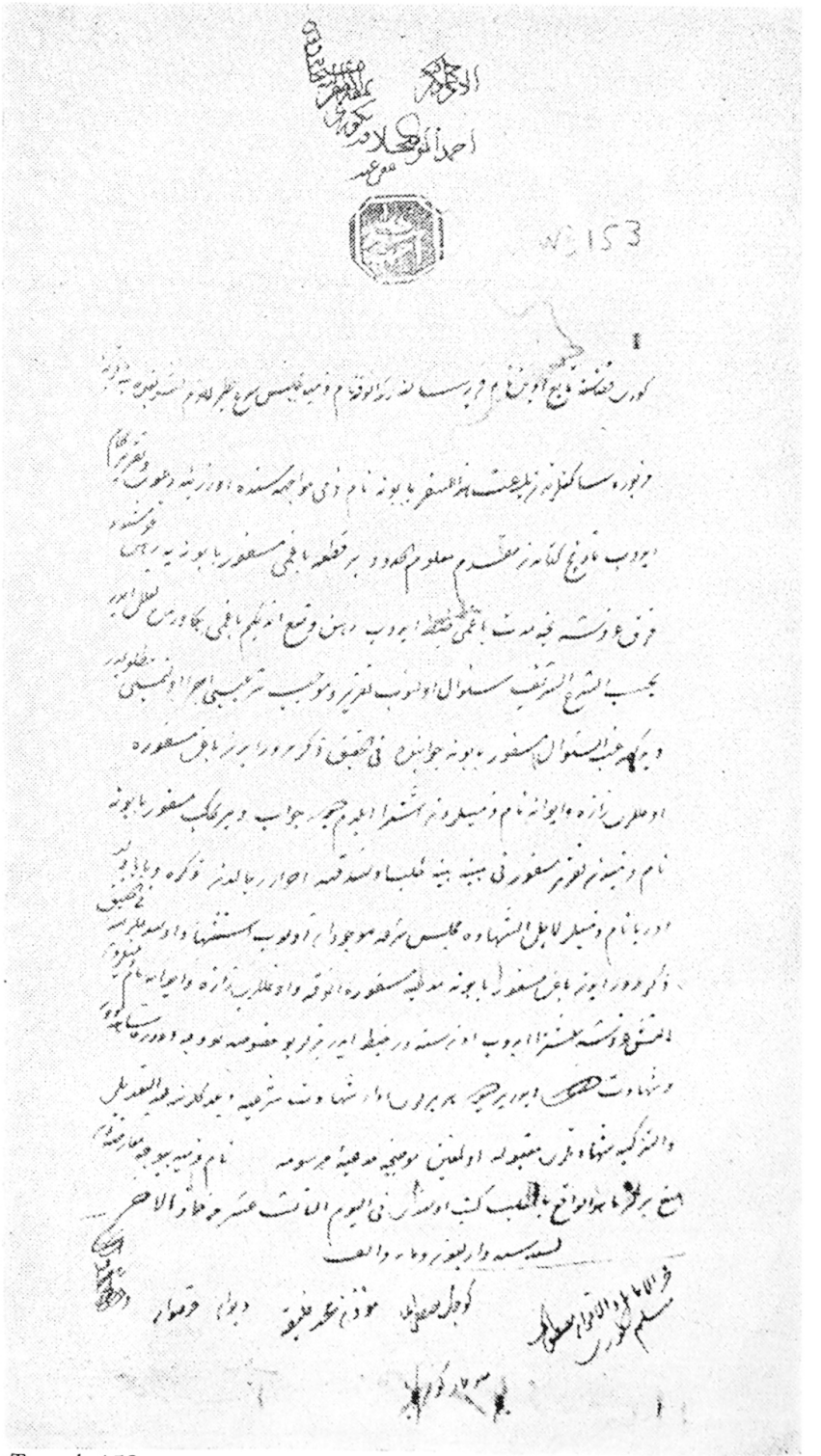
شـــــــــــــود الحـــــــــال

فخر الاماثل و الاقران مصطفى بك متسلم كورى ، كوچك مصطفى اغا ، مؤذن محمد خليفه ، ديوان قرصوان ، منوچار كو ... و غير ...

---

[2] დედანში ამ სიტყვის ر ასო შეცდომით უნდა ეწეროს ا-ს ნაცვლად.

[3] აქ დატოვებულია ადგილი სახელის (انوقه) ჩასაწერად.

Tur d 153

საქმე ისეა, როგორც აქ არის მოთხრობილი. გადმოწერა ზენაარისა და წმინდის, მის[ალლაჰის] გლახაკმა, გორის ყადის[4] მოადგილემ აჰმედმა. შეუნდოს [ალლაჰმა].

[მრავალკუთხა ბეჭედზე:] მონა ღვთისა — აჰმედი.

გორის საყადიოში შემავალი სოფელ ატენის[5] მცხოვრებმა ანუკა ზიმმიმ[6] სახელოვან და ღირსპატივსაცემ შარი'ათის[7] სასამართლოში ამაყე, ზემოაღნიშნული სოფლის მცხოვრები, ამა საბუთის წარმომდგენი ზიმმი პაპუნას პირისპირ და მის წინააღმდეგ აღძრა საჩივარი და განაცხადა: ამ თარიღიდან რამდენიმე ხნის წინათ გარკვეული მიჯნების ერთი ნაკვეთი ჩემი ვენახი გირაოდ მიეცი ხსენებულ პაპუნას. დიდხანს ფლობდა იგი ჩემს ბაღს 40 ყურუშად[8]. ამჟამად ის ჩემი დაგირავებული ვენახის უკან დაბრუნებაზე თავს იკავებს. მოვითხოვ, რომ წმინდა შარი'ათის (კანონის) მიხედვით შოუკითხოს და შარიათის შესაბამისად აღდგენილ იქნას სიმართლე.

დაკითხვის შემდეგ აღნიშნულმა პაპუნამ განაცხადა: სიმართლე ის არის, რომ მე ზემოხსენებული ვენახი აღნიშნული ანუკას შვილებისაგან — ზაზა და ივანე ზიმმიებისაგან ნაყიდი მაქვს (და არა დაგირავებული). ასეთი პასუხის შემდეგ, როცა ხსენებულ პაპუნა ზიმმის მოთხოვეს ნათქვამის დასადასტურებლად ურყევი საბუთი, მიუმხრობელ დარბაისელთაგან შარიათის სასამართლოში მოწმედ წარდგნენ ზიმმიები ზაქარა და პაპა ოტიას ძენი. მოწმეებმა დაკითხვის დროს განაცხადეს: სიმართლეა, რომ ხსენებული ვენახი აღნიშნულ პაპუნას მომჩივანმა ანუკამ და მისმა შვილებმა ზაზა და ივანე ზიმმიებმა 60 ყურუშად მიჰყიდეს. უკვე 10 წელია, მის ხელშია. ჩვენ ეს საქმე ასე ვიცით და ამის მოწმეებად გამოვდივართ-ო, როცა თითოეულმა მათგანმა ეს ამბავი შარიათის შესაბამისად დაადასტურა, შემდგომად ამისა დადგენილ იქნა მოწმეთა მიუდგომლობა და კეთილსინდისიერება. ამიტომ მათი მოწმეობა კანონიერად მიიჩნიეს და ხსენებულ მომჩივანს — ანუკა ზიმმიეს — საჩივარზე უარი უთხრეს. მომხდარი ამბავი მოთხოვნისამებრ ამოწერილი იქნა. 1146 წლის ჯუმად-ალ-ახირეს 13[=1733 წლის 21 ნოემბერს].

საქმის მოწმენი: ტოლთა და სწორთა სიამაყე, გორის მუთესელლიმი[9] მუს-

---

[4] ყადი—არაბ. قاضي ქართულში ცნობილი სიტყვაა (იხ. ქეგლ, VII, 495) — მუსლიმთა შარიათის წესებით მოსამართლე. ოსმალობის დროის სასამართლო ოლქებს (თურქ. قضا kadılık). შეიძლება ეწოდოთ ქართულად ს ა ყ ა დ ი ო.

[5] ა ტ ე ნ ი — სოფელი გორის რაიონში, ატენის სასოფლო საბჭოს ცენტრი.

[6] ზ ი მ მ ი—არაბ. ذمي მუსლიმურ სახელმწიფოში მცხოვრები არამაჰმადიანი მოქალაქე (ქრისტიანი, ებრაელი და სხვ.). ზიმმიობა— ذمية მდედრობითი სქესის ფორმაა.

[7] შ ა რ ი ' ა თ ი (ქართ. შარიათი —არაბ. شريعة ისლამის ქვეყნებში ყურანის საფუძველზე ჩამოყალიბებული სასამართლო კანონები.

[8] ყ უ რ უ შ ი (თ. kuruş, შდრ. ფრანგ. gross, იტალ. grosso, სლავ. грош, გერმ. Groschen)— თურქული ფულის ერთეული.

[9] მ უ თ ე ს ე ლ ლ ი მ-ი—არაბ. متسلم— სანჯაყში ვალი'ს (ვილაეთის მმართველის) თანაშემწე, რომელიც ხელმძღვანელობდა გადასახადების აკრეფას.

ტაფა-ბეგი, ქუჩუქ მუსტაფა აღა, მუეძინი[10] მეჰმედ ხალიფა. მდივანი გარსევანი, მანუჩარი.... და სხვა დამსწრენი.

Tur d 246. ფორმატი—32×16 cm., ტექსტი—18×10,5 cm. ქაღალდი იგივე.

ტექსტი

الامر كما ذكر فيه نمقه الفقير اليه سبحانه و تعالى
احمد المولىخلافه بكورى عفى عنه
[მრავალკუთხა ბეჭედზე]: خدابنده احمد

1) كورى قضاسنه تابع حلتوان[11] نام قريه ساكنلرندن باعث هذا الكتاب حسن ابن عبدالله 2) و رستم ولد داتونه و مماساخلى برى و غيرلرى باجمعهم جمع كثير مجلس شرع خطير لازم التوقيرده 3) حاضرون اولوب ينه قضاً مزبوره تابع زغدولت نام قريه سكاننندن باوليه ولد برى نام ذمى 4) مواجهه دعوى و تقرير كلام ايدوب تاريخ كتابدن برسنه مقدم قريەسندن قالقوب قريەمز 5) خلتواندە ساكن ايكن كيجه ايله قاين اناسى طنيا نام ذميهٔ مرد ايدوب بحسب الشرع الشريف 6) سؤال اولنوب تقرير تحرير و موجب شرعيسى اجرا اولنمسى مطلوبمدر ديدكلرنده غب السؤال 7) مسفور باوليه جوابنده فى الحقيقه قاين انام طنيايى كيجه ايله بلطه ايله باشنه اوچ يرندن 8) ضرب و قتل و مرد ايلدم ديو كرات ايله اقرار و اعتراف ايدوب قريهٔ مزبور اهاليلرينك 9) خصوص مذكوره علاقه و مدخللرى يوقدر ديدكده مرد مسفورەنك قاتلى باوليه 10) نام ذمى اولديغى مثبت اولمغله ما هو الواقع بالطلب كتب اولندى فى اليوم الثامن عشر 11) من شوال الكرم لسنه خمس و اربعون و مائه و الف من هجرت من له العز و الشرف

شهـــــــــــود الحـــــال

السيد ملا محمد ، [ابن؟] السيد عمر ، كوچك مصطفى اغا ، كوى ولد زال ، ترجمان پرسدان ، طويال پرسدان و غيرهم من الحضار

თარგმანი

საქმე ისეა, როგორც აქ არის მოთხრობილი. გადმოწერა, ზენაარისა და წმინდის, მის [ალლაჰის] გლახაკმა. გორის ყაზღს მოადგილემ აჰმედმა; შეუნდოს [ალლაჰმა].

[მრავალკუთხა ბეჭედზე:] მონა ღვთისა აჰმედი.

ამ საბუთის დაწერის მიზეზი ის არის, რომ გორის საყადიოში შემავალი სოფელ ხელთუბნის[11] მცხოვრებნი ჰასან 'აბდ-ალლაჰის ძე, როსტომ დათუნას ძე, ბერი მამასახლისი[12] და სხვები, ყველანი ერთად, სახელოვან და ღირსპატივსაცემ შარიათის სასამართლოში გამოცხადდნენ და ამავე საყადიოში მდებარე სოფელ ზეღდულეთის[13] მცხოვრებ ზიმმი პავლია ბერის ძის პირისპირ საჩივარი აღძრეს: ამ საბუთის დაწერამდე ერთი წლის წინ, როცა [პავლია] თავისი სოფლიდან წამოვიდა და ჩვენს სოფელ ხელთუბანში და-

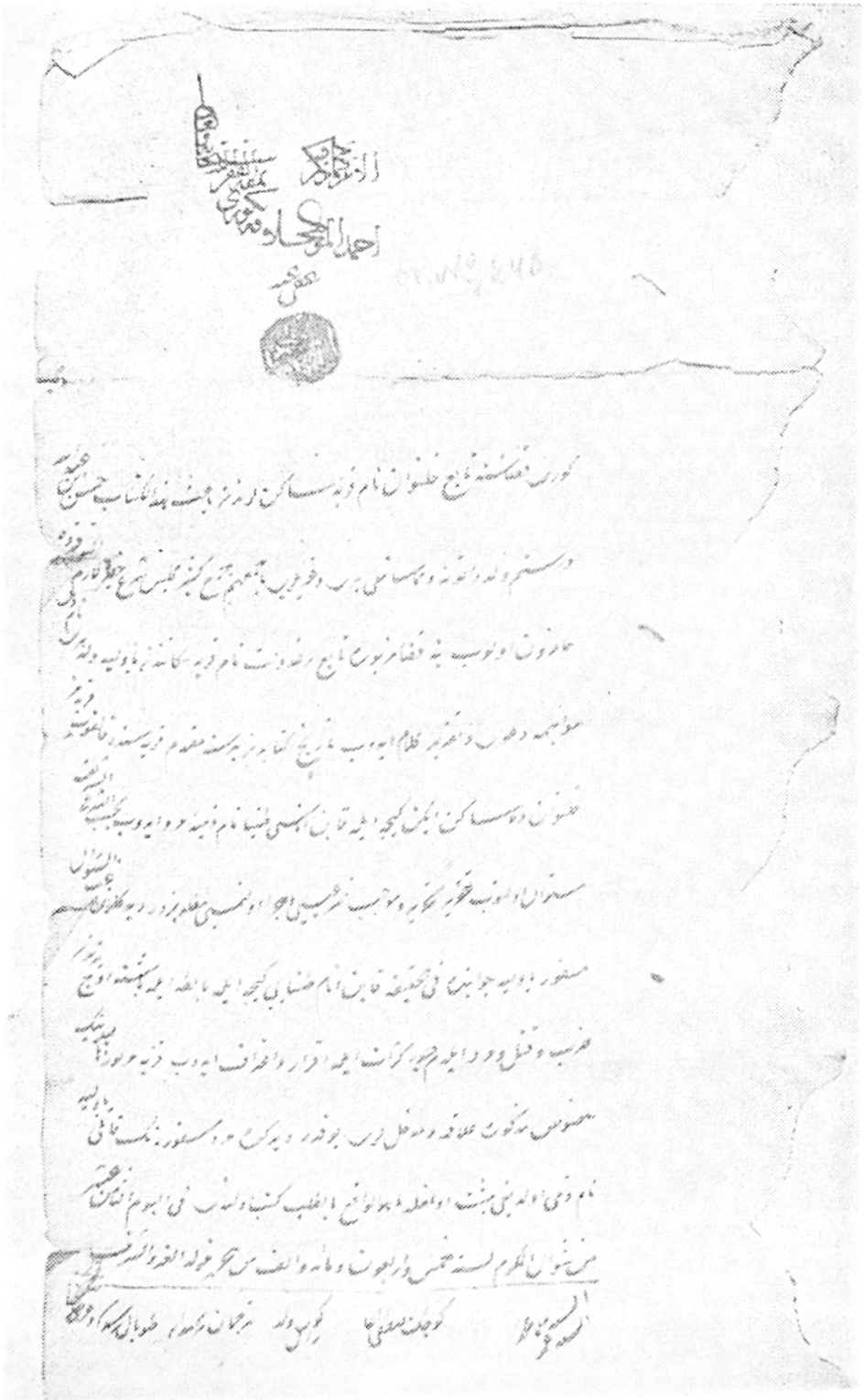
---

[10] მ უ ე ძ ი ნ ი—არაბ. مؤذن — მეჩეთის მსახური, რომელიც მინარეთიდან იწვევს მუსლიმებს სალოცავად.

[11] ტექსტში შეცდომით خلتوان ხელთვან წერია. ხელთუბანი გორის რაიონის ბერბუკის სასოფლო საბჭოში შემავალი სოფელია.

[12] ტექსტში مماساخلى მამასახლი.

[13] ზ ე ღ დ უ ლ ე თ ი — სოფელი გორის რაიონში, ზეღდულეთის სასოფლო საბჭოს ცენტრი.

Tur d 246

სახლდა. ერთ ღამეს თავისი სიდედრი ზიმმიჰე თინია მოკლა. ჩვენ მოვითხოვთ, რომ წმინდა შარი'ათის თანახმად მოეკითხოს პასუხი, გამოძიებულ იქნას საქმე და შარი'ათის საფუძველზე მიღებულ იქნას გადაწყვეტილება; ამის შემდეგ აღნიშნულმა პაულიამ დაკითხვისას პასუხად განაცხადა: მართალია, ღამე, ჩემს სიდედრს თინიას თავში სამ ადგილას ცული დავარტყი და მოვკალი-ო; გამოტყდა და რამდენჯერმე აღიარა (დანაშაული). ამასთანავე დასძინა, რომ აღნიშნული სოფლის მცხოვრებთ ამ საქმეში ხელი არ ურევიათ. რადგანაც დადგინდა, რომ აღნიშნული თინიას მკვლელი არის ზიმმი პავლია, მომხდარი ამბავი მოთხოვნისამებრ ამოწერილ იქნა. წელსა ჰიჯრით ათას ას ორმოცდახუთს, პატიოსანი შეკალის მეთერამეტე დღეს [=1733 წლის 3 აპრილი].

საქმის მოწმენი: ას-სეიიდ შოლა შეჰმედ ას-სეიიდ 'ომერ [ის ძე?], ქუჩუქ მუსტაფა აღა, გივი ძე ზაალისა, თარჯიმანი ფარსადანი, თოფალ ფარსადანი და სხვა დამსწრენი.

Tur d 247. ფორმატი—33×15 cm; ტექსტი—23×8 cm; ქაღალდი—იგივე

ტექსტი

الامر كما ذكر فيه نمقه الفقير اليه عز شانه
الحاج مصطفى القاضى بكورى غفرله
مصطفى... [ძრავალკუთხა ბეჭედზე]
سبب تحرير كتاب حكم اولدر كه

1) كورى قضاسى ساكنلرندن محمود بن حسن نام كمسنه مجلس شرع خطير 2) لازم التوقيرده اشبو رافع هذا الكتاب حسن چاوش بن عبدالله محضرنده اوزرينه 3) دعوا و تقرير كلام ايدوب تاريخ وثيقه‌دن بر كون مقدم خلتبيان نام قريه‌يه جريان ايدن 4) نهرك اوزرنده بر توفنكمى و ايچنده سكز عباسى اولان پلصقه‌مى اخذ ايدوب لكن 5) بعده توفنكمى ينه بكا تسليم ايدوب پلصقه ايله سكز عباسى ذمتنده باقى قالمغله حالا 6) طلب ايدرم سؤال اولنوب اجراى حق اولنمق مطلوبمدر ديدكده غب السؤال و عقيب الانكار 7) مدعى مرقوم محموددن دعواى مشروحه‌سنى مبينه بينه طلب اولندقده اثبات بينه‌دن 8) اظهار عجز و سكز عباسى ايچنده اولان پلصقه‌سنى اخذ ابلمديكنه يمينه راغب اولوب 9) مرقوم حسن چاوشه يمين تكليف اولندقده اولدخى على وفق السؤال يمين 10) بالله العلى الاعلى ايتمكين مذكور محمود دعواى مشروحه معارضه‌سندن منع اولنوب 11) ما هو الواقع كتب و ترقيم اولندى فى اليوم التاسع من شهر صفر الخير سنه اثنى و اربعين و مائه و الف

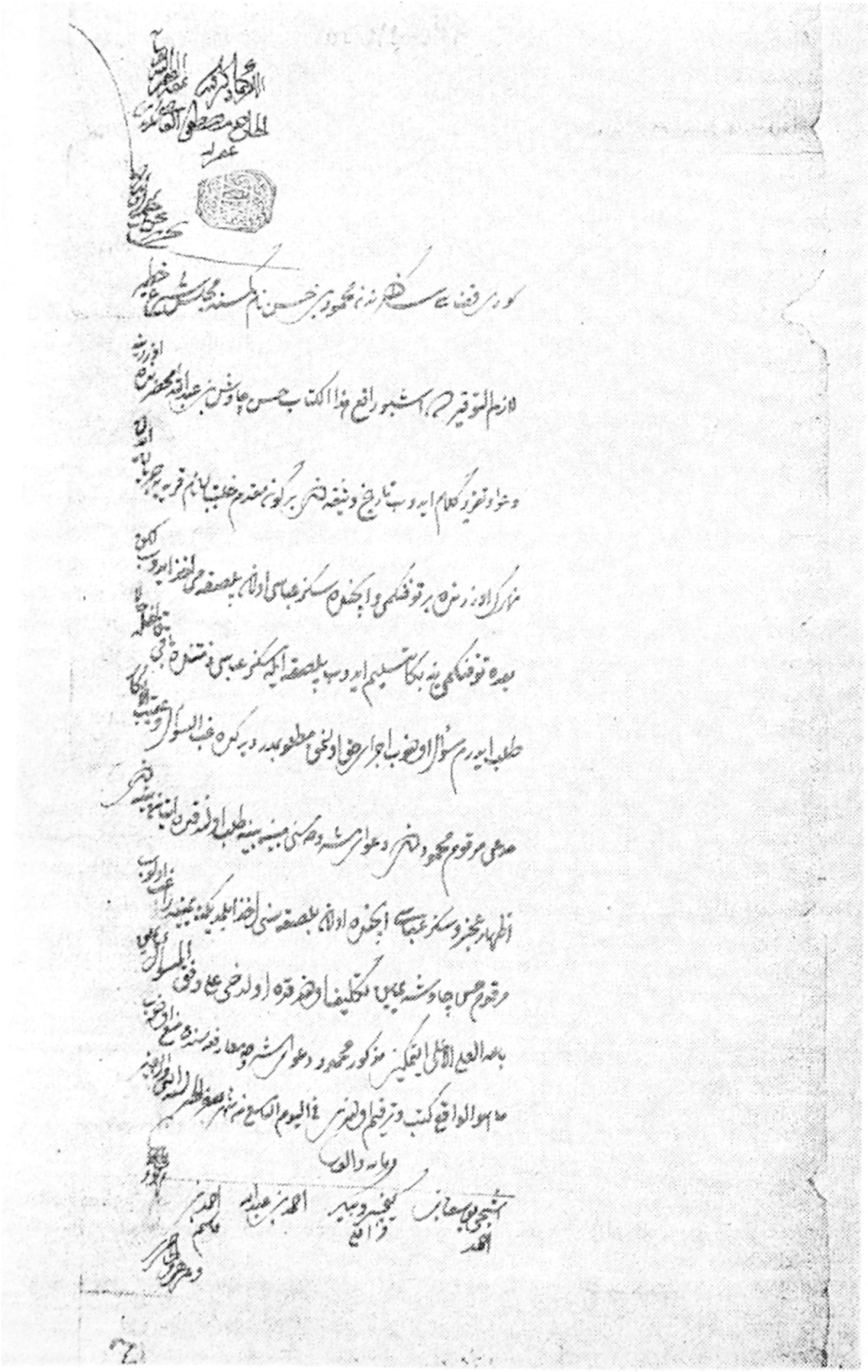
شهـــــــــــود الحـــــــــال

إشجى يوسف بن احمد ، كيخسرو بيك قزاقلى ، احمد بن عبدالله ، احمد بن قاسم و غيرهم من الحاضرين

თარგმანი

საქმე ისეა, როგორც აქ არის მოთხრობილი. გადმოწერა ზენაარისა და წმინდის, მის [ალლაჰის] გლახაკმა, გორის ყადიმ ჰაჯი მუსტაფამ, შეუნდოს [ალლაჰმა].

შიზეზი განჩინების წიგნის დაწერისა ის არის, რომ გორის საყადიოს მცხოვრებმა ვინმე მაჰმუდ ჰასანის ძემ სახელოვან და ღირსპატივსაცემ შარი'ათის სასამართლოში ამ საბუთის წარმომდგენ ჩაეუშ ჰასან 'აბდ-ულ-ლაჰის ძის მიმართ და მისი თანდასწრებით საჩივარი აღძრა და განაცხადა: ამ საბუთის და-

Tur d 247

წერამდე ერთი დღით ადრე სოფელ ხელთუბანში ჩამავალი მდინარის პირას ჩემი თოფი და ფალასკა[14], რომელშიც 8 აბაზი[15] იყო ჩადებული, გამომართვა. მაგრამ შემდეგ თოფი უკან დამიბრუნა, ხოლო, რადგან ფალასკა 8 აბაზითურთ დაიტოვა, ამჟამად მოვითხოვე, რომ ეს მოეკითხოს მას და აღდგენილ იქნას სიმართლე.

დაკითხვის შემდეგ ბრალდებული უარზე დადგა. როცა აღნიშნულ მომჩივან მაჰმუდს მოსთხოვეს ზემოთ განმარტებულ საჩივარზე მტკიცე საბუთი, მან ვერ შეძლო უტყუარი საბუთის წარმოდგენა და მოისურვა, მოპასუხე დაეფიცებინათ, რომ მას ფალასკა 8 აბაზითურთ არ გამოურთმევია. აღნიშნულ ჰასან ჩავუშს მისცეს წინადადება დაეფიცა, რადგან მან მიცემული კითხვების შესაბამისად მაღალი და უზენაესი ალლაჰი დაიფიცა, აღნიშნულ მაჰმუდს ზემოთ განმარტებულ სარჩელზე და საჩივარზე უარი ეთქვა. საქმის ვითარება დადგენილ და ჩაწერილ იქნა. წელსა 1142-ს კეთილი საფარის თვის მეცხრე დღეს [=1729 წლის 3 სექტემბერს].

საქმის მოწმენი: აშჩი მუსუფ აჰმედის ძე, ქაიხოსრო ბეგი ყაზახიდან, აჰმედ ʿაბდ-ულ-ლაჰის ძე, აჰმედ ქასიმის ძე და სხვა დამსწრენი.

С. С. ДЖИКИЯ

ОСМАНСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Резюме

В статье издаются три судебных документа с переводом и разъяснениями, являющиеся продолжением опубликованных нами таких же документов XVIII века в I томе «Восточной филологии» (Тбилиси, 1969 г.) и в сборнике «Письменные памятники Востока. Ежегодник — 1969» (Москва, 1972). Первая публикация («Восточная филология», I) снабжена довольно подробным введением и указателем специальной литературы.

---

[14] ფალასკა (←თურქ. palaska←უნგრ.) განიერი ქამარი, რომელზედაც ჩამოკიდებულია ტყვიის, დენთისა და მისთანების ჩასაწყობი ქისა (აწინდელი „პატრონტაში").

[15] აბაზი—არაბ.-სპ. عباسي ʿabbāsī — ამერკაკასიაში ხმარებული ფულის ერთეული, უკავშირდება ირანელი შაჰის ʿაბბას'ის (ქართ. შაჰ-აბაზი) სახელს.

IV 1976

T. LEWICKI
(Kraków, Pologne)

LE COMMERCE DE SEL DANS LES PAYS SITUÉS SUR LA VOLGA ET EN RUSSIE D'APRÈS LE RECIT D'ABŪ ḤĀMID AL-ANDALUSĪ AL-ĠARNĀṬI (XIIe SIÈCLE)

Abū Ḥāmid al-Andalusi al-Ġarnāṭī, voyageur et écrivain arabe (1080/81—1169/70) qui nous a donné, dans ses deux voyages, à savoir dans le Tuḥfat al-albāb, wa-nuḫbat al-a'ǧāb achevé en 1165 et dans al-Mu'rib 'an ba'ḍ 'aǧā'ib al-Maġrib (composé entre 1155 et 1161), le récit de ce qu'il a vu ou a entendu pendant ses voyages, a passé vingt-trois ans (1131—1154) en Europe orientale et centrale. Il s'établit, en 1131, dans la ville de Saqsīn habitée par les Khazares et par différentes tribus turques et située sur la basse Volga (à distinguer de la localité homonyme dans la Bulgarie de la Volga), où il possédait une famille et une maison et où il résidait pendant toutes ces années, à l'exception d'une visite prolongée dans la ville de Bulġār (1133/34—1135/36) et une autre en Hongrie (1150/51—1153), où il se rendit de Saqsīn, après avoir traversé la Russie. En 1154 il revint en Orient, où il résida à Bagdad, en Khorāsān, à Mossoul, et finalement en Syrie, où il mourut à Damas[1].

La ville de Saqsīn (ce nom est orthographié Saġsīn dans le Mu'rib[2]), était

[1] Voir sur Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī, sa vie, ses oeuvres et ses voyages: Le Tuḥfat al albāb de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī, éd. G. Ferrand, «Journal Asiatique», t. CCVII, 1925 [F e r r a n d, Tuḥfat al-albāb], pp. 1—148 et 193—304 (voir aussi les notes critiques de F. Tauer dans «Archiv Orientální», t. XVIII, 1950, pp. 298—315); Abū Ḥāmid el Granadino y su relación de viaje por tierras eurasiáticas. Texto árabe, traducción e interpretación por Cesar E. Dubler, Madrid 1953 (D u b l e r, Abū Ḥāmid el Granadino); T. L e w i c k i, Węgry i muzułmanie węgierscy w swietle relacji podróżnika arabskiego Abū Ḥāmid al-Andalusīego, «Rocznik Orientalistyczny», t. XIII, 1938, pp. 106—122; I. H r b e k, Nový arabský pramen o východní a střední Evropě, «Československa Etnografie», t. II, 1954, cahier 2, pp. 157—175; le même, Abū Ḥāmid al-Andalusī und sein Werk Mu'rib, «Archiv Orientální», t. XXIII, 1955, pp. 109—135; le même, Ein arabischer Bericht über Ungarn «Acta Orientalia Hung.», t. V, fasc. 3, 1955, pp. 205—230. Ajoutons encore que le Tuḥfat al-albāb et al-Mu'rib ont été dépouillés, tous les deux, par le cosmographe arabe Abū Zakarīyā' al-Qazwīnī (—en 1283 de notre ère) qui apparemment a utilisé aussi un troisième ouvrage d'Abū Ḥāmid qui nous est inconnu.

[2] La lettre arabe ġ a ici fonction de gutturale sonore.

située dans le pays des Khazares[3], sur un grand fleuve qui ne peut être aucun autre que la Volga ou plutôt son bras principal — l'Akhtouba[4]. D'après al-Bākuwī, géographe arabe du XVe siècle, la ville de Saqsîn était submergée, à l'époque où écrivit cet auteur, c'est-à-dire vers l'an 1403, mais dans les environs se trouvait une autre ville, à savoir le Sarāy Berke, capitale de la Horde d'Or sur l'Akhtouba[5]. Selon l'historien persan Waṣṣāf (XIIIe—XIVe s.) c'est-à-l'endroit de Saqsîn qu'on a construit le Sarāy Bātū (=Saray Berke); les restes de cette capitale ont été identifiés avec les importantes ruines dites Selitrennyī Gorodok ou Selitrennoye sur l'Akhtouba[6]. A en croire le géographe persan Aḥmad Ṭūsī(deuxième moitié du XIIe s. de n. è.) Saqsîn était une grande ville, la capitale de Turkistān, dont la circonférence était six «farsaḫ», c'est-à-dire trente six kilomètres[7]. La population de Saqsîn était composée de quarante tribus de Guzz (Torki des annalistes russes), des Khazares et des Bulgares émigrés de la ville de Bulġār. La ville abritait aussi une importante colonie des marchands musulmans, parmi lesquels il y avait aussi des milliers de commerçants maghrébins[8].

Dans son récit de Saġsîn (Saqsîn), l'auteur du «Mu'rib», après avoir donné un tableau de cette ville, très riche en détails, revient à la description du fleuve sur laquelle celle-là était située, c'est -à-dire l'Akhtouba, bras de la basse Volga; il dit ce qui suit[9]:

«Ce fleuve est pris [en hiver] et devient comme la terre, sur laquelle peuvent marcher ensemble chevaux et veaux, quant au gros bétail[10]; ils (c'est-à-dire les peuples riverains de la Volga) s'entrecombattent [même] sur cette glace. J'ai traversé ce fleuve quand il a été pris. Sa largeur se chiffrait à plus de 1480 pas, mesurés avec mes pas, sans compter les autres bras de ce fleuve.

«Les génies ont construit pour Salomon, à côté de ce fleuve, mille canaux, l'étendue de chacun de ces canaux étant une mille [arabe][11]. La terre qu'ils en ont extrait, [élevée] à côté de [chaque] canal a formé une colline, dont la largeur correspond à la portée d'une flèche. Ainsi, il y a du côté de ce fleuve, comme mille collines et mille canaux. Ces canaux sont profonds et se remplissent de l'eau provenant du fleuve en question...

---

[3] Dubler, Abū Ḥāmid el Granadino, p. 5 (texte arabe) et p. 50 (trad.).

[4] Ibid. I. c.

[5] V. F. Büchner, Saḳsîn, «Enzyklopaedie des Islâm», première édition, t. IV, pp. 88—89.

[6] W. Barthold, Sarāy. «Enzyklopaedie des Islâm», première édition, t. IV, pp. 168—169; A. Zeki Validi Togan, Ibn Faḍlān's Reisebericht, Leipzig, 1939 (Togan, Ibn Faḍlān's Reisebericht). p. 204. Ou peut-être faudrait-il placer la ville de Saqsîn à Tsarev, où l'on a découvert les ruines dont la grandeur est égale à celle de Selitrennyī Gorodok?

[7] Togan, Ibn Faḍlān's Reisebericht, p. 205.

[8] Dubler, Abū Ḥāmid el Granadino, p. 5 (texte arabe) et p. 50 (trad.).

[9] Ibid. pp. 8—9 (texte arabe) et pp. 52—53 (trad.).

[10] Dubler traduit fautivement (op. cit., p. 52): «sobre la cual pueden andar los caballos y carretas tiradas por bestias».

[11] En arabe فرسخ.

[12] La longueur d'une mille arabe est environ deux kilomètres.

«Au delà de ces canaux et ces collines se trouve, à une distance de plusieurs journées de route, une terre qui est toute en une neige (en arabe ثلج ṯalǧ) rouge, blanche, bleue et en d'autres couleurs. On remplit les bateaux de cette neige et on l'exporte à Bulġār par ce fleuve[13].

«La distance entre Saġsīn et Bulġār par ce fleuve (c'est-à-dire en amont de ce fleuve) est de quarante jours».

Il n'y a aucun doute que le «fleuve» de notre texte sur lequel était située la ville de Saġsīn (Saqsīn) doit désigner ici l'Akhtouba et que les nombreux canaux qui se trouvaient, à en croire Abū Ḥāmid, à côté de ce fleuve doivent correspondre au système des canaux (yerik) et des lacs qui couvrent la zone située entre la Volga et l'Akhtouba et appelée actuellement «Volgo-Akhtoubinskaya Poïma» («la Zone innondée de Volga-Akhtouba»). La superficie totale de cette zone d'innondation, dont la largeur monte à environ quarante kilomètres, est, y compris les bras de la Volga et de l'Akhtouba, de 7 500 km² la seule superficie de l'eau dans cette zone se chiffrant à environ 900 km². La plus grande profondeur de l'eau dans cette zone est de 35 mètres environ. Cette grande zone d'innondation est aussi identique, à mon avis, avec la grande «mer» (en arabe «al-baḥr») que le fleuve Atil (c'est-à-dire la Volga) forme près de la ville de Saḫsīn (Saġsīn, Saqsīn) d'après un passage du Tuḥfat al-albāb[14]. Quant aux collines, dont il est question dans le «Mu'rib», ce sont celles qui ont donné le nom à l'Akhtouba. En effet ce nom provient du tatare «Ak-Tube» «collines blanches».

Passons maintenant à ce passage de notre texte, où il est question d'une terre située «au-delà (c'est-à-dire à l'Est) des canaux que nous avons identifiés plus haut avec les «yerik» de la «Volgo-Akhtoubinskaya Poïma», et à une distance de quelques jours de ces canaux. Cette terre était, selon les mots d' Abū Ḥāmid, que je répète ici, «toute en une neige (en arabe ثلج ṯalǧ) rouge, blanche, bleue et en d'autres couleurs». Dubler a traduit ce passage en espagnol, d'après l'unique manuscrit du «Mu'rib» qu'il avait à sa disposition, par: «una tierra..., que toda ella es nieve roja, blanca, azul y de otros colores», ce qui rend fidèlement le contenu du texte arabe, mais qui n'a aucun sens. En effet, l'idée qu'il y aurait, à une distance de quelques jours de route, à l'Est ou au Nord-Est de la «Volgo-Akhtoubinskaya Poïma», un terrain couvert de neige de différentes couleurs, que l'on exportait dans des bateaux, à Bulġār, lieu où, selon un autre récit d'Abū Ḥāmid, «la neige ne disparaît jamais de la terre, ni en été, ni en hiver»[15], est absurde. Ainsi C. E. Dubler, en se rendant compte de cette absurdité, a essayé d'expliquer cette énigme, en avançant l'hypothèse que le mot ثلج «ṯalǧ» «neige» indiqué dans le «Mu'rib» aurait signifié «un minéral blanc» et même, combiné avec certains adjectifs,

---

[13] En montant l'Akhtouba et ensuite la Volga.

[14] Ferrand. Tuḥfat al-albāb, p. 115.

[15] On trouve cette indication dans un passage extrait d'un ouvrage inconnu d'Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī et cité par al-Qazwīnī dans son Kitāb Aṯār al-bilād. Voir El-Cazwini, Kosmographie. Zweiter Theil: Kitāb al-Aṯār al-bilād. Ed. F. Wüstenfeld, Göttingen 1848, p. 412, l. 14—16.

pourrait être employé, chez les Arabes du Moyen Age, et en particulier chez Abū Ḥāmid, pour désigner «les minéraux fins et broyés» (en espagnol : «minerales finos y desmenuzados»)[16].

Cette explication ne me paraît pas satisfaisante. En effet, on chercherait en vain, dans les dictionnaires arabes les plus détaillés, un «ṯalǧ aḥmar» («neige rouge»), un «ṯalǧ abyad» («neige blanche)» ou bien un «ṯalǧ azraq» («neige bleue») qui pourrait confirmer l'hypothèse de Dubler. De telles expressions n'existent pas dans l'arabe médiéval. Ainsi cette hypothèse doit être rejetée et il faut chercher ailleurs l'explication de la «neige en couleurs» du récit Abū Ḥāmid. Selon moi, il ne peut s'agir ici que d'une faute. En effet, l'unique manuscrit connu du «Mu'rib», celui de la collection de Gayangos, sur lequel est basée l'édition de Dubler est plein de fautes qui portent souvent sur les points diacritiques dans des mots arabes les plus communs[17]. Ainsi je crois qu'il faut corriger le mot ثلج «ṯalǧ» «neige» de l'édition de Dubler en ملح «milḥ» «sel», la graphie du manuscrit étant une erreur non d'Abū Ḥāmid lui-même, mais du copiste du «Mu'rib». La correction proposée consisterait dans une substitution de ṯ- initial par un م- (on sait que l'échange entre ṯ- et م- initiaux n'est pas rare dans les manuscrits arabes médiévaux[18]) et dans une élimination d'un point diacritique qui se trouve sous la dernière lettre arabe du mot ثلج «ṯalǧ». De cette façon, si notre correction est juste, le produit provenant des environs de Saǧsīn et exporté ensuite, selon Abū Ḥāmid, à Bulǧār, ne serait pas la «neige» en couleurs, mais le «sel» en couleurs.

Penchons-nous maintenant sur le problème de ce dernier produit.

La mention de sel en couleurs que l'on trouve dans le «Mu'rib» n'est pas isolée dans les ouvrages arabes médiévaux. Ainsi, p. ex., le géographe arabe al-Iṣṭaḫrī, qui écrivait vers l'an 951 de n. è., dit, qu'il y a, dans le district de Dārābǧird en Iran, des montagnes (c'est-à-dire les mines) de sel en couleurs: blanc, jaune, vert, noir et rouge, dont on fabrique les tables et d'autres objets exportés ensuite dans d'autres localités. Al-Iṣṭaḫrī explique dans sont texte, que le sel que l'on trouve dans d'autres lieux provient de l'intérieur de la terre ou bien de l'eau salée qui forme des cristaux, et que c'est uniquement le sel de Dārābǧird qui provient des montagnes (mines) visibles sur la terre[19].

De même le cosmographe arabe Šams ad-Dīn Abū 'Abd Allāh Muḥamma ad-Dimašqī(+1327 de n. è.) mentionne dans un passage de son Kitāb nuḫbat ad-dahr fī 'aǧā'ib al-barr wa'l-baḥr le sel en couleurs. D'après lui, le sel gemme (en arabe «al-milḥ as-sabḫī» «sel de lac salé») comprend plusieurs espèces: le blanc intense; le rouge sanguinolent et brillant; le jaune, couleur du saf-

[16] Dubler, Abū Ḥāmid el Granadino, p. 346, s. v. ثلج nieve.

[17] Voir p. ex. Dubler, op. cit., p. 9: يخرج au lieu de تخرج et p. 22: الكثير au lieu de الكبير.

[18] Voir à ce propos: T. Lewicki, La Pologne et les pays voisins dans le «Livre de Roger» de al-Idrīsī, géographe arabe du XIIe siècle [Lewicki, La Pologne et les pays voisins], Ière partie, Kraków, 1945, p. 103, n° 11.

[19] Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Edidit M. J. de Goeje. Deuxième édition, Lugduni-Batavorum 1927. p. 155.

ran et le vert, couleur vert-de-gris. Il y ajoute, que les mines de ce quatre espèces de sel se trouvent dans les environs de Iṣfahan, en Khorāsān et en Sigistān[20]. On lit aussi, dans un autre passage du Kitāb nuḫbat ad-dahr, que «aux environs de Dārābgird, il y a des montagnes de sel de divers couleurs (en arabe «milḥ mulawwan») et tellement dur, qu'on en forme des tables et d'autres objets»[21]

Le sel gemme de différentes couleurs n'était pas inconnu non plus aux anciens Chinois. On lit, en effet, dans l'ouvrage intitulé «Sui-šu» que l'empereur chinois Yan-di (605—616 de n. è.) a envoyé aux Pays Occidentaux, après son avènement au trône, un ambassadeur nommé Hin-man qui, après être arrivé dans le royaume de An (Boukhara), a obtenu du roi de ce pays le sel en cinq couleurs[22]. On lit aussi, dans un autre passage de cette source contenant la description du royaume de Gao-čan (Tourfan), que l'on exportait de ce pays le sel rouge comme du vermillon et blanc comme du néphrite[23]. D'après un autre ouvrage chinois, à savoir le «Pei-ši», on trouvait, dans le même royaume, le sel rouge, d'un goût exquis, et aussi le sel blanc qui ressemble au néphrite. Les habitants de Gao-čan travaillaient ce sel en pains et l'envoyaient sous cette forme à la cour de l'empereur chinois[24]. Ajoutons encore que l'ouvrage chinois intitulé «Pei hu lu» mentionne 5 espèces de sel en couleurs: rouge, pourpre, noir, bleu et jaune[25].

Le sel en couleurs mentionné dans les anciennes sources arabes et chinoises était un sel impur mais comestible[26]. Cependant, il n'est pas impossible q'il puisse s'agir ici aussi d'autres minéraux.

D'après le texte du «Mu'rib», les terrains couverts de neige (c'est-à-dire de sel) en couleurs se trouvaient „au delà" c'est-à-dire à l'Est de l'Akhtouba, «à une distance de plusieurs journées de route». Ainsi il ne peut s'agir ici de la rive même de la Volga ou plutôt de l'Akhtouba qui était saturée de sel dans les environs de Saray Berke, c'est-à-dire de Saqsīn (Selitrennyĭ Gorodok ou

---

[20] Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe publié... par M. A. F. Mehren. Réimpression, Leipzig 1923, p. 79; Manuel de la cosmographie du Moyen Age. Traduit de l'arabe «Nokhbet ed-dahr fi 'adjaib-il-birr wal-bah'r» de Shems ed-din Abou 'Abdallah Moh'ammed de Damas,... par M. A. F. Mehren, Copenhague-Paris-Leipzig 1874, p. 93.

[21] Cosmographie de Chems-ed-din... ed-Dimichqui, p. 179; Manuel de la cosmographie du Moyen-Age, p. 243.

[22] I. Ya. Bičurin, Sobranie svedenīĭ o narodakh obitavšikh v sredneĭ Azii v drevnie vremena, Moscou-Léningrad 1950 [Bičurin, Sobranie], t. II, p. 282; B. Laufer, Sino-Iranica, Chicago 1919, p. 511. On lit aussi la même information dans une autre source chinoise (cf. Bičurin, op. cit., t. II, p. 272).

[23] Bičurin, Sobranie, t. II, p. 279; Laufer, l. c. Ajoutons pour mieux comprendre l'expression «blanc comme néphrite», qu'il y avait, d'après les sources chinoises, dans l'Asie centrale, dans le haut Moyen Age, des mines de néphrite de trois couleurs: blanc, sombre et vert. Voir Bičurin, op. cit., t. II, p. 318.

[24] Bičurin, Sobranie, t. II, p. 250.

[25] Laufer, L. c.

[26] Laufer, l. c.

peut-être Tsarev[27]), ni des lacs salés situés près de l'embouchure de la Volga, au Sud de Saqsīn, dont on tirait le sel vers l'an 1627 si l'on peut croire à Kniga bol'šomou čertežou, important recueil d'itinéraires russes composé à cette date[28]. Je ne crois pas non plus qu'il puisse s'agir ici d'une autre mine de sel connue en 1627 à savoir de la «montagne de sel» dite Tustebe ou Tuztebe et appelée en russe «Solyanaya Gora», qui se trouvait, à en croire la Kniga bol'šomou čertežou au bord de la rivière de l'Oural (Yaïk) sur la rive gauche de celle-ci[29]. En réalité, ce dernier lieu se trouve trop loin du bord de l'Akhtouba; il en est éloigné non d'une distance de plusieurs jours, comme on lit dans le «Mu'rib», mais plutôt d'une distance de deux à trois semaines. D'après moi les mines de sel blanc et en couleurs dont il est question chez Abū Ḥāmid ne peuvent être identiques qu'avec celles du lac Ouskončak (aujourd'hui Baskounčak), dont on extrayait, selon la Kniga bol'šomou čertežou, «du sel pur comme la glace»[30] et avec un autre lac, voisin de Ouskončak, dont on extrayait «du sel couleur de cerises, comme une framboise»[31]. La distance entre les ruines nommées Zolotaya Orda («L'Horde d'Or») situées sur l'Akhtouba, qui sont les restes de l'ancienne capitale de l'Horde d'Or, Sarāy Berke (qui a remplacé l'ancien Saqsīn), et le lac Ouskončak était, selon un autre passage de la Kniga bol'šomou čertežou, de 70 verstes[32], c'est-à-dire à peu près 75 km, distance qu'une voiture trainée par des chevaux ou par des chameaux pouvait traverser en 2—3 jours[33].

Il n'est pas impossible qu'Abū Ḥāmid ait visité lui-même les salines dont il est question dans son récit, c'est-à-dire probablement celles de Baskounčak, qui se trouvaient à peu de distance de Saqsīn. Ou peut-être les a-t-il

---

[27] On lit cette information dans le Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār d'al-'Omarī (1349 de n. è). qui utilisa ici le récit d'un voyageur-marchand khorezmien. Voir à ce propos: E. Quatremère. Notice de l'ouvrage qui a pour titre Mesalek alabsar fi memalek alamsar 'Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées'. «Notices et extraits», t. XIII, Paris 1839 [Quatremère, Notice], pp. 286—287.

[28] Kniga bol'šomou čertežou, ed. K. N. Serbina, Moscou-Léningrad 1950. p. 145. On y tirait le sel de deux lacs salés situés sur une île éloignée à 80 verstes (à peu près 85 km) de l'Astrakhan, ainsi que de deux lacs salés situés à une distance de 100 verstes (106, 67 km) de cette ville.

[29] Ibid., pp. 93 et 94.

[30] La rédaction dite «de Lithuanie» de la Kniga bol'šomou čertežou ajoute après «pur comme la glace» les mots «en grands blocs (grumeaux)», en russe gludami velikimi. Sur la signification du mot dialectal russe gluda «bloc», «grumeau» voir Vl. Dal', Tolkovyĭ slovar'živogo velikorusskogo yazyka, t. I, St.-Petersbourg-Moscou, 1880, p. 367.

[31] Kniga bol'šomou čertežou, éd. K. N. Serbina, p. 145, note 2.

[32] Ibid., pp. 144, 145 et 182.

[33] Sur la vitesse de marche en Russie au Moyen Age voir, entre autres Lewicki, La Pologne et les pays voisins, t. I, pp. 122—123. Je crois que l'on utilisait pour le transport du sel du lac Baskounčak à Saqsīn des chariots semblables à ces voitures que l'on employait à Sarāy pour le transport des cruches de terre remplies d'eau du fleuve (c'est-à-dire de l'Akhtouba) à la ville. Voir sur ce dernier fait Quatremère, Notice, p. 287. Ajoutons encore que Ibn Baṭṭūṭa qui a traversé les steppes entre la ville de Sarā (Sarāy) et le Khorezm, raconte qu'il a fait son voyage dans un chariot traîné par des chevaux, jusqu'au bord du Yaïk, et ensuite, à partir de cette rivière, par des chameaux. Voir Defrémery-Sanguinetti, Voyages d'Ibn Batoutah, t. II, pp. 450—451 et t. III, pp. 1—2.

vues au cours d'un de ses voyages à Khorezm? En effet, il avoue lui même avoir pris trois fois la route qui reliait Saqsın au Khorezm[34]. Il est assez vraisemblable que cette route apparemment la même qui a été suivie deux siècles plus tard par Ibn Baṭṭūṭa et menait de Sarāy à Khorezm par la ville de Sarāğuq (Saraïtchik située à l'embouchure de Yaïk)[35], se dirigeait vers le lac Baskounčak.

On lit ensuite dans le récit d'Abū Ḥāmid, que l'on embarquait la «neige» (c'est-à-dire le sel) provenant de la zone salifère de la basse Volga, sur les bateaux qui circulaient sur le fleuve au bord duquel était située la ville de Saǧsīn (or sur l'Akhtouba); on exportait ce produit à Bulgār, capitale de la Bulgarie de la Volga et centre important de commerce dans le Nord-Est de l'Europe[36]. Abū Ḥāmid ne nous dit pas à quel endroit se faisait cet embarquement. Cependant nous sommes portés à croire que c'était le port de la ville de Saǧsīn. En effet, cette ville était, après la destruction d'Itil dans la deuxième moitié de Xe siècle, et avant la fondation de Sarāy Bāṭū (Berke), le seul centre commercial situé sur la basse Volga. D'ailleurs Abū Ḥāmid lui même semble indiquer que c'est dans la ville de Saǧsīn que l'on embarquait les différentes marchandises, le sel à destination de Bulgār y compris. En effet, il dit, après avoir signalé le trafic du sel sur la Volga, que «la distance entre Saǧsīn et Bulgār par ce fleuve est de quarante jours».

Abū Ḥāmid n'est pas le seul auteur arabe à nous communiquer un renseignement sur la circulation des bateaux de commerce sur la Volga; il en est déjà question, en l'an 922, dans la relation d'Ibn Faḍlān qui ne connaissait d'ailleurs que le marché près duquel devait naître bientôt la future ville de Bulgār. En effet, on lit dans cette relation que les bateaux allant de la Khazarie (sur la basse Volga) et portant les marchandises parvenaient à ce marché, où le roi des «Ṣaqāliba» (c'est-à-dire des Bulgares de la Volga selon la terminologie d'Ibn Faḍlān) recouvrait un dixième de ces marchandises[37]. Nous avons encore une autre information sur les bateaux de commerce circulant sur la Volga, en amont de ce fleuve. Je veux parler ici d'un passage de Masalik al-abṣār d'al-'Omarī, où nous lisons ce qui suit: «Le fleuve sur lequel est situé Sarāy... porte de grands bateaux qui remontent jusqu'au pays des Russes, et à celui de «Ṣaqlab». C'est dans cette dernière contrée que cette rivière prend sa source»[38]. Il résulte de ce passage que les grands bateaux qui navigaient sur la Volga dans la première moitié du XIVe siècle, parvenaient non seulement aux pays des Bulgares de la Volga, appelé par al-'Omarī, comme par Ibn Faḍlan, «pays des Slaves» (Ṣaqlab»), mais aussi en Russie.

---

[34] Ferrand, Tuḥfat al albāb, pp. 87—88.

[35] Defrémery-Sanguinetti, Voyages d'Ibn Batoutah, t. III, p. I. Voir aussi sur cette voie le récit d'al-'Omarī (dans Defrémery, Notice, p. 287).

[36] Voir sur cette ville dont les ruines se trouvent près du village moderne de Bulgarskoe (6 et 1/2 km de la rive gauche de la Volga): W. Barthold, Bulghār, «Enzyklopaedie des Islām», première édition, t. I, Leiden-Leipzig 1913, pp. 819—825.

[37] Togan. Ibn Faḍlān's Reisebericht, texte arabe, p. 36; trad. p. 80.

[38] Quatremère, Notice, pp. 286—287.

Le sel gemme provenant des lacs salés de la région de basse Volga, blanc ou de couleur, n'était pas destiné, à coup sûr, à la fabrication des objets de luxe, comme c'était le cas de ce genre de sel de Dārābǧird. On ne peut pas s'imaginer, en effet, qu'il y ait eu, à Bulǧār, une ville commerçante et riche, mais toujours à demi barbare par rapport à l'Irak, à l'Iran ou à la Chine, des ateliers qui pourraient fabriquer de tels objets ou même qu'il en ait eu une demande. Ainsi, il ne pouvait s'agir ici que d'un produit destiné à la consommation. Même le sel en couleur contenant un mélange de différents autres minéraux était un produit non seulement comestible, mais peut-être même recherché. Je veux rappeler ici, à titre de comparaison, que le sel rouge exporté, au Ve siècle de notre ère, de Gao-čan-(Tourfan) en Chine, aurait eu un goût exquis, selon les dires des sources chinoises de cette époque[39].

Le sel importé de Saǧsīn à Bulǧār était, sans doute, consommé en partie par les habitants mêmes de la Bulgarie de la Volga; cependant une autre partie de cette importation était destinée au commerce avec les autres pays riverains de la Volga moyenne, de la Kama, de la Šeksna, de la Dvina septentrionale et de la Pétchora, ainsi qu'avec la Russie proprement dite, où le sel faisait défaut et où il y avait une grande demande de ce produit. Dans ce cas, la ville de Bulǧār située au carrefour où se croisaient les principaux itinéraires commerciaux, surtout fluviaux, partis de la mer Caspienne, de la Baltique, du bassin du Dniepr, de la région des lacs (Beloozero, Onega et Ladoga) et de la Pétchora, n'était qu'un intermédiaire dans ce commerce de sel. Un tel commerce, dans le haut Moyen-Age, n'était pas connu jusqu'à présent; c'est pourquoi les renseignements d'Abū Ḥāmid sont si précieux.

Penchons-nous maintenant sur le problème de l'exportation du sel de Bulǧār vers les autres foires de l'Europe orientale.

Il faut regretter qu'Abū Ḥāmid ne nous ait rien dit sur la redistribution du sel importé à Bulǧār de la région de la basse Volga vers les autres marchés de l'Europe. Aussi les autres sources écrites médiévales — arabes au russes— manquent complètement de renseignements sur le commerce en question, sauf une cependant, à savoir le Tabā'i al-ḥayawan, oeuvre de Šaraf az-Zamān Ṭāhir al-Marwazī, écrite en arabe vers l'an 1120 de notre ère. Voici le passage de cet ouvrage relatif au commerce du sel dans l'Europe du Nord-Est[40]:

«A une distance de vingt jours de route des [sièges] de ce peuple (c'est-à-dire de Bulǧār ou Bulgares de la Volga), vers le pôle [nord], se trouve un pays appelé Isū, et au delà de ce dernier, un peuple nommé Yūra: c'est un peuple sauvage qui vit dans les forêts et qui ne fréquente pas les autres gens, en craignant le mal de leur part. Les gens de Bulǧār voyagent chez eux (à savoir chez Isū et chez Yūra), transportent [différentes] marchandises, comme p. ex. les vêtements, le sel et d'autres choses, sur des traîneaux (lit. ustensiles) tirés par des chiens sur les neiges entassées en amas qui ne se retirent [jamais]».

---

[39] B l ě u r l n, Sobranie, t. II, p. 250.

[40] V. M i n o r s k y, Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turks and India, London 1942 [M i n o r s k y, Marvazī], texte arabe, pp. 44—45 et trad., p. 34.

Le pays, ou plutôt le peuple de Isū est identique avec celui de Wīsū mentionné par Ibn Faḍlān et identifié, dès l'époque de Frähn, avec les Ves' finnois de la Chronique dite de Nestor, qui habitait dans les environs de Beloozero[41], et dont on trouve toujours les descendants dans le peuple de Vépses habitant entre les lacs Onega et Ladoga.

Al-Bīrūnī (+1048) dit, dans son Taḥdīd niḥāyāt al-amākin[42], que entre Bulgār et Isū il y avait une distance de 20 jours de route, en traîneaux, et il ajoute, dans son autre ouvrage, à savoir dans le Canon[43], que ces deux pays étaient liés par le commerce. D'après Abū Ḥāmid il y avait entre Bulgār et Wīsū (qui selon lui étaient tributaires de Bulgār) un mois de route[44]. Je crois qu'aussi dans ce cas il s'agit d'une voie utilisée en hiver. Quant à son parcours, il est impossible de le préciser.

A part cette voie hiémale, il y avait aussi une route fluviale utilisée en été qui suivait le cours de la Volga, et ensuite celui de la Šeksna, jusqu'à son écoulement de Beloozero. C'est apparemment de cette voie, plus longue, mais plus convenable pour les négociants qui transportaient de grandes cargaisons de marchandises, le sel inclus, qu'il doit être question dans la relation d'Ibn Faḍlān. Ce dernier parle aussi de commerçants qui se trouvent parmi les Bulgares de la Volga («Saqāliba» selon la terminologie d'Ibn Faḍlān) et qui se rendent dans le pays de Wīsū pour le commerce des fourrures[45]. La distance entre Bulgār et Wīsū se montait, selon un autre passage de ladite relation, à trois mois[46].

L'emploi de cette voie fluviale est attesté, du moins s'il s'agit de son secteur méridional, entre la ville de Bulgār et l'embouchure de l'Oka, par un passage de la Chronique dite de Nestor, où l'on lit, sous la date de l'an 1024, que les habitants de la ville de Souzdal' ont employé l'itinéraire de la Volga pour aller chercher les vivres dans la Bulgarie de la Volga[47]. A côté de cette voie fluviale, il y avait aussi, au moins à partir de Yaroslavl, une voie terrestre (différente de celle dont il a été question plus haut) qui longeait la Volga et la Šeksna et qui aboutissait à la ville de Beloozero sur le lac portant ce nom. Cette voie est signalée dans un autre passage de ladite Chronique, sous l'an 1071[48].

---

[41] C. M. Frähn, Ibn-Foszlan's und anderen Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St. Petersburg 1823, pp. 203—233.

[42] Abu Reïkhan Biruni (973—1048). Izbrannye proizvedeniya, t. III: Opredelenie granits mest dlia utočneniya rasstoyaniĭ meždou naselennymi punktami (Geodeziya). Ed. P. G. Bulgakov, Tachkent, 1966, p. 156.

[43] Voir Minorsky, Marvazī, p. 112.

[44] Dubler, Abū Hāmid el Granadino, p. 13 (texte arabe) et p. 55 (trad.).

[45] Togan, Ibn Faḍlān's Reisebericht, texte arabe, p. 30 et trad., p. 67.

[46] Ibid., texte arabe, p. 31 et trad., p. 72.

[47] Povest' vremennykh let, ed D. S. Likhačev, Moscou-Léningrad 1950, t. I, pp. 99—100 (texte) et p. 299 (trad.).

[48] Ibid., p. 117 (texte) et pp. 317—318 (trad.).

[49] Voir sur ce sujet T. Lewicki, Ecrivains arabes du IXe au XVIe siècle, traitant de l'ambre jaune de la Baltique et de son importation en pays arabes. «Folia Orientalia», t. IV, 1962 (1963), pp. 18—20.

L'existence de deux voies commerciales, à savoir fluviale et terrestre qui liaient Bulgār avec le pays de Wīsū est confirmée par les nombreuses trouvailles de «trésors» de dirhems arabes, faites le long de la Volga et de la Šeksna qui jallonnent l'ancienne zone de relations commerciales entre la Bulgarie de la Volga et Beloozero, bourg qui existait déjà avant l'an 862, si l'on peut croire aux annales russes. Ainsi l'on trouve trois «trésors» de dirhems arabes aux environs de l'embouchure de l'Oka et six autres sur la rive droite de la Volga près de Rostov et de Souzdal'. Aussi dans le bassin de la Šeksna on a découvert plusieurs «trésors» de dirhems arabes étroitement liés avec le commerce bulgare et russe de ces régions. On a trouvé aussi dans le bassin de la Šeksna trois trésors de monnaies provenant de l'Europe occidentale du Xe au XIe siècle.[49]

Ainsi c'étaient ces trois itinéraires: deux terrestres et un fluvial qu'empruntaient, au Xe—XIIe s., les marchands bulgares et russes pour arriver au pays de Wīsū.

Passons maintenant à Yūra, un autre peuple arctique qui recevait le sel de Bulgār, si l'on peut croire à al-Marwazī[50].

Le nom de Yūra est identique avec le russe «Yougra», nom appliqué au XIe siècle, par les habitants de la Novgorod la Grande, aux peuples ougriens qui habitaient entre la rivière de Pétchora et les montagnes de l'Oural. C'étaient les ancêtres des Ostiaks actuels (encore dans leurs sièges primitifs) et aussi des Vogules. Il paraît que pour arriver au pays de ce peuple on empruntait la voie hiémale qui passait par le territoire de Wīsū, dont l'habitat était éloigné, à en croire al-Bīrūnī, à 12 jours de route en traîneaux[51].

Cependent il paraît que les Ves' et les Yougra n'étaient pas les seuls peuples auxquels parvenait, par l'intermédiaire de la ville de Bulgār., le sel importé des lacs salés de la région de la basse Volga. A mon avis, une grande partie des cargaisons de ce sel était ensuite exportée dans un autre pays, beaucoup plus important et relativement bien peuplé, et où il y avait une grande demande de ce produit, à savoir en Russie. Nous savons, en effet, que dans ce pays, dans le haut Moyen Age, les mines de sel manquaient à peu près complètement. Les gisements de ce minéral auxquels la Russie faisait appel à l'époque prémongole (IXe—XIIe s.) étaient, avant tout, à en croire les rares indications des sources écrites, les salines de la terre de Halič, dont on exportait les produits, entre autres, à Kiev, par l'intermédiaire des marchands de Peremišl (Przemyśl). Mais les quantités de sel obtenues de ces salines ne suffisaient pas, à coup sûr, pour toute la Russie. Ajoutons aussi que l'arrivée du sel de Halič à Kiev était souvent compromise par les remous des nomades (comme p. ex. Pétchénègues) qui agitaient la steppe de la Mer Noire. Certes, il y avait aussi des salineries au Nord de la Russie, dont on trouve la mention la plus ancienne dans le document du prince Sviatoslav Olgovič de Novgorod la Grande provenant de l'an 1137, mais elles devaient avoir été peu im-

[50] Minorsky, Marvazī, p. 113.
[51] Ibid., l. c.

portantes pendant tout le douzième siècle. En effet, on ne sait pas grand-chose sur ces salineries, sinon qu'elles se trouvaient sur la côte de la Mer Blanche[63].

Quoique les sources écrites ne nous disent rien sur le trafic du sel entre Bulgār et la Russie, nous sommes portés à croire que c'était surtout ce produit-là que l'on exportait de la Bulgarie de la Volga aux foires russes, avec les dirhems arabes et différents objets de luxe, en échange de fourrures et des esclaves qui étaient les principales marchandises de la Russie. Cette prétendue exportation se faisait par trois voies qui reliaient la ville de Bulgār avec la Russie à partir du Xe siècle de n. è. Nous les connaissions grâce surtout à al-Iṣṭaḫrī (951)[64]. De ces trois voies, deux sont faciles à établir. La première conduisait vers le territoire de la tribu russe nommée par ce géographe «aṣ-Salāwiya»; elle a été identifié depuis longtemps avec la tribu des «Sloveni» (Slovènes) de la Novgorod la Grande. Le deuxième itinéraire reliait la ville de Bulgār avec celle de «Kūyāba» (Kiev). Cette route était moins longue que la voie conduisant au pays des Slovènes: en effet, elle pouvait être traversée, selon al-Iṣṭaḫrī, en 20 jours. Quant à la troisième voie qui reliait Bulgār avec le centre de la tribu russe al-Artāniya, elle nous est complètement inconnue, de même que la tribu russe en question. Il paraît que les deux premiers de ces trois itinéraires étaient des voies fluviales, reliées par quelques tronçons terrestres. Quelques notices empruntées aux sources russes et aux données archéologiques prouvent leur importance pour le commerce de l'Europe orientale[64].

La Première de ces voies suivait celle de Bulgār-Wīsū jusqu'à Beloozero, d'où elle gagnait, en passant par la Vitegra, par le lac Onega, par la rivière de Svir et par le lac Ladoga, la ville de la Novgorod la Grande. Qu'elle ait été pratiquée déjà au Xe siècle par les marchands orientaux, bulgares et russes, environs 10 «trésors» de dirhems trouvés près du Svir et sur les côtes méridionales du lac Ladoga sont là pour le prouver. Nous savons aussi que 10 «trésors» de monnaie occidentale jallonnaient cette voie ce qui témoigne de son importance pour le commerce des pays de la moyenne Volga avec la Baltique.

Quant à l'itinéraire de Bulgār à Kiev, il s'établissait par Volga et par l'Oka. Un portage le rattachait au cours supérieur du Seīm. L'existence de cette voie est suffisamment prouvée par la présence des «trésors» renfermant les dirhems arabes du VIIIe—Xe siècle qui en jallonnent la zone, et l'importance commerciale de la ville de Koursk qui était un grand centre commercial sur cette voie, est mise en relief par la concentration de six «trésors» de dirhems arabes trouvés dans le voisinage de cette ville. La voie fluviale qui reliait Kiev à Bulgār est indiquée dans la Chronique dite de Nestor, où il est dit, sous l'an 985, que le prince Vladimir qui résidait à Kiev, a fait une

---

[63] Voir sur l'importation du sel en Russie proprement dite antérieurement au XIIIe s. L. N i e d e r l e, Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých Slovanu, t. III 2, Prague 1925, pp. 394—397.

[64] Al-I s t a k h r ī, Viae regnorum, ed. de Goeje, pp. 225—226 et 227.

[64] Voir sur ces deux voies L e w i c k i, Ecrivains arabes du IXe au XVIe siècle traitant de l'ambre jaune de la Baltique, pp. 16—21.

expédition contre les Bulgares de la Volga «dans les bateaux»[55]. C'est au secteur Koursk-Mourom de cette voie fluviale que fait allusion la Chronique dite de Nestor sous l'an 1095[56]. Il paraît que la ville de Mourom, siège ducal russe dès l'an 985, conquise par les Bulgares de la Volga en 1088 et annexée de nouveau à la Russie en 1095, ait constitué une importante étape commerciale sur cette voie[57]. Le grand «trésor» d'argent trouvé dans cette ville et contenant 11.000 pièces de dirhems en témoigne.

Sans doute étaient-ce avant tout les marchands bulgares et russes qui transportaient une partie du sel de Bulġār aux principales foires de la Russie[58]. La présence des commerçants russes au marché de Bulġār est attestée déjà en 922 par Ibn Faḍlān (qui les a rencontrés dans ce lieu lorsqu'ils s'occupaient de ce commerce). Ils venaient de la Russie avec les fourrures et les esclaves, en échangeant à Bulġār ces marchandises non seulement contre les dirhems arabes[59], mais aussi, selon toute vraisemblance, contre le sel importé à la capitale de la Bulgarie de la Volga de Saġsîn.

Ainsi se présente le commerce de sel provenant de la région de la Volga inférieure qui parvenait, comme le témoignent Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī et Abū Ṭāhir Šaraf az-Zamān al-Marwazī, à coup sûr à Bulġār, grand carrefour de voies de commerce dans l'Eyt de l'Europe, d'où il était exporté ensemble avec les dirhems arabes, les sabres et différents objets de luxe, dans le Nord, à Beloozero et jusqu'à la rive de la Pétchora. Il est aussi très vraisemblable, quoique nous en manquions de preuves, qu'une importante partie du sel importé à Bulġār était ensuite réexporté en Russie, pays où ce produit faisait défaut et qui était relié avec la capitale de la Bulgarie de la Volga au moins par deux voies de commerce, très frequentées. Il est curieux que la grande voie fluviale de Volga qui servit, dans le haut Moyen Age au commerce de sel, a conservé, jusqu' à nos jours, bien que transformée en une route artificielle reliant la mer Caspienne avec la Baltique, son ancienne importance dans le trafic de ce produit dans l'Union Soviétique. Nous lisons, en effet, dans la Bol'šaya Sovetskaya Entsiklopediya[60], que le sel constituait 0,3% de toutes les marchandises transportées par cette voie en 1913 , et le double de ce chiffre, à savoir, 0,6%, en 1940.

---

[55] Povest' vremennykh let, éd. D. S. Likhačev, t. I, p. 59 (texte) et p. 257 (trad.).

[56] Ibid., t. I, p. 150 (texte) et p. 351 (trad.).

[57] Ibid., t. I, p. 83 (texte) et p. 282 (trad.); p. 137 (texte) et p. 338 (trad.); p. 150 (texte et p. 351 (trad.).

[58] Voir à ce propos N. N. Voronin, M. K. Karger, M. A. Tikhonova, Istoriya kul'tury drevneĭ Rusi. Domongolskiĭ period, T. I. Material'naya kul'tura. Moscou-Léningrad 1948, p. 340.

[59] Togan, Ibn Faḍlān's Reiseberlcht, texte arabe, pp. 36—38 et trad., pp. 82—87.

[60] Deuxième éditlon, t. 8, 1951, p. 616.

IV 1976

ვალერიან გაბაშვილი

საქართველოს ქალაქების ისტორიის მასალები გენიზას დოკუმენტებში

XIX ს-ის დამლევს გენიზაში (ძველი კაიროს გარეუბანი), ებრაელთა სინაგოგის საძირკვლის გათხრის დროს, აღმოაჩინეს აუარებელი ხელნაწერი. ხელნაწერთა უმრავლესობა წარმოადგენდა დოკუმენტებს. ისინი დაწერილი იყვნენ ებრაულად და არაბულად. ყველაზე ადრინდელი დოკუმენტი დათარიღებულია X საუკუნით, ყველაზე გვიანდელი XIII საუკუნით[1]. გენიზას დოკუმენტთა სხვადასხვა კოლექციები ამჟამად დაცულია დას. ევროპისა და ამერიკის უნივერსიტეტების ბიბლიოთეკებში.

უკვე XIX—XX სს. მიჯნაზე დიდი რაოდენობით აღმოჩენილი არაბული და ებრაული დოკუმენტები ინტენსიური ყურადღების საგანი გახდა. თანდათან ჩამოყალიბდა აღმოსაელთმცოდნეობის სრულიად ახალი დარგი — გენიზალოგია[2].

გენიზას დოკუმენტთა უმრავლესობა ეხება საერთაშორისო ვაჭრობას, სავაჭრო გარიგებებს, ფასების დინამიკას, ხელოსნობას და ხელოსნობის ძირითად დარგებს, ებრაელთა სავაჭრო ახალშენების მოღვაწეობას სხვადასხვა ქვეყნებში. მაგრამ გენიზას დოკუმენტების ყურადღების მთავარი საგანი მაინც. ხმელთაშუა ზღვისა და ინდოეთის ოკეანის ვაჭრობაა.

ხმელთაშუა ზღვა და ინდოეთის ოკეანე X—XII საუკუნეებში მსოფლიო ვაჭრობის მთავარ ცენტრებს წარმოადგენდნენ.

ცნობილია ისიც, რომ XIII საუკუნემდე ებრაელი დიდვაჭრების ხელთ იყო აღმოსავლეთის ვაჭრობა, აგრეთვე აღმოსავლეთისა და დასავლეთის სავაჭრო ურთიერთობანი.

ებრაელები იყვნენ განთქმული დიდვაჭრები და ბანკირები (ბაღდადში, კაიროში...). საქონლის ფასებსაც (როგორც დასავლეთში, ისე აღმოსავლეთში) სწორედ ისინი აწესებდნენ.

მათი სავაჭრო ახალშენები არსებობდა როგორც დას. ევროპის ქალაქებში (განსაკუთრებით ესპანეთსა და პორტუგალიაში), ისე აღმოსავლეთის უკლებლივ ყველა ქვეყანაში, იმიერ და ამიერკავკასიაში. ებრაელთა სავაჭრო

---

[1] მხედველობაში გვაქვს ე. წ. „კლასიკური გენიზას" (X—XIII სს.) დოკუმენტები. გენიზას დოკუმენტთა კოლექციაში მოიპოვება უფრო ნაგვიანევი (XIV—XV სს.) საბუთებიც, მაგრამ მათ ასხვავებენ „კლასიკური გენიზას" საბუთებისაგან.

[2] გენიზას დოკუმენტების მნიშვნელობის შესახებ იხ. ვ. გაბაშვილი, მახლობელი აღმოსავლეთის სოციალურ-ეკონომიური ისტორიის დოკუმენტური წყაროები, მახლობელი აღმოსაელთის სოციალურ-ეკონომიური ისტორიის ნარკვევები, თბ., 1968, გვ. 16—17.

ახალშენები არსებობდა საქართველოშიც. ერბაელი დიდვაჭრები დასახელებული არიან ქართულ წყაროებშიც. ერთი მათგანია კარგად ცნობილი ზანქან ზორაბაბელი[3], მეორე იოსებ ბუღბაფაისძე[4]. სხვადასხვა ქვეყნის ებრაელ დიდვაჭრებს ერთმანეთთან დამყარებული ჰქონდათ მჭიდრო სავაჭრო ურთიერთობა, წარმოებდა ინტენსიური მიწერ-მოწერა მათ შორის და წერილების გაცვლა-გამოცვლა. ეს კარგად ჩანს გენიზას დოკუმენტებიდანაც (განსაკუთრებით კორესპონდენციიდან).

მაშასადამე, გენიზაში მკაფიო წარმოდგენა უნდა ჰქონოდათ საქართველოში მოღვაწე ებრაელ დიდვაჭრებზეც[5], რომლებიც ფართო მასშტაბით აწარმოებდნენ სავაჭრო ოპერაციებს და ცხოველ კომერციულ კავშირებს ამყარებდნენ მახლობელ და შორეულ ქვეყნებთან[6].

ამ თვალსაზრისით გენიზას დოკუმენტების შესწავლა ალბათ არაერთ საყურადღებო ცნობას მოგვცემდა. გენიზას დოკუმენტები, როგორც უკვე აღვნიშნეთ, ქრონოლოგიურად X—XIII საუკუნეებს მოიცავს. ეს ის დროა, როდესაც საქართველო ინტენსიური სავაჭრო-ეკონომიური ურთიერთობით იყო დაკავშირებული აღმოსავლეთის ქვეყნებთან, იმიერკავკასიასთან, რუსეთთან, აღმ. ევროპასთან, ბალტიისპირეთთან. ამას გვიდასტურებენ წერილობითი წყაროების ცნობებიც და ნუმიზმატიკური ფაქტებიც. ამიტომ მოულოდნელი არაა გენიზას დოკუმენტებში თბილისის დასახელება.

ს. გოიტეინმა, რომელსაც გენიზას დოკუმენტების შესწავლის საფუძველზე გამოქვეყნებული აქვს მონოგრაფიული გამოკვლევები და მრავალი სტატია, ყურადღება მიაქცია იმას, რომ გენიზას ერთ-ერთ დოკუმენტში დასახელებულია თბილისელი მღებავი (დოკუმენტის ინგლისურ თარგმანშია: „dyer from Tiflis")[7]. დოკუმენტი, ჩანს, XI ს-ის მეორე ნახევრით თარიღდება. ამრიგად, დასტურდება, რომ თბილისელი ხელოსანი რაღაცნაირად არის დაკავშირებული კაიროსთან.

ხელოსანთა მიგრაცია ზოგჯერ პოლიტიკური მოვლენებითა და კრიზისებით იყო გამოწვეული[8], მაგრამ გარდა პოლიტიკური მოვლენებისა და კრიზისებისა, ხელოსნების მიგრაციას სხვა ფაქტორებიც აპირობებდა.

აღმოსავლური წყაროებიდან ჩვენთვის კარგად არის ცნობილი, რომ გარკვეული ეკონომიური სიტუაცია იწვევდა ხელოსანთა მასობრივ დენას დასავლეთისაკენ და, პირუკუ, დასავლეთიდან აღმოსავლეთისაკენ.

---

[3] ისტორიანი და აზმანი, „ქართლის ცხოვრება", II, გვ. 37.

[4] ქრონიკები, II, გვ. 134.

[5] ამასთან ჩვენთვის კარგად არის ცნობილი საქართველოს პოლიტიკური და სავაჭრო-ეკონომიური ურთიერთობანი ეგვიპტესთან XI—XII საუკუნეებში. საქართველო-ეგვიპტის ურთიერთობის გამო XI—XII საუკუნეებში იხ. ჩვენი „საქართველო-ეგვიპტის ურთიერთობის ისტორიიდან", XII საუკუნის საქართველოს ისტორიის საკითხები, თბ., 1968, გვ. 55—81.

[6] ეს კარგად ჩანს ურტაღის გავლენიანი წევრის იოსებ ბუღბაფაისძის მოღვაწეობიდან.

[7] S. D. Goitein, A. Mediterranean Society, vol. I, University of California Press, 1967, გვ. 49.

[8] თბილისური ნისბით (ალ-თიფლისი), მაგალითად, მცირე აზიის ქალაქებში არაერთი ხელოსანი მოღვაწეობდა. ესენი, უეჭველია, ის მაჰმადიანი ხელოსნები იყვნენ, რომელთაც თბილისის საქართველოსთან შეერთების შემდეგ მცირე აზიის ქალაქებს შეაფარეს თავი. თბილისელი ხელოსნები და თბილისური ხელოსნობა მთელ აღმოსავლეთში იყო განთქმული. თბილისური წარმოშობის ჩანს აბულ ფაზლ პობეიშ აბნ ობრაჰამ თიფლისი—სპარსულად დაწერილი ტექნოლოგიური ტრაქტატის ავტორი. შ. ა მ ი რ ა ნ ა შ ვ ი ლ ი, „ვეფხისტყაოსნის" დასურათება, მინიატურები, შესრულებული XVII—XVIII საუკუნეებში, თბ., 1968, გვ. 15.

სრულიად გარკვეული ეკონომიური ინტერესებით შეიძლება ავხსნათ თბილისელი მღებავის კაიროში მოხვედრაც[9].

მაგრამ ჩვენთვის ამჟამად საინტერესოა არა თბილისელი ხელოსნის კაიროში წასვლის მიზეზის გამორკვევა, არამედ ის, რომ გენიზას დოკუმენტში დასახელებულია თბილისელი ხელოსანი.

ასევე სავსებით მოსალოდნელია გენიზას დოკუმენტებში თბილისელი დიდვაჭრების დასახელებაც. საქართველოს სავაჭრო ურთიერთობა ალექსანდრიასთან მკვლევართათვის დიდიხანია ცნობილია. ქართული წყაროს („ისტორიანი და აზმანი") მიხედვით ვაჭრებს ალექსანდრიიდან საქართველოში ძვირფასი მატყლი შემოჰქონდათ. ალექსანდიასთან დადასტურებული სავაჭრო კავშირი თავისთავად გვაგულისხმებინებს სავაჭრო კავშირს კაიროსთანაც.

ერთი სიტყვით, გენიზას დოკუმენტების სპეციალური თვალსაზრისით შესწავლამ შეიძლება გამოავლინოს არა მარტო საქართველოს ქალაქებში მოღვაწე ან აქედან წასული ვაჭრებისა და ხელოსნების ვინაობა, არამედ თვითონ სავაჭრო-ეკონომიურ ურთიერთობათა საგულისხმო ფაქტებიც.

ყოველ შემთხვევაში, ქართველი არაბისტი-ისტორიკოსის (მომავალში ალბათ თვით ქართველი გენიზაისტის) თვალსაწიერში ისევე უნდა მოექცეს გენიზას დოკუმენტები, როგორადაც მოქცეულია ის არაბული წყაროები, რომელთა ცნობები საქართველოს შესახებ უკვე საკმაოდ არის გამოყენებული და გათვალისწინებული ქართულ ისტორიოგრაფიაში.

გენიზას დოკუმენტების მრავალმხრივი და მრავალფეროვანი შინაარსი ჩვენთვის სხვა მხრივაც არის საყურადღებო.

საქართველოს ქალაქები X—XII საუკუნეებში (ისევე როგორც ადრე და გვიანაც) იმდენად მჭიდროდ იყვნენ დაკავშირებული მახლობელი აღმოსავლეთის ქალაქებთან, რომ უეჭველ განსხვავებასთან ერთად, ასევე უეჭველი მსგავსებაც იჩენს ხოლმე თავს.

განსაკუთრებით ითქმის ეს ქალაქ თბილისზე, რომელიც დიდიხნის განმავლობაში თბილისის საამიროს ფარგლებში იყო წარმოდგენილი. ამიტომ გენიზას დოკუმენტებში ჩვენ შეიძლება მოვიძიოთ არაპირდაპირი ცნობები ისეთ მოვლენებზე, რომლებიც საერთო იყო როგორც აღმოსავლური, ისე ქართული ქალაქებისათვის.

როგორც ზემოთ გაკვრით უკვე აღვნიშნეთ, გენიზას დოკუმენტებში მრავლად გვხვდება ცნობები ფასების დინამიკაზე მუსლიმანურ ქვეყნებში, აღმოსავლური ქალაქების საზოგადოებრივ და საქალაქო ინსტიტუტებზე, ცხოვრების დონეზე შუა საუკუნეების აღმოსავლეთის ქალაქებში, ვაჭართა უფლებრივ და ეკონომიურ მდგომარეობაზე, სავაჭრო ურთიერთობათა ხასიათზე, ვაჭართა გაერთიანებებზე, ხელოსნებსა და ხელოსნურ დარგებზე, ქალაქის სხვადასხვა საზოგადოებრივ ფენებზე, სოციალურ მოძრაობებზე და სხვ.

---

[9] ს. გოიტეინი ერთად ასახელებს ბიზანტიელ მეკურჭეს, ესპანელ მეწაღეს და თბილისელ მღებავს. მისი სიტყვით, მართებული იქნებოდა იმის თქმა, რომ ისინი კაიროში ემიგრირებული იყვნენ იმ იმედით, რომ მათი ქვეყნების ხელოსნობის მაღალი დონე კარგ რეკომენდაციას გაუწევდა მათ საზღვარგარეთ: «When a Rūm furrier, a Spanish shoemaker, or a dyer from Tiflis, today Tbilisi, Georgia, are listed as living in old Cairo, we are perhaps justified in assuming that they emigrated in the hope that the high standard of their crafts in their countries of origin could serve as a recommendation for them while abroad». S. D. Goitein, A Mediterranean Society, გვ. 49.

ყველა საამისო ცნობა ჩვენ შეიძლება გავითვალისწინოთ ან გამოვიყენოთ X—XII სს. საქართველოს ქალაქების ისეთი მოვლენების გასაშუქებლად, რომლებიც თავიანთ ანალოგიას ახლოაღმოსავლური ქალაქების სინამდვილეში პოულობენ

ასე, მაგალითად, არაბი ისტორიკოსების ალ-ფარიკის და სიბტ ალ-ჯაუზის თხზულებებში მოიპოვება ცნობები იმ თავისებურებათა შესახებ, რომლითაც გამოირჩეოდა ქალაქი თბილისი 1082—1122 წლებში. ალ-ფარიკი ლაპარაკობს „ხალხის მმართველობაზე", სიბტ ალ-ჯაუზი „შაბაბების" (ახალგაზრდების) მართვა-გამგეობაზე 1082—1122 წლების თბილისში.

სათანადო აღმოსავლური წყაროების ცნობათა ანალიზის საფუძველზე მანანა გაბაშვილმა დამაჯერებლად უჩვენა, რომ არაბ. „შაბაბ" (ახალგაზრდა, ყმაწვილი) სოციალური შინაარსის შემცველი იყო და რომ, ამდენადვე, თბილისის მმართველობა 1082 — 1122 წლებში ამკარად უკავშირდება ახლოაღმოსავლური ქალაქების ისტორიიდან კარგად ცნობილ იმ სოციალურ მოძრაობას, რომლის მონაწილეებს აღმოსავლური წყაროები „ახალგაზრდებს" უწოდებენ[10].

ახლა მსგავსი მაგალითები შეიძლება დავადასტუროთ გენიზას დოკუმენტებშიც. გენიზას დოკუმენტებში დამოწმებულია „ახალგაზრდას" აღმნიშვნელი როგორც არაბული („სიბიან"), ისე ებრაული ტერმინი („ბაჰურიმ"). ამ ტერმინებთან დაკავშირებით ს. გოიტეინი აღნიშნავს, რომ „ორივე მათგანი გულისხმობს როგორც ასაკობრივ ჯგუფს, ისე სოციალურ კლასს, თუმცა უფრო ხშირად იხმარებოდა პირველი მნიშვნელობით"[11].

ს. გოიტეინს მოაქვს სხვა მაგალითები, საიდანაც ჩანს, რომ ტერმინ „ახალგაზრდას" ასაკობრივი ჯგუფის გარდა (არაბულშიც და ებრაულშიც) სოციალური კლასის მნიშვნელობა ჰქონდა. მაგ., ვაჭარი, რომელიც ნაჭგზავრი იყო სიცილიაშიც და ინდოეთშიც „ახალგაზრდათა წრეს" ეკუთვნოდა[12]. ასევე „ახალგაზრდათა წრეს" ეკუთვნოდა ორჯერ დაქორწინებული ერთი აბრეშუმის მუშაკი[13]. ერთ წერილში კი „სიბიანები" („ახალგაზრდები"), სოციალური თვალსაზრისით, მიუხედავად მათი ასაკისა, „ახალგაზრდებად" ითვლებიან[14]. ეგვიპტის ერთ-ერთი ქალაქიდან გაგზავნილ ერთ წერილშიც ლაპარაკია მღელვარებაზე, რომელშიაც მონაწილეობდნენ სიბიანები[15].

აღნიშნული გარემოებანი ერთხელ კიდევ გვიდასტურებს, რომ თბილისელი „შაბაბები" („ახალგაზრდები") ქალაქის დაბალ საზოგადოებრივ ფენას ეკუთვნოდნენ, ხოლო მათთან დაკავშირებული მოძრაობა თავისი შინაარსით სოციალური ხასიათისა იყო.

„ახალგაზრდის" (არაბ. „შაბაბ" და „ფითიან", სპარს, „ჯევანმარდი") ეს სოციალური მნიშვნელობა ხაზგასმით აქვს აღნიშნული ყველა იმ ორიენტა-

---

[10] მ ა ნ ა ნ ა გ ა ბ ა შ ვ ი ლ ი, მახლობელი აღმოსავლეთის სოციალური ტერმინოლოგიიდან, საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის მოამბე, ტ. 66, № 2, თბ., 1972, გვ. 505—507; მისივე, თბილისი 1082—1122 წლებში, ქართული წყაროთმცოდნეობა, IV, თბ., 1973, გვ. 8—22.

[11] «Designated both an age group and a social class, although it was used more frequently in the former sense». S. D. G o i t e i n, დასახ. ნაშრ., II. 1971, გვ. 61.

[12] იქვე.

[13] იქვე, გვ. 62.

[14] «Šiblan from Aleppo, young and old», იქვე, გვ. 61.

[15] იქვე, გვ. 62. ერთ-ერთ წერილში ასეთი გამოთქმაც გვხვდება: „ხნოვრი ახალგაზრდა ადამიანები" («al-shaikh ha-bahur»), იქვე, გვ. 61.

ლისტ-ისტორიკოსს, რომლებიც მახლობელი აღმოსავლეთის სოციალურ ურთიერთობებსა და მოძრაობებს სწავლობენ[16]. ეს დასტურდება გენიზას დოკუმენტებითაც. გენიზას დოკუმენტების სათანადო ცნობები კი თამამად შეიძლება გავავრცელოთ 1082—1122 წლების თბილისის კლასობრივსა და სოციალურ მოვლენებზეც.

კლასიკური პერიოდის გენიზას დოკუმენტები მოიცავს IX—XIII საუკუნეებს. ამ დოკუმენტების არსებობას თანაემთხვევა საქართველოს პოლიტიკური, ეკონომიური და კულტურული განვითარება. აღმოსავლურ წყაროებში (იბნ-ისფანდიარი, სპარსული გეოგრაფიული თხზულების ანონიმური ავტორი, ზაქარია ყაზვინი) აღნიშნულია საქართველოს ქალაქების (ცერძოდ კი თბილისის) მნიშვნელობა საერთაშორისო სავაჭრო-ეკონომიურ ურთიერთობაში. ახლა ამას გვიდასტურებს გენიზას ის დოკუმენტიც, სადაც ლაპარაკია კაიროში მოღვაწე თბილისელი ხელოსნის შესახებ. სხვა დოკუმენტებში ვპოულობთ ისეთ მასალებს, რომელთა საშუალებით ხერხდება საქართველოს ქალაქებში მიმდინარე სოციალური და ეკონომიური ხასიათის მოვლენების აღდგენა-გათვალისწინება. გენიზას დოკუმენტების კიდევ უფრო დიდი რაოდენობით შესწავლა, უეჭველია, მეტ შესაძლებლობას მოგვცემს, მოვიპოვოთ ახალი ცნობები XI—XII სს. საქართველოს ქალაქების როლის შესახებ მახლობელი აღმოსავლეთის (მსოფლიო ვაჭრობის იმდროინდელი მთავარი ცენტრის) საერთაშორისო ვაჭრობაში.

---

[16] საამისო ლიტერატურა მეთითებული აქვს მანანა გაბაშვილს. დამატებით შეიძლება ვაჟასახელოთ: G. E. Grunebaum, Classical Islam, London 1970, გვ. 104. აღსანიშნავია ისიც, რომ ბიზანტიური „ნეანია" („ახალგაზრდები"), ცირკის პარტიების მონაწილენი, სპეც. ლიტერატურაში დაკავშირებული არიან აღმოსავლური „ფითიანების" და „აისების" („ახალგაზრდების") ჯგუფებთან. Vryonis, Byzantine Circus factions and Islamic Futuwwa organizations (neania, fityan, ahdath), «Byzantinische Zeitschrift», LVIII, 1965, გვ. 49—59.

შინაარსი

სარედაქციო კოლეგიისაგან . 7
ო. ტ რ უ ბ ა ჩ ო ი, აკადემიკოსი გ. წერეთელი 20
აკად. გ. წერეთლის გამოქვეყნებული შრომები. 22
ა. შ ა ნ ი ძ ე, ეტიმოლოგიური შენიშვნები 31
ჰ. ბ ე ი ლ ი, ხოტანის და ოსეთის „საკა" 34
ვ. პ ი ზ ა ნ ი, ინდოევრ. u—>v სომხურში? 40
ე. ჰ ე მ პ ი, Sṝkhāṅika. 43
თ. ს ე ბ ე ო კ ი, ნიშანთა ექვსი სახეობა 49
ე. მ ე ტ რ ე ვ ე ლ ი, დერტავისა და დერთუფას ხელნაწერების ირგელივ 74
ა. შ ა ი ტ ა ლ ე რ ი, ერთი მოჩვენებითი სალექსო ნიშანი სიბავეიჰის ქითაბიდან 90
შ. ძ ი ძ ი გ უ რ ი, გალაკტიონ ტაბიძის პოეტური ენის შესწავლისათვის 95
ა. ლ. ბ ა რ ა მ ი ძ ე, სიტყვა გალაკტიონ ტაბიძეზე 99
ტ. გ უ დ ა ვ ა, მახვილის როლისათვის ქართული ლექსის სტრუქტურაში . 103
გ. ი ვ ა ნ ო ვ ი, სოლისებრი ხეთური ტექსტების სემიტური კომენტარები . 111
ე. ბ ე დ ე რ ი, ზოგი მოსაზრება შედარებით-ისტორიული სინტაქსის შესახებ 135
ჯ. შ მ ი დ ტ ი, ბრუნვა, წინდებული და თანდებული კავკასიურ ენებში 144
გ. კ ლ ი მ ო ვ ი, ერგატიულობის ანომალიები ლაზურ (ჭანურ) ენაში 150
ს. ვ უ რ მ ი, პაპუასური ენები და ენათა ჯგუფები 160
ვ. კ ო რ ო ს ტ ო ვ ც ე ვ ი, კოლხეთი და ძველი ეგვიპტე 172
ქ. ვ ე ი ლ ი, ა. გ ე ნ ი, მოსეს ხუთი წიგნის თბილისური ნუსხა 178
მ. ბ ო გ ო ლ ი უ ბ ო ვ ი, ირანული საკუთარი სახელების არამეული ტრანსკრიპციები 210
ი. ე ლ ნ ე რ ი, არამეული დამწერლობის განვითარების პრობლემა ჩრდილო მესოპოტამიაში 215
ქ. წ ე რ ე თ ე ლ ი, ახალი არამეული დიალექტების კლასიფიკაციის საკითხისათვის 224
ა. ლ ე ქ ა ი შ ვ ი ლ ი, სახელთა სუფიქსალურ ფორმათა ორი ტიპი სემიტურ ენებში 233
ი უ. ზ ა ვ ა დ ო ვ ს კ ი, ემფაზის კორელაცია მაღრიბის არაბულ დიალექტებში . 237
ვ. კ რ ა ჩ კ ო ვ ს კ ა ი ა, ქ. სამარაში მოპოვებული ჰურჭლის წარწერებისა და პორტრეტულ გამოსახულებათა შესახებ 246
ი. კ ნ ო ბ ლ ო ხ ი, ავესტ.. āēta—m., āēta—f. ფორმათა თარგმანი 256
დ. კ ობ ი ძ ე „შაჰ-ნამეს" ქართული ვერსიების ლექსიკის საკითხები 259
გ. ჯ ა უ კ ი ა ნ ი, სომხური და დასავლურ-კავკასიური ენები. 261
ს. ჯ ი ქ ი ა, ოსმალური იურიდიული დოკუმენტები . 271
თ. ლ ე ვ ი ც კ ი, მარილით ვაჭრობა ეოლგისპირა ქვეყნებში 280
ვ. გ ა ბ ა შ ვ ი ლ ი, საქართველოს ქალაქების ისტორიის მასალები გენიზას დოკუმენტებში 292

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

(Сборник)

IV

დაიბეჭდა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
სარედაქციო-საგამომცემლო საბჭოს დადგენილებით

*

გამომცემლობის რედაქტორი დ. ლეჟავა
ტექრედაქტორი ნ. ოკუჯავა
კორექტორი ი. ნასარიძე

გადაეცა წარმოებას 5.5.1976; ხელმოწერილია დასაბეჭდად 14.12.1976;
ქაღალდის ზომა 70×90¹/₁₆; ქაღალდი № 1; ნაბეჭდი თაბახი 26,43;
საღრიცხვო-საგამომცემლო თაბახი 21,99;
უე 01627; ტირაჟი 1000; შეკვეთა № 1457
ფასი 2 მან. 40 კაპ.

გამომცემლობა „მეცნიერება", თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19